В. Л. Степанов

Н. Х. БУНГЕ

Судьба реформатора

63.3(2)52
С79

Институт российской истории РАН

В.Л.Степанов

Н.Х. БУНГЕ

Судьба реформатора

17909/1
07
ЦБС
г. Шадринска

Москва
РОССПЭН
1998

ББК 63.3(2)52
С 79

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 97-01-16098

Степанов В.Л.
С 79 Н.Х.Бунге: Судьба реформатора. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998 — 398 с., илл.

Монография посвящена жизненному пути Н.Х.Бунге — ученого-экономиста и политика, министра финансов (1881—1896) и председателя Комитета министров (1887—1895), крупнейшего реформатора эпохи царствования Александра III, непосредственного предшественника С.Ю.Витте и П.А.Столыпина. В книге на широком фоне событий истории России второй половины XIX столетия освещаются основные вехи биографии Бунге, исследуется процесс формирования и эволюции его взглядов, оценивается значение его государственной деятельности, определяется влияние его идей на правительственную политику более позднего периода.

ББК 63.3(2)52

ISBN 5-86004-132-2

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.
© В.Л.Степанов, 1998.

Моему сыну Евгению

Если оценка ученой и государственной деятельности незабвенного Н.Х.Бунге допускает возможность оттенков во мнениях, то его репутация честного и чистого человека не допускает не только мнений, но и разных оттенков одного мнения, и это давало ему громадный нравственный авторитет во всех положениях, в которые ставила его судьба.

«Всемирная иллюстрация»,
10 июня 1895 г.

ВВЕДЕНИЕ

Среди преобразователей России Николай Христианович Бунге (1823—1895 гг.) до сих пор остается недооцененным реформатором. Между тем это одна из интереснейших политических фигур в России XIX столетия. Жизнь Бунге удивительно многогранна. Он был известным ученым-экономистом, педагогом, профессором и ректором университета св. Владимира в Киеве, опытным практиком-финансистом, талантливым публицистом, отзывавшимся на самые острые проблемы современности, видным деятелем либерального движения 1850—1860-х годов и участником Великих реформ Александра II. Бунге входил в состав комиссий, учрежденных для подготовки отмены крепостного права (1859—1860 гг.), преобразования кредитной системы (1859—1860 гг.) и разработки нового университетского устава (1861 г.).

Наконец, уже на склоне лет судьба вознесла его на самую вершину бюрократической пирамиды. В начале 1880-х годов, в кризисный для страны момент, Бунге был призван к участию в государственных делах, занимал посты товарища министра финансов (1880—1881 гг.), министра финансов (1881—1886 гг.) и председателя Комитета министров (1887—1895 гг.). Он вошел в историю как министр-либерал, действовавший в царствование Александра III и оставивший глубокий след в правительственной политике уходившего века. С его именем связан ряд крупных преобразований — понижение выкупных платежей бывших частновладельческих крестьян и перевод их на обязательный выкуп (1881 г.), отмена подушной подати (1882—1886 гг.) и начало перестройки налоговой системы на подоходной основе, учреждение Крестьянского банка (1882 г.), принятие первых актов рабочего законодательства (1882—1886 гг.).

Личность Бунге, его роль в развитии науки, общественном движении и внутренней политике всегда вызывали интерес со-

временников. Об этом свидетельствуют статьи в энциклопедиях и биографических словарях[1], а также многочисленные некрологи, появившиеся в печати после его кончины[2]. Немало места описанию деятельности Бунге отведено в юбилейных изданиях Министерства финансов и Комитета министров, в которых при довольно систематическом изложении фактов отсутствуют какие-либо обобщения и выводы[3].

Наибольшего внимания Бунге удостоился в работах экономистов. К.А.Скальковский посвятил ему очерк в книге «Наши государственные и общественные деятели». Он отдал должное «учености», «бескорыстию», «замечательному трудолюбию» министра, отозвался о его политике «с полным одобрением» и отметил огромный объем «серьезных законодательных работ», проведенных финансовым ведомством. Возражая критикам Бунге, автор писал, что «сомневаться в добрых намерениях г.Бунге, в его желании вдохнуть жизнь в свое обширное и сложное ведомство едва ли было возможно»[4]. В.Т.Судейкин (псевдоним «Старый профессор»), кратко осветивший в своей брошюре основные направления политики Бунге, назвал период преобразований первой половины 80-х годов «самой замечательной эпохой в истории русских финансов». По словам автора, Бунге «коснулся самых коренных основ нашей финансовой системы, и при нем впервые были проведены новые начала в финансовое законодательство, согласно указаниям науки и требованиям государственной пользы»[5]. П.П.Мигулин в капитальном исследовании «Русский государственный кредит» сделал более подробный анализ некоторых сторон деятельности Бунге и подчеркнул, что «этому даровитому и знающему министру» «Россия обязана целым рядом полезных финансовых реформ»[6].

В монографии П.Л.Кованько были детально рассмотрены меры Бунге в области прямого и косвенного налогообложения. Автору представилась уникальная возможность использовать материалы государственного делопроизводства (всеподданнейшие доклады министра финансов, журналы заседаний Государственного совета, различных комиссий, совещаний и др.), которые находились в составе личной библиотеки Бунге, завещанной им в дар Киевскому университету. Эта монография до сих пор остается наиболее фундаментальным трудом по налоговой политике самодержавия 80-х годов. Кованько пришел к выводу, что «только со времени реформаторской деятельности Н.Х.Бунге финансовая система России была приведена в соответствие с направлением того периода русской истории, начало которому было положено освобождением крестьян и другими реформами императора Александра II»[7].

А.Н.Зак в книге о Крестьянском банке отметил роль министра финансов в создании и развитии операций этого ипотечного кредитного учреждения. М.Н.Соболев в капитальном исследовании о таможенной политике России второй половины XIX в. дал обзор деятельности Бунге в этой области, провозгласив его основоположником протекционистского курса[8]. В трудах М.И.Туган-Барановского, В.П.Литвинова-Фалинского, А.А.Микулина и А.Н.Быкова по истории российского фабричного законодательства рассматривалась политика Министерства финансов в рабочем вопросе в первой половине 80-х годов[9].

В целом в экономической литературе утвердилась высокая оценка деятельности Бунге. Он заслужил лестные характеристики «великого преобразователя»[10], «одного из талантливейших людей своего времени»[11], «человека громадной эрудиции»[12], «прекрасного знатока русской экономической жизни»[13], «чуткого администратора»[14], «выдающегося по широте мысли министра финансов», политика которого находилась «в противоречии» с общим правительственным курсом 80-х годов[15]. С этой точкой зрения солидаризовались зарубежные экономисты начала века В.Витчевский, Э.Цвейг, Г. фон Шульце-Геверниц (Германия), Дж.Мейвор (Канада)[16].

Более сдержанно о деятельности министра финансов отзывались историки и публицисты. По мнению И.И.Петрункевича, реформы Бунге, несмотря на их «относительное значение», «одинаково пропитаны духом бюрократизма и лишены жизненности»[17]. А.А.Кизеветтер писал, что результаты социального законодательства первой половины 80-х годов были незначительны и в дальнейшем «под давлением реакции сошли на нет»[18]. Аналогичное суждение высказал А.А.Корнилов, признав, тем не менее, министра финансов «если не безусловным либералом, то, во всяком случае, гуманным, честным и демократически настроенным человеком»[19]. Б.Б.Глинский назвал Бунге «выдающимся деятелем с широкими политическими перспективами» и «сторонником обновления России на новых прогрессивных основаниях», который, «широко смотря на насущные вопросы русской жизни, развертывая свою реформационную политическую программу, стоит как бы в стороне от прочих сподвижников Царя-Миротворца». Но при этом он утверждал, что министр финансов «не решался вступить на широкий путь экономических реформ» и его мероприятия «касались частичных сторон нашей финансовой политики»[20].

В своих выводах дореволюционные исследователи основывались на узком круге источников. В оборот не вводились ни научные труды и публицистические работы Бунге, ни источники личного происхождения (мемуары, дневники, переписка). Архивными материалами государственного делопроизводства удалось частично воспользоваться лишь Кованько. Но его книга охватывает только налоговые преобразования и не касается других аспектов деятельности министра финансов.

После 1917 г. Бунге надолго «выпал» из поля зрения историков и экономистов. Интерес к нему возродился лишь в послевоенный период. Краткие характеристики взглядов Бунге и его преобразований содержатся в некоторых работах 50—60-х гг., посвященных вопросам внутренней политики самодержавия второй половины XIX в. С мнением дореволюционных экономистов согласился П.И.Лященко, научная деятельность которого началась еще в начале столетия. Он отзывался о Бунге как о сторонике «буржуазно-либеральных принципов» и «одном из наиболее видных проводников буржуазной экономической политики в России». Автор отметил, что его идеи «совпадали со стремлениями либеральной русской буржуазии» и «все более расходились с реакционной националистической политикой официальных правящих кругов в царствование Александра III»[21].

Другие советские исследователи исходили из идеологизированных представлений и давали министру финансов двойственную оценку. По словам А.П.Погребинского, Бунге «был в меру либерален и в то же время твердо стоял на позициях крепостнического самодержавия; он понимал необходимость уступок растущему капитализму и в то же время сохранял верность крепостническому дворянству»[22]. И.Ф.Гиндин писал, что Бунге занимал «буржуазно-либеральную позицию» и выступал за «политику, направленную на создание общих условий, благоприятствующих развитию капитализма». Для этого министра финансов было характерно «более широкое понимание (...) интересов эксплуататорских классов». В то же время Гиндин утверждал, что, «вопреки буржуазной традиции изображать Бунге носителем либеральных тенденций», по своим политическим взглядам он являлся «махровым реакционером»[23].

С точки зрения П.А.Зайончковского, «объективно смысл экономической и финансовой политики Бунге был буржуазным» и по ряду вопросов он «занимал либерально-умеренную, точнее, либерально-консервативную позицию». Однако его политические воззрения носили «консервативный» характер и в целом не противоречили правительственному курсу в царствование Александра III[24]. М.С.Симонова характеризует министра финансов как «крупного представителя буржуазной тенденции» в экономической политике, который выступал с позиции «апологетики буржуазной частной собственности на землю» и был

выразителем «интересов наиболее дальновидной верхушки помещичьего дворянства, признававшей необходимость капитализма и вставшей на путь активного приспособления к нему». При этом она указывает на «реакционные политические взгляды» Бунге и его «преданность самодержавию и интересам помещичьего дворянства»[25].

С 70-х гг. внимание к теме стало заметно возрастать. Н.И.Ананьич посвятила свои статьи и кандидатскую диссертацию податным реформам Бунге[26]. Она использовала его отдельные работы и материалы государственного делопроизводства. Автор отметила слабую изученность в советской литературе деятельности Бунге, которая составила «определенный этап в экономической политике России». Ананьич рассматривает министра финансов как «буржуазного реформатора, хотя и ограниченного», и, в отличие от своих советских предшественников, подчеркивает, что его экономическая программа «вступала в известное противоречие с общим политическим курсом правительства»[27].

Л.Е.Шепелев в монографии о торгово-промышленной политике самодержавия второй половины XIX в. более широко осветил отдельные направления политики Бунге (повышение таможенных пошлин, налогообложение промышленности и торговли, отношение к предпринимательским организациям, позицию в вопросе об учреждении самостоятельного торгово-промышленного ведомства, рабочее законодательство и др.). Он привлек официальные записки и доклады министра финансов, делопроизводственные материалы, некоторые дневники и мемуары. По словам автора, Бунге в правительстве Александра III «был совершенно чужеродным по политическим убеждениям элементом»[28]. В более ранней статье Шепелев назвал министра финансов «одной из наиболее влиятельных фигур своего времени» и отметил его глубокое понимание того, что «сохранение самодержавия в России конца XIX в. было невозможно без форсированного развития капиталистической экономики страны»[29].

Сжатая характеристика министерской деятельности Бунге и его взглядов по актуальным вопросам внутренней политики дана в разделе коллективной монографии «Власть и реформы», написанном Б.В.Ананьичем[30]. Различные аспекты политики Министерства финансов первой половины 1880-х гг. получили отражение в трудах И.И.Шелымагина, В.Я.Лаверычева (фабричное законодательство), В.Е.Власенко (подготовка денежной реформы), В.А.Вдовина и Н.А.Проскуряковой (государственный ипотечный кредит), П.А.Зайончковского (понижение выкупных платежей бывших помещичьих крестьян и

перевод их на обязательный выкуп), Л.Е.Шепелева (акционерное учредительство), А.М.Соловьевой (железнодорожное строительство), Т.М.Китаниной (хлебная торговля), А.М.Анфимова (прямые и косвенные налоги), Л.В.Куприяновой (таможенный протекционизм)[31]. Отношение Бунге к крестьянским переселениям и вопросу о консервации сельской общины в конце 1880-х — начале 1890-х гг. прослеживается в статьях Е.М.Брусникина[32]. Р.Г.Эймонтова освещает факты участия Бунге в просветительном движении передовой интеллигенции 1850-х годов[33]. В монографии Л.Г.Захаровой раскрывается процесс разработки правительственной программы отмены крепостного права в Редакционных комиссиях (1859—1869 гг.) и оценивается личный вклад многих деятелей, и в том числе Бунге, в создание «Положений» 19 февраля 1861 года[34]. Рост интереса к теме в отечественной историографии сопровождается преодолением крайностей идеологизированного подхода и расширением источниковой базы исследований.

Деятельность Бунге анализируется и в зарубежной литературе. Американский историк Т. фон Лауэ в книге «Сергей Витте и индустриализация России» назвал его в числе министров финансов «либеральной, прозападной» ориентации, которые «выступали за модернизацию по западному образцу». Он подчеркнул, что Бунге представлял собой «человека либеральных взглядов, чей подход к государственным финансам был возбужден горячей заинтересованностью в благосостоянии русского народа» и «решительно не был одним из реакционных министров Александра III»[35].

В 1917 г. Дж.Л.Песда защитил в Кентском университете США диссертацию «Н.Х.Бунге и экономическое развитие России в 1881—1886 гг.». Он характеризовал его как «одного из величайших министров финансов в России», завершившего «создание основ, на которых затем развивалась русская промышленная революция»[36]. Автор попытался охватить все направления политики Бунге, но достиг более чем скромных результатов. По словам немецкого историка Ш.Плагтенборга, эта работа «базируется на очень скудном материале», «лишена научной постановки вопроса и исторической перспективы»[37]. Это мнение вполне справедливо. Песда не выдвинул аргументированной концепции, не использовал не только какие-либо архивные документы, но и те труды дореволюционных и современных российских историков и экономистов, без которых невозможно полноценное исследование темы. По-видимому, из-за очевидных недостатков диссертации она так и не была опубликована.

Другой американский историк Дж.Э.Сноу в предисловии к английскому переводу записки Бунге «Загробные заметки» отозвался о нем как о «редкой личности среди бюрократов Министерства финансов», как о политике, проявлявшем «перспективный подход» к решению экономических задач и «приверженность к гуманистическим идеалам, которые характерны для лучших представителей бюрократической реформистской мысли в XIX столетии». Самобытность Бунге, его отличие от многих других высших сановников заключается в важности для него «гуманистических идей» и учете им «человеческого фактора»[38].

Целую главу податным реформам Бунге посвятил Ш.Плаггенборг в монографии о влиянии фискальной политики правительства 1881—1903 гг. на процесс индустриализации страны[39]. Он опирался на солидный комплекс литературы и опубликованных источников, однако вообще не использовал архивные материалы государственного делопроизводства, что несколько снижает ценность этого исследования. По мнению автора, министр финансов в своей деятельности выступил продолжателем преобразований 1860-х годов. «Но было бы преувеличением, — пишет он, — видеть в Бунге политического реформатора. Для него речь шла о такой модернизации экономического строя, при котором было бы возможно решение экономических и социальных проблем того времени»[40].

Большое внимание политике Бунге в рабочем вопросе уделено в книге немецкого историка И. фон Путткамера о развитии российского фабричного законодательства до революции 1905 г., написанной на широком круге как изданных, так и архивных источников. Автор указывает на «реформаторские взгляды» министра финансов и отмечает, что он «не столько делал ставку на государственное вмешательство в экономику, сколько пытался оживить частный спрос на продукцию российской индустрии путем освобождения низших слоев населения от тяжелого налогового бремени»[41].

Как видно из обзора литературы, воззрения Бунге и его политика на посту министра финансов изучались достаточно фрагментарно. За пределами внимания исследователей остался и продолжительный период научной и общественной деятельности Бунге до 1880 г. — формирование его политических убеждений и теоретических установок как ученого-экономиста, круг общения, участие в либеральном движении 1850—1860-х гг., роль в подготовке Великих реформ Александра II, обоснование им в своих трудах программы преобразований и др. Это препятствует целостному восприятию жизненного пути Бунге, не позволяет всесторонне оценить его политику в качестве главы финансового ведомства, нарушает преемственность эпох 1850—

1880-х годов. До сих пор не введена в научный оборот подавляющая часть обширного наследия Бунге — научные работы, публицистические статьи, письма. Не использовались многие источники, которые могут способствовать раскрытию темы, — материалы государственного делопроизводства, дневники, переписка разных лиц, периодика 1880-х годов.

Исследование темы в рамках специальной монографии открывает новые возможности для анализа таких проблем современной историографии, как выявление источников формирования идеологии российского либерализма, рецепция европейского законодательства при подготовке и проведении либеральных преобразований, преемственность идей и политики либеральных бюрократов 1850—1880-х гг., позволяет проследить процесс становления и эволюции программы правительственного либерализма, осмыслить возможность либеральной альтернативы в политике самодержавия 1880-х годов.

Актуальность темы определяется и недостаточной изученностью периода царствования Александра III, который традиционно характеризовался в литературе как «регресс», «попятное движение» от половинчатых и ограниченных либеральных преобразований 60-х гг. к контрреформам и крепостнической реакции. В 1870—1880-х гг. некоторые исследователи указали на необоснованность такого подхода, подчеркнули, что ужесточение правительственного курса при Александре III происходило одновременно с развитием капиталистической экономики, и это неизбежно накладывало отпечаток на политику самодержавия. Они подняли вопрос об исторической обусловленности и последствиях контрреформ, о важности изучения экономического законодательства для понимания значения политической реакции в процессе эволюции самодержавия к буржуазной монархии[42].

Проблема, поставленная сравнительно давно, до сих пор не получила удовлетворительного решения. В этой историографической ситуации особый интерес приобретает анализ экономической политики 80-х гг. в общем контексте консервативного курса. Задача работы — выявить цели, к которым Бунге стремился как реформатор, оценить реальные итоги его государственной деятельности, определить влияние его идей на политику правительства конца XIX — начала XX века.

* * *

Основной базой исследования являются материалы, принадлежащие перу Бунге. Научные труды — «Теория кредита», «Гармония хозяйственных отношений», «Джон Стюарт Милль

как экономист», «Основания политической экономии», «Очерки политико-экономической литературы» дают представление о его теоретических взглядах, которыми он руководствовался при изучении проблем народного хозяйства России. Эти работы позволяют установить степень влияния на Бунге различных школ западной экономической мысли[43]. Лекции по курсу полицейского права, дважды издававшиеся в Киеве в 1860—1870-е гг., помимо чисто теоретической части и обзора истории европейских экономических учений содержат суждения автора о недостатках финансовой системы, крестьянского и рабочего законодательства России, перечень конкретных мер по их преодолению[44].

Еще больший интерес вызывают неопубликованные лекционные курсы, прочитанные Бунге наследникам престола в 1863—1864 и 1886—1889 годы. Эти обширные материалы по завещанию автора были переданы в Государственную публичную библиотеку и хранятся в Отделе рукописей[45]. Впервые их выявила и изучила Н.И.Ананьич, которая посвятила им специальную статью в «Археографическом ежегоднике». «Ни одно из опубликованных сочинений Н.Х.Бунге, — пишет она, — не дает такого полного и ясно очерченного представления о системе его взглядов, как упомянутые выше лекции». Это объясняется тем, что «самый характер источника (лекционный курс), его учебное предназначение побуждали автора к предельно ясному изложению мыслей и к освещению всех сторон экономики государства». Ценность материалов заключается и в том, что их тематика во многом не получила отражения в изданных работах Бунге[46].

На 1850—1870-е гг. приходится расцвет публицистической деятельности Бунге. Его статьи публиковались в «Сборнике государственных знаний», журналах «Отечественные записки», «Русский вестник», «Экономический указатель», «Университетские известия», газетах «Киевлянин», «Русский инвалид», «Журнал для акционеров» и др. Бунге писал о самых разных вопросах: преобразовании университетского дела[47], роли политической экономии в системе народного образования и хозяйственной практике[48], задачах правительства в области кредита, акционерного учредительства, таможенной политики и железнодорожного строительства[49], нормализации денежного обращения[50]. Особое место в его публицистике занимают статьи 1858—1859 гг., в которых изложены соображения о способах освобождения крестьян с землей за выкуп и сделан вывод о том, что отмена крепостного права неизбежно повлечет за собой другие преобразования, касающиеся сословной структуры, налогообложения, кредита и паспортного законодательства[51].

Отдельную группу источников образуют опубликованные записки и доклады Бунге. Бывший член Редакционных комиссий Н.П.Семенов включил в приложения к первому тому «Хроники деятельности комиссий по крестьянскому делу» записку Бунге «О подушной подати» (1859 г.), где доказывалась необходимость отмены этого налога в связи с предстоящей крестьянской реформой[52]. В первое и второе издания материалов Редакционных комиссий вошли основополагающие документы Финансовой комиссии — доклад и «Соображения», в подготовке которых Бунге принял большое личное участие[53]. А.П.Погребинский в 1960 г. опубликовал записку с изложением программы финансового ведомства, составленную Бунге по поручению Александра II и датированную 20 сентября 1880 года[54]. Чрезвычайно важны для исследования темы систематически издававшиеся ежегодные всеподданнейшие доклады министра финансов о государственной росписи доходов и расходов за 1881—1886 гг.[55]. В 1922 г. в сборнике «Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг.» А.И.Буковецкий опубликовал представление Бунге в Комитет финансов от 7 декабря 1882 г. о восстановлении металлического денежного обращения[56]. В первом и третьем выпусках «Законодательных материалов по вопросам, относящимся к устройству сельского состояния» (1898 и 1900 гг.) были напечатаны отзывы Бунге на законопроекты Министерства внутренних дел об укреплении сельской общины (1884 и 1893 гг.)[57]. В одном из номеров «Русского архива» за 1913 г. состоялась публикация всеподданнейшего доклада Бунге от 11 апреля 1892 г. о предполагавшейся кодификации основных законов Великого княжества Финляндского[58].

К этим источникам примыкает политическое завещание Бунге — неофициальная записка, получившая название «Загробные заметки». По тематическому многообразию, глобальному охвату коренных проблем государственной жизни и экономического развития страны она превосходит немногочисленные программные документы других высших сановников. В записке подробно рассматриваются актуальные вопросы национальных отношений, государственного управления, народного образования, крестьянского и рабочего законодательства, налогообложения. Значительная часть «Загробных заметок» посвящена методам борьбы с влиянием идей социализма и коммунизма.

Работа над завещанием началась на рубеже 80—90-х годов. Первый вариант записки был завершен приблизительно к ав-

густу 1891 г., второй — к концу 1891 — началу 1892 г., третий — к июлю—сентябрю 1892 г. По замыслу автора, документ должен был после его смерти поступить к Александру III. С точки зрения Л.Е.Шепелева, тщательно изучившего историю создания «Загробных заметок», «цель Бунге, по-видимому, заключалась в том, чтобы иметь возможность совершенно откровенно и прямо изложить свое мнение, а вместе с тем, может быть, и в том, чтобы дать возможность адресату использовать изложенные идеи анонимно или даже от своего имени»[59].

Но записка так и не дошла до Александра III. В октябре 1894 г. он скончался. В конце 1894 — начале 1895 г. Бунге заново отредактировал завещание и переадресовал его Николаю II под названием «Задачи царствования. 1881—1894». Записка была представлена императору после смерти автора. Так как заключительная часть первого варианта не сохранилась, то специально для Николая II со второго варианта была снята писарская копия, находящаяся сейчас в личном фонде Александра III[60]. Местонахождение автографа до сих пор неизвестно. Окончательным стал считаться третий вариант, размноженный типографским способом в нескольких десятках экземпляров и озаглавленный «1881—1894 гг. Записка, найденная в бумагах Н.Х.Бунге».

Оба варианта сходны по тематике и структуре. Несмотря на то, что в ходе работы над запиской Бунге постоянно дополнял и редактировал текст, второй вариант содержит материал, который или не вошел в печатный вариант, или изложен в нем более сжато. В частности, это относится к V главе второго варианта «Социализм и борьба с ним», которая в третьем варианте выступает в сокращенном виде как приложение к IV главе «О развитии материальных и духовных сил народа...». Часть материала рассредоточена по другим разделам. Вместе с тем, в окончательном варианте некоторые вопросы рассматриваются более подробно, а также включена новая небольшая глава о внешней политике, отсутствующая во втором варианте.

Долгое время «Загробные заметки» циркулировали только в бюрократической среде. По воспоминаниям историка С.Ф.Либровича, «об этой записке говорили в обществе, но никто не знал ее содержания»[61]. В 1902 г. вышел в свет «Исторический обзор деятельности Комитета министров». Управляющий делами Комитета А.Н.Куломзин, редактировавший это издание, процитировал в четвертом томе ряд положений «Загробных заметок», касающихся национальной политики, местного самоуправления, Крестьянского банка и переселенческого дела[62]. Спустя десятилетие типографский экземпляр попал в руки публициста Б.Б.Глинского. Документ заинтересовал его, и он решил познакомить с ним читающую публику. В седьмом номере «Исторического вестника» за 1912 г. появилась статья о «Загробных заметках», в которой Глинский привел обширные фрагменты записки в сопровождении собственных замечаний[63].

После 1917 г. о «Загробных заметках» забыли. Лишь в конце 1950-х годов И.Ф.Гиндин обнаружил в фонде Александра III второй вариант записки. Вскоре Л.Е.Шепелев нашел в Российском государственном историческом архиве типографский экземпляр и материалы, имеющие отношение к записке[64]. Другой экземпляр был выявлен в коллекции С.Ю.Витте в Русском архиве Колумбийского университета США и в 1981 г. опубликован Дж.Э.Сноу на английском языке с введениями и комментариями. Он указал на принадлежность Бунге к либеральным бюрократам и отметил, что его записку «нужно рассматривать как попытку вновь заявить о взглядах этой группы либералов императору»[65].

Издание «Загробных заметок» в России долгие годы было невозможно по «идеологическим соображениям». Только в 1995 г. в альманахе «Река времен» был напечатан снабженный введением и примечаниями второй вариант записки[66]. На «Загробные заметки» в своих работах ссылались Б.В.Ананьич, Н.И.Ананьич, И.Ф.Гиндин, П.А.Зайончковский, Л.Е.Шепелев. Однако этот уникальный источник до сих пор не использован в литературе с должной полнотой.

В письме к А.Ф.Кони от 19 июня 1891 г. Бунге выражал сожаление, что его переписка за пятьдесят лет с родственниками, школьными товарищами и бывшими учениками почти вся уничтожена. «Какой бы это был богатый материал для характеристики эпохи, помыслов и настроений молодых поколений, а также в обрисовке семейных отношений», — сетовал он[67]. Из его эпистолярного наследия уцелела лишь небольшая часть, разбросанная по разным архивным фондам Москвы и Петербурга. Это отдельные письма к известным ученым — И.В.Вернадскому, К.С.Веселовскому, П.И.Кеппену, Н.К.Шильдеру, И.И.Янжулу, видным общественным и государственным деятелям — И.Д.Делянову, А.П.Заблоцкому-Десятовскому, Н.П.Игнатьеву, К.Д.Кавелину, М.Н.Каткову, А.А.Краевскому, А.Ф.Кони, А.Н.Куломзину, М.Т.Лорис-Меликову, Д.А.Милютину, К.П.Победоносцеву, Д.М.Сольскому, В.А.Черкасскому, Б.Н.Чичерину и др. Как правило, они малосодержательны, носят деловой и лаконичный характер. Наиболее полно сохранилась переписка Бунге и Кони конца 1880-х — первой половины 1890-х гг., от-

ложившаяся в Рукописном отделе Института русской литературы и искусства. За редкими исключениями она посвящена обмену впечатлениями по поводу прочитанных научных и художественных книг. Интересны письма Бунге к писателю и публицисту Д.Ф.Самарину (ОР РГБ), где автор излагает свои соображения о планируемых податных реформах. Достойны внимания письма обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву, опубликованные в сборнике «К.П.Победоносцев и его корреспонденты»[68]. Несмотря на низкую информативность в целом, переписка Бунге в ряде случаев содержит ценные сведения о его взглядах и деятельности, отсутствующие в других источниках.

Особую важность имеют хранящиеся в Российском государственном историческом архиве материалы государственного делопроизводства, без которых невозможно исследование политики Бунге — официальные записки, доклады и письма министра финансов, его представления в Государственный совет, Комитет министров и Комитет финансов, аргументирующие целесообразность предлагаемых мер, журналы заседаний этих высших государственных учреждений, а также различных министерских и межведомственных комиссий и совещаний, образованных для предварительного обсуждения того или иного вопроса (фонды департаментов Государственного совета, Комитета министров, Комитета финансов, а также ведомственные фонды Министерства финансов — Общей канцелярии министра, департаментов окладных и неокладных сборов, торговли и мануфактур, Крестьянского поземельного и Дворянского земельного банков и др.). Для изучения деятельности Бунге необходимо обратиться и к документам фонда Комитета Сибирской железной дороги, вице-председателем которого он был в 1892—1895 годах. Этот комплекс документов позволяет проследить ход законодательных работ в каждом конкретном случае, выяснить мнения разных сторон и уточнить расстановку сил в «верхах».

В монографии использованы многие источники личного происхождения (воспоминания, дневники, переписка разных лиц). Среди них наиболее заметное место занимает очерк высокопоставленного чиновника Министерства финансов Е.Э.Картавцова, в котором в краткой форме излагается биография Бунге, его экономические и политические воззрения[69]. Мемуары бывших студентов университета св. Владимира В.Г.Авсеенко, А.В.Романовича-Славатинского, Ф.Э.Ромера, В.С.Чеважевского, В.Д.Шидловского и преподавателя В.И.Модестова помогают воссоздать облик и черты характера Бунге-профессора, осветить его научно-педагогическую и общественную деятельность, роль в либеральном движении киевской интеллигенции[70].

В трехтомном труде Н.П.Семенова приводится ценная информация об участии Бунге в работе Редакционных комиссий[71]. Автор, постоянно находясь на заседаниях Общего присутствия, тщательно фиксировал все выступления членов Комиссий. «Хроника» раскрывает позицию Бунге по таким коренным вопросам будущей реформы, как освобождение крестьян с землей за выкуп, принцип бессрочного пользования ими надельными землями, неизменность их повинностей и др., его вклад в разработку выкупной операции. Эти сведения дополняются материалом третьего и четвертого томов мемуаров П.П.Семенова-Тян-Шанского[72]. Автор, являясь секретарем председателя Редакционных комиссий Я.И.Ростовцева, старался по возможности полно восстановить ход деятельности этого правительственного органа.

Обширную группу составляют опубликованные дневники и воспоминания, отражающие основные события внутренней политики и общественной жизни 1880-х — первой половины 1890-х гг., — мемуары члена Совета министра финансов академика В.П.Безобразова, министра финансов С.Ю.Витте, чиновника Крестьянского банка Ф.Ф.Воропонова, вице-директора Департамента окладных сборов В.И.Ковалевского, издателя газеты «Гражданин» кн. В.П.Мещерского, директора Департамента государственного казначейства Ф.Г.Тернера, дневники военного министра Д.А.Милютина, государственных секретарей Е.А.Перетца и А.А.Половцова и др.[73]. Из рукописных источников этой группы следует назвать воспоминания управляющего делами Комитета министров А.Н.Куломзина (РГИА и ОР РГБ) и чиновника канцелярии этого Комитета Н.Н.Покровского (РГАЛИ), дневники начальника Главного управления по делам печати Е.М.Феоктистова (РО ИРЛИ) и морского министра И.А.Шестакова (РГА ВМФ). К ним примыкают письма кн. В.П.Мещерского к Александру III, а также его дневник, регулярно направляемый для прочтения императору с 1884 г. (ГАРФ). Среди других эпистолярных источников нужно упомянуть переписку К.П.Победоносцева с Александром III и некоторыми другими корреспондентами[74].

Материалы периодики 1880-х гг. представлены изданиями, которые играли главную роль в полемике, разгоревшейся в обществе вокруг реформаторского курса Министерства финансов. К консервативным органам относятся газеты «Московские ведомости» (редактор-издатель М.Н.Катков) и «Гражданин» (редактор-издатель В.П.Мещерский), к либеральным — газета «Русские ведомости» (редактор-издатель В.М.Соболевский) и

ИЭС
Р. Шафиров

«Внутреннее обозрение» журналов «Вестник Европы» (редактор-издатель М.М.Стасюлевич) и «Русская мысль» (редактор-издатель В.М.Лавров).

Очерченный в обзоре круг источников дает возможность с достаточной полнотой осуществить исследование темы.

Автор выражает глубокую признательность за содействие в подготовке монографии своему научному руководителю профессору, доктору исторических наук Л.Г.Захаровой, сердечно благодарит за ценные советы и пожелания академика РАН Б.В.Ананьича, профессоров, докторов исторических наук В.И.Бовыкина, А.П.Корелина, С.В.Тютюкина и В.А.Федорова.

Глава I
ПРОФЕССОР-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

1. Начало пути

Николай Христианович Бунге (Nicolaus Paulus Carolus, как значилось в метрической книге местной евангелическо-лютеранской церкви) родился в Киеве 11 ноября 1823 года. На склад его ума и черты характера заметное влияние оказали образ жизни и традиции многочисленного клана Бунге. Судя по родовому гербу, это семейство шведского происхождения. Дед Н.Х.Бунге, Георг-Фридрих (1722—1792) был выходцем из городка Шталлупенен в Восточной Пруссии. В 1740—1747 гг. он обучался фармации в Тильзите и получил свидетельство о «большой добросовестности, трудолюбии и основательных познаниях». Около 1750 г. Г.-Ф.Бунге перебрался в Киев и стал заведовать открытой в 1728 г. И.Эйстером первой в городе частной аптекой на Притисско-Никольской улице на Подоле. В то время она принадлежала вдове владельца Анне Хуннингер. В 1751 г. Георг-Фридрих женился на ее дочери от первого брака Екатерине Гейтер, и аптека досталась ему в приданое. В 1779 г. при утверждении в звании привилегированного аптекаря он принял российское подданство. В 1791 г. по постановлению дворянского собрания на основании предъявленных документов род Бунге был вписан в родословную книгу Киевской губернии.

Георг-Фридрих был широко образованным и энергичным человеком. Кроме фармации он увлекался ботаникой, химией, опытами по электричеству, изготовлением приборов, токарным делом, избирался членом-корреспондентом и действительным членом Вольного экономического общества. Почтенный аптекарь отличался религиозным благочестием. Он основал в городе евангелическо-лютеранскую общину и оказывал ей постоянную материальную поддержку. Г.-Ф.Бунге не щадил времени и сил для воспитания обширного потомства — восьми сыновей и четырех дочерей. В семье культивировались любовь к знаниям, трудолюбие, дисциплина и воздержанность в быту.

Старания Георга-Фридриха принесли плоды. Многие из его детей и внуков сумели найти свое место в жизни. Старшие сыновья Фридрих-Иоганн (1760—1822) и Андрей (1766—1814) пошли по стопам отца и стали владельцами аптек. Фридрих-Иоганн прославился образованностью и широтой интересов. В

1804 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Христофор (1781—1860) стал крупной величиной в ветеринарии, профессором терапевтической клиники Московского университета, двое детей Андрея — профессорами Дерптского университета: Фридрих (1802—1897) юристом, осуществившим кодификацию гражданского права Остзейского края, Александр (1803—1890) ботаником, участником научных экспедиций в Китай, Иран и на Алтай, членом-корреспондентом (1833) и почетным членом (1875) Академии наук.

Отец Н.Х.Бунге, Христиан Георг (1776—1857), закончил Петербургский медико-хирургический институт (1796 г.) и Йенский университет в Германии (1798 г.), где получил степень доктора медицины. Он специализировался на лечении детских болезней, служил в Киевской духовной академии, семинарии, военном госпитале, после выхода в отставку занимался частной практикой. По отзывам современников, Х.Г.Бунге «отличался замечательной скромностью, отсутствием всякого тщеславия и любви к обогащению». В первом браке он был женат на М.А.Ферран, двоюродной сестре безвременно умершей жены М.М.Сперанского Елизаветы Стивенс. После смерти родителей Ферран жила в Киеве вместе с матерью и дочерью знаменитого реформатора. Сперанский покровительствовал супругам Бунге и являлся крестным отцом их дочерей Екатерины и Марии (третьим ребенком в семье был Андрей).

Рано потеряв жену, Христиан Георг в 1818 г. купил в «аристократической» части города Липках на Кловской улице (с 1830-х гг. — Липская, с 1869 г. — Екатерининская) небольшой деревянный дом с участком земли, на котором впоследствии вырастил сад. Спустя четыре года он вторично женился на овдовевшей Екатерине Николаевне Изюмовой (урожденной Гебнер). Она происходила из обрусевшей немецкой семьи, была женщиной незаурядного ума и редких душевных качеств. Е.Н.Бунге сумела стать настоящей матерью детям мужа от первого брака. В 1829 г. умерла Мария Христиановна (в замужестве Флиге), и ее новорожденный сын Николай был привезен в дом деда под опеку Екатерины Николаевны, которая воспитала его как собственного ребенка. Впоследствии Н.К.Флиге закончил Александровский лицей, служил в гвардии, затем посвятил себя частному предпринимательству, занимал посты управляющего Петербургским отделением Московского купеческого банка, председателя правлений Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности и Таганрогского металлургического общества, одного из директоров правлений Общества Юго-Восточных железных дорог, Русского страхового общества и Товарищества «Общественная польза»[1]. В 1856 г. скончалась жена Андрея Христиановича, и его 14-летний сын Николай также был поручен заботам Е.Н.Бунге. Подростка ожидало большое будущее в науке. Он стал выдающимся химиком, профессором университета св. Владимира, его труды высоко оценивал Д.И.Менделеев[2].

Н.Х.Бунге был многим обязан своей матери, которая сыграла главную роль в становлении его личности. Она навсегда осталась самым близким ему человеком. Николай Христианович так и не обзавелся семьей и после смерти отца вернулся к родному очагу, чтобы быть ближе к матери. Его не раз приглашали на службу в Петербург, но он отклонял самые заманчивые предложения, так как врачи считали перемену климата вредной для здоровья Екатерины Николаевны. Она прошла долгий жизненный путь (1786—1877), но до последних дней сохранила полную ясность ума. Только вскоре после ее кончины Бунге согласился принять пост товарища министра финансов.

В детстве Николай Христианович получил основательное домашнее образование. Уже в ранние годы он обладал высокой работоспособностью, великолепной памятью и блестящим знанием иностранных языков (английского, немецкого, французского). Поскольку Екатерина Николаевна плохо владела немецким языком, то в семье говорили по-русски. В 1836 г. Николай Христианович был определен в Киевскую первую гимназию, находившуюся в Липках недалеко от его дома. Он стал лучшим учеником в классе и удерживал это звание до конца учебы. Его однокашник А.А.Плансон вспоминал о том, как Бунге-гимназист «заучивал уроки буквально от первого до последнего слова и помнил все знаки препинания, что давало ему возможность говорить заученное чрезвычайно красиво, в особенности стихи»[3].

Закончив в 1841 г. гимназию с золотой медалью[4], Бунге поступил на юридический факультет Киевского университета св. Владимира. На студенческой скамье у него пробудился интерес к экономическим дисциплинам. Этому способствовала дружба с выпускником университета И.В.Вернадским, ставшим через несколько лет профессором политэкономии. Николай Христианович закончил факультет в 1845 г. в звании кандидата законоведения и в конце октября получил направление на кафедру законов казенного управления Лицея кн. Безбородко в Нежине[5].

Это учебное заведение (с 1840 г. высшее юридическое) славилось не только в Юго-Западном крае, но и за его пределами. Самым знаменитым выпускником был Н.В.Гоголь. Из стен Лицея вышли также писатели А.С.Афанасьев, Е.П.Гребенка,

Н.В.Кукольник, поэты-переводчики Н.В.Гербель и В.И.Любич-Романович, художник А.П.Мокрицкий, выдающийся правовед и педагог П.Г.Редкин[6]. В своих лекциях Бунге, вопреки установленной программе, излагал основы политической экономии, чем сумел увлечь студенческую аудиторию. Он быстро приобрел популярность среди учащихся. В этом сыграли роль не только педагогические способности молодого преподавателя, но и его глубокое личное обаяние. Один из студентов, А.В.Романович-Славатинский, так писал о нем: «Николай Христианович был человеком редкого по своей привлекательности и симпатичности нрава. Брезгливо относившийся ко всему непросвещенному и грубому, он был очень склонен к сарказму и насмешке. Но в нем живой и находчивый ум сочетался с мягким, благородным сердцем. Он привлекал людей своими мягкими изящными манерами, своей обходительностью и приветливостью. Это была не аффектация, но натура, проникнутая европеизмом до мозга костей, он страстно любил науку и верил в силу знания». Оценивая Бунге как ученого и преподавателя, Романович-Славатинский утверждал, что он «мог бы быть звездой первой величины не только в Нежинском лицее, но и в любом европейском университете. (...) Будь побольше на Руси таких людей, не было бы Некрасовского вопроса: "Кому на Руси жить хорошо?"»[7].

Бунге охотно сходился и дружил с любознательными лицеистами. Он приглашал их к себе на квартиру, хотя это не поощрялось властями, запросто беседовал с ними за чашкой чая, консультировал по своему предмету, помогал в изучении иностранных языков, а также старался привить им любовь к европейской поэзии. Студенты часто возвращались от него с томиками стихов Байрона, Гете, Шиллера. Бунге сблизился в Нежине и со свободомыслящими преподавателями — М.Т.Симоновым, М.А.Туловым, В.С.Коперницким. С юных лет он испытывал неприязнь к деспотизму, произволу, коррупции, крепостничеству, подавлению общественной инициативы, которые были свойственны режиму Николая I. По словам своего ученика Е.Э.Картавцова, в провинциальном Нежине Бунге стал «душой и главой кружка, горячо сочувствовавшего проповеди Грановского и Белинского, — кружка, не скрывавшего отрицательное отношение свое к тогдашним язвам русского общества — крепостному праву и взяточничеству — и искавшего идеалов на Западе»[8]. Этот кружок превратился в духовный центр лицея. «В тогдашней крепостнической атмосфере, — вспоминал современник, — повеяло живительным духом уважения к человеческой личности и гражданскому равенству. В темном уездном захолустье Н.Х.Бунге явился усердным миссионером европейской науки и гражданственности»[9]. Однако, когда после 1848 г. начались гонения на общественных деятелей, Николай Христианович не был заподозрен в «неблагонадежности». Его спасла удаленность Лицея от Киева и других университетских городов.

В 1847 г. Бунге защитил магистерскую диссертацию о торговом законодательстве Петра I[10] и был утвержден в звании магистра государственного права. В этом же году он стал профессором Лицея и приступил к работе над давно задуманным трудом по теории кредита. В 1849 г. на торжественном акте в Лицее Бунге произнес речь «О кредите», которая содержала основные положения будущей книги. Речь была опубликована[11] и вызвала благожелательные отклики в печати. «Отечественные записки» писали, что выступление Бунге «принадлежит к числу тех академических речей, отличительные черты которых состоят в научном характере изложения, в глубине оснований и ясности последствий, в отсутствии увлечения и, наконец, в той искренности, которая так свойственна истине и без которой никакие успехи в науке невозможны»[12]. Некрасовский «Современник» отметил продемонстрированные оратором «основательные сведения в политической экономии»[13].

Вскоре для Бунге открылась подходящая вакансия в Киевском университете. Летом 1850 г. Вернадский перевелся в Москву. В октябре распоряжением попечителя Николай Христианович был назначен адъюнктом на кафедре политической экономии и статистики историко-филологического факультета. Профессор отечественной истории П.В.Павлов писал Т.Н.Грановскому, что «Бунге в самом деле достойный ученый и благородный человек» и совет университета «хочет непременно видеть на этом месте Бунге»[14]. Вслед за Николаем Христиановичем в университет перешли наиболее одаренные студенты, не пожелавшие расстаться со своим любимым профессором.

Преподавательская деятельность Бунге в университете продолжалась три десятилетия. В 1852 г. он защитил докторскую диссертацию «Теория кредита», которая была издана и сразу же поставила автора в ряд немногочисленных видных русских экономистов[15]. Бунге получил степень доктора политических наук, а два года спустя занял должность ординарного профессора. Факультет, на котором он читал лекции, заметно выделялся среди аналогичных структур других университетов. Профессор отечественной истории П.В.Павлов, человек демократических взглядов, пользовался огромной популярностью среди студентов, во время его лекций аудитория не могла вместить всех желающих. Профессора всеобщей истории В.Я.Шульгина,

ученого колоссальной эрудиции и блестящего лектора, называли «светилом» университета. Известностью пользовались также профессора-филологи И.Я.Нейкирх и А.И.Селин[16].

Бунге сразу же занял достойное место в этой плеяде. В период «мрачного семилетия» 1848—1854 гг. преподавание политической экономии, особенно после дела петрашевцев, находилось под строгим надзором. Оно строго регламентировалось министерскими предписаниями, обеднявшими содержание лекций[17]. Несмотря на это, курс Бунге имел большой успех. Как оратор он не блистал эмоциональностью и изысканностью речи. Его сила заключалась в другом. Студентов привлекало умение Бунге «в удивительно сжатой и ясной лекции (...) вложить в память слушателя всю суть данного учения»[18]. Студент тех лет Ф.Э.Ромер вспоминал: «Трудно вообразить себе лектора более строго последовательного, более ясного, более точного в выборе своих выражений, чем Н.Х.Бунге. Я, по крайней мере, в этом отношении не знаю не только кого-либо ему равного, но даже и близко подходящего. Слушатель Николая Христиановича совершенно забывал дать себе отчет в том, красноречив лектор или нет, увлекается он или говорит спокойно; слушателю было не до того. Он с напряжением всего своего внимания ловил каждую произносимую фразу, потому что ни одна из них не произносилась праздно, и пропуск мимо ушей какого-нибудь десятка слов, точно в математической выкладке, нарушал логическое течение и затруднял понимание излагаемой темы». Восприятие лекции было весьма непростым делом. Поэтому в аудитории Бунге редко появлялись студенты с других факультетов. «Уф! Вот так баня!» — выдохнул один из таких «гостей», случайно оказавшихся на лекции[19]. Не меньшей популярностью как лектор Николай Христианович стал пользоваться на юридическом факультете после перехода в 1869 г. на кафедру полицейского права.

Сознавая трудность своего предмета, Бунге первым в университете организовал вечерние практические занятия, где под его руководством рассматривались наиболее сложные проблемы политической экономии[20]. По словам участника этих семинаров В.С.Чеважевского, Бунге «проявлял свою необыкновенную легкость обращения с нами, терпимость к чужим мнениям, часто и парадоксальным, и едва уловимую иронию в тех случаях, когда кто-нибудь из нас чересчур уже, что называется, "зарапортуется" в своих рассуждениях по данному вопросу»[21]. Студентов из окружения Николая Христиановича в университете прозвали «бунгистами».

Как писал Чеважевский, «еще более, чем лектор, Н.Х.Бунге влиял на студентов своей нравственной чистотой». Большинство преподавателей по своему образу жизни ничем не отличалось от заурядных обывателей. Многие «ученые мужи» проводили время в карточной игре, попойках и бесконечных дрязгах. Бесконечные столкновения на заседаниях совета, интриги и постоянные доносы профессоров друг на друга в Петербург были в университете обычным явлением. Однако Бунге «далеко держал себя от этих болот»[22].

Николай Христианович никогда не гнался за популярностью и не заигрывал с молодежью. Серьезный и взыскательный на экзаменах, не терпящий лени и праздности, он, вместе с тем, всегда помогал людям, которые стремились к знаниям. Двери его дома были открыты для всех, кто нуждался в советах, консультациях, пособиях или книгах. «Что влекло нас, молодых студентов, к этому осторожному мыслителю, аудитория которого была полна слушателей и почти каждый выпуск давал молодых экономистов, с увлечением работавших под его руководством? — вспоминал ученик Бунге Д.И.Пихно. — Это была не одна мощная сила его ума и учености, перед которой мы преклонялись. У нас была другая, более интимная, невидимая постороннему глазу духовная связь. Молодым сердцем мы чуяли, что в нашем осторожном и сдержанном профессоре, в нашем холодном мудреце, как мы его в шутку называли, есть что-то нам родное и близкое. Этот холодный с виду мудрец был весь проникнут недосягаемым нравственным идеализмом, а за его иронической улыбкой, которая так часто смущала и которой мы так боялись, от нас не скрылось нежное, любящее, отзывчивое и бесконечно доброе сердце»[23].

В 1853—1857 гг. Бунге по совместительству преподавал географию в Киевском институте благородных девиц. Воспитанницы полагали «за честь», что Николай Христианович согласился заниматься с ними, и «боялись уронить себя в его глазах». Во всяком случае, «осрамиться» у него на уроке считалось «большим несчастьем»[24].

Талант педагога Бунге обнаружил не только в качестве преподавателя. Вернувшись в родительский дом после смерти отца в 1857 г., он взял на себя воспитание осиротевшего племянника Николая. Спустя много лет профессор Н.А.Бунге рассказывал: «Николай Христианович очень зорко следил за моей жизнью и занятиями, но тщательно скрывал это и никогда не навязывал мне своих мнений и суждений, а предоставлял мне полную свободу действий. Тем не менее, влияние Н.Х.Бунге на меня было огромное, так как он действовал на меня своим назидательным примером, который с раннего детства вселил в меня уважение к труду и добросовестному исполнению своих обязанностей и к личности человека»[25].

2. В годы «оттепели»

Бунге был активной натурой и не замыкался в тиши профессорского кабинета и стенах университетских аудиторий. Конец николаевской эпохи и поражение России в Крымской войне обозначили новый этап в жизни киевского ученого. Бунге принял деятельное участие в либеральном движении и дискуссиях по вопросам предстоящих преобразований. Необходимость реформ чувствовалась во всех слоях российского общества. Это стало питательной почвой для возникновения кружков дворянской интеллигенции. В них развернулся процесс создания теоретических основ и практических программ русского либерализма. Одним из центров формирования либеральной идеологии являлся петербургский кружок К.Д.Кавелина и братьев Н.А. и Д.А.Милютиных. Его особенностью было преобладание столичной бюрократии и связь с великокняжескими дворами Елены Павловны и Константина Николаевича, которые покровительствовали либералам. В кружок входили чиновники министерств: внутренних дел — К.Д.Кавелин, Н.А.Милютин, К.К.Грот, уделов — И.П.Арапетов и А.П.Заблоцкий-Десятовский, военного — Д.А.Милютин. К кружку примыкали экономисты В.П.Безобразов и Г.П.Небольсин, профессор энциклопедического права П.Г.Редкин и другие представители петербургской интеллигенции. Все участники кружка были членами Русского географического общества, а многие и Вольного экономического общества, которые в тот период являлись крупнейшими научными и культурными центрами страны. Кавелин, будучи наиболее видной фигурой либерального движения, поддерживал постоянные отношения с профессурой Московского университета и высших учебных заведений в провинции[1].

Еще в 1854 г., впервые приехав в Петербург, Бунге на квартире Безобразова познакомился с Кавелиным, Милютиными и их окружением. С тех пор он не прерывал связей с петербургскими единомышленниками. С некоторыми из них Николай Христианович состоял в многолетней переписке и всегда наносил им визиты во время посещений столицы. Эти знакомства в немалой степени способствовали его карьере и привлечению к участию в подготовке реформ 60-х годов. Как подчеркивал в своем дневнике Безобразов, именно из кружка Кавелина и братьев Милютиных Бунге «вышел в люди»[2].

Во второй половине 50-х годов быстро возросла известность Бунге-публициста. Консолидация либеральных сил проявилась и в развитии журналистики. Центром сплочения сторонников реформ стал основанный в 1856 г. под редакцией М.Н.Каткова московский журнал «Русский вестник», который придерживался западнической ориентации. Среди авторов нового издания были известные ученые и общественные деятели — К.Д.Кавелин, Н.А. и Д.А.Милютины, В.П.Безобразов, И.В.Вернадский, И.К.Бабст, Б.Н.Чичерин и др. На страницах журнала пропагандировались теория мирного и постепенного «разумного прогресса» (в противовес революционным «экспериментам»), идеи гласности, законности и правопорядка, обсуждались животрепещущие вопросы отмены крепостного права, перестройки громоздкого и неповоротливого государственного аппарата, введения публичности судопроизводства, смягчения цензуры, конституирования местного самоуправления, искоренения взяточничества и казнокрадства, упразднения телесных наказаний и др.[3].

Бунге с воодушевлением принял от члена редакции профессора П.М.Кудрявцева приглашение сотрудничать в «Русском вестнике». Он писал Безобразову о полном сочувствии направлению журнала[4]. Однако, считая Каткова «человеком с прекрасным вкусом», Николай Христианович сомневался в возможности иметь с ним «литературные дела». Бунге отталкивала бесцеремонность по отношению к авторам, которую тот не раз выказывал в бытность редактором газеты «Московские ведомости»[5]. Он жаловался Безобразову, как Катков однажды вылил ему на голову (в переносном смысле) «ушат холодной воды»[6]. Но Бунге все же удалось поладить с редактором и целое десятилетие публиковать в «Русском вестнике» свои статьи. Он порвал все связи с журналом только после перехода Каткова на откровенно консервативные и националистические позиции[7].

В 1857 г. Вернадский учредил в Петербурге журнал «Экономический указатель», где дискутировались проблемы хозяйственного развития России и проповедовались теории западной политэкономии. Бунге приветствовал инициативу старого друга и стал постоянным автором этого издания. Ряд его статей был напечатан также в журнале «Отечественные записки» и газете «Журнал для акционеров».

В своей публицистике Бунге, как правило, обращался к близкой ему экономической тематике. Он широко освещал вопросы торгово-промышленной деятельности, отмены крепостного права, железнодорожного строительства, акционерного учредительства, денежного обращения. Однако Николай Христианович не чуждался и политических сюжетов. Как и другие либералы-западники, он признавал самобытность российской государственности и ее исключительную роль в истории страны. Бунге считал самодержавную форму правления наиболее соответствующей историко-географическим условиям России и

особенностям национального самосознания. По его мнению, «при относительно большей культурности западной половины империи, где в руководящих классах преобладают центробежные стремления, целость и сохранность государства может быть ограждена лишь единством власти»; он полагал, что «русский народ, по свойствам своего характера мало способный к систематической постоянной мелкой повседневной борьбе и усилиям, может в минуты подъема духа делать под руководством единой твердой власти такие шаги и успехи, которые граничат с чудесами». Реформаторский процесс на Западе во многом зависит от взаимоотношений политических партий и нередко сопровождается социальными конфликтами, вроде «ужасов» французской революции или войны за освобождение негров в США. «Русская же верховная власть, — говорил Бунге, — может делать великое, намеченное ею дело, "бесстрастно зря на правых и виноватых"»[8].

Бунге рассматривал самодержавие как «всесословный» институт и верил в способность неограниченной монархии к решению назревших экономических и политических задач. Эта вера еще более окрепла в нем в годы Великих реформ. Приверженность тезису об инициативной роли государства в проведении преобразований была в то время вообще характерна для либеральных кругов[9]. Вместе с тем Бунге выступал за европеизацию «верховной власти», органический синтез западных и исконно русских начал. Его политическим идеалом была монархия, основанная на законности, гласности и местных выборных учреждениях. Он подчеркивал, что «при нашем государственном строе, при огромной власти министров и возможности полного произвола исполнителей, точное и неуклонное соблюдение закона есть единственная серьезная гарантия бесчисленных интересов и личности»[10].

Могущественным фактором общественного прогресса Бунге считал гласность, которую либералы понимали тогда не как свободу печати, а как ослабление цензурного надзора и возможность критики отдельных недостатков государственной системы[11]. «Право публичного выражения и сообщения своих мыслей печатным словом и другими механическими способами, — писал он, — вытекает из права человека располагать своими силами и своими способностями для достижения своих законных целей»[12]. По его утверждению, «печать у нас больше, чем где бы то ни было, может оказать пользы, лишь бы ей дана была некоторая свобода обсуждения», поскольку в самодержавной монархии «истина далеко не всегда может дойти до слуха царева»[13].

Оставаясь монархистом и поклонником сильной центральной власти, Бунге, по словам Картавцова, «не упускал из виду, что нельзя хорошо управлять такой, как наша, громадной страной, вмешиваясь в мелочные вопросы местной жизни. Он был поэтому горячим защитником децентрализации в делах местного хозяйственного интереса»[14]. Порицая засилье бюрократии в России, Бунге говорил, что от чиновников нельзя ожидать «обновления» общественного развития[15]. При Николае I, писал он, «государство хотело все делать само, устраняя инициативу частных лиц и в умственной жизни, и в промышленной деятельности, и в общественной предприимчивости, и в заведывании местными внутренними делами. Общественная жизнь низводилась на степень механизма, которым должны были управлять опытные администраторы — государственные чиновники»[16].

Во второй половине 50-х годов Бунге включился во вспыхнувшую среди либералов-западников дискуссию о степени местной административной централизации. Образцом для Каткова, Кавелина и большинства авторов «Русского вестника» служили английские выборные учреждения. Англомания была отличительной чертой европейского либерализма 50-х гг., так как лишь Великобританию не затронула революционная волна 1848 г., захлестнувшая другие государства Запада. Становление у русских либералов идеализированных представлений о государственном устройстве Англии как страны «разумного прогресса» происходило под влиянием трудов французского историка А.Токвиля и прусского юриста Р.Гнейста. В воззрениях западников излишне жесткая централизация, как правило, ассоциировалась с диктатурой и деспотизмом. В публикациях «Русского вестника» на примере Франции доказывалась порочность безграничной власти администрации для общественного развития, которое оказывалось подверженным революционным переворотам. Напротив, Б.Н.Чичерин считал наиболее совершенной французскую систему управления, основанную на мелочной регламентации местной жизни из центра, еще более усилившейся при Наполеоне III[17].

В статье, посвященной анализу взглядов американского экономиста Г.Ч.Кэри, Бунге критически отозвался о государственном строе Франции. Он подчеркивал необходимость четкого разграничения понятий «административно-политическая централизация» и «административно-гражданская децентрализация», т.е. существование местных самоуправляющихся «общин». «Токвиль, — писал Бунге, — изобразил поразительными чертами общественное самоубийство, которое бывает обыкновенно следствием применения политической централизации к граж-

данским отношениям. Политической централизацией условливается жизнь народная; она дает бытие общим интересам и упрочивает за государством место в истории человечества; применение ее к гражданским отношениям ослабляет индивидуальную энергию и приготовляет разложение общества. Соединение политической централизации с администрацией гражданской приучает человека к полному и непрерывному отречению от выражения своей воли, властвует силою утвердившейся привычки и, изолируя людей, господствует над ними». По мнению Бунге, развитие местной инициативы является наилучшим средством против революционной опасности: «Шаткость общественной власти во Франции и прочный государственный порядок в Англии служат лучшим доказательством, что самоуправление общины составляет истинный оплот монархий»[18]. На лекциях в университете он предсказывал, что режим Наполеона III с его строжайшей централизацией рано или поздно «приведет Францию к катастрофе»[19].

Вслед за Токвилем и Гнейстом либеральные публицисты превозносили английское дворянство, в руках которого находилось местное самоуправление. В «Русском вестнике» отмечались особые черты английской аристократии — благоразумие, политический такт, незамкнутый характер, настойчиво проводилась мысль о слиянии интересов первого сословия и всего народа в Англии, подчеркивалось, что только дворянство этой страны оказалось достойным своего «социального призвания», не допустив революций, которые пережила континентальная Европа. Либералы призывали российское дворянство отказаться от сословного эгоизма и чрезмерных привилегий, выступали за преодоление кастовости дворянства, прилив в него «свежих сил» из числа землевладельцев других сословий, создание новой, «естественной» аристократии[20]. «Если высшее сословие, — писал Бунге в статье о юридических последствиях отмены крепостного права, — поддерживалось в Англии принятием новых, лучших элементов, то, конечно, первое скорее в интересах дворянства, чем последнее»[21].

Однако, восхищаясь местным самоуправлением и социальной политикой английской аристократии, Бунге, Безобразов, Кавелин, Катков и другие авторы не признавали приемлемыми для России английскую парламентарную систему и принцип разделения властей. Введение центрального народного представительства предполагалось ими в самой отдаленной перспективе и только после того, как самодержавие исчерпает свои реформаторские потенции. Эта позиция диктовалась стремлением нейтрализовать притязания олигархических кругов дворянства на раздел власти с троном, удовлетворение которых могло

привести к консервативной реакции и торможению процесса преобразований[22]. Участие дворян-землевладельцев в органах местного самоуправления должно было послужить политической компенсацией за утрату ими экономических привилегий после освобождения крестьян. Но надежды «примирить» абсолютизм с относительной самостоятельностью губернских и уездных выборных органов так и остались иллюзией. Обращая свой взор на Запад и, в то же время, заявляя об особом историческом пути России, идеологи либерализма игнорировали тот факт, что именно парламент являлся в Англии гарантом свободы местных учреждений.

Выступления Бунге в печати способствовали росту его авторитета в Киевском университете. Здесь сложилась влиятельная либеральная группировка, ядром которой был «просвещенный триумвират» в лице Бунге, Павлова и Шульгина[23]. По воспоминаниям Романовича-Славатинского, этих людей связывали «одинаковые взгляды на существующий порядок вещей»[24]. Их имена были «заветными» для передового студенчества 50-х годов[25]. Несмотря на свою молодость, Бунге стал признанным «главой университетской прогрессивной партии»[26].

Оживлению либеральных настроений среди киевской интеллигенции способствовали руководители учебного округа. С 1856 г. пост попечителя занимал Н.Р.Ребиндер, зять декабриста кн. С.П.Трубецкого. Он шел навстречу требованиям учащихся и даже разрешал студенческие сходки. Спустя два года «триумвиры» получили еще более влиятельного покровителя. Попечителем был назначен знаменитый ученый-хирург, герой обороны Севастополя Н.И.Пирогов. Горячий сторонник коренной перестройки народного образования, он сразу же приступил к радикальным преобразованиям: в университете было введено широкое студенческое самоуправление (студенческие сходки, суд, кассы, библиотека), отменены телесные наказания в учебных заведениях, начался пересмотр программ преподавания, в городе развернулось движение по устройству воскресных школ для народа и др. Произошло быстрое сближение попечителя с профессорами-либералами. Особенно тесные отношения сложились между Пироговым и Бунге. Попечитель симпатизировал молодому профессору, взгляды которого на задачи реформирования системы образования во многом совпадали с его собственными[27].

Поражение в Крымской войне наглядно доказало острейшую необходимость преодоления культурной отсталости России. Проведение в жизнь глобальных преобразований, нацеленных на ускоренную модернизацию страны, было невозможно без массовой подготовки специалистов в самых различных

отраслях государственного управления, науки и техники. Между тем, постановка высшего образования в империи пришла в явное противоречие с потребностями социально-экономического и культурного развития. Правительственная политика, особенно в период «мрачного семилетия» 1848—1854 гг., самым печальным образом отразилась на судьбе университетов: по охранительным соображениям из учебных программ были изъяты важнейшие предметы (философия, теория правоведения, государственное право европейских держав и др.), делалось все возможное, чтобы придать преподаванию узкоутилитарный, догматический характер, существующие штаты не обеспечивали должной специализации преподавания, структура факультетов не соответствовала достигнутой к тому времени дифференциации знаний, скудная материальная база препятствовала полноценной исследовательской работе и организации учебного процесса[28]. Поэтому во второй половине 50-х гг. вокруг университетского вопроса вспыхнула бурная полемика в научных кругах и периодической печати. Споры велись по таким проблемам, как роль университетов в обществе, содержание и характер высшего образования, соотношение научных и воспитательных функций университетов, взаимоотношения университетского руководства с правительственными органами и др.[29]

Начало этой дискуссии положил Бунге, опубликовавший несколько статей с критикой состояния высшего образования в России[30]. «Общество, — писал он, — ждет от университетов людей с энергией молодости, с нравственными убеждениями, с светом науки, с любовью к труду, но многие из поступающих в университеты, по-видимому с самыми лучшими задатками для будущего, выходят в свет нравственно и физически больными, со сведениями, ограничивающимися часто одними профессорскими записками, или с знаниями, хотя и более основательными, но бесполезными, по недостатку сноровки и умения применить их к делу»[31]. Бунге выступал за восстановление автономии университетов и демократизацию их управления, укрепление связи высшего образования с практикой, повышение специализации преподавания, протестовал против засилья классической системы, призывал правительство и общество усилить внимание к материальным нуждам студентов.

Идеи Бунге встречали у Пирогова самый одобрительный отклик. Попечитель неприязненно относился к тогдашнему ректору университета Р.Э.Траутфеттеру, который опасался всяких нововведений. Поэтому в начале мая 1859 г. по настоянию Пирогова ректором был назначен Бунге. Выдвижение на такой пост молодого 35-летнего профессора не имело прецедента в

истории университета и вызвало «скрежет зубовный» у многих преподавателей старшего поколения. «Как! Бунге, который еще недавно был нашим слушателем, и Бунге превосходительство, и Бунге ректор!» — такова была реакция коллег[32]. По свидетельству Шульгина, на попечителя «посыпались проклятия», но министр народного просвещения Е.П.Ковалевский, посетивший в те дни Киев, назвал это назначение «одним из лучших дел Пирогова». На студентов подобное известие «произвело самое благоприятное впечатление»[33]. 29 декабря этого же года Бунге был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Николай Христианович не успел приступить к ректорским обязанностям — по высочайшему повелению он был вызван в Петербург для участия в работе Редакционных комиссий, учрежденных для подготовки законопроекта об отмене крепостного права. Этот нетрадиционный для российского государственного аппарата орган формировался по принципу общности идейно-политических убеждений большинства его участников и личных связей внутри определенной либеральной группировки чиновников и общественных деятелей[34]. Председатель Комиссий гр. Я.И.Ростовцев распорядился включить в число членов-экспертов «свободного представителя политической экономии, статистики или финансовых наук из профессоров университетов»[35]. Выбор пал на Бунге, который к концу 50-х годов был широко известен как авторитетный экономист и специалист в области финансов. Его трудами пользовались высокопоставленные члены Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу в 1856—1858 годах[36]. Николай Христианович воспринял выполнение этого поручения как гражданский долг. «Будучи просвещенным гуманистом, — вспоминал один из участников Комиссий П.П.Семенов-Тян-Шанский, — Бунге глубоко сочувствовал идее освобождения крестьян, а по окончании Крымской войны, вместе с лучшими людьми русской интеллигенции, пришел к убеждению о необходимости и своевременности этой меры»[37]. Его главной задачей, как и других членов Финансовой комиссии, созданной в структуре Редакционных комиссий, была разработка важнейшего звена реформы — выкупной операции.

Бунге не стал лидером Комиссий, как Н.А.Милютин, Ю.Ф.Самарин и кн. В.А.Черкасский. Однако он сразу же примкнул к либеральному большинству и последовательно отстаивал его позиции по коренным вопросам будущего преобразования. Особенно значительную роль Николай Христианович сыграл при подготовке выкупной операции. Финансовая комиссия по сравнению с другими отделениями была наиболее сильной по составу, что объяснялось сложностью поставлен-

ной задачи. Кроме Бунге в нее входили видные чиновники-экономисты Ю.А.Гагемейстер, А.П.Заблоцкий-Десятовский, Е.И.Ламанский, Н.А.Милютин, М.Х.Рейтерн и др. Но и на этом фоне Николай Христианович выделялся своей компетентностью. По словам Семенова-Тян-Шанского, в Комиссиях он считался «лучшим авторитетом» по финансовым проблемам[38]. Именно ему было поручено составление доклада Финансовой комиссии о проекте выкупной операции. В нем Бунге подробно рассмотрел все мнения губернских комитетов о выкупе и аргументированно изложил точку зрения Комиссии. Доклад был просмотрен Ростовцевым, а затем окончательно отредактирован Бунге при участии Милютина и Заблоцкого-Десятовского[39]. Оценивая личный вклад Николая Христиановича, Картавцов писал, что ему «принадлежит всецело план выкупной операции и положение о выкупе»[40].

Бунге подготовил также записки об учреждении земских банков и отмене подушной подати[41]. Они были зачитаны на заседании Общего присутствия, одобрены Ростовцевым и по его указанию переданы для рассмотрения в Финансовую комиссию[42]. Параллельно Бунге участвовал в деятельности Политико-экономического комитета при отделении статистики Русского географического общества. Около трети его участников были членами и членами-экспертами Редакционных комиссий. Здесь оживленно дебатировались проблемы крестьянской реформы, налогообложения, кредита, денежного обращения и др.[43] Кроме того, министр финансов А.М.Княжевич ввел Бунге, Гагемейстера, Ламанского, Милютина и Рейтерна в комиссии по преобразованию кредитной системы и учреждению земских банков (1859 г.).

В Редакционных комиссиях Бунге прошел настоящую школу по крестьянскому вопросу, приобрел конкретные знания о хозяйственном и юридическом устройстве пореформенной деревни. В дальнейшем это весьма пригодилось ему на министерском посту. В общественном мнении и научной литературе Бунге заслужил репутацию видного деятеля отмены крепостного права. Современный немецкий историк П.Шайберт назвал его «наиболее выдающимся» из членов-экспертов Редакционных комиссий[44]. В 1859—1860-х гг. заметно упрочились связи Бунге со столичными либеральными бюрократами, сложились дружеские отношения с Рейтерном, вскоре назначенным министром финансов (1862—1878 гг.) и Ламанским, который в 1860 г. стал товарищем управляющего, а в 1867 г. — управляющим Государственным банком.

После завершения работ Редакционных комиссий в октябре 1859 г. Бунге вернулся в Киев и сразу же оказался под «перекрестным огнем» враждующих университетских группировок. Среди преподавателей было немало иностранцев, главным образом немцев, приглашенных ранее из-за нехватки собственных кадров. Это постоянно вызывало национальную рознь. Подобное явление имело место и в других университетах, но в Киеве с его разноплеменным населением (русские, украинцы, поляки, евреи) оно приобрело особо острые формы. Здесь с давних пор сложились немецкая и украинская «партии», которые вели между собой непрерывную войну. Университетская атмосфера была насыщена подозрительностью и взаимной ненавистью[45].

Стремление ректора примирить враждебные стороны нередко оборачивалось против него. Ему не раз приходилось защищаться от нападок. Недоброжелатели даже пытались выставить Бунге перед петербургским начальством как «главного двигателя университетских интриг»[46]. Вспышку зависти у некоторых коллег вызвало присвоение ректору в апреле 1861 г. «генеральского» чина действительного статского советника. «Я помню, какую сенсацию это произвело в университетской среде: такого высокого чина профессора еще не получали», — писал Романович-Славатинский[47].

Не менее ожесточенные национальные конфликты вспыхивали среди студентов. Накал страстей усугублялся социальной неоднородностью учащихся: свыше половины их составляли поляки из богатых дворянских семей, большинство же русских и украинцев принадлежало к демократическим слоям населения. Ситуация осложнялась падением влияния либеральной интеллигенции. «Триумвират» распался — Павлов был выслан из Киева по обвинению в связях с Герценом и попустительстве революционной пропаганде в воскресных школах, по семейным обстоятельствам ушел из университета Шульгин. В апреле 1861 г. получил отставку Пирогов. Новый попечитель бар. А.П.Николаи (1861—1862 гг.), хотя и считался либеральным деятелем, тем не менее, учитывая настроения в «верхах», постарался уничтожить последствия слишком «радикальных» мероприятий своего предшественника. Накануне польского восстания отношения между преподавателями и студентами-поляками заметно ухудшились. В университете усиливались консервативные и шовинистические тенденции[48].

На Бунге обрушились и другие заботы. Ему пришлось отложить научные изыскания и погрузиться в текущие административные дела. В письме к издателю «Отечественных записок» А.А.Краевскому он назвал ректорскую должность «настоящей кабалой» и жаловался, что «завален перепиской по хозяйственной части» и «просиживает целые дни за самой неблаго-

дарной работой»[49]. Бунге удалось решить вопрос об учреждении при университете периодического издания, который безрезультатно обсуждался уже полтора десятилетия. 10 марта 1861 г. совет утвердил разработанную ректором программу ежемесячных «Университетских известий». Новое издание стало выходить с сентября этого же года[50].

Вскоре Бунге вновь отправился в столицу. Осенью 1861 г. под давлением студенческих волнений в Петербурге и других университетских городах правительство было вынуждено пойти на пересмотр устаревшего университетского законодательства. Эта задача возлагалась на комиссию под председательством попечителя Дерптского учебного округа Е.Ф. фон Брадке (декабрь 1861 г.), в которую наряду с представителями других университетов вошел и Бунге[51]. Еще в 1860 г. он дал официальный отзыв на составленный в Петербургском университете первый проект нового устава. Николай Христианович высказался за широкую университетскую автономию, расширение прав советов университетов, выборность ректоров и деканов факультетов[52]. Свои взгляды он развивал и в комиссии Е.Ф. фон Брадке. Бунге сыграл видную роль в разработке проекта, который лег в основу либерального университетского устава 18 июня 1863 года[53].

В марте 1862 г. на выборах ректора Николай Христианович не собрал большинства голосов и ушел со своего поста. Однако он не ограничивал себя только научно-педагогической деятельностью. Спустя два месяца по рекомендации Ламанского Бунге был назначен по совместительству управляющим третьей в стране по величине и значению Киевской конторой Государственного банка. В тот момент ее дела находились в полном расстройстве, и она постоянно терпела убытки. По словам одного из служащих Конторы П.Я.Казина, новый управляющий сразу же уничтожил «ту резкую границу, которая существовала до того времени у нас между начальником и подчиненным», постоянно ободрял людей «ласковым приветствием, добрым словом и улыбкой» и «этим приобрел глубокое уважение». В заведовании делами он проявил «необыкновенную энергию и силу воли». Даже в праздники и воскресные дни прохожие видели в освещенном окне здания Конторы работающего Бунге[54]. Под его руководством Контора в течение нескольких лет стала весьма прибыльной и образцовой по своему устройству. В 1866 г. в период длительной заграничной командировки Ламанского он временно управлял Государственным банком в Петербурге. Это позволило Бунге на практике овладеть искусством финансовых операций и заслужить репутацию талантливого администратора. Как писал о нем автор статьи в энциклопедическом

словаре, «с этого времени голос его приобретает решающее значение в вопросах финансовых, и общественное мнение начинает обращаться к нему за указаниями, как выйти из нашего далеко не блестящего финансового положения»[55].

По инициативе Бунге в 1868 г. были основаны Киевское городское общество взаимного кредита (некоторое время он был его управляющим) и первый в России провинциальный акционерный банк (Киевский частный коммерческий), а в 1871 г. — Киевский промышленный банк. При поддержке Николая Христиановича в городе возникло Биржевое общество (1869 г.), которому он помог получить земельный участок и средства для строительства здания биржи[56]. Причем сам Бунге не принимал никакого личного участия в коммерческой деятельности и считался человеком «редкого бескорыстия»[57]. В 1869 г. «московские немцы» (М.М.Вогау и др.) пригласили его на должность управляющего основанного ими Московского учетного банка, но он отказался покинуть Киев[58].

В 1862 г. Шульгин взялся за редактирование основанной властями газеты «Киевлянин». Она издавалась при деятельном участии членов редакции Бунге и его давнего коллеги по Лицею кн. Безбородко М.А.Тулова, занимавшего должность помощника попечителя. Николай Христианович опубликовал в газете ряд статей и заметок. В те годы «Киевлянин» был передовым органом, отстаивавшим реформаторские идеи[59]. Бунге вышел из редакции только после переезда в Петербург.

Осенью 1863 г. в судьбе Бунге произошло знаменательное событие. Попечитель цесаревича Николая Александровича гр. С.Г.Строганов попросил его прочесть своему питомцу курс финансового права. Учтивый и эрудированный профессор из Киева понравился царской семье. Доброе отношение со стороны Александра II и его близких имело впоследствии огромное значение для резкого взлета карьеры Бунге. Занятия продолжались недолго — с октября 1863 по июнь 1864 г. Но они оказались очень плодотворными. «Положительный и быстро схватывавший ум Великого Князя, — вспоминал Бунге, — требовал не популярного, но строго научного, серьезного изложения предмета»[60]. Николай Александрович проникся к наставнику глубокой симпатией и говорил о нем с неизменной почтительностью. «Положенные Вами святые начала в учебном образовании Цесаревича, — писал Строганов Бунге, — не останутся, конечно, без добрых последствий, потому что воспоминание о беседах с достойным ученым тесно связались с сочувствием Его Высочества к высоко-нравственному Вашему характеру».

Неизлечимая болезнь преждевременно свела многообещающего юношу в могилу. В марте 1865 г., незадолго до кончины, он собирался вновь вызвать Бунге в столицу и продолжить занятия на еще более высоком уровне[61]. Николай Христианович горько сожалел о «редком, рано угасшем даровании»[62]. Бунге познакомился и с другим сыном императора — вел. кн. Александром Александровичем, ставшим после смерти старшего брата наследником престола. Он тоже пленился ясным умом и обаянием личности наставника. В дальнейшем цесаревич при случае старался выдвигать Бунге. В 1876 г. по рекомендации Александра Александровича император ввел его в комиссию «сведущих людей», которая изучала вопрос о финансировании надвигающейся войны с Турцией[63].

3. «Забытый в Киеве»

С середины 60-х годов в правительственной политике усилились консервативные тенденции, и Бунге перестали приглашать в Петербург для участия в разработке реформаторских проектов. По словам Картавцова, Николай Христианович долгие годы «оставался как бы забытым в Киеве»[1]. Но он находил все новые применения своей энергии. Когда в городе ввели общественное самоуправление, его сразу же избрали гласным думы. Он с увлечением погрузился в дела городского хозяйства, председательствовал в финансовой комиссии, которой были поручены составление городских смет и контроль за их исполнением. Авторитет Бунге в Киеве был настолько высок, что дума неоднократно просила его занять пост городского головы, но он всякий раз отклонял эти предложения, ссылаясь на занятость в университете[2].

Наука и образование молодежи оставались главным призванием киевского профессора. На пореформенные десятилетия приходится расцвет Бунге как ученого, педагога и публициста. Один за другим выходили в свет его труды, дважды издавались лекционные курсы по статистике и полицейскому праву, в периодической печати публиковались многочисленные статьи. В декабре 1874 г. он получил чин тайного советника, а в апреле 1876 г. утвержден в звании заслуженного профессора.

Кандидатура Бунге была выдвинута немецкой «партией» на выборах главы университета в апреле 1871 года. При слабовольном и пассивном ректоре А.П.Матвееве (1867—1871 гг.), не прекращались раздоры на заседаниях совета, в административном управлении воцарился хаос. «Если уж нельзя было надеяться на выбор лица, стоящего вне связи с той или другой партией, — вспоминал профессор В.И.Модестов, — то г. Бунге,

человек дела и испытанной рассудительности, был предпочтительнее всякого малороссийского кандидата. Избравши его ректором, университет приобретал во всяком случае одну несомненную выгоду: водворение порядка в делах, дошедших до большой запущенности. Можно было надеяться, что советские заседания примут более или менее благопристойный вид, что не будет в них шума и неблагочиния, надоевшего большей части членов совета до крайности»[3]. После избрания Бунге эти надежды вполне оправдались. Он сумел в достаточно короткий срок дисциплинировать своих коллег и упорядочить университетскую администрацию.

О Бунге-ректоре сохранились лестные отзывы. «Это был очень надежный человек, — писал студент тех лет В.Г.Авсеенко, — и знающие его были уверены, что всякое дело, зачинающееся при его участии, непременно будет поставлено и сделано хорошо, т.е. умно, дельно, справедливо и гуманно, с немецкой серьезностью и без русской страстности и распущенности. (...) Одним словом, натура Николая Христиановича стояла как бы посредине между русской и немецкой, заимствуя лучшее у той и другой. Такие люди редки и — необыкновенно полезны»[4].

Особенно близко к сердцу Бунге принимал нужды студенчества. По указанию ректора в университете было проведено анкетирование, которое выявило чрезвычайно низкий материальный уровень большинства учащихся. В специальной брошюре ректор высказался за повышение стипендий и срочные меры по удешевлению студенческих квартир, питания и учебных пособий. «Очевидно, — подчеркивал он, — что вопрос об уменьшении в университете нищеты между учащимися имеет капитальную важность. От удовлетворительного его разрешения зависит и возвышение уровня высшего образования, вследствие более успешных занятий, и устранение поводов к образованию между студентами кружков, товариществ и пр., так как улучшение материального быта учащихся лишит людей, пытающихся завлечь молодое поколение, почвы, благоприятной для достижения целей, чуждых высшему образованию»[5].

Бунге всегда возражал против репрессий по отношению к студенческому движению. Он проводил в университете гибкую компромиссную политику и умел предотвращать волнения. Ректор никогда официально не разрешал студентам собираться на сходки, открывать свои столовые, библиотеки и читальни, так как это строго преследовалось законом. Но он всегда знал о подобных мероприятиях и настаивал на том, чтобы администрация (генерал-губернатор кн. А.М.Дондуков-Корсаков и попечитель П.А.Антонович) смотрела на них «сквозь пальцы», и ручался за соблюдение порядка. Учащиеся платили Бунге ис-

крепней признательностью и безграничным уважением. «Молодежь знала, — писал Картавцов, — что этот ректор всегда выслушает, наставит, направит и поможет, знала, что, дав обещание, он всегда его исполнит, что всегда заступится и всякому поможет в трудную минуту»[6]. В своих мемуарах бывшие студенты отмечали, что во многом благодаря высокому моральному авторитету Бунге и его разумному управлению университет св. Владимира избежал общей участи. В период «хождения в народ» и усиления революционной пропаганды (1874—1875 гг.), когда в результате студенческих волнений были временно закрыты почти все университеты, обстановка в Киеве оставалась достаточно стабильной, хотя здесь «агитировали» не меньше, чем в других вузах[7].

В августе 1872 г. консервативный министр народного просвещения гр. Д.А.Толстой запросил мнение университетов о желательных изменениях в уставе 1863 г. Однако все советы единодушно высказались за сохранение действующего законодательства. Совет университета св. Владимира во главе с ректором отметил лишь необходимость «достойного» замещения кафедр, слабость предварительной подготовки студентов в гимназиях, «стеснительное» материальное положение молодежи, недостаток средств на приобретение книг и содержание учебно-вспомогательных учреждений (библиотек, клиник, лабораторий, типографий и др.)[8]. Но эти отзывы не смутили Толстого. В 1875 г. в Министерстве была создана комиссия по пересмотру устава под председательством И.Д.Делянова.

Между тем против Бунге постепенно сложилась оппозиция преподавателей, недовольных его твердым и деловым руководством. «По своей рабочей и вместе талантливой натуре он не мог оставаться без почина, — вспоминал Романович-Славатинский, — а в этом усматривали посягательство на автономию совета». Кроме того, многие профессора не одобряли политики Бунге по отношению к студентам, рассматривая ее как «популярничание перед молодежью»[9]. В мае 1875 г. ректором опять был избран Матвеев. Но он не смог справиться ни с университетскими дрязгами, ни с участившимися студенческими волнениями. В ноябре 1878 г. ректор заявил о своей досрочной отставке. По настоятельной просьбе коллег Бунге согласился вновь принять бразды правления.

Для подобного шага в тот момент требовалось немалое гражданское мужество. Киев превратился в настоящий «рассадник» революционной пропаганды. Ни один террористический акт в стране не совершался без участия местных «нигилистов»[10]. Студенческое движение достигло небывалого размаха. Большинство членов университетского совета были сторонниками жестких карательных санкций против «бунтовщиков». Но Бунге, как и ранее, старался уладить все конфликты компромиссным путем и даже пойти на удовлетворение тех требований студентов, которые касались их быта и учебных занятий. Ректор пытался защитить своих подопечных от гнева губернского начальства. Широкую известность получил случай, когда он отправился к генерал-губернатору М.И.Черткову хлопотать за «выдающегося по дарованиям» студента И.К.Иванова, арестованного за связь с киевским кружком «Земли и воли». Однако Чертков согласился смягчить приговор революционеру только после того, как он выдаст всех своих товарищей. Бунге, разумеется, отказался передать Иванову столь «позорное» предложение[11].

Стремления ректора добиться мирного урегулирования университетских противоречий не дали ощутимых результатов. Студенческие волнения с небольшими перерывами продолжались и в 1879—1880 годы. У преподавателей угасла вера в способность Бунге справиться с ситуацией. Его положение заметно пошатнулось. На ректора посыпались обвинения в заигрывании со студентами и попустительстве революционной пропаганде. «Время было слишком смутное, — писал Романович-Славатинский, — университетская молодежь была экзальтирована. Агитация шла извне. Против нее была бессильна благородная политика Бунге: он очутился между двух огней — недовольством беспокойных студентов и недовольством многих членов совета, требовавших суровых и крутых мер»[12].

Ректора угнетало и другое обстоятельство — в Министерстве народного просвещения закончилась подготовка нового устава, который существенно урезал университетские «свободы». В одной из статей (1877 г.) Бунге указал на важнейшие задачи правительства в области образования: расширение автономии университетов и самоуправления других учебных заведений в деле преподавания и воспитания, введение всеобщего и обязательного начального образования, устранение резкого разграничения между классическим и реальным обучением, предоставление земским и городским выборным органам самостоятельности в организации системы образования на местах[13]. Но Министерство придерживалось иных установок. Вскоре после того, как Толстой в феврале 1880 г. внес проект устава в Государственный совет, Бунге сложил с себя обязанности ректора. С горьким удовлетворением он писал Пирогову, что вовремя «сходит со сцены»[14].

Однако Бунге недолго сокрушался о печальном финале своего третьего ректорства. В июне 1880 г. он был назначен товарищем министра финансов и навсегда покинул Киев. Город-

ская общественность провожала его с большим сожалением. «Мы радуемся за Петербург, но для Киева это невознаградимая утрата, — писал «Киевлянин». — Наш город теряет общественного деятеля, авторитет которого стоял так высоко, который пользовался во всех сферах таким громадным нравственным влиянием, как никто другой. Сколько раз в трудных случаях киевское общество обращалось с полной верой к Николаю Христиановичу и всегда находило у него совет и помощь. Скромный домик в Липках был действительным центром, куда невольно обращались все взоры, как только на горизонте киевской общественной жизни появлялась туча»[15]. Дума преподнесла Бунге звание почетного гражданина, а университетские профессора собирались устроить бал и прощальное чествование. Но Бунге отказался от всех официальных церемоний[16].

* * *

К моменту вступления на высокий государственный пост Николай Христианович Бунге был выдающейся личностью разнообразных дарований, известным ученым, педагогом, крупным общественным деятелем. По воспитанию и образованию он был истинным «человеком 40-х годов». Формирование его мировоззрения протекало в процессе многолетнего изучения передовых европейских идей в либеральных кружках Нежина, Киева и Петербурга, в ходе острых дискуссий о путях развития страны. Бунге прочно усвоил западные духовные ценности с их гуманистической направленностью. Он сыграл заметную роль в просветительном движении российской интеллигенции, развернувшемся в предреформенный период. Р.Г.Эймонтова относит Бунге, наряду с Т.Н.Грановским, Д.И.Каченовским, Д.И.Мейером, П.В.Павловым, В.С.Порошиным, В.Я.Шульгиным, к немногочисленному типу профессора-просветителя[17]. Это были ученые и преподаватели либеральных убеждений, которые осуждали самодержавный деспотизм и мечтали о преодолении вековой отсталости России. Они не только несли учащейся молодежи свет знания, но и заботились о ее духовном и нравственном совершенствовании, пробуждали в ней стимул к работе во имя общественного блага. Бунге и другие просветители пытались распространить влияние науки за пределами университетов, выступая как лекторы-популяризаторы и публицисты.

В воззрениях Бунге отразились особенности российского либерализма 50—60-х годов. Признание приоритета человеческого разума, вера в самоценность свободной личности, преданность идеям гласности и правопорядка сочетались у Бунге и

других либералов с представлением об исключительном значении государства в истории России, приверженностью монархической форме правления, ярко выраженным антирадикализмом, отказом от конституционных лозунгов (но без отрицания конституционализма в принципе). Это было обусловлено архаичностью социальной структуры страны, отсутствием влиятельного третьего сословия и основных гражданских свобод, неподготовленностью подавляющего большинства населения, еще не вышедшего из крепостнического состояния, к конституционному строю, сознанием того, что конституция в то время могла быть только сословно-олигархической, создающей опасность для проведения преобразований, и, следовательно, заинтересованностью либералов в существовании сильного правового государства с мощными реформаторскими потенциями, которое могло быть только исторически сложившейся монархией, опирающейся на закон и эффективную исполнительную власть в лице либеральной бюрократии. Преимущественное внимание к социальным проблемам (главным образом к крестьянскому вопросу) отодвигало политические требования на второй план[18]. В программах либеральных бюрократов и близких к ним по взглядам либеральных общественных деятелей социальная реформа всегда предшествовала политической[19].

Западничество как идейное течение стало опорой для реформаторской практики российского либерализма, что, впрочем, не исключало сотрудничества западников со славянофилами, прежде всего в подготовке отмены крепостного права. Бунге внес свой вклад в разработку проектов преобразований. Непосредственное участие в Великих реформах было настоящим переломом в его жизни. Он навсегда сохранил верность идеалам эпохи 60-х годов. Это отчетливо проявилось в период его государственной деятельности.

Глава II
ПРОГРАММА РЕФОРМ

1. Экономист-теоретик

Многие годы Бунге размышлял о проблемах народного хозяйства России. На страницах научных и публицистических работ киевского профессора была изложена обширная программа экономических преобразований, которая строилась на солидном фундаменте его общих теоретических воззрений.

В 1857 г. Бунге писал о низком уровне изучения политической экономии в России и отсутствии «оригинальных русских произведений»[1]. Крупных специалистов в этой области было мало. Кроме Бунге можно указать лишь на И.К.Бабста, В.П.Безобразова, А.И.Бутовского, И.В.Вернадского и И.Я.Горлова, труды которых получили признание в научном мире. Развитие экономической мысли в известной степени сдерживалось цензурой, запрещавшей касаться особенностей хозяйственного строя России, основанного на крепостном праве. «Оттепель» второй половины 50-х годов XIX в. и появление гласности в обсуждении предстоящих реформ вызвали расцвет экономической литературы, происходивший под сильным воздействием западной политэкономии[2].

Теоретические установки отечественных ученых носили, как правило, заимствованный характер. Однако ни одно из направлений европейской экономической науки не нашло безоговорочного признания в России — слишком велик был контраст между передовыми странами Запада и отсталой крепостнической империей. «Чужеродные» теории оценивались применительно к специфическим российским условиям и своеобразно трансформировались. Бунге это было особенно свойственно. Обладая критическим складом ума, он старался о каждой доктрине судить беспристрастно и выделять в ней как сильные, так и слабые стороны[3]. Профессор наставлял своих учеников, что «знание приобретается не верой в догматы теории, выдаваемой за нечто несомненное, а тщательным анализом явлений, правильными выводами из бесспорных основных положений и осторожными обобщениями»[4]. По воспоминаниям Д.И.Пихно, «в то время, когда молодая мысль рвалась к реформаторским планам мечтателей, желавших переделать и осчастливить человечество, беспощадная логика нашего учителя разрушала эти соблазнительные построения, и они падали у наших ног, как разбитые детские игрушки»[5].

Бунге признавал великую роль А.Смита и английской классической школы в создании и развитии политической экономии как науки, разработке учения о производительных силах, разделении труда, конкуренции, отраслях доходов и др.[6] Вслед за Смитом он рассматривал экономическую жизнь как естественно складывающийся порядок, где властвуют универсальные законы, порожденные природой, а все многообразие хозяйственных явлений — как «выражение общих экономических начал»[7].

В то же время Бунге порицал английского экономиста за чрезмерное увлечение «абстрактным» методом в политэкономии. «Смит не дает надлежащего значения историческому развитию хозяйственных отношений, — писал он, — и не совсем правильно смотрит на законы и учреждения, определяющие нормы хозяйственного порядка. Хотя исторический элемент занимает у Смита не последнее место, но везде историческому развитию Смит противополагает свой идеальный, естественный ход вещей»[8]. Между тем, утверждал Бунге, «задача ученого состоит не в изложении общих отвлеченных понятий — общего хода экономического процесса, но в изучении многоразличных форм действительности»[9].

При этом Бунге руководствовался взглядами представителей старой немецкой исторической школы В.Рошера, Б.Гильдебрандта, К.Книса и Л.Штейна. Они критиковали Смита за «космополитизм» и «универсализм», выражавшийся в стремлении придать экономическим законам одинаковую силу для всех стран и времен. В противоположность «абстрактной» модели Рошер и его последователи ратовали за «национальную» политэкономию, предметом которой должна была стать хозяйственная эволюция определенного народа, обусловленная своеобразием его исторической судьбы, природными условиями и т.п.[10] Призыв к анализу конкретных экономических явлений как нельзя лучше соответствовал интересам русской науки, поглощенной исследованием хозяйственной специфики страны[11]. С середины 50-х годов идеи этой школы широко пропагандировались в либеральной публицистике[12]. Бунге предсказывал, что «историческое направление с каждым годом будет все более и более приобретать последователей и займет следующее ему по праву место в литературе нашей науки»[13]. Однако, по его словам, немецкие экономисты склонны впадать в другую крайность и вообще отрицать существование универсальных законов. «Формы хозяйственного устройства, — подчеркивал он, — подобно всем общественным явлениям, имеют, без со-

мнения, и общечеловеческую, и национальную сторону, и в этом смысле совмещают в себе обе стихии»[14].

Бунге разделял точку зрения западных экономистов (Н.У.Сениора, Ф.Листа, Г.Ч.Кэри, Ф.Бастиа и др.), отвергавших трудовую теорию стоимости А.Смита и Д.Рикардо и тезис о вещественном характере труда. Движущей силой общественного развития он считал стремление людей к удовлетворению своих потребностей посредством «полезной работы», которая заключается не только в производстве предметов потребления, но и в научной, культурной и даже нравственной деятельности. Производительными силами являются труд, природа и капитал, т.е. масса накопленной «полезной работы». В совокупности они создают «ценность» (стоимость) вещей, услуг, идей и т. д. Действие производительных сил при бесконечном многообразии человеческих потребностей и возможностей для их удовлетворения приводит к общественному разделению труда. Между участниками производства возникает обмен ценностями, составляющий «сущность экономических отношений» и обусловливающий «гармоническое, стройное развитие общественного порядка». В ходе обмена рождается «соперничество» (конкуренция) — «невидимый распределитель работ в обществе сообразно с существующим на них запросом»[15]. Ценность «полезной работы» индивидуума, воплощенная в движимых и недвижимых имуществах, представляет собой частную собственность — «естественное общественное установление», до появления которого «равенство нищеты, невежества и животного прозябания составляло общий жребий людей». Именно собственность «дала возможность личной энергии выйти из этого положения и возвыситься до образования духовного; она привела в соприкосновение деятельность отдельных лиц, сделалась органом их сношений, и там, где нет этого языка, там существует или однообразное механическое устройство аскетизма, или порабощение грубой материальной силой»[16].

Своими представлениями о хозяйственном организме как о саморегулирующейся системе Бунге руководствовался в вопросе о соотношении частной инициативы и государственного участия в экономической жизни. В 50—60-е гг. он придерживался либерально-фритредерской концепции, которая была выдвинута физиократами, развита Смитом и английскими экономистами манчестерской школы (Дж.Брайтом, Р.Кобденом и др.). Бунге рассматривал государство как «внешний авторитет», возникающий в обществе вследствие нарушения естественных экономических законов из-за нравственного несовершенства людей. Поэтому его задача заключается в восстановлении утраченной «гармонии» и упрочении общественной нравственности. Не являясь непосредственным порождением хозяйственного строя, «верховная власть» не должна по своему произволу вторгаться в экономические отношения. Одним из самых варварских примеров такого вмешательства Бунге считал «безумные и уродливые меры», предпринятые революционным правительством Франции в конце XVIII столетия. Он подчеркивал, что любой шаг государства «только тогда достигает своей цели, когда согласуется с естественными законами народного хозяйства»[17]. Идеи экономического либерализма пользовались в России огромной популярностью. Позднее Бунге объяснял это закономерной реакцией общества на политику Николая I, при котором «правительство предоставляло частной предприимчивости слишком мало простора и принимало на себя слишком много»[18].

Однако даже в период своих фритредерских увлечений Бунге признавал, что «в политическом организме есть целебная сила природы»[19]. Он пытался найти «золотую середину», оптимальное соотношение между частным предпринимательством и государственным участием в экономике. С его точки зрения, главная задача современности состояла в том, чтобы «дать наибольшую свободу обнаружению частных хозяйственных интересов, тесно связать их между собой и интересами государства, в котором должна заключаться для них возможная гарантия»[20].

С конца 60-х гг. в работах Бунге усилилась критика крайностей экономического либерализма. Он упрекал Смита за неоправданно враждебное отношение к государственному вмешательству в экономическую жизнь. «Ошибка либеральной школы, начиная с физиократов и оканчивая Бастиа, — подчеркивал Бунге позднее в «Очерках политико-экономической литературы», — состояла в предположении существования одного незыблемого естественного хозяйственного порядка, предустановленного провидением, и в признании коренным условием для осуществления этого порядка и зависящего от него благосостояния — одного свободного проявления частных интересов. По мнению этой школы, общественные бедствия происходят главным образом от стеснения свободной деятельности частных лиц. Между тем на деле хозяйственное устройство человеческих обществ не есть нечто совершенно однообразное; оно развивается вместе с успехами образования, благосостояния и нравственности, вместе с расширением круга деятельности и общественной власти, и индивидуальной инициативы. Общество благоустроенное не есть неизбежная форма свободно сложившихся частных отношений, как думали последователи Смита, — это результат непрерывного совокупного действия правительства и народа»[21].

Эволюция взглядов Бунге была связана как с разочарованием в идеях экономического либерализма на Западе, так и с невозможностью применить их «в чистом виде» в России, где государство всегда оказывало исключительно мощное воздействие на ход экономического развития. «Практическое применение начал Смита не оправдало, однако же, надежд, возбужденных школой свободы промышленности, — писал Бунге в 1869 г. — И в практической деятельности, и в науке является мысль о необходимости ограничений свободы и об устройстве народного хозяйства при участии государства»[22].

В этом вопросе Бунге находился под явным влиянием Дж.С.Милля. Выдающийся английский экономист указал на неэффективность системы свободной конкуренции для решения ряда проблем народного хозяйства и определил функции государства в совершенствовании инфраструктуры, налогообложения, социального обеспечения, правовой защиты частной собственности и предпринимательства, образования, науки и т.д.[23] В полемике со Смитом Бунге приводил в качестве примера именно Милля, который «является другом свободы и поборником невмешательства власти, но он не задумывается призывать власть на помощь там, где требует этого благо общества»[24].

Бунге особо отмечал роль государства как арбитра между классами. Его не устраивал один из основных догматов экономического либерализма — в соответствии с естественными экономическими законами индивидуум должен сам реализовывать свои возможности, добиваясь материального благополучия и нравственного совершенства. По словам Бунге, Смит исходил из ложной посылки, что «человек, руководимый своей личной выгодой, будет действовать в то же время и для блага общества»[25]. Скептически он отнесся и к теории «гармонии интересов» Г.Ч.Кэри (США) и его последователя Ф.Бастиа (Франция). Следуя учению Смита о «естественном порядке вещей», они утверждали, что ими открыт универсальный закон общественного развития, сущность которого заключалась в тенденции индивидуумов к всеобъемлющей гармонии. Кэри и Бастиа изображали капиталистический строй как гармонический хозяйственный режим, основанный на оказании различными социальными группами взаимных услуг и лишенный внутренних противоречий[26]. Бунге подчеркивал, что их теория «есть только идеал, к которому движется промышленный порядок», поскольку «гармония личных стремлений может быть только принадлежностью высокого развития общества в умственном, нравственном и материальном отношениях»[27].

В отличие от Кэри и Бастиа, Бунге признавал наличие глубоких социальных антагонизмов, в основе которых лежит неравномерное распределение доходов. Усиление имущественной дифференциации и обострение классовых конфликтов неизбежно ведут к росту влияния идей социализма и коммунизма, что создает угрозу государственным устоям и всему существованию современной цивилизации. Бунге резко критиковал К.Сен-Симона, Ш.Фурье, Р.Оуэна, Л.Блана, Ф.Лассаля, Ж.Прудона и других «утопистов» за беспочвенные обещания человечеству счастья в некоем идеальном обществе будущего. На самом деле, утверждал он, все благие посулы социалистов лишают людей реальных жизненных ориентиров, оборачиваются всеобъемлющим диктатом государства и жестоким подавлением самых элементарных прав личности. «Спрашивается, — писал Бунге, — многие ли из бедняков, придавленных нищетой, могут понять, что недвижимая собственность, наследство составляют условие для индивидуального развития человека и для упрочения семейного духа, что денежные капиталы вывели человека из состояния рабства и зависимости, что соперничество есть символ свободы и личности, что социализм обращает человека если не в раба другого человека, то в раба общественного, обязанного за установленную работу получать содержание натурой и не иметь ничего своего и ничем не располагать; наконец, что с утратой свободы утрачивается также человеком личная ответственность — тот сильный нравственный двигатель, без которого правильная общественная жизнь немыслима»[28]. По его словам, эфемерность проектов коммунистического переустройства доказывается историей общин сектантов, которые «держались до тех пор, пока в них господствовало религиозное увлечение, поддерживавшее власть руководителей, но коль скоро в них проникал дух свободного исследования и начатки просвещения, они разрушались, потому что власть теряла свою опору — невежество толпы»[29].

В «Очерках политико-экономической литературы» Бунге, вслед за Б.Н.Чичериным, Л.З.Слонимским, П.И.Георгиевским и Ю.Г.Жуковским, выступил с развенчанием марксизма. Он обвинял автора «Капитала» в слабости аргументации и догматизме, «тяжеловесности» и «малодоступности» изложения, «туманности» терминологии и т.п. Причину популярности этой теории Бунге видел в том, что Маркс «обращается к хищническим инстинктам обездоленного человечества», и всякая попытка осуществить его заветы может завершиться только социальной катастрофой. «Скачок из царства необходимости в царство свободы, возвещенный маркситами, — заявлял он, — был бы скачком из царства признания права, труда, долга, совести,

законности — или в царство деспотизма большинства и всеобщего рабства, или в царство анархии, где ничто не сдерживает личного индивидуального произвола, где человеку все дозволено, чего он ни пожелает». Бунге выражал уверенность, что время похоронит эту новую утопию и «самый образ "учителя" в глазах маркситов должен будет утратить свое обаяние»[30].

Однако, называя социализм «злом, от которого гибнут нравственность, долг, свобода, личность»[31], Бунге трезво оценивал это идейное течение и не считал его одним из обычных заблуждений в истории человеческой мысли. С его точки зрения, значение социалистических учений определяется «самой задачей, за разрешение которой взялись социалисты, — улучшить быт самой многочисленной и самой бедной части населения»[32]. Ни распространение образования и дарование политических свобод (по примеру Запада), ни репрессии (как в России) не в состоянии вытравить из людей извечную мечту о социальной справедливости. Этим объясняется живучесть утопических идеалов в народном сознании. «Нельзя искоренить социализм, как нельзя искоренить микробов, — писал Бунге. — Без желания счастья и стремления к нему застыла бы самая жизнь»[33].

Он полагал ошибочным отрицание необходимости социальной реформы как средства лечения общественных недугов, которое логически вытекало из концепции экономического либерализма. В частности, это противоречило сложившейся в России исторической ситуации, когда монархия выступила инициатором глобальных преобразований. Бунге был полностью солидарен с Рошером, обосновавшим «закон непрерывных реформ», которые проводятся «мудрыми учреждениями» «мирным путем положительного права»[34]. Он считал, что только поддержка государством неимущих классов может гарантировать «обезвреживание» радикальных учений и стабильность в обществе. «Для успешной борьбы с социализмом, — утверждал Бунге, — необходимы нравы, учреждения и законы, упрочивающие нравственное и материальное благосостояния всех и каждого, как классов, владеющих недвижимыми имуществами, так и рабочих»[35].

Эти взгляды он во многом почерпнул у немецких экономистов сложившейся в 70-е гг. «молодой» исторической школы — А.Вагнера, Г.Шенберга, А.Шеффле и Г.Шмоллера. Они в равной степени отвергали крайности социализма и экономического либерализма. Сущностью выдвинутой ими теории «государственного социализма» было укрепление союза монархии и народа с помощью преобразований, нацеленных на повышение материального уровня и создание правовой защиты

широких слоев населения[36]. По словам Шмоллера, труды которого Бунге особенно ценил, «идея социальной справедливости должна идти на компромиссы с суровой необходимостью сильного правительства, потому что демократизм, доведенный до крайних пределов, заканчивается тиранией и цезаризмом». Образцом такого правительства немецкий ученый считал «прочную наследственную монархию»[37]. На первом заседании учрежденного теоретиками этой школы «Союза социальной политики» (Эйзенах, октябрь 1872 г.) государство провозглашалось «величественным нравственным институтом для воспитания человеческого рода». Собравшиеся заявили о своем желании иметь «сильную государственную власть, стоящую выше эгоистических классовых интересов, которая вела бы управление по началам справедливости, защищала слабых, поднимала бы низшие классы»[38].

Идеи немецких экономистов с интересом воспринимались в России, где сторонники реформ связывали все свои надежды с «верховной властью». «Очевидно, — писал Бунге, — что между настоящим социализмом и социализмом государственным различие огромное: первый имеет в виду подорвать существование государства или превратить все народное хозяйство в государственное, второй хочет усилить хозяйственную деятельность государства настолько, насколько это необходимо для устранения гибельных последствий неограниченной свободы интересов»[39]. Влияние взглядов катедер-социалистов (так их называли в Германии) ясно прослеживается в его программе и государственной деятельности.

Бунге получил известность не только как теоретик-экономист, но и как статистик. Его знакомство с этой наукой началось с переходом на кафедру политической экономии и статистики университета св. Владимира. Вскоре он стал редактором статистического отдела Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа (1851—1864 гг.). Ее председателем был помощник попечителя М.В.Юзефович, вице-председателем — ректор Р.Э.Траутфеттер, ученым секретарем — крупный статистик Д.П.Журавский. В состав Комиссии вошли И.В.Вернадский, А.П.Заблоцкий-Десятовский, П.И.Кеппен, Н.А.Милютин, П.В.Павлов, Ю.Ф.Самарин, В.Я.Шульгин и другие видные представители науки, общественности и столичной бюрократии.

В марте 1852 г. Бунге сменил Журавского, но занимал эту должность только до октября 1854 года. В письме к академику П.И.Кеппену он сообщал о своей некомпетентности в области статистики и невозможности совмещать обязанности профессора и работу в Комиссии[40]. Ученым секретарем вновь стал

Журавский. После назначения на пост ректора Бунге вернулся в Комиссию уже в качестве вице-председателя (1859—1863 гг.). Комиссия собрала и частично опубликовала огромный фактический материал, способствовала совершенствованию методики статистических исследований[41].

Впоследствии Бунге многое сделал для развития отечественной статистики. Он ориентировался на взгляды выдающегося бельгийского математика, социолога и статистика А.Кетле, который отвергал чисто описательное государствоведение и выступал за изучение массовых процессов общественной жизни. Этот ученый разработал принципы массового статистического наблюдения и теорию устойчивых статистических показателей. Несмотря на то, что в первой половине XIX в. описательный метод подвергся критике в трудах К.Ф.Германа, К.И.Арсеньева, В.С.Порошина и Д.П.Журавского, именно Бунге считается «пионером» социологического направления в русской статистике[42]. Его «Курс статистики» выдержал два издания (1865 и 1876 гг.) и долгое время был ценным учебным пособием для студентов. В теоретической части автор высказывался против «описательства» и широко пропагандировал идеи Кетле. Он подчеркивал, что «предмет статистики составляют законы общественных явлений», к которым относил численность, структуру и движение населения, его деятельность в сфере экономики, просвещения, нравственности и искусства[43]. Продолжателями Бунге стали Ю.Э.Янсон, А.И.Чупров, А.А.Кауфман. Социологическое направление господствовало в науке вплоть до появления работ А.А.Чупрова и Р.М.Орженцкого, поднявших вопросы теории статистики на высокий философско-методологический уровень[44].

Дореволюционные авторы невысоко оценивали результаты научной деятельности Бунге. По мнению П.Б.Струве, как экономист он не был оригинален[45]. М.И.Туган-Барановский назвал Бунге «неярким человеком и мыслителем», «человеком "серой теории", но теории тусклой и чужой, лишенной какой бы то ни было оригинальности». С его точки зрения, «как ученый он не представлял собой ничего выдающегося и прошел для русской экономической науки почти бесследно». Вместе с тем, продолжал Туган-Барановский, Бунге стал «истинным реформатором нашей финансово-экономической политики» именно потому, что «он был теоретиком и пришел на пост министра финансов как добросовестный ученый», который «был хорошо знаком с экономической и финансовой политикой Запада»[46].

В советской литературе второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. взгляды отечественных либеральных экономистов

были осуждены и надолго преданы забвению. А.И.Пашков «Истории русской экономической мысли» упомянул о Бунге как о «ревностном охранителе самодержавия и классовых привилегий дворянства», демонстрировавшем «раболепие перед буржуазным Западом»[47]. Ученым, который «далек был от научного анализа экономической действительности», именовал Бунге в своей монографии Н.К.Каратаев[48]. В.П.Теплицкий характеризовал его как последователя «вульгарной буржуазной концепции», «фальсификатора» трудовой теории стоимости А.Смита и Д.Рикардо, «одного из наиболее утонченных апологетов капитализма и заклятого врага революционного переустройства общественных отношений»[49].

Современный американский исследователь И.С.Коропецкий считает Бунге с его «эклектическими» воззрениями в большей степени государственным деятелем, чем теоретиком-экономистом. Но, как и Туган-Барановский, он подчеркивает, что знание условий экономического развития передового Запада позволило Бунге стать «выдающимся» министром финансов и провести реформы в собственной стране[50].

Действительно, Бунге был видным, но все же типичным для того времени университетским профессором-эрудитом. Его заслуга заключается в пропаганде западных экономических идей и оценке возможностей их практического применения в России. Х.-Ю.Серафим (Германия) в книге о новейших русских теориях стоимости (1925 г.) назвал Бунге родоначальником киевской школы экономистов, особо отметив его приверженность в методологическом отношении немецкой исторической школе и «исторически-реалистическую точку зрения» на проблемы народного хозяйства[51].

Многие из «подопечных» Бунге (А.Я.Антонович, Д.И.Пихно, Г.Д.Сидоренко, Г.М.Цехановецкий и др.) стали известными учеными. Последний крупный представитель этого направления, ученик Пихно А.Д.Билимович продолжил свою деятельность уже в эмиграции. Киевскую школу объединяли отрицание трудовой теории стоимости, резкое неприятие социалистической доктрины в сочетании с признанием необходимости социальных реформ и преимущественное внимание к практическим вопросам экономической политики. Это отличало ее от «народнической» московской школы, связанной с именем А.И.Чупрова[52]. Редким исключением среди учеников Бунге был Н.И.Зибер, который стал одним из первых популяризаторов марксизма в России[53]. Научная позиция Бунге и его последователей в большей степени отвечала задачам экономического развития страны. Эта школа оказала определенное влияние на правительственную политику последних десятилетий XIX века.

2. Крестьянский вопрос

Понимание Бунге сущности аграрных отношений определялось его теоретическими взглядами. Он был ревностным сторонником частного землевладения и считал право полного распоряжения землей реализацией принципа свободы предпринимательства. Бунге высоко оценивал труды Ж.Сисмонди и Дж.С.Милля, которые призывали к превращению крестьян в земледельцев-собственников. Он соглашался с Миллем, что собственность «пробуждает необыкновенную энергию в производительных силах, развивает в земледельце деятельность воли и ума, заставляет желать образования и делает образование плодотворным», «пробуждает в человеке дух бережливости, предусмотрительности»[1]. В университете Бунге любил цитировать студентам слова английского агронома А.Юнга: «Дайте человеку в прочное владение голую скалу — он превратит ее в сад, дайте ему по девятилетнему контракту сад — он обратит его в пустыню»[2]. По воспоминаниям П.П.Семенова-Тян-Шанского, Николай Христианович исходил не только из «чистой теории», но и из личного опыта — он хорошо знал выгоды хуторского хозяйства малороссийских казаков[3]. Кроме экономических преимуществ частного землевладения, Бунге указывал также на «нравственное значение поземельной собственности и ее влияние на охранение законности, спокойствия и порядка в государстве»[4]. В сословии крестьян-землевладельцев он видел «консервативный оплот современной цивилизации»[5].

Вместе с тем Бунге не был таким апологетом крестьянского хозяйства, как Сисмонди и Милль. Он указывал на целесообразность и других форм землевладения: «Не должно забывать, — писал он, — что не одна крестьянская собственность создает цветущее земледелие и благоденствующий земледельческий класс — для этого необходимы и различные размеры поземельной собственности, и значительная степень развития народного богатства, и благоустроенное экономическое положение страны». По его мнению, большие и средние хозяйства «служат главными проводниками земледельческих улучшений» — внедряют агрономические нововведения, широко используют технику и удобрения, создают запасы продовольствия и т.п. Поэтому «совместное существование различных размеров поземельной собственности представляет неоспоримые выгоды»[6]. В данном случае Бунге принимал во внимание особенности аграрного строя России, исторически сложившиеся здесь тесные патриархальные связи между помещичьим и крестьянским хозяйствами. «Положения» 19 февраля 1861 г. предусматривали в перспективе сосуществование и развитие как крупного, так и мелкого землевладения с большим преимуществом для первого[7].

Бунге всегда интересовался проблемами «эманципации» крестьянства. Несмотря на цензурные запреты, русская экономическая мысль первой половины XIX в. была пронизана критикой крепостничества и размышлениями о путях освобождения крестьян. Бунге внимательно следил за аграрными преобразованиями в Пруссии, Австрии и других европейских странах, проведенными на рубеже 40—50-х гг. под давлением революционных событий. Он тщательно собирал и изучал западную литературу, посвященную крестьянскому вопросу[8]. В своей публицистике второй половины 50-х гг. Бунге подробно остановился на важнейших задачах предстоящей отмены крепостного права. Он руководствовался либеральной программой реформы, разработанной участниками петербургского кружка. Записки К.Д.Кавелина (1855 г.), Н.А.Милютина (1856 г.) и Д.А.Милютина (1856 г.) содержали конкретные проекты преобразований. Их объединяла общая идея освобождения крестьян с землей за выкуп[9].

Бунге дал этому главному тезису либеральной программы теоретическое обоснование. Он отвергал «остзейский» вариант реформы, предусматривавший безземельное освобождение крестьян, и доказывал необходимость соблюдения коренных интересов как помещиков, так и крепостных. Бунге не соглашался с теорией ренты Д.Рикардо, который объявил земельную собственность монополией, а получаемый с нее доход — даром природы, присвоенным человеком. Принимая эту точку зрения, считал он, социалисты могут сделать вывод: если рента является даром природы, то землевладелец не имеет исключительного права на доход с земли, а если она представляет собой продукт труда, то должна принадлежать только работнику-земледельцу. Бунге присоединялся к мнению Кэри о том, что земельная собственность есть одна из форм капитала, т.е. накопленной «полезной работы», земельная же рента — разновидность процента на вложенный капитал[10]. С точки зрения Бунге, даже земельный участок, приобретенный в средние века путем завоевания, со временем, по мере затрат труда и средств при его эксплуатации, превращается в «законное» владение[11]. Поэтому концепция Кэри «отнимает оружие у социализма» и придает «юридический смысл» отмене крепостного права в Европе. «Если поземельная собственность составляет форму капитализации, в которой участвовали и владелец, и его крепостной, — писал Бунге, — то очевидно, что есть основание для надела землей, и самая реформа предписывается не одними требованиями благоразумной политики, заботящейся об удале-

нии причины волнений в будущем, но необходимостью экономической и нравственным сознанием нашего века». Он спешил успокоить помещиков, встревоженных перспективой утраты части земельных угодий, дешевой рабочей силы и разрывом патриархальных связей, чреватым угрозой крестьянских волнений. «Нет! — восклицал Бунге. — Это мера общественной безопасности, которая спасает государство от возможности появления Пугачевых. Нет! Дело идет не об ослаблении нравственных уз, которых не бывает при тягостной зависимости, а о приготовлении условий для их образования. Нет! Предстоящее преобразование ведет не к нарушению права, не к насильственной экспроприации прежнего владельца, но к восстановлению собственности труда»[12].

Бунге предложил наиболее рациональный, с его точки зрения, план выкупной операции. «Выкуп усадеб и земли, предназначаемой в пользование крестьян, — подчеркивал он, — составляет, по нашему мнению, неизбежный исход крестьянского вопроса. Раньше или позже, нам придется взяться за меру, которую проводят или провели в Дании, Пруссии, Австрии и в большей части остальной Германии». Им было отвергнуто суждение о том, что обязанности по выкупу следует возложить на все сословия за счет повышения налогов. Это означало бы увеличение податного бремени тех же крестьян, причем не только частновладельческих, но и государственных, нанесло бы удар финансовым интересам помещиков и подорвало бы материальное положение средних слоев населения, занятых торговлей и ремеслом. Признавая законность «вознаграждения» землевладельцев со стороны бывших крепостных, Бунге, в то же время, указывал на низкую платежеспособность крестьянства и невозможность для него крупных дополнительных расходов. Поэтому выкупная операция может быть проведена только при активном содействии государства путем капитализации крестьянского оброка в банках[13].

Кредиту Бунге отводил главную роль в организации выкупа. Однако он обращал внимание на абсолютную непригодность для этой цели казенных кредитных учреждений. Преобразование банков было одним из ключевых пунктов либеральной программы реформы[14]. По мысли Бунге, государственная система ипотечного кредита, основанная на залоге ревизских душ, с отменой личной зависимости крестьян неизбежно должна уступить место частным банкам. Они обеспечат выпуск облигаций, представляющих собой сумму крестьянского долга, и предложат землевладельцам самые разнообразные и удобные для них условия выплаты. Для координации деятельности новых кредитных учреждений нужно создать в столице «главный банк», который будет обеспечивать контроль за выпуском облигаций и изъятие их из оборота[15]. Тем самым появится реальная возможность избавить дворянство от огромной задолженности. К 1 января 1859 г. долг помещиков казенным банкам достиг 450 млн руб. сер. по 47000 заложенных населенных имений, при которых числилось 7,2 млн ревизских душ, т.е. 63% всего крепостного крестьянства[16].

Бунге надеялся, что выкупные платежи предоставят в распоряжение помещиков достаточные средства для перестройки хозяйства в имениях и позволят им приспособиться к новым экономическим условиям. Как он предполагал, отмена ограничений на право отчуждения помещиками своих владений отдельно от проживающих в них крестьян и развитие купли-продажи земли приведут к значительному росту земельных цен. Это даст дворянству возможность более широко пользоваться кредитом и укрепит его материальную базу[17]. Возникновение системы частных банков, считал Бунге, произведет «благодетельную перемену» в народном хозяйстве. «Мы увидели бы, — писал он, — проявление силы, незнакомой нашей промышленности: капиталы, быстро превращаясь в облигации, притекли бы к земледелию и совершили бы в нем громадный процесс обновления, без переворота и потрясения; даже владельцы, не успевшие приноровиться к новым порядкам, вышли бы без убытка, заарендовав свои имения или продав их по выгодным ценам; потому что, чем быстрее будут притекать капиталы к земледелию, тем быстрее будет расти стоимость поземельной собственности»[18].

Вместе с тем Бунге стремился оградить крестьян от произвола помещиков и закрепить за ними земельные наделы. Он возражал против определения условий выкупа путем заключения частных договоров между «господами» и «подданными», так как это позволит дворянам оказывать на крестьян сильное давление и принуждать их к уступкам. «История крепостного права показывает, — отмечал он, — что добровольные соглашения между земледельцами и землевладельцами имели место в одной Англии и конечно потому, что эманципация обошлась без насильственного переворота и без государственно-экономической реформы. Там, где сознана необходимость преобразования, и где нет в виду развязки вопроса вне круга государственной деятельности, там не может быть и речи о выжидании времени совершения частных договоров»[19]. Либералы вообще критически относились к английской форме землевладения, основанной на аренде крестьянами помещичьей земли. Их более привлекал аграрный строй Франции, сложившийся

после революции конца XVIII в., где ведущая роль в сельском хозяйстве принадлежала крестьянам-собственникам[20].

Поэтому Бунге не рассматривал Англию как «образец самого разумного выхода из крепостного права для России». Он выступал за строгую законодательную регламентацию выкупных сумм и полный приоритет государственной власти в вопросе об условиях выкупа[21]. Такая установка диктовалась сложившейся в стране ситуацией, когда в период подготовки и проведения реформы монархия действовала вопреки требованиям отдельных группировок дворянства в интересах дворянского сословия в целом[22]. Однако, чтобы не раздражать помещиков, Бунге настаивал на добровольности выкупа, не без основания рассчитывая на то, что логика аграрного развития так или иначе заставит землевладельцев «размежеваться» с крестьянами.

Объектами выкупной операции должны были стать личные повинности крестьянина, усадьба и надел. Бунге особо подчеркивал, что со временем личные повинности будут все более отходить на задний план и выкуп приобретет характер «поземельного». Суммы, причитающиеся помещикам за наделы, будут поступать к ним при посредничестве банков вплоть до окончательной расплаты. Бунге предлагал взимать крестьянские платежи не в форме уплаты по банковскому долгу, а как «временный добавочный налог». Гарантировать проценты, выплачиваемые по облигациям, должно государство, а не кредитные учреждения, что обеспечит поддержание курса этих ценных бумаг на достаточно высоком уровне[23].

Бунге указывал на острую потребность земледельцев в доступном кредите по образцу рентных банков в Пруссии, сыгравших значительную роль в становлении крестьянской земельной собственности. Они были созданы правительством и субсидировали крестьян для покупки земли. «Появление самостоятельного земледельческого сословия, — писал Бунге, — слишком ново для того, чтобы мы могли судить о будущем; но мы считаем себя вправе ожидать, что оно упрочит общественный порядок, который всегда находил для себя самую надежную опору в консервативном элементе населения, владеющего собственностью и связанного с интересами страны»[24].

Немало страниц Бунге посвятил ожидаемым последствиям реформы. Одним из наиболее актуальных вопросов, который вызвал бесконечные дискуссии, была судьба крестьянской общины. До середины 50-х гг. Бунге воспринимал ее как пережиток средневековья и препятствие свободному развитию частного землевладения. По-видимому, он сочувствовал популярному лозунгу европейской экономической науки первой половины XIX в. о разделе общинных владений между крестьянами.

В предреформенные годы его позиция заметно изменилась. Картавцов объяснял это тем, что «страстные речи представителей славянофильского лагеря, Самарина и Черкасского, поколебали его»[25]. Однако причина заключалась не только во влиянии идеологов славянофильства. Либералы-западники были вынуждены учитывать российские реалии и весьма основательно корректировать свои фритредерские устремления.

Крестьянская община представляла собой устойчивый и жизнеспособный социальный организм, прочно сросшийся с экономическим укладом и государственным строем абсолютной монархии. Не могло быть и речи об упразднении общины в обычном законодательном порядке. На протяжении столетий она выполняла важнейшую государственную функцию — обеспечивала исправный сбор налогов и выполнение казенных повинностей. Бунге понимал, что правительство вряд ли решится на грандиозную выкупную операцию без ручательства «мира» за крестьянские платежи. «Без круговой поруки, — отмечал он, — невозможно и думать о выкупе каким бы то ни было способом, с участием или без участия государства»[26]. Кроме того, Бунге и другие либералы стремились использовать в переходную эпоху функцию общины как органа социальной защиты крестьянства. Они полагали, что бывшие крепостные, объединенные в общинах, смогут гораздо эффективнее отстаивать свои наделы от посягательства помещиков. В планах либеральных деятелей, а затем и в правительственной программе, подготовленной Редакционными комиссиями, община должна была сыграть весомую роль в освобождении крестьян с землей. Ее сохранение способствовало в перспективе становлению крестьянской земельной собственности[27].

Бунге связывал с общиной и временные ограничения на право распоряжения крестьян наделами, что, с его точки зрения, позволяло гарантировать постепенность нового землеустройства. Наблюдая печальный опыт западных стран, он опасался слишком быстрой ломки крепостнических отношений, которая может привести к обезземеливанию и пролетаризации сельского населения, а это, в свою очередь, вызовет обострение социальных антагонизмов в России. «Сожалея всегда о чужом горе, — писал он, — о пролетариате и пауперизме в Англии и Франции, не зная этих бед в настоящем, мы хотим застраховать себя от них в будущем»[28]. Ликвидация вотчинной власти помещика в деревне, разграничение прав землевладельца и его крепостных, превращение крестьян в собственников наделов должны были охватить длительный период времени. Если для помещиков введение свободы отчуждения земли Бунге предусматривал достаточно рано, то для крестьян это от-

кладывалось вплоть до окончательного устройства «земледельческого быта», чтобы «простолюдин научился ценить собственность как средство для упрочения своего экономического положения и для приобретения образования»[29].

Бунге предостерегал от поспешности при определении юридического статуса общины и организации мирского управления. Он советовал соблюдать осторожность и «руководствоваться потребностями народа, которые выскажутся сами собой». По его мнению, недопустимо ни сохранение «сюзеренитета» помещика в деревне, ни полное подчинение общины губернской администрации. Наиболее целесообразным было бы предоставление общине самоуправления и автономии во внутренних делах. «Мы не беремся решать, — писал Бунге, — какой способ владения землей у нас лучше; но если считать единственным полноправным судьей мир, а не перья литераторов, то, без сомнения, следует признать за миром право устраивать свой хозяйственный быт по своему разумению»[30]. Либералы рассчитывали, что после того, как община выполнит свое предназначение в реформе, правительство перестанет нуждаться в ней, и она постепенно распадется естественным путем в ходе социально-экономического развития деревни[31].

Как подчеркивал Бунге, закономерным итогом отмены крепостного права станет формирование в стране рынка вольнонаемной рабочей силы, поскольку «это вытекает из самого существа преобразования»[32]. В те годы вопрос о сравнительной выгодности принудительного и свободного труда активно обсуждался в печати[33]. Бунге выступал за реформу паспортной системы, которая имела прямое отношение к вопросу о свободе перемещения рабочей силы. Он предлагал упразднить сословные различия в паспортном уставе и отменить обременительный для крестьян паспортный сбор. Однако он был сторонником «постепенного расширения прав земледельца на личный труд», так как «внезапный переход к свободе труда может расстроить и помещичьи хозяйства, и финансы, и общественный порядок»[34].

Освобождение крестьян, полагал Бунге, неизбежно повлечет за собой отказ от крепостнической податной системы, поскольку ревизские души, на которых она базировалась, уже не могут служить прочным обеспечением. Поэтому введение подоходных принципов налогообложения и слияние различных категорий плательщиков в единое податное сословие является одной из самых актуальных задач правительства. «В новых обществах, — писал Бунге, — всякий обязан нести налог, содействовать по мере своих сил и средств поддержанию государственных установлений, которые дают внешнюю и внутреннюю

безопасность и обеспечивают пользование выгодами общественной жизни». Но и в этом случае он призывал к осторожности и постепенности, иначе «внезапный финансовый переворот» может нанести огромный ущерб и помещикам, и Государственному казначейству[35].

Идейно и тематически статьи Бунге примыкают к программным запискам Кавелина и братьев Милютиных. Вынося на суд читателя свои соображения о предстоящей отмене крепостного права, автор учитывал главную цель либеральной программы — обеспечить развитие двух типов хозяйства (помещичьего и крестьянского) и тем самым гарантировать мирную эволюцию страны в пореформенный период. Становлению частного крестьянского землевладения парадоксальным образом должны были способствовать элементы того самого крепостничества, которое уже уходило в прошлое, — община с круговой порукой, временнообязанное состояние крестьян, ограничения на право отчуждения земли и др. Их сохранение носило временный характер, так как, по мнению Бунге и других либералов, новое землеустройство не оставляло им места в будущем аграрном строе России. В своей публицистике Бунге одним из первых раскрыл многообразные связи крестьянского вопроса с другими задачами внутренней политики (преобразованием кредита, налогообложения, паспортного устава и др.). Эти статьи свидетельствуют о подготовленности реформы в либеральных кругах еще до учреждения Редакционных комиссий[36].

Бунге защищал свои взгляды и в ходе разработки «Положений» 19 февраля 1861 г. Члены Редакционных комиссий не могли прямо внести в законопроект пункт об обязательном выкупе. Александр II не соглашался на этот шаг, опасаясь недовольства поместного дворянства. Тем большее значение приобретали другие принципиальные вопросы, от решения которых зависел исход реформы.

Либеральное большинство выступало за установление права крестьян на бессрочное пользование наделами, так как это давало определенную гарантию для их освобождения с землей после внесения ими выкупной суммы. Это было одним из основных звеньев либеральной программы реформы[37]. Не случайно известный консерватор гр. В.Н.Панин, сменивший умершего Я.И.Ростовцева на посту председателя Комиссий, на заседании Общего присутствия в апреле 1860 г. заявил, что бессрочное пользование означает «отнятие собственности у помещиков» и подобная формулировка неизбежно вызовет возражения депутатов дворянских губернских комитетов. Он предложил другой вариант — просто «пользование». Если же до конца временнообязанного периода крестьяне не выкупят на-

делы, то порядок пользования ими будет определен правительством. Сознавая, что политическая ситуация в стране может измениться, Панин тем самым оставлял лазейку для последующей корректировки «Положений» в пользу землевладельцев.

Бунге вместе с Милютиным, Самариным и Черкасским оспорил предложение Панина. «Что бессрочное пользование очень полезно, — утверждал он, — это можно доказать фактами науки. Везде, где не было пользования, там земледелие страдало. Для Англии, например, и для Дании можно представить статистические данные, что в период времени освобождения земледельцев народонаселение от этого почти не увеличивалось». Бунге отрицал факт какого-либо посягательства на собственность помещика, поскольку ему «предоставляется в известных случаях заводить на этих землях разные заведения, право охоты на них, следовательно, ограничение в пользу крестьян состоит только в предоставлении им права бессрочного пользования». Он был среди девятнадцати членов Комиссий, которые спустя несколько дней представили Панину коллективную записку, где продолжали отстаивать свою формулировку. В итоге их точка зрения возобладала[38].

С бессрочным пользованием было тесно связано другое важное положение законопроекта — о неизменности крестьянских повинностей. Многие губернские комитеты добивались пересмотра норм оброка через определенный срок, так как помещики боялись понести ущерб от падения курса рубля и стремились сохранить все выгоды, ожидаемые в будущем от возрастания цен на землю. Чтобы нейтрализовать возможные негативные последствия для землевладельцев, члены Комиссий предусмотрели для них в проекте право требовать от бывших крепостных перехода на выкуп. В данном случае крестьяне были обязаны давать согласие. Это имело решающее значение для освобождения их с землей, так как выкуп не устанавливался законодательно как цель реформы, а подразумевался либеральным большинством как ее логическое завершение. В программе Редакционных комиссий неизменность повинностей служила как бы «мостиком» между бессрочностью пользования наделом и переходом на выкуп[39].

В январе 1860 г. во время обсуждения этого вопроса А.Н.Татаринов предложил для страховки землевладельцев от инфляции поставить сумму оброка в прямую зависимость от колебания цен на зерно, т.е. ввести своего рода «хлебную ренту». Это наносило удар принципу неизменности повинностей и обрекало крестьянские хозяйства на усиление эксплуатации со стороны помещиков. Бунге отнесся к инициативе Татаринова резко отрицательно. «В Англии взыскивается подать с

богатых для поддержания неимущих, — с возмущением говорил он, — а здесь подать налагается на крестьян, т.е. на бедных в пользу богатых. Крестьянин улучшает землю потом и трудом, роет у себя колодезь и т.п., ценность его земли возвышается, рента с нее возрастает, на каком же основании за эту ренту он должен платить повинность?» По словам Бунге, при переоброчке деревню ожидает полное «расстройство» благосостояния, и крестьяне «вступят в батрачество», как в Ирландии[40].

Этот вопрос был вновь поставлен в Редакционных комиссиях депутатами губернских комитетов второго призыва в конце апреля — начале мая 1860 г. В своем выступлении Бунге разъяснил, что «начало неизменности повинности было принято при освобождении крестьян в европейских государствах, а в Лифляндии была допущена переоброчка, но с вознаграждением за то крестьян от помещика». Поэтому в случае введения переоброчки следует «допустить вознаграждение крестьян со стороны помещика за те улучшения, которые ими будут сделаны на их наделах». На самом деле Бунге предпринял тактический ход, поскольку понимал, что дворянство не пойдет ни на какие выплаты крестьянам[41]. После долгих прений было принято предложение Милютина о периодической переоброчке каждые двадцать лет. Расчет лидера Комиссий строился на том, что через два десятилетия большинство крестьян уже выкупят свои наделы, и переоброчка утратит всякий смысл[42].

В августе 1860 г. в Комиссиях вспыхнул спор о порядке владения крестьянами землей, выкупленной сельским обществом. И.П.Арапетов, К.И.Домонтович, С.М.Жуковский, М.Н.Любощинский и Я.А.Соловьев потребовали выдела участка в частную собственность каждому домохозяину в соответствии с его вкладом в уплату выкупной суммы. Они высказались за поощрение фермерского хозяйства и проектирование законов, способствующих скорейшему распаду общины. Остальные члены Комиссий (и в их числе Бунге) заняли более осторожную позицию.

Милютин постарался смягчить разногласия. Возникшее противоречие в тот момент не имело принципиального значения. Главной задачей было сохранение единства и защита основных положений либеральной программы от натиска консерваторов. Поэтому собравшиеся пришли к компромиссному решению, которое получило законодательное воплощение в 165-й статье «Положения о выкупе»[43]. Она устанавливала право выдела отдельным домохозяевам участка земли, приобретенной обществом, с согласия сельского схода. Вторая часть статьи допускала такую возможность для крестьянина и без разрешения

схода в случае внесения им в уездное казначейство всей причитающейся за его надел суммы выкупа[44].

Не согласившись с мнением о предоставлении льготных условий для выдела из общины отдельных участков, на заседании 29 августа 1860 г. Бунге присоединился к предложению И.П.Арапетова, К.И.Домонтовича, С.М.Жуковского, А.П.Заблоцкого-Десятовского, Н.А.Милютина и Я.А.Соловьева об установлении неотчуждаемости земельного фонда, переданного в «вечное пользование» крестьянства[45]. Это открывало простор для внутрисословной мобилизации крестьянских земель и в перспективе, по мере завершения выкупной операции, образования прослойки наиболее состоятельных хозяев, владеющих землей на правах частной собственности. Введение принципа неотчуждаемости создавало юридическую основу для сосуществования общинного и частного землевладения, способствовало бы сохранению участков менее удачливых крестьян для других представителей сословия[46]. Однако большинство членов Комиссий не поддержало эту инициативу[47].

Многие рекомендации Бунге, касающиеся выкупной операции, были учтены в документах Финансовой комиссии — «Предварительных соображениях о выкупе поземельных угодий крестьянами, выходящими из крепостной зависимости» и более позднем докладе. В приложении к докладу приводился обширный материал о крестьянском движении в Лифляндии, Пруссии и Австрии. По мнению членов Комиссии, без выкупа наделов «нельзя рассчитывать на мирное разрешение крестьянского дела» и создание «сильного консервативного элемента в многочисленном земледельческом населении». Они ссылались на аграрные реформы в Пруссии и Австрии, отмечая при этом, что опыт безземельного освобождения крестьян в Англии, Лифляндии и Курляндии неприемлем для России[48].

В «Соображениях» и докладе излагались основные принципы выкупной операции: добровольность выкупа, но при том, что его условия определяются правительством (размеры надела, подлежащего выкупу, сумма крестьянского долга и выкупных платежей, способы выплаты компенсации помещикам, выпуск государственных ценных бумаг с твердой гарантией и др.). Только при их соблюдении выкуп действительно становится неизбежным. «Помещики, — говорилось в «Соображениях», — имея в виду, с одной стороны — гарантию правительства, а с другой — невозможность полного распоряжения поземельной собственностью, предоставленной крестьянам в бессрочное пользование на определенных условиях, во многих случаях найдут для себя выгодным отчуждение ее за соответствующее единовременное вознаграждение, которое дает им средства

улучшить и упрочить свое собственное хозяйство. Точно так же для крестьян выкуп представит несомненные выгоды, если он не будет сопряжен для них ни с потерей каких-либо выгод, ни с усилением повинностей. Платя одно и то же, они получают возможность сделаться поземельными собственниками и выйти из обязательных отношений»[49].

Возлагая осуществление выкупа на казенные кредитные учреждения, Комиссия настаивала на поощрении создания в губерниях частных банков с тем, чтобы они включились в выкупную операцию и содействовали «постепенному образованию семейных наследственных участков»[50]. Выкупные платежи имели форму не надбавки к прямым налогам (как предлагал Бунге), а уплаты по банковскому долгу, но фактически их взимание регулировалось такими правилами, что и населением, и правительством они воспринимались как окладные сборы[51].

В Финансовой комиссии рассматривалась возможность отчуждения государственных имуществ с целью поддержания ценности выкупных облигаций на денежном рынке. В 1859—первой половине 1860-х гг. этот вопрос дебатировался в печати в связи с поиском новых финансовых ресурсов и стремлением поместного дворянства накануне отмены крепостного права получить компенсацию за утрату прежних привилегий. Идея распродажи государственных имуществ, выдвинутая еще А.Смитом, широко пропагандировалась в европейской экономической литературе. «Русский вестник» доказывал необходимость перехода от нерентабельного казенного хозяйства к частновладельческому[52].

В записке «О предметах занятий Финансовой комиссии», составленной в июне 1859 г., рекомендовалось продать те государственные имущества, которые не приносили казне ощутимых доходов и лишь напрасно обременяли бюджет. Речь шла о Николаевской железной дороге, казенных зданиях, фабриках, заводах, рудниках, землях и лесах. Предполагалось разрешить покупку этих имуществ главным образом выкупными облигациями по номинальной цене. «Выгоды Казначейства, — писали составители записки, — заключались бы в процентах с облигаций, которые доставляли бы превышение в доходе казны, а в случае погашения приобретенных казной облигаций капитал их с такой же выгодой мог бы употреблен быть или на покупку вновь облигаций, или же на погашение других долгов»[53].

Одновременно та же задача была поставлена Банковской комиссией, в которую входили многие члены Финансовой комиссии[54]. В июле Александр II утвердил решение Комитета финансов о предоставлении всеми ведомствами сведений о малодоходных казенных имуществах. Осенью дело было пере-

дано в Департамент государственной экономии Госсовета. Но никаких практических результатов так и не последовало. Спустя год вопрос был снят с обсуждения. Министерство государственных имуществ, в ведении которого находилась основная часть предполагаемых объектов продажи, не сумело собрать и систематизировать необходимую информацию. По-видимому, руководство Министерства опасалось неосмотрительного разбазаривания государственного фонда в обстановке всеобщего увлечения идеями экономического либерализма[55].

Бунге считал, что правительство недооценило значение этой меры. «Незначительный доход, доставляемый государственными имуществами, и несомненный факт, что производительность их возрастает по мере того, как пользование ими приближается к праву полной собственности, — писал он в лекционных курсах 1863—1864 гг., — говорят в пользу их отчуждения, конечно, не внезапного, одновременного, а постепенного и сообразно с обстоятельствами». Бунге ссылался на Пруссию, которая в 1820-х гг. успешно провела подобную операцию с целью погашения государственного долга[56].

П.Л.Кованько, имея в виду «Положение о выкупе», писал, что «закон 19 февраля усвоил себе почти все, о чем говорил в данном случае Н.Бунге»[57]. Но следует учесть, что проект выкупной операции разрабатывался в обстановке послевоенных экономических трудностей и банковского кризиса. Это заставляло реформаторов существенно корректировать свои первоначальные замыслы. Правительство не смогло оказать финансовую помощь крестьянам в приобретении земли по примеру Пруссии и Австрии, выступив лишь в качестве посредника между двумя сословиями. Выкупная операция представляла собой чисто кредитную сделку, рассчитанную на 49-летний срок, в течение которого все расходы должны были покрываться за счет крестьянских платежей. Это на многие годы обременило крестьян высокими процентами на их выкупные долги, значительно увеличившими ежегодные выплаты[58]. Тяжелые финансовые условия, навязанные крестьянам, были еще более ужесточены в ходе обсуждения проектов Редакционных комиссий в Главном комитете по крестьянскому делу и Государственном совете. По требованию консервативной оппозиции последовало значительное уменьшение наделов и увеличение повинностей. Тем самым крестьянство было обречено на долгую и мучительную эволюцию в процессе нового землеустройства[59].

Один из творцов реформы, Бунге вряд ли мог предполагать, что именно ему спустя двадцать лет будет суждено довести до конца дело Редакционных комиссий и завершить перевод бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп. Отмена крепостного права не ослабила его интереса к крестьянскому вопросу. «Положения» 19 февраля 1861 г. являлись долгосрочной аграрной программой. Целью политики 60—70-х гг. было решение текущих задач. Довольно скоро обнаружившиеся отрицательные последствия реформы (рост недоимок по налогам и выкупным платежам), а также состояние сельского хозяйства (неурожаи 1867, 1871—1873 гг., сопровождавшиеся голодовками населения) стимулировали общественную мысль и законодательную деятельность. В центре внимания публицистики, экономической литературы и правительственных комиссий оказались различные стороны крестьянской жизни — выкупные платежи, переселения, мелкий сельскохозяйственный кредит, община, кустарная деревенская промышленность и др.[60]

Одним из наиболее эффективных средств для борьбы с малоземельем и становления частного крестьянского землевладения Бунге считал переселения на окраины страны. Пореформенные десятилетия ознаменовались быстрым ростом числа крестьян-переселенцев, стремящихся на свободные казенные земли. Подавляющее большинство из них снималось с места без разрешения властей, так как «Положения» 19 февраля 1861 г. признавали право на переселения лишь за незначительной частью крестьян, не получивших надела при освобождении. Закон строго запрещал самовольные переселения и предусматривал за них уголовные меры наказания[61].

Этот вопрос затрагивался еще в Редакционных комиссиях. Н.А.Милютин отверг ходатайства дворянских депутатов о предоставлении помещикам права разменивать свои выкупные процентные бумаги на участки казенной земли. Он заявил, что земельные резервы государства понадобятся в будущем для решения проблемы крестьянского малоземелья, которая неизбежно будет обостряться по мере роста населения[62]. В 1868 г. была образована межведомственная комиссия для разработки правил, регулирующих переселения в общегосударственном масштабе, но представленные ею соображения остались без последствий[63]. В «верхах» опасались «бродяжничества» и всевозможных слухов среди крестьянства о новых наделах в некой «обетованной земле»[64].

По мнению Бунге, «размещение сельского населения, более сообразное с экономическими условиями страны, составляет такую насущную потребность, удовлетворение которой не может быть отсрочено на целые полстолетия и даже более, до окончания выкупной операции»[65]. Еще в 1858 г. он рекомендовал приступить к продаже крестьянам государственных земель. «Земледельцам откроется самая блистательная перспекти-

ва будущего: с самого начала поселения он получит то, в чем он наиболее нуждается, — писал Бунге, — а возрастание его достатка приблизит для него счастливую минуту, когда он сделается собственником клочка пахотной земли»[66]. Позднее он высоко оценил аграрное законодательство США, венцом которого стал гомстед-акт 1862 г., даровавший каждому гражданину право на приобретение участка неосвоенных западных территорий: «Соединенные Штаты представляют замечательный пример отчуждения государственных земель в огромных размерах, по преимуществу в видах народно-экономических, для заселения пустынь нового света, для водворения в них частной собственности и цивилизации»[67]. Он предлагал прекратить раздачу казенных земель «по всемилостивейшему пожалованию» и сохранить их для наделения крестьян.

Бунге считал, что переселения должны сопровождаться не только предоставлением льгот малоземельным сельским обществам, но и облегчением перехода из одного общества в другое[68]. Как и в дореформенной публицистике, он указывал на необходимость преобразования устаревшего паспортного устава, затруднявшего мобильность сельского населения и в то же время бесполезного для «ограждения общественной безопасности»[69]. В 1859 г. при Министерстве внутренних дел работала комиссия по подготовке паспортной реформы, но она пришла к выводу о невозможности каких-либо изменений в уставе при сохранении рекрутской повинности и подушной подати[70].

Отмечая преимущества частного крестьянского землевладения, Бунге по-прежнему осторожно подходил к вопросу о дальнейшем существовании общины. Достоинства и недостатки общинного строя широко обсуждались в печати, Вольном экономическом обществе, Петербургском собрании сельских хозяев, на состоявшемся в 1865 г. Всероссийском съезде сельских хозяев. Разногласия наблюдались и в «верхах». Противниками общины были некоторые видные сановники — шеф жандармов гр. П.А.Шувалов, министры внутренних дел П.А.Валуев и А.Е.Тимашев, министры финансов М.Х.Рейтерн и С.А.Грейг. Однако им твердо противостоял Главный комитет об устройстве сельского состояния во главе с вел. кн. Константином Николаевичем, который отстаивал незыблемость основ крестьянской реформы и предусматривал переход к участковому землевладению только в рамках «Положений» 19 февраля 1861 года[71].

Эту позицию разделял и Бунге. Для него были неприемлемы крайние точки зрения как безусловных противников, так и ревностных защитников общины. «Несомненно лишь то, — писал он, — что при известных экономических условиях общинное владение не только возможно, но и выгодно, между

тем, как при других оно должно неизбежно уступить место участковому и наследственному владению». Бунге по-прежнему опасался обезземеливания крестьянства и появления массы обездоленных пролетариев. С его точки зрения, «законодательство поступит осторожнее тогда, когда оно не пойдет наперекор экономическому развитию общества, ограждая при том интересы, которые могут пострадать от быстрого хозяйственного переворота»[72]. Двойственным было и отношение Бунге к круговой поруке. С одной стороны, он подчеркивал, что она «заставляет достаточного платить за нерадивого и ослабляет вообще энергию труда, зависящую от личной ответственности», с другой — признавал временную необходимость общего ручательства за платежи, поскольку «при отсутствии права собственности на обрабатываемую землю при высоком личном налоге это почти единственная гарантия для казны»[73].

Выдвинутые в 60—70-е годы предложения о новых шагах в области крестьянского законодательства (и в том числе — организации переселений и пересмотре паспортного устава) не получили поддержки в «верхах». Правительственные мероприятия первых пореформенных десятилетий имели частный характер и не означали каких-либо изменений в общем направлении аграрной политики. Только к концу 70-х годов в ходе статистических исследований, общественных дискуссий и деятельности министерских комиссий был накоплен достаточный материал, который позволил выявить основные тенденции в развитии сельского хозяйства и определить новые задачи в решении крестьянского вопроса[74].

3. Бюджет и налоги

В своих работах Бунге выдвинул конкретные предложения по преодолению катастрофического расстройства российских финансов, начавшегося в годы Крымской кампании. Военные расходы превысили полмиллиарда рублей[1]. В 1854—1855 гг. дефициты по обыкновенному бюджету составили 613 млн руб.[2] Для их покрытия Министерство финансов прибегло к традиционным способам — займам и выпускам необеспеченных металлическим содержанием кредитных билетов. В денежном обращении воцарилась инфляция. На 1 января 1863 г. сумма государственного долга достигла 2492,9 млн руб. (с учетом беспроцентного долга по кредитным билетам)[3]. Между тем осуществление задуманной программы реформ требовало огромных денежных затрат и мобилизации всех источников доходов. Поиск выхода из финансового кризиса стал ключевой проблемой

внутренней политики, от решения которой во многом зависело будущее страны.

Одним из коренных пороков российских финансов Бунге считал путаницу в бюджетно-сметном деле. Сведения о росписи доходов и расходов казны являлись государственной тайной и содержались в строжайшем секрете. В России не действовали принципы бюджетного и кассового единства. Распоряжение отпущенными «валовыми» суммами было предоставлено министрам. Деньги хранились в ведомственных кассах. Как правило, каждое министерство имело особые доходы, которые не учитывались бюджетной росписью. Нормой финансовой политики давно стали сверхсметные ассигнования. Отсутствие гласности и эффективного контроля порождало казнокрадство и произвол в расходовании государственных средств.

В первой половине 60-х гг. усилиями государственного контролера В.А.Татаринова и министра финансов М.Х.Рейтерна были проведены преобразования, которые способствовали упорядочению финансового управления. Регулярная публикация в прессе государственной росписи доходов и расходов подняла престиж российских финансов за границей. Новые законы установили принципы бюджетного и кассового единства. В стране вводилась общая система бюджетного учета и отчетности. Отныне каждое министерство должно было представлять подробные сметы с указанием отдельных статей и после их утверждения строго соблюдать данную номенклатуру расходов. Ведомственные кассы упразднялись. Все финансовые средства государства сосредоточивались в кассах Казначейства. Государственный контроль превращался в единый ревизионный орган с правом документальной проверки всех учреждений[4].

Отдавая должное этим реформам, Бунге справедливо отмечал их незавершенность и непоследовательность. Главная беда финансового управления, подчеркивал он, заключается в отсутствии «единого, целого ответственного министерства»[5]. Проблема реорганизации исполнительной власти обсуждалась в «верхах» с середины 50-х годов. Часть высшей бюрократии признавала, что без координации деятельности центральных учреждений и выработки общей программы правительственной политики невозможны ни полноценное функционирование государственного механизма, ни успешное осуществление преобразований. Идея создания объединенного правительства по образцу западноевропейских «кабинетов» завоевала немало сторонников. Однако сам Александр II и некоторые сановники видели в подобном органе посягательство на власть самодержца.

Конституирование в 1861 г. Совета министров под председательством императора стало никого не удовлетворившим компромиссом. Сохранение практики всеподданнейших министерских докладов и нерегулярный характер заседаний Совета, вообще прекратившихся с 1884 г., лишили эту паллиативную меру всякого смысла. Проблема единства исполнительной власти так и осталась неразрешимой в условиях авторитарного строя при стремлении монарха к личному контролю за деятельностью всех ведомств. Лишь преобразованный в 1905 г. Совет министров приобрел некоторые черты объединенного правительства[6].

Разобщенность государственного управления отрицательно сказывалась на формировании бюджета. «По мнению, распространенному в высшей администрации, — писал Бунге, — министр есть только исполнитель воли государя, между тем на деле министр не только секретарь императора, но исполнитель законов, — власть распорядительная, имеющая значительную степень самостоятельности. Если эта самостоятельность не ограничена некоторой ответственностью за общий ход государственных дел, то нельзя ожидать, чтобы каждый министр заботился о сбережениях в видах возможно полного удовлетворения совокупности всех государственных потребностей — уменьшения тягостей народных и улучшения финансового положения страны». Он отмечал, что бюджетная роспись не является плодом коллективного соглашения между всеми министрами. Сметы отдельных ведомств с замечаниями министра финансов и государственного контролера представляются на рассмотрение в Департамент государственной экономии Государственного совета, где подвергаются лишь формальной проверке. После этого министру финансов остается чисто механическая работа по обобщению цифровых данных и изысканию средств для покрытия дефицита, причем его действия не контролируются Государственным советом. Отсутствие порядка в учете расходов казны дополняется неудовлетворительным учетом доходов. Несмотря на существующее законодательство о единстве кассы, в ведении Министерства финансов находятся далеко не все налоговые поступления. Многие ведомства продолжают иметь собственные источники доходов (Министерство государственных имуществ — окладные сборы с государственных крестьян, Министерство внутренних дел — кибиточный сбор и т.п.) и при этом по возможности всячески отстаивают свои привилегии[7].

Бунге указывал на необходимость сосредоточить в финансовом ведомстве руководство всеми «отраслями государственного хозяйства» и включить в его состав в качестве департа-

ментов с правом широкой административной самостоятельности министерства государственных имуществ, почт, путей сообщения, Главное управление коннозаводства и Комитет южных поселений. «При финансовом управлении, обнимающем все государственное хозяйство, — писал он, — только и возможен финансовый план, рассчитанный на совокупность всех финансовых средств страны, на избрание лучших способов для извлечения из них доходов, на приведение в соответствие с ними государственных расходов и на устранение дефицита». На основании такого плана надлежит проектировать государственный бюджет, который после обсуждения в кругу министров должен предварительно рассматриваться в бюджетных комиссиях, состоящих из специалистов. «Отыскание элементов для образования таких коллегиальных учреждений из лиц независимых, но преданных государю и России, — отмечал Бунге, — составляет задачу трудную, но нельзя сказать — неисполнимую». По завершении работ комиссий финансовый план и бюджет следует представлять через Государственный совет на высочайшее утверждение[8].

Бунге подверг критике и систему государственных расходов, которые «несоразмерны со средствами народа» и возрастают быстрее, чем в остальных странах Европы. В особой степени это проявляется при финансировании государственного аппарата, причем оплата услуг высших должностных лиц не всегда определяется твердыми нормами и часто устанавливается по высочайшему повелению. Между тем, низшие звенья администрации изобилуют «бедствующим чиновным пролетариатом».

Бунге предлагал сократить количество бюрократических инстанций и штаты учреждений, изъять часть дел из ведения администрации и передать их земствам, назначить чиновникам строго регламентированные оклады и пенсии[9]. Он подчеркивал, что «серьезные результаты могут быть достигнуты не упразднением нескольких синекур, не уменьшением содержания служащим, а реформами внутреннего управления, переустройством административной организации, более точным разграничением и предметов ведомства, и дел между разными ведомствами, большей простотой и определенностью действий каждого органа правительственной власти»[10]. Для повышения эффективности Государственного контроля было бы целесообразно ежегодно публиковать подробные отчеты о деятельности каждого министерства. Это позволило бы объективно оценить, насколько расходы по тому или иному ведомству оправдываются достигнутыми результатами. «Не должно опасаться, — писал Бунге, — что эти издания повредят авторитету правительства. Авторитет последнего терпит более тогда, когда общество по-

лозревает, что администрации выгодно сохранять в тайне свои действия. Печатание отчетов, сдерживая недобросовестную и расточительную администрацию, могло бы пробудить серьезный труд изучения материалов, действительную умственную жизнь. Если можно опасаться, то скорее малого участия общества в подобном даровом сотрудничестве, столь полезном для просвещенной администрации»[11].

Еще до призыва в Редакционные комиссии Бунге особо подчеркивал актуальность преобразования налоговой системы[12]. В стране, где сельское население составляло основной контингент налогоплательщиков, решение крестьянского вопроса было тесно связано с податной реформой. С отменой крепостного права перед правительством встала задача пересмотра подушного принципа обложения, основанного на владении имуществом и личном труде. В то время на Западе господствовало учение Смита о налогах. Указав на нерациональность подушной подати и косвенных налогов на предметы первой необходимости, он выдвинул идею перехода от пропорционального обложения к прогрессивному. Объектом взимания налогов должен был стать доход от ренты, прибыли и заработной платы[13]. В первой половине XIX в. в европейских странах и США получили распространение различные формы подоходного обложения (в Англии закон о подоходном налоге был принят еще в конце XVIII в.), которое позволяло обеспечить более соразмерное распределение налогов и избежать обременения малоимущих слоев населения[14].

Бунге был убежден в том, что «обязанность платежа податей есть обязанность всеобщая, вытекающая из начала равенства всех перед законом и из начала справедливости: тот, кто принадлежит к государственному союзу, не может быть освобожден от обязательств, вытекающих из существа этого союза; тот, кто пользуется выгодами государственной жизни, обязан способствовать достижению цели государства»[15]. Крупнейшим авторитетом в этой области Бунге считал австрийского экономиста К. фон Гока. Его книгу «Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги» он перевел на русский язык и использовал как одно из пособий на занятиях с цесаревичем Николаем Александровичем. Обращаясь к проблемам налогообложения, Бунге следовал основному тезису Гока — «первое и главное правило для всякого налога: налог должен быть справедлив, то есть: а) не должно требовать более того, что необходимо для достижения верно понимаемой цели государства и притом надлежащими средствами; б) плательщик не должен платить как сам по себе, так и в сравнении с другими, более, чем он обязан по праву; в) налог не должен ни по существу,

ни по форме нарушать нравственные законы и права как народа, так и отдельных лиц»[16].

Бунге полагал разнообразие налогов не «исторической случайностью» или «признаком недостаточного развития финансовой науки», а «следствием необходимости употребить различные приемы для вычисления доходов». Признавая единую всеобщую подать «неосуществительной мечтой», он рассматривал подоходный налог как дополнение к уже имеющейся системе налогов, с помощью которого можно достичь большей соразмерности обложения и получить «чрезвычайные» финансовые средства в случае войны[17].

Вопрос о подоходном налоге в 60—70-е годы обсуждался в печати, земских собраниях и правительственных кругах. Однако по ряду причин он был признан для России преждевременным. В тяжелой экономической ситуации правительство опасалось лишиться традиционных финансовых ресурсов. Кроме того, переход к подоходному обложению означал привлечение к платежам дворянства, которое пользовалось правом податной неприкосновенности. Это создавало угрозу вспышки недовольства первого сословия, и без того утратившего после крестьянской реформы вековые привилегии. Наконец, реализация принципа всесословности, без которого немыслим подоходный налог, была чревата выдвижением требований о допущении представителей сословий к участию в формировании бюджета. История западных стран свидетельствовала о неразрывной связи между всесословностью налогообложения и народным представительством[18]. «Правительству, — писал Бунге, — необходимо знать мнение лиц, заинтересованных и в платеже налогов, и в пользовании государственными учреждениями, а также мнение людей сведущих — экспертов. Согласно с этим, в неограниченной монархии необходимы такие совещательные учреждения, которые удовлетворяли бы означенному требованию»[19].

Перестройка налогообложения на подоходных началах могла осуществляться в России только путем постепенных и частичных преобразований системы прямых податей. В 1862 г. 70% окладных сборов взималось с душ, 29% с земель и промыслов, 1% с торговых свидетельств. Вся тяжесть налогов лежала на крестьянах и мещанах. Лишь незначительная часть земского сбора уплачивалась с земель и торговых свидетельств, принадлежащих казне и лицам других сословий. Основным налогом оставалась введенная еще Петром I в 1718 г. подушная подать, которую платили 26 млн душ мужского пола из 70 млн человек населения страны[20]. Эта средневековая форма обложения была давно упразднена в Европе и сохранялась лишь в

крепостнической России. После 1861 г. подушная подать выглядела анахронизмом. За полтора столетия она обнаружила многие недостатки. Бунге указывал на тяжесть и неравномерность налога в различных уездах и губерниях, огромные хронические недоимки, произвол и злоупотребления при раскладке и взимании. Он рассматривал подушную подать как «одну из форм прикрепления лица к земле, к занятиям известного рода», которая препятствует «правильному распределению населения сообразно с естественными выгодами разных местностей»[21].

Бунге предлагал отменить подушную подать и установить налоги с доходов от земли, недвижимых имуществ и промыслов. По своему значению, утверждал он, эта мера может сравниться только с освобождением крестьян и является «естественным к нему дополением»[22]. В записке, подготовленной для Редакционных комиссий в июне 1859 г., Бунге настаивал на разверстке налогов между помещиками и крестьянами пропорционально количеству принадлежащей им земли. В противном случае, «различие неизбежно вызовет народную ненависть к лицам, пользующимся привилегией, неоправдываемой их хозяйственным положением»[23]. Вместе с тем он подчеркивал трудность отмены подушной подати, поскольку она «пустила у нас глубокие корни, она совпадает с делением сословным, с системой повинностей (земские сборы и рекрутская повинность), с общинным владением, она определила характер многих полицейских законов». Для реформирования прямого обложения Бунге рекомендовал ввести: умеренную поземельную подать как с крестьян, так и с помещиков; личный промысловый налог со всех работоспособных лиц податных сословий от 20 до 60 лет; 3%-ный разрядный налог с доходов от 300 до 500 руб.; временный 10%-ный добавочный сбор ко всем существующим налогам вместо государственных денежных повинностей[24].

Однако правительство не решилось на серьезные изменения в системе окладных сборов. Двадцатилетняя деятельность учрежденной в 1859 г. Податной комиссии не дала практических результатов. В 60-е годы Министерство финансов не только трижды повышало подушную подать, но и применяло жесткие меры по ее взысканию. Одновременно возрастали и другие денежные повинности крестьянства — государственный земский сбор и местные земские сборы. Стабилизация прямого обложения произошла только после неурожаев 1867—1868 гг., когда стала очевидной бессмысленность дальнейшего усиления налогового гнета. Рост недоимок заставил Министерство перейти к более гибкому порядку взимания податей, предоставляя льготы отдельным категориям налогоплательщиков[25]. Были сделаны

некоторые попытки приспособить старую податную систему к новым условиям: 1 января 1863 г. подушная подать с мещан заменена налогом на городскую недвижимость, 1 июня 1870 г. принят закон о переложении части государственного земского сбора на земли всех сословий, в том числе и помещичьи (с 1875 г. этот налог стал поступать в Казначейство под наименованием государственного поземельного налога), 10 декабря 1874 г. и 30 декабря 1875 г. к подушной подати были присоединены оставшаяся часть государственного земского сбора и общественный сбор с государственных крестьян[26]. Подушная подать продолжала тяготеть над крестьянством вплоть до середины 80-х годов.

Важную роль в повышении государственных доходов Бунге отводил косвенным налогам. Он полагал, что из всех предметов потребления обложение спиртных напитков наиболее выгодно для казны. «Положение о питейном сборе» 4 июля 1861 г. отменило действовавшую с 1827 г. систему винных откупов, которая породила широкомасштабную коррупцию и вызвала рост общественного недовольства. С 1 января 1863 г. в империи провозглашалась свобода производства спиртных напитков и торговли ими, вводился акциз на винокурение (4 коп. с градуса алкоголя) и патентный сбор с мест оптовой и розничной продажи. Для надзора за винокуренной промышленностью и питейной торговлей в губерниях учреждались подчинявшиеся Министерству финансов акцизные управления[27]. Уничтожив крупнейший очаг злоупотреблений и одну из самых живучих сословных привилегий, реформа окончательно установила государственную монополию в налогообложении и способствовала систематическому приращению доходов казны[28]. После неоднократных повышений акциза — до 5 коп. (1863 г.), 6 коп. (1869 г.) и 7 коп. (1873 г.) его поступление в 1863—1880 гг. увеличилось с 113,7 млн до 222,3 млн руб.[29] Ликвидация откупов высвободила львиную долю частных капиталовложений и переориентировала их на более продуктивные отрасли народного хозяйства — кредит, железнодорожное строительство, грузовые перевозки, нефтяные промыслы и др.[30]

Отмечая «блистательные результаты» реформы, Бунге в лекционных курсах 1863—1864 гг. предостерегал от взвинчивания налога на спирт, так как это могло привести к усилению контрабанды и ущербу для отечественного винокурения. «Затем, — продолжал он, — в нравственном отношении налог с напитков представляет еще много темных сторон. Хотя потребление спирта у нас гораздо менее, чем в первоочередных державах Европы (в половину менее, чем во Франции и Пруссии), но при бедности народа оно неправильно и влечет за

собой пьянство и разврат»[31]. Правительство рассчитывало, что благодаря свободе питейной торговли и относительной дешевизне водки (по сравнению с откупными ценами) народ будет пить чаще, но умереннее. Эти ожидания оказались тщетными. Не помогла и последовавшая в 60—70-е годы серия законодательных ограничений на продажу спиртного. Правда, за 1865—1880 гг. официальная статистика зафиксировала лишь незначительное увеличение общего потребления сорокаградусных напитков с 69,6 млн до 76,1 млн ведер и снижение потребления на душу населения с 0,93 до 0,78 ведра в год. Число мест питейной торговли ощутимо сократилось. Если в 1863 г. на одно заведение приходилось 254 человека, то в 1882 г. — 601 человек. Однако эти данные не отражали картины в целом. Правительственные запреты и повышение акциза сопровождались расцветом контрабанды и тайного винокурения. Новые попытки остановить рост пьянства были предприняты в первой половине 80-х годов[32].

Другой перспективной статьей дохода Бунге считал акциз с табака, впервые установленный с 1 января 1839 года. В пореформенное десятилетие его взимание регулировалось уставом 4 июля 1861 года. Выращивание табака и торговля им в необработанном (листовом) виде были свободны от ограничений. Акциз поступал в форме платы за бандероли, которые наклеивались на коробки с готовой продукцией. Они приобретались фабрикантами в казначействах на определенную сумму по особому тарифу в соответствии с типом и сортом изделий. Количество табака на предприятиях контролировалось с помощью приходо-расходных книг. Места производства и продажи табачных изделий облагались патентным сбором. В 1863—1870 гг. доход казны увеличился с 5 млн до 8 млн руб. 4 июня 1871 г. был принят общий устав для империи и Царства Польского, который усилил надзор за табачным производством — на фабрики назначены контролеры, заведены отдельные контрольные книги для цехов и кладовых предприятия, разработаны более рациональные способы учета продукции. Поступление акциза в следующем году сразу же возросло с 8,4 млн до 10,2 млн руб., однако в дальнейшем осталось на прежнем уровне, а в 1875 г. даже сократилось из-за многочисленных злоупотреблений, когда изделия высокого качества выпускались под бандеролями, предназначенными для низших сортов, но продавались по высокой цене. 6 июня 1877 г. были утверждены новые правила, отменившие многоразрядный тариф бандеролей и установившие три бандероли для каждого типа изделий (курительного и нюхательного табака, сигар и папирос) без различия их сортов[33]. С точки зрения Бунге, та-

бачный акциз можно было постепенно повышать без серьезного ущерба для производителей и потребителей. В крайнем случае он даже предусматривал возможность введения табачной регалии, хотя называл ее «злом», как и всякую другую монополию. По его подсчетам, это могло бы ежегодно давать казне около 20 млн руб.[34]

Вместе с тем Бунге указывал на нецелесообразность повышения акциза на сахар, который по уставу 26 ноября 1863 г. взимался с учетом процентного содержания сахара в свекловице и суточной выработки механизмов для выкачивания свекловичного сока. С 1 мая 1864 г. по 1 августа 1866 г. акциз поступал в размере 20 коп. с пуда сахарного песка, а с 1 августа 1866 г. — 30 коп.[35] Бунге утверждал, что при неразвитости частного кредита владельцы заводов не выдержат высокого налога[36]. Однако акциз постоянно повышался: до 50 коп. (1867 г.), 70 коп. (1870 г.) и 80 коп. (1875 г.) с пуда. За 1863—1880 гг. сахарный доход возрос с 555 тыс. до 4,3 млн руб.[37]

В апреле 1859 г. Бунге опубликовал статью с призывом начать преобразование соляного дела[38]. Согласно уставу 5 августа 1818 г. в России существовала смешанная система: большинство соляных источников принадлежало государству, которое ведало добычей, транспортировкой, оптовой и розничной продажей продукции в казенных магазинах; аренда государственных промыслов частными лицами допускалась при условии сдачи соли в казну по установленной цене; продукция, добываемая на частных копях, была предметом вольного торга при взимании акциза. Ряд отступлений от устава был сделан с учетом особенностей окраин (Царства Польского, Западного края, Крыма, казачьих областей), где действовали свои правила[39]. К середине XIX в. соляная промышленность как отрасль государственного хозяйства оказалась в упадке, доходы казны заметно сократились[40]. На Податную комиссию была возложена задача разработки нового устава.

Отмечая значение соли как продукта первой необходимости для населения (единственная приправа к пище в крестьянском рационе питания), Бунге писал о «тесной связи» дешевизны этого товара «с благоденствием народным». Он предлагал по примеру Франции целиком передать соляное дело в частные руки и ввести единый акциз, который «составляет лучшую форму налога»[41]. Этой же точки зрения придерживались и члены Податной комиссии.

Указ 14 мая 1861 г. объявил о прекращении казенной добычи и продажи соли. Государственные соляные источники сдавались в аренду или отчуждались частным лицам. Торговля этим товаром становилась свободной. Пригодная к употреблению в пищу соль облагалась акцизом в размере 30 коп. с пуда. Это давало в среднем 10—11 млн руб. ежегодного дохода, а в 1880 г. — 13,6 млн руб.[42] Однако довольно скоро обнаружилась непомерная тяжесть акциза для сельского населения. По сути он представлял собой «поголовную» подать, уплата которой весьма чувствительно отражалась на бюджете крестьянской семьи. Этот налог отрицательно сказывался на развитии скотоводства, рыбных промыслов и ряда отраслей промышленности.

Бунге быстро разочаровался в акцизе. «Соляной сбор составляет, в сущности, личный налог, — писал он в лекционных курсах 1863—1864 гг. — Соль необходима для физического существования человека, а потому тягость этого налога нисколько не соразмеряется с доходом и возрастает прогрессивно с нищетой плательщика»[43]. Против соляного акциза высказывались авторитеты западной экономической науки — А.Вагнер, П.Леруа-Болье, К.Рау, В.Рошер, А.Шеффле, Л.Штейн. Он был упразднен в Англии (1823 г.), Норвегии (1844 г.), Португалии (1846 г.), Бельгии (1871 г.), США (1873 г.) и понижен в других европейских странах. В России с ходатайствами об отмене налога выступали земские собрания некоторых губерний, Комиссия для исследований положения сельского хозяйства и сельской промышленности в России под председательством министра государственных имуществ П.А.Валуева (1873 г.), Московское общество сельского хозяйства (1876 г.), представители купечества, съехавшегося на Нижегородскую ярмарку (1879 и 1880 гг.)[44]. Незадолго до назначения товарищем министра финансов Бунге назвал соляной сбор самым обременительным среди других налогов[45]. Спустя несколько месяцев он принял личное участие в подготовке указа 23 ноября 1880 г. об отмене этого акциза.

Бунге неоднократно обращался к вопросу о таможенном обложении. В предреформенный период он защищал лозунг свободы торговли и учение английской классической школы о международном разделении труда. В 1856 г., накануне принятия нового таможенного устава, в печати началась дискуссия между фритредерами и протекционистами. Ее исход был заранее предрешен. Еще в 1850 г. взамен существовавшей с 1822 г. запретительной таможенной системы правительство ввело менее жесткую охранительную. Либералы-западники видели в дальнейшем понижении пошлин одно из основных условий экономического прогресса России. За свободу торговли выступали крупнейшие периодические издания — «Голос», «Московские ведомости», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Экономический указатель». Среди фритредеров были светила экономической науки (Н.Х.Бунге, А.И.Бутовский, И.В.Вернадский, Л.В.Тенгоборский), они пользовались под-

держкой общественного мнения и правительственных кругов. Несмотря на то, что большинство предпринимателей со страниц «Вестника промышленности» и «Торгового сборника» требовало сохранения высоких таможенных барьеров, позиции протекционистов выглядели гораздо слабее[46].

В ходе дискуссии Бунге утверждал, что запретительная таможенная система, «разъединяя государства, осуждает их на отдельное существование», «ослабляет внешние торговые сношения и уменьшает финансовые силы страны», «не пробуждает дремлющих сил народа, но усыпляет их». Он указывал на очевидные, с его точки зрения, преимущества либеральной таможенной охраны: «Умеренный тариф есть признак начинающегося экономического международного единства, которое поставляет в распоряжение каждого отдельного государства то, что составляет результат всемирной исторической деятельности человека: накопленные капиталы, истины науки, творения искусства, открытия техники, наконец, формы частной гражданской жизни, начиная от простого страхового товарищества до сложного механизма кредитных учреждений». Вместе с тем Бунге полагал, что простое понижение пошлин отнюдь не приведет к расцвету внешней торговли, если не будет сопровождаться развитием отечественной промышленности и внутренними экономическими преобразованиями[47].

Новый тариф 27 мая 1857 г., еще более ослабивший таможенную охрану, свидетельствовал о победе фритредеров. По словам Бунге, он «выразил собой положительное отрицание протекционизма»[48]. Но приверженцы свободы торговли не питали лишних иллюзий. При всей своей верности фритредерским идеалам в теории, они считались с реалиями России и ее очевидной неконкурентоспособностью по сравнению с европейскими державами. Бунге отмечал узость внутреннего рынка для сбыта иностранных товаров, низкий уровень доходов основной массы населения, слабость торговых оборотов, плохие пути сообщения[49]. Фритредеры были вынуждены мириться с перспективой длительного существования охранительной системы, либерализация которой могла проводиться очень постепенно. Фактически в европейском понимании они представляли собой умеренных протекционистов[50].

Уже во второй половине 60-х годов Бунге пересмотрел свои прежние взгляды. Это объяснялось падением популярности фритредерской доктрины на Западе и явной потребностью в корректировке таможенной политики России. Тариф 1857 г. не оправдал надежд правительства. Вследствие роста импорта уменьшился активный итог торгового баланса. Не удалось добиться и увеличения таможенного дохода. И все же очередной

тариф 5 июля 1868 г. был выдержан в прежнем духе. Пошлины на ввоз многих нужных для промышленности материалов либо отменялись, либо сводились к минимуму. В последующие годы это привело к преобладанию импорта над экспортом и пассивному сальдо торгового баланса[51]. Смягчение таможенной политики было целесообразно лишь на стадии становления российской индустрии, когда она остро нуждалась в притоке сравнительно дешевых иностранных товаров (оборудования, материалов, рельсов и подвижного состава для железных дорог и др.). Но со временем, по мере налаживания в стране собственного производства, конкуренция западной продукции стала наносить все больший ущерб развивающейся отечественной промышленности.

Отвергая возможные обвинения в «отступничестве», Бунге, тем не менее, признал за протекционизмом «историческое значение», так как «можно быть приверженцем свободы промышленности и свободы торговли уже ни во что бы то ни стало, а насколько допускает их развитие общества и положение промышленности»[52]. Он занял «центристскую» позицию между фритредерами и протекционистами, одинаково критически оценивая крайности обоих учений: «Если ошибаются фритредеры, полагая, что всякое понижение таможенного налога способствует дешевизне и потребления, и производства, то не менее ошибаются и протекционисты, заботясь о создании производства, не обращая внимания на то, во что оно обходится»[53]. По его замечанию, статистические исследования не подтверждают вывода об увеличении таможенных поступлений при низком тарифе в результате расширения внутреннего потребления. Для этого необходимо соответствующее повышение производительности труда и уровня благосостояния населения. Между тем с момента введения в действие тарифа 1857 г. нельзя говорить о росте «народного богатства» в России[54]. Таможенная политика должна быть поставлена в тесную связь со всей системой налогообложения при непременном учете ее влияния на производство, торговлю и потребление. «Вот почему, — утверждал Бунге, — нисколько не разделяя протекционистских взглядов, нельзя, однако же, допустить такие пошлины, которые сделали бы некоторые из существующих отраслей промышленности невозможными». Но при этом он критиковал теоретика протекционизма Ф.Листа за абсолютизацию значения таможенной охраны[55]. По его словам, тариф, построенный на чисто протекционистской основе, «повторяет известную басню о зарезанной курице, которая несла золотые яйца»[56].

Рассуждая о налоговых преобразованиях, Бунге исходил из чрезвычайных обстоятельств финансового кризиса. Осущест-

вление намеченных им мероприятий он рассматривал как необходимый этап, предшествующий введению подоходного обложения. На первое место Бунге ставил отмену подушной подати и соляного акциза. «Без этого, — подчеркивал он, — нельзя ожидать ни развития внешнего сбыта, ни усиления потребления фабричных товаров, ни накопления капиталов, ни возвращения ценности земли»[57].

В декабре 1876 г. Бунге по распоряжению Александра II принял участие в совещании специалистов, которое должно было найти способы пополнения казны накануне предполагавшейся войны с Турцией. Его коллегами стали председатель Департамента государственной экономии Госсовета А.А.Абаза, экономист И.К.Бабст, статс-секретарь А.П.Заблоцкий-Десятовский, члены Государственного совета Г.П.Небольсин и кн. Д.А.Оболенский. Они были приглашены по просьбе министра финансов М.Х.Рейтерна, выступавшего против войны и стремившегося подкрепить свою позицию мнением «сведущих людей». Совещание сделало вывод о тяжелых последствиях предстоящей кампании для российских финансов и предложило ряд экстренных мер для покрытия военных издержек: установить чрезвычайный подоходный налог и процентный сбор с дивидендов акционерных предприятий, повысить налог на недвижимость, акцизы и таможенные пошлины, усилить торгово-промышленное обложение. Однако в «верхах» решили, что эти рекомендации рассчитаны на слишком долгую перспективу. Министерство финансов вновь было вынуждено выходить из положения с помощью займов и эмиссии бумажных денег[58]. К вопросу о податных реформах правительство вернулось только по окончании войны.

4. Кредит

В поле зрения Бунге находилась и система кредита, нуждавшаяся в срочном преобразовании. Казенные кредитные учреждения (Государственный заемный и Государственный коммерческий банки, Петербургская и Московская сохранные казны, губернские приказы общественного призрения) неограниченно принимали вклады и выплачивали по ним 4% годовых. Выгодные условия для вкладчиков обеспечили государству монополию в области кредита. Почти все накопления денежных капиталов сосредоточились в казенных банках. В 1857 г. сумма вкладов составила 1276 млн руб. Средства кредитных учреждений были оторваны от сферы промышленности и торговли. Деньги вкладчиков систематически заимствовались правительством на покрытие бюджетных дефицитов и использовались

для предоставления 5%-ных ссуд помещикам под залог населенных имений. В 1859 г. долг Казначейства банкам достиг 521 млн руб., а задолженность землевладельцев 425 млн руб. Предоставляя долгосрочные ссуды и одновременно обслуживая вклады до востребования, казенные банки могли избежать массового изъятия сумм вкладчиками только при ограниченности других возможностей инвестирования. В первой половине XIX в. частный кредит в России существовал только в форме банкирского промысла[1].

Между тем западная наука провозглашала кредит важнейшим рычагом для развития народного хозяйства и решения социальных проблем. К.Сен-Симон и его многочисленные последователи видели в банках средство для организации труда и участия всей нации в управлении общественным производством[2]. Б.Гильдебрандт сформулировал понятие о «кредитном хозяйстве» и объявил его самой передовой формой экономической жизни, которая позволяет каждому «честному и способному работнику» стать предпринимателем и обеспечивает «взаимный обмен произведений человеческого труда, основанный на личном обещании, на честном слове, на доверии, на нравственных качествах»[3]. Опыт европейских стран свидетельствовал о великой роли кредита в экономическом прогрессе. В 1830-е годы в Англии возникли десятки акционерных депозитных банков краткосрочного кредита, перешло к долгосрочному инвестированию Генеральное общество для содействия национальной промышленности в Бельгии, в 1850-е годы были основаны крупные коммерческие банки во Франции и Германии, сумевшие привлечь капиталы в индустрию[4].

Вдохновленные успехами западных соседей, либеральные экономисты (И.К.Бабст, В.П.Безобразов, Н.Х.Бунге, И.В.Вернадский, Ю.А.Гагемейстер, Е.И.Ламанский и др.) во второй половине 50-х гг. выступили в печати с пропагандой преимуществ частного кредита. Популярность «банковых идей» Сен-Симона достигла необычайного размаха. Русская экономическая литература была полна откликов на деятельность учрежденного в 1852 г. парижского акционерного банка «Креди мобилье», который вызвал восхищение современников размахом и смелостью своих операций[5].

Голос Бунге, известного знатока в этой области, звучал весьма авторитетно. Еще в своей речи в Лицее кн. Безбородко (1849 г.) он подчеркнул значение кредита для накопления, концентрации и рационального использования капиталов, стимулирования развития производительных сил, повышения доходов населения и смягчения социальных противоречий. «Кредит, помогая деятельности и сбережению достояния рабочих

классов, — говорил Бунге, — дает им большую хозяйственную самостоятельность, умножает число лиц, владеющих недвижимой и движимой собственностью; а частная собственность есть краеугольный камень гражданского порядка и цивилизации»[6]. Эти же взгляды он высказывал и в докторской диссертации (1852 г.)[7].

После Крымской войны Бунге призывал отказаться от системы казенного кредита, которая в силу своего монопольного характера не может «соперничать с энергией и изворотливостью частного интереса»[8]. По его словам, «как бы хорошо ни были устроены государственные банки, но они не могут не быть бюрократическими учреждениями; они поневоле смотрят на клиента, как на просителя, которому оказывается одолжение; они не могут снизойти на степень промышленной конторы и остаются на высоте канцелярий, ведающих дела государственные»[9].

Безусловное предпочтение Бунге отдавал акционерным банкам. В обширной статье «Значение промышленных товариществ и условия их распространения», опубликованной в «Журнале для акционеров» в 1857—1858 гг. и изданной позднее отдельной брошюрой, он писал, что акции «создают самую развитую форму частной собственности», а сами акционерные общества являются «счастливым соединением деятельности личной с деятельностью общественной». Бунге рассматривал французский «Креди мобилье» при всех его недостатках и склонности к биржевым спекуляциям как образец для России. «Появление акционерных банковых товариществ, — предсказывал он, — освободило бы наше производство от застоя, духа рутины и позволило бы нам употребить в дело немногие из существующих у нас спекулятивных умов. Акционерные банки дали бы прибыльное назначение тем средствам, для которых правительство наше с трудом приискивает помещение, между тем как мы слышим жалобы на недостаток капитала и кредита». Бунге выступал против различных ограничений, с помощью которых государство обычно пытается предотвратить чрезмерное развитие «спекулятивного духа» и биржевого ажиотажа, — регламентации цен на акции, величины дивидендов, количества акционеров, необходимого для учреждения компании, установления надзора за правлением акционерных обществ и др.[10]

Неизбежность банковской реформы понимали и в «верхах». В годы Крымской кампании правительство стало поощрять частное предпринимательство. Оживление коммерческой деятельности, вызванное обилием выпущенных бумажных денег и благоприятной военной конъюнктурой, способствовало притоку капиталов в казенные банки. Поэтому прирост вкладов все более обгонял увеличение ссуд. Если в начале 1855 г. превышение вкладов над ссудами составляло 20 млн руб., то в середине 1857 г. — уже 140 млн руб. Возникла опасность, что банки окажутся не в состоянии выплачивать вкладчикам установленные проценты. Правительство приняло решение приостановить рост вкладов и направить свободные капиталы в промышленность и железнодорожное строительство. 20 июля 1857 г. процент по вкладам был понижен с 4 до 3%, по займам — с 5 до 4%.

Последствия этого шага превзошли все ожидания. Начался стремительный отлив вкладов из казенных банков в акционерное учредительство. В 1857 г. было востребовано 239 млн руб., в 1858 г. — 299 млн руб., в 1859 г. — 355 млн руб. За 1857—1859 гг. возникло 84 акционерных общества, т.е. больше, чем за предшествующее двадцатилетие. Сумма их капиталов в четыре раза превысила капиталы старых компаний. Спад акционерной горячки обозначился только в середине 1859 года. В результате «изгнания» вкладов и истощения кассовой наличности система казенных кредитных учреждений оказалась под угрозой банкротства.

Для разработки мер по выходу из кризиса министр финансов А.М.Княжевич создал «мозговой центр» в лице Н.Х.Бунге, Ю.А.Гагемейстера, Е.И.Ламанского, Н.А.Милютина и М.Х.Рейтерна. Они составили ядро образованных в апреле 1859 г. Комиссии по преобразованию государственных кредитных учреждений и Финансовой комиссии в структуре Редакционных комиссий. Первая рекомендация этой группы была принята еще 13 марта, когда правительство объявило о выпуске 4%-ных билетов непрерывного дохода с целью консолидации банковского долга, т.е. перевода вкладов до востребования в долгосрочные облигации. Для пополнения касс банков был сделан заем на 30 млн руб. и проведена эмиссия денежных знаков на сумму 33,6 млн руб.[11] В апреле—мае Бунге опубликовал две статьи с призывом приобретать новые билеты. Он разъяснил смысл этой меры: банки отказываются от своих доходов, и те 4%, которые землевладельцы будут платить по ссудам, компенсируют 4%-ные выплаты по билетам. Выгоды заключались в том, что эти облигации более соответствовали структуре долгосрочного долга помещиков[12].

Однако подписка на билеты непрерывного дохода не имела успеха. Востребование вкладов продолжало нарастать. К 1 июля 1859 г. свободная наличность казенных банков сократилась до 23 млн руб. 18 апреля 1859 г. последовал указ о прекращении ссуд под залог населенных имений. 17 июня 1859 г. Банковская ко-

миссия представила доклад о кредитной реформе. Бунге и его коллеги предлагали: 1) помимо Заемного и Коммерческого банков подчинить Министерству финансов также сохранные казны, подведомственные IV Отделению Собственной е.и.в. канцелярии, и губернские приказы общественного призрения, состоявшие в ведении МВД; 2) снизить процент по вкладам с 3 по 2% и провести их консолидацию с помощью выпуска 5%-ных банковских билетов с 37-летним сроком погашения; 3) ликвидировать старые банки кроме Коммерческого и передать ему все вклады; 4) преобразовать этот банк в акционерный по западному образцу с целью развития операций коммерческого кредита и передать ему разменный фонд Экспедиции государственных кредитных билетов для свободного размена бумажных денег на монету; 5) приступить к устройству частных земских банков для обеспечения помещиков ипотечным кредитом[13].

Рекомендации Комиссии были одобрены Княжевичем и Комитетом финансов[14]. Поэтапное осуществление проекта началось с издания указа 10 июля 1859 г. о подчинении сохранных казен и приказов общественного призрения Министерству финансов и образовании Комиссии для устройства земских банков, в которую вошла та же «пятерка» экономистов[15]. Заседания Комиссии начались с 25 августа. Ее участники в «Объяснительной записке» и проекте выдвинули предложение создать при временном содействии государства систему частных ипотечных банков в форме обществ землевладельцев-заемщиков с круговым ручательством, которое является наиболее прочной гарантией выпускаемых закладных листов. При этом отнюдь не исключалось учреждение акционерных земельных банков и даже признавались их определенные преимущества[16].

Деятельность Комиссии, продолжавшаяся до 30 января 1860 г., и издание ее «Трудов» вызвали в печати оживленную дискуссию, в которую включился и Бунге[17]. «Конечно, — писал он 2 марта 1860 г. в «Журнале для акционеров», — переход к земским банкам в настоящее время соединен с трудностями, которые нечего скрывать: рынок наш не богат свободными капиталами, а оценка поземельной собственности в ожидании предстоящих перемен в сельском хозяйстве не имеет твердой основы. Но надо преклониться перед силой обстоятельств и вместо того, чтобы требовать невозможного от старых банков, гораздо лучше позаботиться об устройстве новых земских кредитных учреждений, о замене системы приема вкладов и выдачи ссуд выпуском закладных листов»[18].

Летом 1860 г. Комиссия возобновила заседания в обновленном составе, без участия Бунге и некоторых других членов. Однако подготовленный ею новый вариант проекта (март 1862 г.) так и не был представлен к утверждению в законодательном порядке[19]. В «верхах» учли неблагоприятные обстоятельства, на которые указывали сами члены Комиссии, — нехватку капиталов, отсутствие подготовленных кадров и деловой активности в дворянской среде и др. Помимо этого правительство, взяв на себя проведение выкупной операции, устранилось от содействия частным ипотечным банкам, опасаясь затруднить реализацию выкупных свидетельств[20].

С 1 сентября 1859 г. в соответствии с проектом Банковской комиссии началась новая операция по консолидации вкладов. Для расчета с вкладчиками Коммерческим банком выпускались 5%-ные банковые билеты с 37-летним сроком погашения. Процент по вкладам понижался до 2%. Бунге выступил в прессе с агитацией за приобретение этих облигаций[21]. 5%-ных билетов было выпущено на 277,5 млн руб. Многие вкладчики предпочли востребовать свои капиталы. Все же к концу 1860 г. на долгосрочные облигации удалось обменять более 43% всех вкладов.

Весной 1860 г. окончательно решался вопрос о форме будущего центрального кредитного учреждения. В «Журнале для акционеров» Бунге вновь высказался по этому поводу: «Нам предстоит выбор между банком государственным или публичным, т.е. акционерным привилегированным. Первый, конечно, не исключает многих очень существенных улучшений, но все-таки остается тем, чем он был прежде, — органом казенного управления, которое в деле промышленности не может действовать с таким же успехом, как предприятие, основанное частными лицами. Второй, т.е. публичный банк, столь же способный произвести ликвидацию прежних сделок, не вступая в открытую борьбу с укоренившимися предрассудками, представляет двойную выгоду — действительность контроля со стороны наиболее заинтересованной части общества в ходе ликвидации и подготовление банковой свободы»[22].

Но правительство не пошло на радикальные преобразования. 31 мая 1860 г. был утвержден устав Государственного коммерческого банка, который стал чисто казенным учреждением. В нем сосредоточились оставшиеся средства старых банков. В отличие от центральных эмиссионных банков Запада, он был органом не только денежно-кредитной, но и общей экономической политики. Официально Банк создавался для развития коммерческого кредита. Однако следствием прямого подчинения финансовому ведомству, не имевшего аналогов в других странах, было широкое использование его ресурсов в интересах государственных финансов. Помимо обычного размещения в нем свободных средств Казначейства и производства за их счет

различных платежей, на Банк возлагались ликвидация долгов дореформенных кредитных учреждений (до 1886 г.), значительное вложение средств в государственные и гарантированные казной ценные бумаги, а в дальнейшем — накопление золотого запаса для проведения денежной реформы (с 1885 г.), поддержка государственных ипотечных Крестьянского и Дворянского банков (с 1885 г.) и др. Подобная политика постоянно отвлекала его капиталы от кредитования хозяйства[23].

Проведенная реформа была неразрывно связана с выкупной операцией. Для группы экономистов, задававших тон как в Банковской, так и в Финансовой комиссиях, по сути речь шла о двуедином плане обоих преобразований. По «Положению о выкупе» все долги казенным банкам вычитались из полагавшейся помещикам общей суммы выкупа и новые кредитные бумаги выдавались только на сумму этой разницы. Бунге и его коллеги стремились укрепить права крестьян на надельные земли путем перечисления на них помещичьих закладных долгов и перестроить структуру банковских вкладов с помощью выпуска долгосрочных облигаций[24].

Впоследствии Бунге сожалел, что предложение Банковской комиссии об учреждении центрального банка по западному образцу не было принято. «Государственный банк, — подчеркивал он в лекционных курсах 1863—1864 гг., — стесняет и расширяет свои операции, соображаясь не с запросом на капиталы, а с положением своей кассы, зависящей от положения Казначейства». Главным недостатком Банка Бунге считал совмещение коммерческого кредитования с многочисленными «государственными обязанностями», что отрицательно сказывается на развитии экономики. «Такова, впрочем, судьба всех банков, устроенных правительством, — писал он. — Они разоряют сначала промышленность ради поддержки финансов, а потом не помогают финансам, но поддерживают застой в народном хозяйстве»[25].

При основании Государственного банка предполагалось, что он станет центром, вокруг которого возникнет сеть частных банков в форме акционерных компаний и кредитных обществ с круговым ручательством. В 1864 г. возник первый в стране акционерный банк (Петербургский частный коммерческий). Всего за 1864—1869 гг. было учреждено 7 подобных банков с общим капиталом 37 млн руб. Однако этот процесс сдерживался устаревшим законодательством. Акт 6 декабря 1836 г. предусматривал концессионную (разрешительную) систему учреждения акционерных компаний. Их уставы должны были в законодательном порядке рассматриваться Комитетом министров по представлению министра финансов и утверждаться

императором. Закон содержал различные ограничения с целью предотвращения спекуляций и образования фиктивных компаний — запрещение выпуска акций на предъявителя, сделок с акциями на срок и др. Поскольку решающее слово в одобрении или отклонении устава фактически принадлежало Министерству финансов, то оно не стремилось к отмене концессионной системы[26].

Проблемы акционерного законодательства широко дискутировались в печати. Бунге не раз касался этой темы в своих работах второй половины 50-х — 60-х годов. Он писал, что создание новых компаний в России требует соблюдения всевозможных формальностей, тогда как «успех промышленный зависит часто от быстроты и своевременности выполнения». Бунге указал на преимущества явочной системы учредительства, при которой для образования «товарищества» достаточно зарегистрировать его устав в соответствующих административных или судебных органах. В 60-е годы на эту систему перешли крупнейшие европейские страны. Применение такого порядка в России помогло бы устранить бюрократический произвол и бесконечную волокиту. Регулярная публикация отчетов акционерных компаний позволила бы представить их деятельность на суд общественного мнения[27].

Сущность реформы должна была заключаться и в предоставлении акционерам твердых гарантий в законности действий и платежеспособности обществ — установление нижней границы стоимости акций, обязательность их оплаты, определение степени ответственности правления в случае нарушения закона и др.[28] «Нет сомнения, — утверждал Бунге, — что в свободных банках правительство нашло бы более серьезную помощь, чем в казенном Государственном банке, между тем промышленность нашла бы в свою очередь кредит, примененный к условиям и потребностям народной жизни, кредит обратил бы сбережения народа, часто остающиеся мертвыми капиталами, в производительную силу»[29].

Осенью 1871 г. началась работа межведомственной комиссии по подготовке нового акционерного закона. Проект, предусматривавший введение явочной системы учредительства, был готов в весне 1874 года. Но к этому времени настроения в «верхах» изменились. 1870—1873 гг. стали периодом бурного учредительства — было основано 259 компаний с общим капиталом 516 млн руб., из них 53 акционерных банка. Однако акционерная горячка сопровождалась многими негативными явлениями. При отсутствии четкого регулирующего законодательства в сфере кредита процветали биржевой ажиотаж и спекуляции акциями. Министерство финансов приняло меры для

сдерживания учредительства. 31 мая 1872 г. был издан закон, временно запретивший создание новых банков в городах, где уже существовали подобные банки, и установивший ряд ограничений на некоторые банковские операции. Вместе с тем министр финансов получил право на утверждение уставов акционерных банков без высочайшей санкции[30].

Бунге откликнулся на этот закон статьей в «Сборнике государственных знаний». Он изложил сформулированные немецким экономистом А.Вагнером основные принципы банковской политики: государство не должно поощрять учреждение банков и препятствовать их возникновению, вмешиваться в составление уставов, запрещать те или иные операции, осуществлять материальный контроль за их деятельностью. Бунге подчеркнул, что эти принципы содержат «верное теоретическое начало: свобода составляет необходимое условие для развития хозяйственной жизни и для врачевания экономических недугов, но следует заметить, что обществу необходимо дорасти до умения пользоваться свободой и ее целебной силой». По его мнению, принимая во внимание всеобъемлющее влияние системы кредита на народное хозяйство, нельзя полностью отказаться от вмешательства государства, так как банки могут превращаться в орудие спекуляции и легкой наживы за счет широких слоев населения. «Закон, — писал он, — насколько это бывает возможным, должен оградить безопасность вверяемых банкам капиталов, обеспечить правильное и постоянное содействие кредита промышленности, устранить спекулятивную эксплуатацию народного достояния». Вместе с тем «закон должен соответствовать уровню гражданского и экономического развития общества, он должен ограждать возможное пользование свободой».

Бунге критически оценил положение закона о запрещении учреждать в городах новые банки, поскольку эта мера не устраняет ни спекуляции, ни причин, которые ее порождают. Опасаясь «соперничества» банков, правительство не учитывает того, что без конкуренции между ними невозможно добиться дешевизны кредита. С точки зрения Бунге, «при легкости основания соперничествующих банков очевидно, что шансы спекуляции будут очень слабы». Он одобрительно отозвался о предоставлении министру финансов права утверждать банковские уставы, но указал и на «темную сторону» этой статьи закона: «Разрешение дается администрацией; власть, которая разрешает, имеет несомненное право отказа. Таким образом, личные воззрения администрации составляют решающий момент. Поэтому нельзя не признать, что установление твердых правил, при которых для учреждения банка достаточно было бы предъявить устав для надлежащей регистрации, имело бы

несомненные преимущества». Бунге отметил также отсутствие в законе положений о регулярной публикации балансов и отчетов банков, между тем гласность «составляет одно из главных условий правильного ведения банкового дела»[31].

Грандиозный биржевой крах, поразивший страны Запада в 1873 г., вызвал в России спад акционерного учредительства. Возникновение новых банков вообще прекратилось. В 1875 г. было объявлено о несостоятельности Московского коммерческого ссудного банка. В войну 1877—1878 гг. потерпели банкротство еще шесть акционерных банков, что породило настоящую биржевую панику. Все это заставило Министерство финансов усомниться в целесообразности свободы учредительства. Проект введения явочной системы был оставлен без последствий. 21 декабря 1874 г. и 13 августа 1877 г. Александр II скрепил своей подписью решения Комитета министров об ограничении акционерного учредительства. Попытка вернуться к вопросу об акционерной реформе была сделана финансовым ведомством по инициативе Бунге в первой половине 80-х годов[32].

В лекционных курсах 1863—1864 гг. Бунге указал на то, что после закрытия Комиссии об устройстве земских банков вопрос об организации ипотечного кредита остался открытым. «Государственные кредитные учреждения как средство для поощрения промышленности, — писал он, — не оказывают никакого содействия земледелию, в то время, когда оно наиболее в нем нуждается»[33]. Несмотря на то, что выкупная операция проводилась в интересах помещиков, она совершенно не удовлетворяла их постоянную потребность в деньгах. Процесс заключения выкупных сделок протекал медленно, из суммы выкупных платежей вычиталась задолженность старым кредитным учреждениям (в среднем 50% в 37 губерниях), полученные средства расходовались непроизводительно. Попытки создания в 60-е годы частных ипотечных банков без содействия государства не увенчались успехом. Исключением стали лишь Херсонский земский банк (1864 г.) и Общество взаимного поземельного кредита в Петербурге (1866 г.), но они были не в состоянии обеспечить нужды помещиков.

В период подъема акционерного учредительства (1870—1873 гг.) возникли 10 акционерных всесословных земельных банков, просуществовавших вплоть до 1917 года. Они выдавали долгосрочные ссуды под залог земель и городской недвижимости. Ссудный процент был довольно высок и фактически достигал 8—9 процентов. Эти учреждения функционировали при поддержке и под надзором правительства, которое утверждало распределение районов действия банков, устанавливало

нормы оценки имений, порядок выдачи ссуд, контролировало выпуск акций и закладных листов. На 1 января 1881 г. акционерный капитал банков составлял 27,3 млн руб., сумма ссуд — 162,4 млн руб., общая прибыль — 6 млн руб.[34]

В «Курсе полицейского права» (1877 г.) Бунге отметил развитие других форм частного кредита. В 1863 г. в Петербурге возникло первое общество взаимного кредита. Спустя два десятилетия (1882 г.) их насчитывалось уже 83 с основным капиталом 11 млн руб. 26 февраля 1862 г. был утвержден устав городских общественных банков, которые учреждались при городских думах по соглашению министров финансов и внутренних дел и подлежали контролю только со стороны городского общества. В 1882 г. 243 банка с основным капиталом 21,8 млн руб. выдали ссуды на общую сумму 60,8 млн руб. и получили валовую прибыль в размере 14 млн руб.[36] Однако масштаб операций большинства банков был незначительным. Бунге объяснял это недостаточностью надзора городского общества, некомпетентностью административного аппарата и отсутствием в законодательстве четко определенной меры ответственности банков перед вкладчиками[37].

Большое значение Бунге придавал совершенствованию сберегательного дела. Накануне банковской реформы 1859—1860 гг. при Петербургской и Московской сохранных казнах, губернских приказах общественного призрения действовали 48 касс, принимавшие вклады до 750 руб. и выплачивавшие по ним 3% годовых. Расширение сети сберегательных касс стало частью перестройки всей кредитной системы. По уставу 16 октября 1862 г. кассы открывались по ходатайству городского общества при уездных казначействах или городских думах и ратушах, а по законам 27 марта и 19 октября 1864 г. — при филиалах Государственного банка и городских общественных банках, находились в ведении Министерства финансов. Старые кассы при приказах общественного призрения должны были прекратить свои операции. Предельная норма вкладов повышалась до 1 тыс. руб. с сохранением 3%-ной ежегодной выплаты. Но в первые пореформенные десятилетия развитие сберегательного дела протекало крайне медленно. Несмотря на увеличение в 1863—1880 гг. числа касс с 10 до 76, количество книжек возросло лишь со 100 тыс. до 104 тыс., сумма вкладов — с 6,6 млн до 9 млн руб.[38]

В «Курсе полицейского права» Бунге писал, что, «доставляя возможность сохранять и прибыльно помещать сделанные мелкие сбережения, сберегательные кассы имеют огромное значение: они развивают в народе дух предусмотрительности, подготовляют условия для возникновения народных банков и нередко служат для них переходящей ступенью». Отметив успехи западных стран в этой области, он перечислил основные требования к рациональному устройству касс: надежный контроль со стороны правительственных или общественных учреждений, упрощенное делопроизводство, удобное для населения время и место приема взносов, отсутствие ограничений размеров разового взноса и общей суммы вклада, выгодное помещение вкладов[39].

Бунге считал желательным, чтобы сберегательные кассы не только концентрировали капиталы, но и выдавали ссуды, способствуя развитию кредита. В этом отношении он отдавал предпочтение сельским ссудо-сберегательным товариществам, которые стали возникать с 1865 г. по инициативе земств и частных лиц. В 1867 г. министру финансов было предоставлено право по соглашению с министром внутренних дел утверждать уставы товариществ. В 1870 г. Рейтерн одобрил образцовый устав, составленный в Московском обществе сельского хозяйства. Пай для вступления в товарищество был установлен в размере не менее 50 руб. Каждый член мог получить ссуду на сумму не более 150% пая на срок до 9 месяцев. Товарищества принимали срочные вклады, которые обеспечивались круговой ответственностью участников. По распоряжению министра финансов этим учреждениям был открыт кредит в Государственном банке.

На 1 января 1881 г. в стране действовали 729 товариществ с основным капиталом 4,9 млн руб., которые выдали ссуды на сумму 11,2 млн руб.[39] «Распространение их, освобождая крестьян из рук ростовщиков, может открыть крестьянам новые средства для сбережения и оплодотворения собранных капиталов, — писал Бунге. — К сожалению, ссудо-сберегательные товарищества еще не в состоянии возникать без посторонней поддержки, и крестьяне не доросли до того, чтобы сделаться двигателями, а тем более начинателями этих полезных учреждений»[40].

К концу 70-х годов сложились представления Бунге о принципах организации кредита, которыми он стремился руководствоваться в годы государственной деятельности. Отмечая необходимость регулирующего законодательства и надзора административных органов за функционированием частных банков, он, вместе с тем, указывал на опасность чрезмерной регламентации и всячески подчеркивал важность личной инициативы в этой сфере народного хозяйства. Однако его назначение министром финансов произошло в период усиления контроля государства над частными кредитными учреждениями, что отражало общее нарастание протекционистских тенденций в правительственной политике.

5. Денежное обращение

Много лет Бунге занимался проблемами денежного обращения, расстроенного в период Крымской кампании массовыми выпусками необеспеченных золотым и серебряным содержанием кредитных билетов. В 1853—1858 гг. их число возросло с 311,4 до 735,3 млн руб. Процентное отношение металлической части разменного фонда к количеству кредитных билетов за это время уменьшилось с 45,1 до 19,2 процентов. Правительство не сумело выполнить свое обещание извлечь из обращения необеспеченные бумажные деньги через три года после заключения мира. Эмиссия кредитных билетов временного выпуска для покрытия экстренных государственных расходов сохранилась и в дальнейшем. Война привела к крушению системы министра финансов гр. Е.Ф.Канкрина, сложившейся в результате реформы 1839—1843 гг. и основанной на свободном размене бумажных денег на золото и серебро по твердому курсу. Расстройство денежного обращения вызвало скачок цен на золото и его усиленное востребование из разменного фонда. Звонкая монета исчезла с денежного рынка. Несмотря на официальные запреты, она не удерживалась внутри страны и уходила за границу. 14 мая 1858 г. Комитет финансов принял решение о прекращении свободного размена. Началась эпоха инфляции, которая завершилась только в конце столетия после реформы С.Ю.Витте.

В годы войны курс рубля сохранял относительную устойчивость. Обилие бумажных денег и увеличение спроса на разные товары способствовали оживлению предпринимательской деятельности. Однако инфляция не могла стать устойчивым фактором оздоровления народного хозяйства. С ухудшением торгово-промышленной конъюнктуры в конце 50-х годов курс рубля испытывал сильные колебания и имел явную тенденцию к падению[1].

О путях упорядочения денежного обращения много спорили в правительственных кругах, публицистике и научной литературе. Бунге принял участие в возобновившейся дискуссии между «номиналистими» и «металлистами», восходящей еще к полемике Н.М.Карамзина и М.М.Сперанского. Помещики выступали за сохранение бумажно-денежного обращения, так как инфляция давала им возможность выплачивать свои громадные долги казенным банкам обесценившимися денежными знаками и фактически погашать лишь часть задолженности. Важной статьей дохода для дворян, вывозивших сельскохозяйственную продукцию за пределы страны, была разница в курсе рубля внутри России и за границей. Особенно прибыльным делом

экспорт стал в конце 50-х — начале 60-х гг., когда падение курса усилилось, а рост цен на товары приостановился. Поэтому публицисты, стоявшие на страже дворянских интересов, заявляли о хронической нехватке бумажных денег для нужд народного хозяйства и требовали от правительства новых выпусков кредитных билетов.

Протекционисты объясняли причину обесценения бумажных денег слабостью таможенной охраны и неблагоприятным торговым балансом. Фритредеры (и в их числе Бунге) связывали инфляцию с чрезмерным количеством выпущенных кредитных билетов. Они утверждали, что курс рубля зависит не только от соотношения ввоза и вывоза товаров, а от расчетного баланса в целом. Либеральные экономисты рассматривали восстановление металлического обращения и открытие свободного размена кредитных билетов на золото и серебро главным условием преодоления денежного кризиса. С их точки зрения, звонкая монета в силу экономических законов должна приливать туда, где в ней ощущается потребность. Поэтому они считали пополнение металлического фонда с помощью займов достаточной основой для начала размена[2].

В январе 1859 г. в «Указателе политико-экономическом» Бунге писал, что «усиление этого фонда позволит восстановить свободный размен; при свободном размене лаж упадет сам собой, и та монета, которая прячется, снова появится в обращении»[3]. В записке от 17 июня 1859 г. Банковская комиссия выдвинула предложения по урегулированию денежного обращения: 1) использовать средства, вырученные от продажи государственных имуществ, для уничтожения кредитных билетов и пополнения разменного фонда; 2) при первой возможности открыть свободный размен кредитных билетов на звонкую монету; 3) поручить эту операцию преобразованному Коммерческому банку[4]. Бунге подробно обосновал этот план в статье, опубликованной в «Журнале для акционеров» в начале октября 1860 г. Он подчеркнул, что «главная задача финансового управления должна состоять в восстановлении свободного размена кредитных билетов на монету». По его мнению, эта операция возможна только за счет внутренних накоплений путем отчуждения государственных имуществ, преобразования налоговой системы и «финансовой бережливости»[5].

Вскоре после назначения на пост министра финансов М.Х.Рейтерн попытался реализовать замысел либеральных экономистов. Получив заем от лондонских и парижских Ротшильдов, он в мае 1862 г. восстановил размен. Но операция, предпринятая в условиях экономического упадка, сохранения бюджетных дефицитов, пассивного платежного баланса и вспых-

нувшего в 1863 г. польского восстания, закончилась провалом. Министр финансов взялся за дело слишком поспешно, не обеспечив размен постоянными и надежными финансовыми ресурсами. Главной причиной неудачи этой операции Бунге считал отсутствие монеты в обращении при обилии бумажных денежных знаков[6]. В ноябре 1863 г. размен был прекращен. Казна понесла огромный ущерб. И без того истощенный металлический фонд был опустошен почти полностью. Восполнять убытки пришлось старым способом — за счет очередных выпусков кредитных билетов[7].

Неудача Рейтерна наглядно доказала невозможность восстановления размена и повышения курса рубля до паритета только средствами денежного обращения. В дальнейшем Министерство финансов придерживалось более гибкой политики. С середины 60-х гг. в народном хозяйстве начались перемены к лучшему. Приток иностранных капиталов и правительственные субсидии стимулировали предпринимательскую деятельность. В стране поднялась новая волна учредительской горячки. Экономический подъем и усиление налогообложения позволили значительно увеличить поступления в казну. В первой половине 70-х гг. обыкновенный бюджет за исключением 1873 г. сводился с излишком доходов, хотя дефициты по общему бюджету из-за чрезвычайных расходов на армию и железнодорожное строительство по-прежнему сохранялись[8]. Относительное упорядочение финансов дало финансовому ведомству возможность закупать золото для пополнения разменного фонда. В 1867—1875 гг. процентное отношение его металлической части к количеству кредитных билетов увеличилось с 8,1 до 28,8%. За 1869—1875 гг. курс рубля на золото повысился с 78 до 86 коп.[9]

М.Х.Рейтерн рассчитывал в самом ближайшем будущем покончить с инфляцией. В обществе пробудились радужные надежды на скорое восстановление размена. В конце 60-х — первой половине 70-х гг. появились различные проекты русских и европейских экономистов (Н.Аблова, А.Вагнера, А.А.Головачева, В.Гольдмана, И.И.Кауфмана, Н.Н.Обручева, А.П.Шипова и др.), в которых предлагались варианты урегулирования денежного обращения[10]. Бунге не раз высказывал свою точку зрения в печати[11]. Но с детальным проектом он выступил лишь во второй половине 70-х годов.

В этот момент рубль особенно нуждался в «спасении». Внешние признаки хозяйственного благополучия оказались обманчивыми. Мировой экономический кризис 1873 г. сравнительно мало затронул Россию, что отчасти объяснялось хорошим урожаем 1874 г. Однако уже осенью 1875 г. страну охватил кризис перепроизводства, осложненный неурожаями 1875 и

1876 годов. Произошло снижение товарных цен, замедление темпов развития основных отраслей промышленности и сокращение торговых оборотов. После банкротства Московского коммерческого ссудного банка началось массовое востребование вкладов из других частных кредитных учреждений. Промышленный кризис и биржевой крах подорвали доверие западных деловых кругов к финансам России. Курс рубля и русских ценных бумаг понизился, иностранные капиталы отхлынули за границу. Экономическим бедствием стала русско-турецкая война 1877—1878 гг. Для оплаты чрезвычайных расходов было выпущено кредитных билетов на сотни миллионов рублей, что окончательно дезорганизовало денежное обращение[12].

Бунге изложил свой проект в нескольких брошюрах 1877—1880 годов[13]. Он поддерживал стремление Министерства финансов к повышению курса рубля до паритета и восстановлению размена кредитных билетов. Бунге считал несвоевременными девальвацию рубля и открытие размена по существующему курсу, как это предлагал в 1877 г. М.Х.Рейтерн, удрученный крушением своих планов с началом турецкой кампании[14]. Бунге полностью соглашался с Вагнером, который в книге «Русские бумажные деньги» аргументированно выступил против подобной меры[15]. По мнению Бунге, девальвация возможна лишь в том случае, когда «после значительного понижения цены бумажных денег курс их сделался довольно постоянным, когда восстановление размена облегчается достаточным запасом монеты внутри страны»[16]. Он учитывал и то, что почва для девальвации в то время еще не созрела чисто психологически. Приступив осенью 1876 г. к эмиссии неразменных кредитных билетов, правительство, как и в годы Крымской войны, твердо заявило о своем намерении изъять их после подписания мирного договора. В обществе девальвация приравнивалась к частичному государственному банкротству. Надежды на восстановление номинальной стоимости рубля еще не были утрачены[17].

По словам Бунге, неразменные бумажные деньги представляют собой «правильный финансовый ресурс» только как средство, облегчающее заключение займов, что доказал опыт Англии в конце XIX в., США в гражданскую войну 1861—1865 гг. и Франции в 1871—1873 гг. после войны с Пруссией. Однако эта мера имеет смысл лишь при активном расчетном балансе и государственных доходах, достаточных для извлечения кредитных билетов из обращения в течение ближайших нескольких лет. Как свидетельствует пример России, при отсутствии данных условий эмиссия неразменных бумажных денег неизбежно приводит к финансовому расстройству.

Вместе с тем Бунге указывал на отсутствие непреодолимых препятствий для упорядочения денежной системы. Как и Рейтерн, он полагал, что «обилие монеты, находящейся во внутреннем обращении, составляет главную причину устойчивости курса бумажных денег»[18]. В 1877 г. министр финансов предлагал пересмотреть действующее законодательство и допустить сделки на звонкую монету, но не встретил понимания в Комитете финансов[19]. Бунге рекомендовал разрешить: Государственному казначейству принимать монету в уплату налогов с сохранением счета в кредитных рублях по курсу; частным лицам заключать сделки и договоры на монету; банкам принимать металлические вклады с условием обязательного возврата их монетой. Государственный банк надлежало преобразовать в акционерный с правом эмиссии бумажных денег и их размена на монету. Но Бунге подчеркивал, что выпуск кредитных билетов должен возобновиться только по мере упрочения курса рубля и накопления значительной массы металлических денег в обращении. В настоящий момент следует приостановить эмиссию и начать постепенное извлечение неразменных кредитных билетов. Для этого необходима консолидация 700 млн руб. бумажных денег в 6%-ные внутренние металлические займы с 20-летним сроком погашения, так как положение российских финансов не позволяет рассчитывать на европейский денежный рынок[20].

Бунге рассматривал свои предложения как первые шаги по нормализации денежного обращения. «Можно с полным правом сказать, — писал он, — что наша денежная система может улучшиться не только вследствие того, что будет сделано полезного для нее самой, но и вследствие того, что будет предпринято в видах обновления на разумных началах всего строя нашей экономической жизни». Прежде всего Бунге имел в виду установление выгодного для России расчетного баланса, сокращение расходов на государственный аппарат, преобразование податного, торгово-промышленного и фабричного законодательства, паспортного устава, укрепление крестьянской собственности на землю и др.[21] Проект не предусматривал каких-либо принципиальных изменений. Старая система серебряного монометаллизма с серебряным и золотым обращением сохранялась. Поворот во взглядах Бунге произошел только в середине 80-х годов.

6. Железнодорожное строительство

Во второй половине 50-х годов Бунге призывал к пробуждению «духа предприимчивости» в строительстве железных дорог, которое в экономико-географических условиях России

стало ведущим направлением в развитии народного хозяйства. Крымская война показала, что без современной промышленно-транспортной базы империя не в состоянии сохранять статус великой державы. В 1855 г. в стране насчитывалось 980 верст железных дорог, т.е. всего лишь 1,5% мировой железнодорожной сети. К этому времени в передовых странах Запада (США, Англии, Германии и Франции) было построено уже 57 тыс. км железнодорожных линий. Правительство отказалось от прежнего курса на сооружение казенных железных дорог. Он был нереален при расстройстве государственных финансов и непрерывном росте внешнего и внутреннего долга. С 1856 г. в «верхах» разрабатывались планы широкого привлечения в железнодорожное строительство иностранного и отечественного частного капитала. Этому способствовала общая атмосфера послевоенного оживления торгово-промышленной деятельности и биржевого ажиотажа[1].

Либеральная общественность с одобрением отнеслась к намерениям правительства. «Железные дороги сделались условием благоденствия и отдельных сел, и целых царств, — цитировал Бунге статью из немецкого «Ежегодника народного хозяйства и статистики». — Народонаселение теснится у новых путей, подобно тому, как некогда оно стремилось сосредоточиться у больших рек; ценность недвижимого имущества соразмеряется с их близостью, вдали от них господствует относительная бедность и скудость средств приобретения»[2]. Отметив успехи, достигнутые США и европейскими странами, он подчеркнул, что развитая железнодорожная сеть имеет великое значение для экономического прогресса, упрочивает связь между областями государства, облегчает административное управление, обеспечивает быструю мобилизацию армии в случае войны, позволяет более рационально пользоваться благами природы, способствует распространению просвещения и культуры, сближает как отдельных людей, так и целые народы[3]. Бунге указывал на особые обстоятельства, благоприятствующие сооружению железных дорог в России, — дешевизну земли, а также низменный рельеф местности и характер речной сети, которые дают возможность обойтись без большого количества мостов, туннелей и высоких насыпей. «Мы приступаем к делу со всем запасом сведений, необходимых для полного успеха, — утверждал он. — Наш промышленный дух пробудился среди разгара войны, среди тревог, вызванных экономическими потрясениями»[4].

Первые попытки правительства привлечь частный капитал в железнодорожное строительство были неудачны. Деятельность учрежденного в 1857 г. при участии западных банкиров

Главного общества российских железных дорог окончилась финансовым крахом. Правление этой компании не сумело разместить акции на европейском денежном рынке. Банкротство постигло и ряд других акционерных железнодорожных обществ. В 1862 г. Комитет министров постановил, что отныне концессии будут выдаваться только на строительство небольших участков железных дорог. Правительству пришлось вернуться к практике казенного строительства. Но оно оказалось малоэффективным и нерентабельным. За 1863—1869 гг. было проложено всего 1147 верст. Состояние казны препятствовало сооружению широкой сети железных дорог, столь необходимой для экономического развития страны и укрепления ее обороноспособности.

Во второй половине 60-х годов, воспользовавшись улучшениями в народном хозяйстве России и благоприятной конъюнктурой на мировом денежном рынке, правительство вновь сделало ставку на железнодорожное строительство силами частных компаний, но при содействии государства. С этой целью Министерство финансов разработало систему гарантийного страхования железнодорожных капиталов. В 1867 г. был образован внебюджетный железнодорожный фонд, в который поступили суммы, вырученные от продажи Аляски и отчуждения казенной Николаевской железной дороги. Предполагалось, что постоянными источниками пополнения фонда будут займы и взносы обществ в счет выплат за полученные кредиты. На эти средства казна должна была приобретать облигации и акции частных железных дорог, выдавать различные ссуды, субсидии и «вспомоществования» правлениям компаний. В период строительства дорог и в случае их бездоходной эксплуатации ежегодно выплачивались высокие гарантированные доходы за счет Казначейства. Значительной финансовой поддержкой государства пользовались заводы по производству рельсов и подвижного состава.

Выгодные дотации казны вызвали грандиозный железнодорожный бум, продолжавшийся до середины 70-х годов. Возникли десятки новых компаний. За 1865—1875 гг. протяженность железнодорожной сети увеличилась с 3,8 тыс. до 19 тыс. верст[5]. К 1 января 1881 г. общая сумма всех акционерных и облигационных капиталов железнодорожных компаний составила 1651,5 млн руб. Однако их взносы так и не стали постоянным источником железнодорожного фонда. Из 37 обществ лишь 5 за все время своего существования не требовали приплат в счет государственной гарантии и выполняли финансовые обязательства без недоимок. Правительство было вынуждено выделять на финансирование строительства бюджетные

средства. Ежегодные многомиллионные приплаты по гарантированным капиталам частных линий за 1871—1881 гг. увеличились в четыре раза. К 1 января 1880 г. на сооружение и эксплуатацию железных дорог казна затратила 1767,6 млн руб. Долг компаний государству достиг 579,6 млн руб.[6] Это было одной из основных причин бюджетных дефицитов и роста внешнего долга России. Вследствие разразившегося в 1873—1875 гг. мирового экономического кризиса реализация новых железнодорожных займов в Европе стала невозможной. В 1876 г. из-за полного опустошения железнодорожного фонда выдача концессий была прекращена.

Колоссальные государственные расходы плохо окупались. Несмотря на интенсивное строительство, состояние железнодорожного хозяйства далеко не отвечало экономическим и военно-стратегическим потребностям страны. Железнодорожная сеть была расчленена между десятками частных обществ и не представляла собой единого структурного целого. Концессионная лихорадка вылилась в спекулятивное грюндерство, сопровождавшееся коррупцией и вакханалией злоупотреблений в расходовании казенных субсидий. В гонке за сверхприбылью железнодорожные «короли» не заботились о качестве и рентабельности линий. Подкупая должностных лиц, они добивались сдачи в эксплуатацию недостроенных дорог. Обладая монополией на железнодорожном транспорте, концессионеры творили произвол в системе тарифов и по своему усмотрению устанавливали классификацию и номенклатуру грузов[7].

Эти явления не были чисто российской особенностью. На Западе под давлением возмущенного населения правительства были вынуждены предпринимать законодательные меры по ограничению всевластия мощных железнодорожных монополий. В России общественное мнение также требовало обуздания железнодорожных «королей» и установления эффективного государственного контроля за деятельностью частных компаний. Во второй половине 70-х годов Бунге изменил свое мнение о роли «хозяйственной свободы» в строительстве и эксплуатации железных дорог. Он поддержал в печати предложение московского экономиста А.И.Чупрова о выкупе дорог государством за сумму, затраченную на их сооружение. «Создание железнодорожной олигархии и влияние ее властителей, — писал Бунге, — несравненно опаснее и вреднее для общества, чем сосредоточение новой силы в руках правительства, интересы которого никогда не могут расходиться в такой степени с интересами общества, как интересы железнодорожных королей»[8]. В «Курсе полицейского права» он указал на преимущества государственного железнодорожного хозяйства: строительство

сети дорог по единому плану, унификация тарифов и общая система административного управления, меньшие финансовые затраты и др.

Но Бунге был против полного отказа от частной инициативы. «При всех несомненных преимуществах государственных железных дорог пред частными, — подчеркивал он, — нельзя, однако же, не заметить, что правительство не должно безусловно устранять частную предприимчивость, и могут быть обстоятельства, при которых образование акционерных обществ для постройки и эксплуатации составляет самое надежное средство для скорейшего выполнения железнодорожной сети»[9].

В 1876 г. к работе приступила межведомственная комиссия во главе с членом Государственного совета гр. Э.Т.Барановым, которая должна была выявить причины транспортного кризиса. С особой остротой задача реорганизации железнодорожного хозяйства встала после турецкой кампании 1877—1878 гг., обнаружившей неспособность частных обществ обеспечить массовую переброску людей и грузов на театр военных действий. Пересмотр принципов правительственной политики в области строительства и эксплуатации железных дорог начался в годы министерской деятельности Бунге.

7. Рабочий вопрос

В трудах Бунге содержится немало рассуждений о путях решения рабочего вопроса. В первой половине XIX в. он не занимал важного места в правительственной политике и в основном сводился к обеспечению промышленности рабочей силой. Закон 24 мая 1835 г. закрепил полную власть хозяина над «мастеровым» и установил суровые наказания за ослушание[1]. Отмена крепостного права, изменившая юридический статус миллионов людей, заставила правительство взяться за урегулирование взаимоотношений рабочих и предпринимателей. Целью трудового законодательства было создание правовой основы для развития промышленности и нейтрализация негативных социальных последствий индустриализации. И хотя в первые пореформенные десятилетия рабочее движение не угрожало сколько-нибудь серьезно государственным устоям, «верхи» учитывали пример Европы, пережившей восстание пролетарских масс в 1848—1849 годах. Поэтому фабричное законодательство в известной степени имело «превентивную» направленность[2]. Как правило, вплоть до 1917 г. каждый этап в разработке законов следовал за очередной вспышкой рабочих волнений, которые напоминали властям о потенциальной опасности.

В 60—70-е годы общественный интерес к рабочему вопросу необычайно возрос. Либеральная пресса призывала правительство следовать европейскому опыту, пропагандировала популярные на Западе идеи «кооперативного социализма» и «производственных ассоциаций», поощряла устройство товариществ взаимопомощи и ссудных касс для рабочих[3]. В этот период заседали межведомственные комиссии: при петербургском градоначальнике (1859 г.), под председательством члена Совета министра внутренних дел А.Ф.Штакельберга (1859—1862 гг.), члена Государственного совета П.Н.Игнатьева (1870—1872 гг.) и министра государственных имуществ П.А.Валуева (1874—1875 гг.). В этих комиссиях скрупулезно изучались правовые нормы западных государств. Особое внимание уделялось законодательству Англии, которая была самой передовой страной в области охраны труда. Учитывался также опыт Франции, Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Швейцарии и США. Но в итоге подготовленные проекты были признаны чрезмерно либеральными, недостаточно учитывающими интересы предпринимателей и промышленности в целом. Позиция правительства объяснялась не только протестами фабрикантов и отсутствием мощных рабочих выступлений. Единая всеобъемлющая система фабричного законодательства по западному образцу была в то время непригодна для российских условий при избытке дешевой рабочей силы из деревни и технической отсталости многих предприятий[4].

Отправным моментом в воззрениях Бунге по рабочему вопросу было признание им экономических противоречий между трудом и капиталом. Он не соглашался с выводом Г.Ч.Кэри о более быстром возрастании заработной платы по сравнению с прибылью владельца предприятия[5]. По словам Бунге, крушение цехового строя и развитие фабричной промышленности привели к глобальным социальным переменам. Произошел распад традиционных патриархальных связей между хозяином-ремесленником и его работниками. Широкое предложение труда со стороны рабочих и конкуренция между ними позволили предпринимателям снизить заработную плату до крайнего предела. Концентрация в промышленных центрах нищего, необразованного и утратившего прежние нравственные ориентиры фабричного населения превратила города в очаги преступлений, пьянства и разврата[6]. «Лишенный обеспеченной будущности, с более развитыми нуждами, — писал Бунге, — рабочий класс ощущает сильнейшую потребность в хозяйственном порядке, который доставил бы ему более прочное общественное положение»[7]. Поскольку острота рабочего вопроса в России будет возрастать по мере развития отечественной промышлен-

ности, то необходимо всесторонне учесть опыт «западных соседей», «купленный тяжкой ценой»[8].

Бунге подчеркивал, что страдания пролетариата всегда демагогически использовались социалистами для обоснования закономерности революционного переворота. Он оспорил тезис К.Маркса о непрерывном ухудшении положения рабочих. По словам Бунге, многочисленные факты о бедствиях фабричного населения, приводимые в первом томе «Капитала», не могут служить достаточным основанием для подобного вывода, а «скорее представляют картину бессердечности и эгоизма части предпринимателей-капиталистов»[9]. По этой же причине он упрекнул Ф.Энгельса за «искажение действительности» в книге «Положение рабочего класса в Англии»[10].

Бунге был убежден, что экономический прогресс и совершенствование новых форм хозяйственной деятельности создают все предпосылки для материального и культурного возрождения рабочих. Он испытал заметное влияние со стороны кафедер-социалистов, которые на заседании «Союза социальной политики» в Эйзенахе признали рабочий вопрос «главной социальной проблемой» и выступили за «реформу социальных отношений» — государственное регулирование труда женщин, детей и подростков, страхование рабочих по болезни, от несчастных случаев, старости и инвалидности, конституирование фабричной инспекции, учреждение третейских судов для улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями и др.[11]

Вместе с тем Бунге отрицательно оценивал крайние воззрения Л.Блана и Ф.Лассаля, по мнению которых государство должно полностью взять на себя заботу о рабочих[12]. Ему были ближе идеи Дж.С.Милля о социальном партнерстве, кооперативном и профсоюзном движении рабочих, их участии в прибылях предприятия[13]. Вслед за Миллем Бунге считал, что «теория зависимости, патриархальной опеки» рабочих «отжила свой век». Он ратовал за «самостоятельное их развитие, причем целью улучшения должно быть не поставление людей в возможность обходиться друг без друга, а доставление им возможности трудиться вместе и друг для друга в отношениях независимых»[14]. Однако для Бунге была неприемлема позиция принципиального противника государственного вмешательства, немецкого теоретика «кооперативного социализма» Г.Шульце-Делича, который призывал к тому, чтобы рабочие добивались благополучия только своими силами[15].

Для преодоления противоречий между трудом и капиталом, полагал Бунге, нужны соединенные усилия правительства, общественности и самих рабочих. Роль государства должна проявляться главным образом в сфере фабричного законодательства. Прежде всего следовало издать закон об учреждении на предприятиях органов правительственного надзора. Бунге считал образцом английскую систему, при которой территория страны делилась на фабричные округа. Их возглавляли фабричные инспектора, обладавшие широкими правами: в любое время приходить на предприятия, в школы, посещаемые детьми рабочих, привлекать к суду виновных в нарушении законов, требовать от мировых судей наложения штрафов, составлять регулярные отчеты, представляемые парламенту. Бунге критически оценивал систему надзора во Франции, где этим ведали комиссии, образованные из самих владельцев предприятий. «Комиссии эти, — писал он, — не только встретили препятствия со стороны фабрикантов, но и сами выказали мало рвения к своему делу»[16].

В качестве первоочередной меры Бунге рассматривал принятие законов, ограничивающих продолжительность рабочего дня для женщин и детей. Подобный закон, изданный в Англии (1868 г.), он назвал «благодетельным актом». Так же высоко Бунге охарактеризовал аналогичные законы Франции (1841 и 1848 гг.) и Пруссии (1839—1853 гг.)[17]. Свои суждения он высказывал и в официальных инстанциях. В декабре 1859 г. Бунге вместе с другими видными экономистами (В.П.Безобразовым, И.В.Вернадским, И.Я.Горловым, Е.И.Ламанским) был приглашен на заседание комиссии при петербургском градоначальнике для обсуждения проекта правил для фабрик и заводов столицы. Они не только одобрили предусмотренные ограничения детского труда на предприятиях, но и предложили еще более облегчить участь молодого поколения: допускать к работе детей не с 10, а с 12 лет, для тех, кому не исполнилось 14 лет, установить 6-часовой рабочий день, для подростков с 14 до 16 лет — 12-часовой, для не достигших 18 лет отменить ночные работы. Бунге рекомендовал при введении правил в действие удалить с фабрик и заводов детей до 12-летнего возраста, а также запретить детский труд на вредных для здоровья производствах. Эксперты настаивали на разделении полов во время работы и обязательном посещении школы всеми несовершеннолетними. Ряд предложений был учтен комиссией, и в дальнейшем проект поступил в комиссию А.Ф.Штакельберга[18].

Не меньшее значение Бунге придавал законодательству о компенсации рабочим за потерю трудоспособности и пенсионном обеспечении. Он обратил внимание и на вопрос о законности стачек, вокруг которого шла оживленная полемика в европейской экономической литературе. Бунге солидаризовался с позицией английской классической школы, защищавшей право

на забастовки как принцип экономической свободы, но при этом доказывавшей, что они не приносят рабочим никаких выгод, поскольку заработная плата определяется только отношением между спросом и предложением. «Стачки, — писал он, — противопоставляют причинам, действовавшим на понижение заработной платы, силу с характером чисто отрицательным, которая нисколько не способствует ни улучшению качества, ни увеличению количества труда, ни уменьшению борьбы частных интересов. Стачки находят защитников — между либералами, во имя начала свободы; между социалистами — в видах собирания рабочего сословия для социальной войны; но поборники лучшего хозяйственного устройства не могут найти в них задатков для правильного развития общественной жизни».

Отмечая важность фабричного законодательства, Бунге указывал на необходимость заботы о рабочих со стороны «достаточного» сословия, которое должно следить за их образованием, обеспечением дешевыми квартирами, продуктами и предметами потребления, соблюдением ими гигиенических правил в быту[19]. И все же, по его мнению, главная задача заключается в пробуждении экономической «самодеятельности» фабричного населения. «В этой борьбе просвещения с варварством, — писал он, — успех не может быть сомнителен: нам и нашим потомкам предстоит труд великого нравственного возрождения наших меньших братьев, возрождения, в котором главная и существенная заслуга должна принадлежать им самим»[20].

Как и Дж.С.Милль, Бунге подчеркивал роль копартнершипа, т.е. участия рабочих в прибылях предприятия путем превращения их в пайщиков акционерных компаний. Он использовал этот аргумент в полемике с теми экономистами (Ж.Сисмонди и др.), которые утверждали, что развитие машинной индустрии и рост конкуренции неизбежно ведут к сокращению доходов рабочих. «Поглощение малых предприятий большими, применение машин и сил природы, — констатировал Бунге, — увеличивают дешевизну производства, но не ведут необходимо ни к уничтожению хозяйственной самостоятельности рабочих, ни к понижению заработной платы, потому что работник может сделаться участником в предприятии».

Другим эффективным средством стимулирования частной инициативы рабочих Бунге считал организацию «товариществ» по образцу европейских ассоциаций. Он разделял их на две категории: 1) «товарищества», основанные для просвещения рабочих, постройки домов, выдачи пенсий и пособий на случай болезни или смерти; 2) «производительные товарищества» (высший тип), т.е. ассоциации, учрежденные рабочими для совместного производства. Поддержка государства должна состоять в разработке правовых норм, которые обеспечат возникновение и деятельность «товариществ» в качестве юридических лиц[21].

Вопрос о рабочих союзах в специфической российской форме артелей обсуждался в публицистике и правительственных кругах. Создание артелей предусматривали проекты комиссий А.Ф.Штакельберга и П.Н.Игнатьева. Но боязнь превращения артелей в объект революционной пропаганды народников заставила «верхи» отказаться от этих планов. Проект комиссии П.А.Валуева уже не содержал никаких положений об артелях[22].

По словам Бунге, смысл всех преобразований «заключается в достижении рабочим сословием нравственной и хозяйственной самостоятельности среди таких общественных отношений, которые не только ограждали бы каждого члена от случайных бедствий, но устраняли бы рознь и борьбу интересов с одной стороны между капиталом и трудом, а с другой — между самими рабочими»[23]. Свои идеи Бунге впоследствии пытался реализовать на посту министра финансов. Он стал инициатором первых в России актов фабричного законодательства.

* * *

При изучении проблем народного хозяйства Бунге всегда исходил из конкретных обстоятельств, умел своевременно корректировать свои теоретические установки, демонстрировал широкий и рациональный подход к явлениям экономической жизни. Его программа носила комплексный характер и предусматривала преобразования во многих областях экономики. В своих выводах Бунге ориентировался на западные рецепты. Но ему было чужло слепое копирование европейских теорий, институтов и правовых норм. Он стремился использовать опыт других стран применительно к российским условиям. Цель программы заключалась в продолжении реформ 60-х годов, устранении укоренившихся остатков старого крепостнического общества и переходе к рыночной экономике.

Как и другие либералы, после Крымской войны Бунге возлагал все надежды на пробуждение частной инициативы. Экономическому обновлению России должны были способствовать поддержка предпринимательства в промышленности, торговле и железнодорожном строительстве, отчуждение государственных имуществ, поощрение коммерческого кредита, снижение таможенных пошлин. Популярность фритредерских идей во

многом объяснялась суровой необходимостью — в годы послевоенного финансового кризиса государство не располагало достаточными средствами для модернизации страны.

Однако слишком поспешная попытка правительства перенести центр тяжести финансирования промышленности и транспорта на частный сектор была непродуманным и рискованным шагом. В «верхах» не смогли всесторонне учесть экономическую специфику страны: слабость отечественной буржуазии, острую нехватку капиталов, узость внутреннего рынка и др. При выработке экономического курса требовалось максимальное внимание к важнейшей исторической особенности России — всепроникающему влиянию государства во всех сферах жизни общества. «Экономическое чудо» конца 60-х — первой половины 70-х годов стало возможным только благодаря льготным дотациям казны. Учредительский бум сопровождался уродливыми явлениями в народном хозяйстве, биржевым ажиотажем, массовыми спекуляциями и злоупотреблениями. Уже с середины 70-х годов начался возврат к тотальному государственному регулированию экономики — сдерживание акционерного учредительства, прекращение выдачи железнодорожных концессий, установление высоких таможенных барьеров, спасение от банкротства частных предприятий и кредитных учреждений. Во второй половине XIX в. государственная поддержка индустриального развития позволяла хотя бы отчасти нейтрализовать отрицательное воздействие на промышленность таких факторов, как отставание сельского хозяйства, сохранение общины и гражданского бесправия крестьянства, правовая необеспеченность частного предпринимательства и др.[24]

Под влиянием этих тенденций Бунге отошел от либерально-фритредерской концепции и эволюционировал к умеренному протекционизму. Как теоретик он стал в еще большей степени оценивать крайности учения о «свободе частных интересов» и следовать идеям немецкой исторической школы. Известные изменения претерпели и его представления о задачах экономической политики. Программа Бунге, сложившаяся к концу 70-х годов, строилась из расчета на определенное взаимодействие частной инициативы и государственного участия, и, с его точки зрения, какие-либо перекосы грозили народному хозяйству опасными последствиями.

Необычной была направленность программы на решение социальных проблем: подъем жизненного уровня и обеспечение правовой защиты крестьян и рабочих. Это отличало ее от программных документов финансового ведомства, которые, как правило, составлялись из чисто фискальных соображений. Причины «народолюбия» Бунге объяснялись как его гуманистическим мировоззрением, свойственным «людям 40-х годов», так и здравым смыслом экономиста-прагматика, понимавшего, что при нищете населения невозможно полноценное развитие производительных сил. По его мнению, последовательная социальная политика, проводимая «верховной властью», является залогом не только экономического прогресса, но и мирной эволюции государства, лишая почвы всевозможные «разрушительные» теории. В этом убеждении заключалось «кредо» Бунге, стержень его реформаторских взглядов.

Наибольшее значение Бунге придавал становлению частного крестьянского землевладения. В «Положениях» 19 февраля 1861 г., которые разрабатывались с его участием, была заложена идея освобождения бывших крепостных с землей за выкуп и превращения их в перспективе в собственников наделов. Бунге рекомендовал дополнить крестьянское законодательство другими мерами — отменой соляного налога и подушной подати, реформой паспортного устава и организацией переселений. Эти преобразования должны были избавить сельское население от чрезмерного налогового гнета и земельного голода, укрепить его материальное положение и юридический статус.

Бунге предвидел в будущем нарастание социальной угрозы со стороны бесправного и обездоленного «фабричного люда». Он считал, что предупреждение этой потенциальной опасности возможно только путем своевременного введения законов об охране труда, использования конкартнершипа и конституирования рабочих ассоциаций.

Вопросы, поднятые Бунге, в те годы были у всех на устах, обсуждались в публицистике, земских собраниях и правительственных комиссиях. Его программа, отражавшая чаяния либеральных кругов, получила известность и признание в обществе. Л.Е.Шепелев высказывает предположение, что со взглядами видного экономиста, читавшего цесаревичу курс лекций о финансах, был знаком и сам Александр II[25]. Все это способствовало привлечению Бунге к государственной деятельности. Он оказался лицом к лицу с задачами, которые были поставлены на очередь отменой крепостного права, но так и не решены правительством в первые пореформенные десятилетия.

Глава III
МИНИСТР-ЛИБЕРАЛ

1. Среди высшей бюрократии

Возвышение Бунге произошло в переломный момент российской истории. Победоносная русско-турецкая война поставила империю на грань финансовой катастрофы. По Сан-Стефанскому мирному договору 1878 г. убытки России были определены в 1,4 млрд руб. За 1877—1881 гг. бюджетные ассигнования на ведение войны, включая финансирование боевых действий в Туркестане, составили 1113,5 млн руб. Непрерывная эмиссия привела к резкому увеличению в обращении массы бумажных денег и падению курса рубля. С 1 января 1877 г. по 1 января 1881 г. государственный долг с учетом неразменных кредитных билетов вырос на 1584,2 млн руб. (26,2%) и выражался в астрономической сумме 6 млрд руб. В 1881 г. оплата долговых обязательств потребовала от казны 239,9 млн руб., т.е. свыше 34% всех государственных доходов[1]. Несмотря на огромные займы, дефициты по общему бюджету за 1876—1880 гг. составили 334,4 млн руб.[2] Результатом отрицательного расчетного баланса было перенасыщение иностранных рынков русскими ценными бумагами и падение их стоимости, что порождало биржевую спекуляцию и наносило ущерб международному кредиту России.

Финансовое расстройство сопровождалось кризисными явлениями в экономике. Ситуация в пореформенной деревне сложилась далеко не так, как рассчитывали авторы «Положений» 19 февраля 1861 г. Сохранение крепостнических пережитков, тяжесть налогов и выкупных платежей, почти ежегодные локальные неурожаи подрывали благосостояние сельского населения и снижали его платежеспособность. Сокращение наделов в ходе реализации реформы и демографический взрыв стали причинами растущего малоземелья, дробления хозяйств в результате учащения семейных разделов и земельных переделов. В 1860—1880 гг. сельское население увеличилось с 50 млн до 64 млн чел. обоего пола, средняя площадь надела на душу для крестьян всех разрядов сократилась с 4,8 до 3,5 дес. Несмотря на тормозящее влияние общинного строя, постепенно набирал силу процесс мобилизации земли и социального расслоения крестьянства. На Россию, не успевшую оправиться от неурожая 1880 г., обрушился мировой аграрный кризис, который привел к падению закупочных цен на зерно, огромному скоплению нереализованных запасов хлеба, сокращению посевных площадей, разорению многих помещичьих и крестьянских хозяйств[3]. Не лучше обстояло дело и в промышленности. Кратковременное оживление (1878—1880 гг.), вызванное благоприятной военной конъюнктурой, сменилось кризисом перепроизводства. Он сопровождался массовой безработицей и снижением потребления сельскохозяйственной продукции, затягивая и углубляя тем самым аграрный кризис[4].

На рубеже 70—80-х годов состояние кризиса переживала и государственная власть. Неспособность «верхов» справиться с внутренними проблемами дала импульс пробуждению общественной активности. В периодической печати получили преобладание либеральные издания, которые выступали за проведение реформ, хотя и полемизировали между собой относительно их перечня, последовательности и методов реализации. Главными требованиями либеральной прессы были принятие срочных мер для помощи крестьянству и введение народного представительства в форме участия делегатов различных общественных групп в деятельности Государственного совета или другого высшего учреждения с правом совещательного голоса. Давление на правительство шло также со стороны растущей земской оппозиции, развернувшей широкую адресную кампанию.

Страна оказалась в том же положении, что и после Крымской войны. Самодержавие столкнулось с необходимостью либо немедленно выдвинуть новую программу реформ, способную увлечь общество, либо пойти на ужесточение режима, подавить оппозицию и ограничиться лишь самыми неотложными экономическими преобразованиями[5]. Террор «Народной воли», вызвавший смятение в «верхах», положил конец колебаниям Александра II. В феврале 1880 г. власть фактически перешла к группировке либеральных бюрократов во главе с председателем Верховной распорядительной комиссии (позднее министром внутренних дел) гр. М.Т.Лорис-Меликовым. В нее входили председатель Департамента государственной экономии Госсовета А.А.Абаза, военный министр Д.А.Милютин и другие высокопоставленные сановники. Они рассматривали возврат к реформаторскому курсу как единственную гарантию сохранения в России существующего строя. Во всеподданнейшем докладе от 11 апреля 1880 г. «диктатор» наметил первоочередные меры: смягчение цензуры, дарование прав раскольникам, преобразование губернских административных учреждений, законодательное урегулирование взаимоотношений рабочих и предпринимателей, податную реформу, пересмотр паспортной сис-

темы, облегчение крестьянских переселений в малоземельных губерниях[6].

Лорис-Меликов старался провести на ключевые посты людей, солидарных с его замыслами и пользующихся доверием общества. Тогдашний министр финансов С.А.Грейг, сменивший М.Х.Рейтерна в 1878 г., человек некомпетентный, но весьма самонадеянный, явно не годился на роль реформатора. Он не принадлежал к «партии» Лорис-Меликова и даже, по словам управляющего делами Комитета министров (с 1883 г.) А.Н.Куломзина, интриговал против «диктатора», поэтому либеральная группировка так или иначе собиралась его устранить[7]. Вскоре представился подходящий случай. В июне 1880 г. скончался товарищ министра финансов А.К.Гирс, и Лорис-Меликов рекомендовал на этот пост Бунге. Назначение состоялось вопреки желанию Грейга, который пытался противопоставить выдвиженцу графа своего кандидата — директора Особенной канцелярии по кредитной части А.В.Цимсена. Но Александр II лично приказал министру финансов телеграфировать Бунге в Киев. «Я желаю видеть его твоим товарищем», — заявил император[8].

Чем же объяснялся выбор Лорис-Меликова? Имя Бунге произносилось в «верхах» еще в начале 1877 г., когда стала очевидной скорая отставка М.Х.Рейтерна. «Я думаю, — писал статс-секретарь К.К.Грот члену Государственного совета А.В.Головнину, — что Бунге мог бы быть хорошим министром финансов; надо бы пустить этого кандидата в ход»[9]. С.Ю.Витте (в 1880 г. начальник отдела эксплуатации Общества Юго-Западных железных дорог) сообщает в мемуарах, что при встрече с Лорис-Меликовым в Петербурге он упомянул о Бунге как «ученом финансисте», который мог бы заменить Грейга[10]. Куломзин (в то время товарищ министра государственных имуществ) в беседе с ближайшим советником «диктатора» статс-секретарем М.С.Кахановым о возможном заместителе Грейга указал на Бунге «как на человека, не только знакомого с финансами с теоретической стороны, но и как практика»[11]. Большого внимания заслуживают свидетельства сенатора (с 1883 г. государственного секретаря) А.А.Половцова и германского посла в Петербурге генерала Г.Л. фон Швейница о том, что в назначении Бунге заметную роль сыграл наследник престола[12]. Лорис-Меликов всячески стремился сблизиться с вел. кн. Александром Александровичем и способствовал выдвижению близких ему людей. Еще ранее, в апреле 1880 г., при содействии графа бывший наставник цесаревича К.П.Победоносцев стал обер-прокурором Святейшего Синода.

1 июля 1880 г. Бунге официально вступил в новую должность. Это событие было воспринято в обществе с воодушевлением. «Бунге известен как даровитый писатель и профессор, как безукоризненно честный человек, как человек в высшей степени деликатный, — записывал в дневник Половцов, — (...) и Петербург приобретает теперь видное подкрепление личному составу своего правительства»[13]. В прессе превозносились заслуги Бунге как ученого, общественного деятеля и участника Великих реформ. «В назначении г.Бунге замечательно то, — писало «Новое время», — что хотя он двадцать лет в положении компетентного эксперта, ученого и практика-финансиста рассматривал наши финансовые недуги и выступал с определенными предложениями, как уврачевать их, высшие административные сферы или не хотели, или не умели пользоваться драгоценными указаниями, несмотря на то, что с каждым годом правильность взглядов провинциального профессора, давно высказанных, обрисовывалась все ярче и ярче»[14]. «Русская мысль» назвала назначение Бунге «добрым предзнаменованием для русских финансов» и выразила надежду, что ему, «может быть, и удастся восстановить потрясенные финансы государства, отменить несправедливую подушную подать, уничтожить нелепый соляной акциз»[15]. Писатель С.Ф.Либрович вспоминал о том, что ему «рассказывали» о вызове Бунге к Александру II для беседы о состоянии народного хозяйства. Киевский профессор в течение двух часов излагал свои соображения и снискал благодарность императора. Именно эта «лекция» окончательно решила судьбу Бунге[16]. Но в других источниках нет сведений о подобной аудиенции.

Либеральная «партия» расценила приход в Министерство финансов известного экономиста как крупную победу. По приезде в Петербург Николай Христианович дважды встречался с Лорис-Меликовым и произвел на него благоприятное впечатление. В докладе цесаревичу от 31 июля граф писал, что «человек этот приложит все свои знания и старания, дабы сколько-нибудь облегчить то трудное положение финансовое, в котором мы находимся ныне». По его словам, выдвижение Бунге будет «способствовать восстановлению в обществе поколебленного доверия к нашей финансовой администрации». По-видимому, по поручению цесаревича Лорис-Меликов заверил Николая Христиановича в поддержке и «милостивом» отношении к нему вел. кн. Александра Александровича[17].

Сам наследник престола писал Победоносцеву, что его «весьма обрадовало назначение Бунге»[18]. Подобная перемена в «верхах» была с удовлетворением встречена и консервативными кругами. Обер-прокурор Синода в письме к Е.Ф.Тютчевой со-

общал о появлении у Грейга нового товарища, «человека, во всяком случае чистого, ничем не запятнанного»[19]. М.Н.Катков сразу же разгадал смысл назначения Бунге. «Речь идет о целой программе реформ, — говорилось в передовице «Московских ведомостей», — и первенствующая роль в ее исполнении предоставляется не министру финансов, а его новому товарищу, которому будет предоставлена полная свобода действий». Катков, занявший в годы общественного подъема осторожную и выжидательную позицию, без явной критики отозвался о программе, связанной с именем Бунге. Но при этом он подчеркнул, что успех преобразований гарантирован только в том случае, если «в основу практического решения лягут не отвлеченные доктрины, а действительные условия страны»[20].

С первого момента появления в Министерстве Бунге почувствовал недоброжелательство со стороны Грейга. Но им недолго пришлось работать вместе. В начале августа Грейг отправился в длительную заграничную командировку, а Бунге остался временно управлять финансовым ведомством. Это рассматривалось в «верхах» как прелюдия к вступлению на министерский пост. Цесаревич в письме к Лорис-Меликову выразил надежду, что Бунге «положит начало новой финансовой эры»[21].

Вскоре Александр II поручил Бунге составить программную записку о задачах экономической политики. Она была подготовлена к 20 сентября и представлена императору. В этом документе Бунге констатировал общее кризисное состояние народного хозяйства: «Как ни значительны успехи, сделанные производительностью России в течение истекшего 25-летия, как ни велики результаты, достигнутые сооружением сети железных дорог, развитием операций Государственного банка и возникновением огромного числа частных и общественных кредитных учреждений, но не подлежит сомнению, что положение земледельческого населения во многих местностях России очень тяжелое, что многие крупные и наиболее важные промышленные предприятия существуют только благодаря правительственной помощи, что железнодорожные общества, за весьма редкими исключениями, ведут свое хозяйство на счет государственных средств и входят постепенно в неоплатные перед правительством долги».

В особенно мрачных красках автор изобразил ситуацию в деревне: «Первоначально, при приведении в исполнение Положения 19 февраля 1861 г., отведенные крестьянам наделы, за исключением лишь немногих местностей, соответствовали указаниям Вашего Величества, но в течение времени, когда население возросло, в особенности там, где наделы были сравнительно малы или дурного качества, отведенная земля оказалась

недостаточной для прокормления крестьян и для доставления им средств к уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожаи от климатических причин и от появления вредных насекомых, а наконец и скотские падежи, тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях сделалось бедственным, исправное поступление налогов и выкупных платежей прекратилось, и правительство само оказалось вынужденным позаботиться о прокормлении нуждающегося населения».

Бунге указал на главные симптомы послевоенного финансового расстройства: рост бюджетных дефицитов и государственного долга, инфляцию и падение курса рубля. Для преодоления экономических трудностей он рекомендовал следующие меры: 1) сократить расходы на государственный аппарат путем преобразования местных и центральных административных учреждений, ограничить сверхсметные ассигнования; 2) прекратить выпуски необеспеченных золотым и серебряным содержанием кредитных билетов и уменьшить их количество в обращении до предвоенного уровня, разрешить заключение сделок на монету и прием в Казначейство металлических вкладов; 3) организовать переселение малоземельных крестьян на неосвоенные казенные земли; 4) отменить подушную подать, соляной налог и паспортный сбор, понизить выкупные платежи с бывших помещичьих и оброчную подать с государственных крестьян, а для компенсации потерь казны увеличить государственный поземельный налог, взимаемый с собственников неподатного сословия, и налог на городскую недвижимость, установить налоги с доходов лиц свободных профессий (врачей, адвокатов, архитекторов и др.), торговых и промышленных предприятий, денежных капиталов, заключающихся в ценных бумагах и банковских вкладах, и тем самым обеспечить основу для введения в перспективе общего подоходного налога; 5) издать законы для содействия промышленности и торговле; 6) упорядочить «финансовую сторону» железнодорожного хозяйства, прекратить расточительство казенных средств частными компаниями[22].

Бунге подробно обосновал необходимость реформ, которые были лишь перечислены во всеподданнейшем докладе председателя Верховной распорядительной комиссии от 11 апреля 1880 г. Американский историк Д.Т.Орловский назвал записку товарища министра финансов «детальной разработкой общих направлений политики Лориса»[23]. Несомненно, что министр внутренних дел (с августа 1880 г.) стремился опереться на высокий научный авторитет видного экономиста, который, к тому же, пользовался благосклонностью императорской фами-

лии. По мнению П.А.Зайончковского, этот документ был не только «заранее известен» графу, но даже «инспирирован» им[24].

Казалось, все шло к скорому назначению Бунге на пост министра финансов. Но в конце октября, когда возвратившийся из поездки Грейг был уволен в отставку, Лорис-Меликов предпочел «испросить» эту должность не для вчерашнего киевского профессора, а для А.А.Абазы, который обладал широкими связями при дворе и в правительственных кругах и мог оказать графу более действенную поддержку. По распоряжению Александра II записка Бунге была передана для ознакомления новому министру финансов[25]. Абаза как нельзя лучше подходил для этой роли. Крупный помещик и сахарозаводчик, он самостоятельно изучал экономические науки и имел значительный административный опыт, приобретенный на постах государственного контролера (1871—1874 гг.) и председателя Департамента государственной экономии Госсовета (1874—1880 гг.). После его назначения даже возникли слухи об увольнении Бунге, но они оказались ложными[26].

Лорис-Меликов был доволен своими «кадровыми» успехами. «Что ж, — сказал он государственному секретарю Е.А.Перетцу, — министерство финансов будет теперь недурно: министр — умнейший человек Абаза, а товарищем у него — тоже неглупый, а к тому же ученый человек — Бунге. Славная парочка»[27]. Мнение Куломзина о том, что Бунге фактически «исправлял» обязанности Абазы, сильно преувеличено[28]. Однако Николай Христианович по компетентности в специальных финансовых вопросах заметно превосходил своих коллег по либеральной коалиции. Влияние его идей отчетливо ощущается в речи Абазы на заседании Государственного совета 31 декабря 1880 г. при обсуждении бюджетной росписи на следующий год[29].

В декабре в «Сборнике государственных знаний» появилась обширная статья Бунге «Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению», написанная еще до переезда в Петербург. Если сентябрьская записка была известна лишь очень узкому кругу людей, то эта публикация стала достоянием общественности и вызвала одобрительные отзывы[30]. «На нее можно смотреть как на изложение экономических и финансовых взглядов и согласной с ними программы действий лиц, недавно призванных стать во главе нашего финансового управления», — писала «Русская речь»[31]. «Сущность этой программы такова, — отмечал Катков в «Московских ведомостях», — что нельзя не пожелать, чтобы она была именно правительственной программой, а не теоретическим только проектом». Вместе с тем он выступил против предложений Бунге об изъятии из обращения кредитных билетов временного выпуска и разрешении сделок на монету[32].

Никогда еще либеральные бюрократы не обладали в «верхах» таким влиянием. В их руках оказались наиболее важные министерства, они пользовались покровительством председателя Государственного совета вел. кн. Константина Николаевича. Выдвинутая ими программа была одобрена Александром II. Задача либеральных бюрократов облегчалась тем, что к этому времени страна уже прошла немалый путь формирования гражданского общества, обладала кадрами реформаторов, накопленным с 60-х годов опытом преобразований, разнообразной прессой, передовым судом, местным самоуправлением, многоступенчатой системой образования[34]. Обновленное руководство Министерства финансов совместно с МВД добилось отмены соляного налога, вынесло на обсуждение вопрос о понижении выкупных платежей, сложении накопившихся недоимок и переводе бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп, приступило к упорядочению денежного обращения, выкупу железных дорог в казну, пересмотру таможенных пошлин.

Период либеральных надежд оказался кратковременным. 1 марта 1881 г. Александр II пал от руки террориста. Новый император отнюдь не сочувствовал реформаторским намерениям покойного отца. Развернутая программа преобразований, намеченная Лорис-Меликовым во всеподданнейшем докладе от 12 апреля и предусматривавшая среди прочих мер привлечение «общественных представителей» к предварительной разработке реформ с правом совещательного голоса, не вызвала у Александра III положительного отклика[35]. После издания манифеста 29 апреля 1881 г. о незыблемости самодержавия либеральные министры подали в отставку. Однако Бунге не только удержался в финансовом ведомстве, но и занял место Абазы. Отвергнув политические планы либеральных бюрократов, монархия была вынуждена пойти на реализацию их предложений, касающихся оздоровления экономики и финансов. Кроме того, в либеральной группировке Бунге являлся фигурой второго плана и не скомпрометировал себя в глазах Александра III поддержкой «конституционного» проекта Лорис-Меликова. Картавцов писал, что Николай Христианович был назначен на новый пост «как непричастный к предположениям» министров-либералов[36]. Наконец, решающее значение имело личное расположение императора к бывшему наставнику старшего брата. 30 апреля 1881 г., накануне отставки Абазы, Александр III сообщил Победоносцеву о намерении поставить во главе финансового ведомства Бунге, «человека, хорошо знаю-

щего свою специальность и спокойного»[37]. 5 мая император уведомил об этом Николая Христиановича в личном письме[38].

На следующий день Бунге был назначен управляющим Министерством, а 1 января 1882 г. утвержден министром финансов. 29 декабря 1881 г. Академия наук избрала его своим почетным членом. Неожиданный «взлет» Бунге пробудил в обществе большие надежды. «Русские ведомости» выразили уверенность, что он «останется верен программе, намеченной, конечно, не без его участия»[39]. Назначение на столь высокий пост ученого, не имевшего опыта государственной деятельности, было беспрецедентным. В этом видели признание авторитета науки и необходимости специальных знаний для руководства экономической политикой. «На Бунге были обращены все взгляды, — вспоминал экономист П.Л.Кованько, — от него ждали нового слова, новой жизни, — и этим положение министра делалось еще ответственнее. При едином неверном шаге или даже при единой независящей от него неудаче, — это самое общественное мнение могло из хвалящего превратиться в хулящее»[40].

Николай Христианович принял должность с неохотой, сознавая всю трудность своей задачи. Его деятельность осложнялась не только экономическим кризисом и финансовым расстройством, но и политическими обстоятельствами. Призванный из Киева для участия в преобразованиях, он возглавил финансовое ведомство в тот момент, когда сторонники консервативного курса взяли верх. На аудиенции в Гатчине Бунге заявил Александру III, что «считает себя теоретиком, не довольно подготовленным к самостоятельному управлению министерством финансов»[41]. Бунге дал согласие только по настоянию императора. Государственному секретарю Е.А.Перетцу он сказал о своем желании «во всем идти по стопам» Абазы[42].

Новый министр финансов представлял собой личность, совершенно нетипичную для сановного Петербурга. Невысокого роста, сутуловатый, очень похожий в профиль на Вольтера, с тихим голосом и неизменной саркастической улыбкой, он ничем не напоминал «грозу» подчиненных. «Маленький, на тонких ножках, худой немчик, которому вы, наверно, открыли бы ваш рояль для настройки, если б не знали, что он министр финансов, а не настройщик» — таким предстал Бунге перед писателем П.М.Ковалевским[43]. Сенатору М.Б.Веселовскому глава финансового ведомства своей «мизерной наружностью» напомнил «немца-ремесленника»[44]. Николай Христианович с юмором рассказывал знакомым, как однажды на станции в Гатчине кондуктор не пустил его в вагон, предназначенный для министров[45].

Окружающих поражали в министре глубокая интеллигентность, скромность, полное отсутствие бюрократических амбиций и склонности к саморекламе. А.Ф.Кони видел в Бунге воплощение «идеального душевного развития»[46]. Академик-экономист И.И.Янжул писал в мемуарах о «чарующем впечатлении», которое на него производили беседы с «этим маленьким старичком с вдумчивым и ласковым взглядом»[47]. О демократичности Бунге ходили легенды. Стремительное возвышение никак не отразилось на его характере и поведении. Он был по-прежнему прост, доступен и вежлив с любым человеком, будь то канцелярист или министр. Член Государственного совета Н.И.Стояновский рассказывал, как Бунге приехал за границу в Эмс для лечения без своего камердинера, не желая его «беспокоить»[48].

Николай Христианович поселился в доме Министерства финансов на Мойке. В своих потребностях он был предельно скромен. Министр отказался от большей части великолепно отделанной Грейгом казенной квартиры, оставив себе несколько комнат, которые ранее занимал Рейтерн. Остальные по его распоряжению были отведены под служебные помещения финансового ведомства. Отправляясь в Гатчину для доклада императору, Бунге обычно ехал на вокзал на простом извозчике. Он тратил на свои нужды только часть доходов, составлявших 20 тыс. руб. в год. Прочие суммы поступали в кассы благотворительных учреждений для бедняков и учащейся молодежи. Николай Христианович делал все пожертвования анонимно через своего секретаря, человека «феноменальной молчаливости». Этот факт обнаружился случайно уже после отставки Бунге. Газета «Сын отечества» назвала его «лучшим благотворителем и другом» городской бедноты[49]. По приезде в столицу он вступил в основанное в 1871 г. Санкт-Петербургское общество вспомоществования бывшим студентам Киевского университета, всегда интересовался его делами и платил щедрые членские взносы[50].

По собственному признанию, Бунге любил «уединение среди жизни шумной»[51]. Его всепоглощающей страстью были книги. Огромная библиотека Николая Христиановича включала сотни трудов по политэкономии, статистике, правоведению, педагогике, истории, философии, географии, естествознанию и другим наукам[52]. В Петербурге его прозвали «министром-книжником», «книголюбом» и «книгоедом». Бунге часто видели по субботам в книжном магазине М.О.Вольфа, откуда он всегда выходил, держа под мышкой стопку новых книг[53]. Чтению он посвящал весь свой небольшой досуг. Министр был блестящим знатоком не только русской, но и европейской ли-

тературы. Обладая слабым здоровьем, он придерживался строгого режима, что позволяло ему сохранять высокую трудоспособность. Николай Христианович вставал в пять утра и для разминки шел в дворницкую колоть дрова. Его рабочий день продолжался одиннадцать часов. Однако Бунге не был чуждавшимся людей аскетом-затворником. Он часто приглашал к обеду гостей и раз в неделю собирал у себя своих бывших студентов, проживающих в Петербурге. По словам Картавцова, Николай Христианович был строг в вопросах морали и не имел никаких «романических приключений», хотя отнюдь не избегал женского общества[54].

В «верхах» Бунге выглядел инородным элементом. «Самая внешность его, весь обиход жизни, простота, доступность, человеческий язык не могли нравиться тем, кто с понятием о министерском посте связывал прежде всего представления о внешнем престиже, блеске обстановки, юпитерстве и рычании, — вспоминал чиновник финансового ведомства В.И.Ковалевский. — Бунге чужда была погоня за популярностью и подделка под чужой тон. Он не искал поддержки высокопоставленных влияний "про черный день" и, так сказать, воплощал в себе антитезу царедворства»[55]. Оказавшись в среде бюрократической элиты, Николай Христианович не хотел выполнять «правила игры» — не реагировал на нападки и не наносил ответных ударов, не был способен к интригам и закулисной борьбе. По словам К.А.Скальковского, «он не призывал на враждебную ему печать цензурных громов, а с некоторыми газетными статьями полемизировал не без юмора в сообщениях в "Правительственном вестнике"»[56].

Картавцов с сожалением констатировал, что деликатность Бунге «много повредила ему как общественному деятелю»[57]. Министра финансов не раз упрекали в отсутствии настойчивости при обсуждении его предложений в Государственном совете. «Бунге, маленький, весь съежившийся старичок с улыбкой вольтеровской статуи, скромно выступает в столь многочисленных денежных вопросах, говорит хорошо, но, к сожалению, отступает при сколько-нибудь упорном натиске, не всегда владея нужным запасом аргументов или надлежащей заранее обдуманностью, — заносил в дневник государственный секретарь А.А.Половцов. — Это ученый, привыкший излагать мысли без всякой уверенности, что они перейдут в дело»[58].

Отсутствие «бойцовских» качеств современники считали признаком слабости. «Это была утлая ладья, — писал известный юрист Б.Н.Чичерин, — созданная для маленького пруда и пущенная в безбрежное море петербургских дел и интриг»[59]. Половцов отмечал, что у министра финансов «нет ни энергии, ни умения руководить прениями, вести людей и дела к твердо сознанной цели, он растеряется и его съедят»[60]. По мнению Александра III, Бунге недоставало «твердости характера»[61]. Д.А.Милютин записал в дневнике: «Бунге, от которого так много ожидали, оказался плохим администратором, трусливым и угодливым перед сильными»[62]. Не менее резко отозвался о министре финансов и член Государственного совета гр. П.А.Валуев: «Учитель гимназии в низших классах при совершенном отсутствии сознания своей ограниченности»[63].

В «долговечность» министра финансов никто не верил. «Бунге без Абазы то же, что в карточной игре король без туза», — заметил один из чиновников финансового ведомства в салоне генеральши А.В.Богданович[64]. Слухи о скором уходе Бунге возникли сразу же и не прекращались вплоть до его отставки. Сам Николай Христианович понимал зыбкость своего положения. На следующий день после назначения он сказал знакомым: «Калоши и зонтик мои в порядке — я готов уйти отсюда в каждую минуту»[65]. Старый профессор даже полностью не распаковывал чемоданы, чтобы в любой момент покинуть казенную квартиру.

И действительно, расстановка сил в «верхах» не сулила начинаниям Бунге благополучного исхода. С воцарением Александра III начался поворот к консервативному курсу. Официальное признание получила теория «народного самодержавия», в основе которой лежала мысль о единении царя с народом. «Живым звеном» между ними должно было стать дворянство, а не какой-либо орган центрального представительства. Правительство приступило к пересмотру либерального законодательства 60-х годов. Министром внутренних дел в 1882 г. был назначен известный консерватор гр. Д.А.Толстой. Огромную роль стал играть лично близкий к императору Победоносцев. К ним примыкали министр государственных имуществ (с 1881 г.) М.Н.Островский и министр народного просвещения (с 1882 г.) И.Д.Делянов. В эти годы достигло апогея влияние Каткова. Редакция «Московских ведомостей» превратилась в своеобразный «штаб», где вершились государственные дела, разрабатывались проекты будущих контрреформ, обсуждались важнейшие должностные перемещения. Каткову вторила петербургская газета «Гражданин», издававшаяся другом юности Александра III кн. В.П.Мещерским.

Консерваторы противопоставляли либеральной программе свои планы укрепления основ «народного самодержавия», в частности, путем развития промышленности в сочетании с упрочением общинного землевладения в деревне. «Московские ведомости» проповедовали создание «национальной» экономи-

ки, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами, выступали за усиление государственного вмешательства — ужесточение контроля за биржевыми операциями и частным предпринимательством, введение табачной и винной монополий, выкуп железных дорог в казну, требовали финансовой поддержки поместного дворянства и сохранения бумажно-денежного обращения[66].

Консервативная группировка начала борьбу против уцелевших представителей либеральной «партии» в правительстве. В 1882 г. был отправлен в отставку министр народного просвещения бар. А.П.Николаи, отстаивавший неприкосновенность университетского устава 1863 г., а в 1885 — министр юстиции Д.Н.Набоков, защищавший либеральные принципы судопроизводства. К середине 80-х годов в составе «кабинета» Александра III Бунге остался «последним из могикан».

Однако успеху ряда инициатив министра финансов способствовала поддержка большинства Государственного совета. Благодаря существующей практике назначать в его члены лиц, увольняемых с высших постов, в нем постепенно осели многие либеральные бюрократы — А.А.Абаза, А.В.Головнин, К.К.Грот, М.Т.Лорис-Меликов, Д.Н.Набоков, А.П.Николаи, Д.А.Милютин, М.С.Каханов, Е.А.Перетц, М.Х.Рейтерн, Е.П.Старицкий, Н.И.Стояновский, Э.В.Фриш и др. Члены Государственного совета назначались пожизненно, что давало им определенную самостоятельность. Либеральные бюрократы оказались во главе департаментов Совета. В 1883—1884 гг. председателем Департамента законов был видный участник судебной реформы 1864 г. Е.П.Старицкий, затем его сменил А.П.Николаи (1884—1889 гг.). Должность председателя Департамента гражданских и духовных дел с 1884 по 1897 г. занимал бывший товарищ министра юстиции, другой участник судебной реформы Н.И.Стояновский. И, наконец, в 1884 г. Департамент государственной экономии вторично возглавил Абаза[67]. Если в 60-е годы в консервативном Государственном совете проекты преобразований либеральных министров встречали резкую критику, то спустя два десятилетия ситуация изменилась — либеральные члены Совета нередко выступали против предложений «министров-контрреформаторов». Поэтому важнейшие охранительные законопроекты первой половины 80-х годов обсуждались не в Государственном совете, а в Комитете министров[68]. Высшее законосовещательное учреждение империи подвергалось постоянным атакам «Московских ведомостей» и «Гражданина», рассматривавших его чуть ли не как парламент, ограничивающий права императора.

Особенно важным для Бунге было содействие Рейтерна, который председательствовал также в Комитете министров и Комитете финансов, и Абазы, так как через его Департамент проходили все представления министра финансов. Но отношения Николая Христиановича со своим предшественником были сложными. Бунге объяснял это тем, что «ни один бывший министр не питает добрых чувств к непосредственному своему преемнику»[69]. Абаза был властной натурой и всячески старался подмять под себя финансовое ведомство. Одобряя в целом реформаторский курс Бунге и защищая его от нападок, он, в то же время, требовал послушания и не раз конфликтовал с министром. Николаю Христиановичу неоднократно приходилось идти на вынужденные компромиссы, чтобы обеспечить себе поддержку влиятельного председателя Департамента государственной экономии. Хорошие отношения у Бунге сложились с государственным контролером Д.М.Сольским и государственным секретарем А.А.Половцовым. На первых порах министр финансов встречал сочувствие у гр. Н.П.Игнатьева, сменившего Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел. Будучи ставленником Победоносцева и весьма противоречивой политической фигурой, новый шеф МВД, тем не менее, высказывался за уступки крестьянству. Но увольнение Игнатьева в мае 1882 г. и назначение на его место Толстого лишило Бунге этого союзника.

Министр финансов нуждался в опоре и в собственном ведомстве. В.И.Ковалевский вспоминал, что появление Бунге «внесло живую струю во всю деятельность Министерства финансов»[70]. По отзывам современников, в нем «чувствовался знаток дела»[71]. Он сразу же поставил перед подчиненными новые задачи. «Бунге, — писал В.И.Ковалевский, — был первым министром финансов, исходившим из твердого и ясного сознания, что узкий "финансизм" — исключительная забота о государственных финансах в тесном смысле, — должен быть заменен "экономизмом" — широкой экономической политикой, направленной к развитию народного труда и производительных сил страны, и что хотя бы только удовлетворительного финансового положения государства нельзя достигнуть при бедности, бесправности и темноте массы населения»[72].

Однако далеко не все чиновники разделяли взгляды министра и были солидарны с его реформаторскими планами. «Кроме иных высших лиц, — вспоминал служащий Крестьянского банка Ф.Ф.Воропонов, — не любили Бунге и некоторые чины самого финансового ведомства, в прежнее время благоденственно действовавшие по старым традициям, а при нем очутившиеся в положении "не в авантаже обретающихся". Про-

тивники односторонне критиковали реформы Бунге и способы его действий, не скупясь на недоброжелательные насмешки». Они сравнивали министра «с экономной монахиней, заведующей в женском монастыре казначейской частью», и называли его «мать-казначея»[73]. Одни именовали Бунге «ученой бездарностью», другие признавали его хорошим теоретиком, но считали, что он ничего не смыслит в финансовых операциях[74].

Всевозможные толки вызвала отставка в июле 1881 г. управляющего Государственным банком Е.И.Ламанского. Оставаясь на прежних фритредерских позициях, он разошелся с министром финансов относительно задач центрального кредитного учреждения[75]. По-видимому, сыграло роль и уязвленное самолюбие — недавний подчиненный (управляющий Киевской конторой Госбанка) неожиданно стал его начальником. По свидетельству Половцова, в дальнейшем Ламанский не раз высказывал «раздражение» против Бунге, «горько осуждал» его политику и предсказывал России «финансовый крах»[76]. Управляющим Госбанком был назначен пользовавшийся общим уважением бывший протеже Грейга — А.В.Цимсен, который, впрочем, не отличался самостоятельностью мышления и принадлежал к типу исполнительного и трудолюбивого чиновника.

Бунге постарался выдвинуть на руководящие посты способных и энергичных единомышленников. Его товарищем стал П.Н.Николаев (в 1873—1881 гг. член Совета министра финансов), о котором скупой на похвалы Валуев отозвался как о «самом способном и надежном из всех в каком-либо министерстве (...) виденных чинов его разряда»[77]. Близким к Николаю Христиановичу человеком был Г.М.Расвский, в 1884 г. назначенный директором Общей канцелярии министра финансов.

В 1882 г. Бунге пригласил на должность директора Департамента окладных сборов А.А.Рихтера, служившего когда-то в Канцелярии Редакционных комиссий. После отмены крепостного права он избирался мировым посредником в одном из уездов Калужской губернии, хорошо знал жизнь и быт деревни. В начале 60-х годов Рихтер был знаком с А.А.Серно-Соловьевичем и сочувствовал идеям Н.Г.Чернышевского. От преследований за «неблагонадежность» его спас лишь своевременный отъезд за границу. Вернувшись в Россию, он поступил на государственную службу — в 1874—1877 гг. работал в Податной комиссии, а в 1878—1882 гг. был членом Совета финансового управления в Болгарии. К моменту назначения в Министерство финансов Рихтер обладал большим опытом и знаниями в области налоговой политики. В его Департаменте была сосредоточена вся деятельность финансового ведомства по подготовке податных преобразований. По словам В.И.Ковалевского,

«Рихтер был глубоко предан крестьянскому делу, вкладывал в работу всю свою душу, энергию и обширные познания»[78]. Директор Департамента государственного казначейства Ф.Г.Тернер характеризовал его как «человека необыкновенно умного и дельного», которого «упрекали в дворцовых кругах в пристрастии к интересам крестьян»[79].

По рекомендации Рихтера в 1884 г. его заместителем (вице-директором Департамента) стал В.И.Ковалевский. Биография этого человека необычна. Будучи студентом Петербургского земледельческого института, он был арестован по обвинению в укрывательстве С.Г.Нечаева и два года (1869—1871) в ожидании суда провел в Петропавловской крепости. На процессе прокурор отказался от обвинения, и Ковалевского освободили. Долгое время поступление на государственную службу для него оставалось невозможным. Лишь в 1879 г. ему удалось устроиться в Министерство государственных имуществ. Там Ковалевский сумел блестяще зарекомендовать себя, и в 1883 г. его ввели в Ученый комитет этого ведомства. При переходе в Министерство финансов Ковалевский предупредил Бунге о своей репутации «неблагонадежного». Но Николая Христиановича не смущали подобные обстоятельства. Он привык оценивать людей по деловым качествам[80]. В лице нового вице-директора Бунге приобрел ценного помощника. «Способностей выдающихся, незаурядный работник, Ковалевский тянул трудную лямку, вечно подозреваемый начальством и тем не менее терпимый, так как заменить его было трудно», — писал Куломзин[81].

Управляющим Крестьянским и Дворянским банками был назначен бывший ученик Бунге Е.Э.Картавцов. Ранее он служил в Канцелярии Комитета министров, Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, Министерстве государственных имуществ. По свидетельству Куломзина, Картавцов представлял собой человека «с блестящими дарованиями, большой трудоспособностью, из ряда вон выходящей эрудицией»[82]. Управляющий придерживался довольно либерального образа мыслей. «Он даже не находил нужным скрывать, — вспоминал писатель К.Ф.Головин, — что его идеал, положим, далекий — переход всей земли в руки трудящегося населения»[83]. Бунге перевел из Киева в Петербург и другого ученика — экстраординарного профессора университета Д.И.Пихно, который в 1885 г. получил место чиновника для особых поручений, а через год — члена Совета по железнодорожным делам от Министерства финансов. В 1883 г. по приглашению Бунге на должность директора Департамента неокладных сборов из Министерства государственных имуществ перешел видный агроном А.С.Ермолов, будущий министр земледелия. С.Ю.Витте

отзывался о нем как о «прекрасном человеке, очень образованном, умном», хотя и «без характера»[84].

В подготовке различных законопроектов принимали участие известные экономисты — академик В.П.Безобразов (в 1864—1885 гг. член Совета министра финансов), Ю.Г.Жуковский (в 1883—1884 гг. заведующий Отделом по финансам Царства Польского, с 1885 г. состоял при министре финансов), С.А.Ольхин (в 1874—1882 гг. управляющий делами Податной комиссии в 1883 г. состоял при министре финансов, с 1884 г. член Совета министра финансов). Разработкой фабричных законов занимались директор Департамента торговли и мануфактур в 1879—1886 гг. Н.А.Ермаков (с 1864 г. председатель Петербургского комитета грамотности при Вольном экономическом обществе, в 1869—1875 гг. директор Петербургского технологического института, в 1871—1872 гг. член комиссии П.Н.Игнатьева по рабочему вопросу, в 1875—1879 гг. вице-директор Департамента торговли и мануфактур) и управляющий 1-м Отделением Департамента А.Г.Небольсин, который еще в 70-е годы в качестве вице-председателя Постоянной комиссии по техническому образованию при Русском техническом обществе (1873—1887 гг.) выступал за законодательное ограничение детского труда в промышленности. По степени компетентности и интеллектуальному потенциалу команда Бунге не знала равных среди других ведомств.

Мнение мемуаристов о «слабохарактерности» министра финансов получило отражение в литературе. Дж.Л.Пеода указывает на недостаточность его способностей к государственной деятельности[85]. Л.Е.Шепелев пишет, что «он был крайне мягкого характера и не умел бороться за реализацию своих идей»[86]. Б.В.Ананьич назвал Бунге «человеком, склонным к компромиссам», и «нерешительным политиком»[87].

С этими суждениями трудно согласиться. Современников нередко вводила в заблуждение внешняя «безобидность» Бунге и его манера действовать осторожно, с обдуманностью ученого, тщательно взвешивая последствия каждого шага. Министр финансов был достаточно принципиален в своей политике, и всякие компромиссы давались ему с большим трудом. В.И.Ковалевский писал, что он «твердо шел к намеченной цели, не обращая внимания на реакционную травлю»[88]. По словам авторов юбилейного издания «Столетие Киевской первой гимназии», «он пользовался, благодаря своей чуткости и отзывчивости, всеобщим глубоким расположением и симпатиями, но в то же время, обладая сильным и непреклонным характером, умел подчинять окружающих своему влиянию»[89]. Случаи уступчивости Бунге объяснялись не столько его деликатностью и антипатией к бюрократическим распрям, сколько ощущением бессилия в консервативном окружении и стремлением хотя бы отчасти спасти предлагаемые им законопроекты. Как государственный деятель, он сумел выдвинуть реальную программу экономической политики, подобрать собственную команду и спустя несколько лет отстоять ее в труднейшей ситуации.

2. Прямые подати

Приоритетное место в деятельности Бунге занимала податная политика. Он поставил перед собой цель реформировать отсталую систему окладных сборов и создать условия для введения подоходных форм налогообложения. Министр финансов стремился избавить крестьянство от чрезмерного податного бремени и перенести часть налогов на «достаточные» сословия. «Главное внимание и забота Бунге, — писал В.И.Ковалевский, — были сосредоточены на облегчении сельского населения, и большие его заслуги в этом деле до сих пор еще недостаточно освещены и оценены историей социально-экономической эволюции на Руси»[1]. В сентябрьской записке 1880 г. Бунге наметил основные мероприятия в области прямого налогообложения — понижение выкупных платежей и отмену подушной подати[2].

Вопрос о выкупных платежах занимал правительство уже два десятилетия, так как их непомерная тяжесть для крестьянства обнаружилась сразу же после провозглашения отмены крепостного права. В первые пять лет выкупной операции (1862—1866 гг.) недоимки составили 7,9 млн руб. Ужесточение контроля местных властей за сбором выкупных платежей и принудительная продажа скота за недоимки не дали результатов и пагубно отразились на крестьянском хозяйстве. Министерство финансов пыталось смягчить участь крестьян разных местностей, понижая душевые оклады на несколько лет, слагая недоимки или отсрочивая их уплату. Но частные меры не снимали проблемы. Исследования, проводимые с 1876 г. в губерниях казенными палатами по поручению Рейтерна, показали разительное несоответствие выкупных платежей с доходностью крестьянских наделов и платежеспособностью сельского населения. В 1880 г. недоимки достигли 20,5 млн руб., а в 1881 г. — 23,4 млн руб.

Комиссия, учрежденная в марте 1879 г. для подготовки отмены подушной подати, пришла к выводу о невозможности преобразования прямых налогов без понижения выкупных платежей, которые представляют собой «главную тягость» для крестьянства[3]. Либеральные бюрократы (Лорис-Меликов, Абаза, Бунге и др.) считали эту меру первоочередной и поспе-

шили провести ее в жизнь. Вопрос о понижении выкупных платежей обсуждался в Главном комитете об устройстве сельского состояния (ноябрь 1880 г.) и комиссии под председательством сенатора К.И.Домонтовича (февраль—март 1881 г.)[4]. Одновременно возник и вопрос о переоброчке, предусмотренной «Положениями» 19 февраля 1861 г. К концу 1881 г. во временнообязанном состоянии оставалось еще 1,4 млн душ, и правительство опасалось возрастания и без того тяжелых крестьянских повинностей[5].

Оба дела рассматривались в апреле 1881 г. в Государственном совете, который принял решение о переводе всех бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп, сложении недоимок на 14 млн руб. и понижении выкупных платежей на 9 млн руб. в год в соответствии с ценностью и доходностью наделов, причем только в нечерноземных губерниях, находившихся в особенно неблагоприятных условиях. 20 мая Александр III утвердил мнение Общего собрания Совета от 27 апреля, однако повелел еще раз обсудить распределение суммы понижения выкупных платежей по отдельным губерниям и уездам в совещании министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ с участием экспертов, приглашенных по их выбору[6].

Заседания Особого совещания в составе Н.П.Игнатьева, Н.Х.Бунге, М.Н.Островского и 13 земских экспертов состоялись в июне. Первоначальный вариант законопроекта претерпел сильные изменения. Сложение недоимок и понижение выкупных платежей предполагалось распространить на всю Россию, за исключением девяти западных губерний, где обязательный выкуп был осуществлен в 1863 г. Сумма ежегодного понижения увеличивалась с 9 до 12 млн руб. Из них 7 млн руб. следовало израсходовать на общее понижение в размере 1 руб. с душевого надела в великорусских губерниях и на 16% в Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях. Остальные 5 млн руб. предназначались на добавочное понижение в тех местностях, где крестьяне находились в особенно бедственном положении. Выкупные платежи должны были соразмеряться не с доходностью наделов, а с «податными силами» крестьянства. Это мотивировалось тем, что они являются не земельной рентой или налогом с недвижимости, а выкупом вотчинно-личной повинности, носящей государственный характер[7].

Заключение Особого совещания рассматривалось 10 и 17 октября 1881 г. в Соединенном присутствии Главного комитета об устройстве сельского состояния и департаментов законов и государственной экономии. На заседании 17 октября Бунге заявил, что реализация предлагаемой меры послужит основой

для предстоящих податных преобразований. «Постепенное понижение всех вообще крестьянских налогов приведет незаметно к осуществлению давно желаемой реформы, — говорил он. — Для начала же лучше всего остановиться на выкупных платежах, как самых значительных и наиболее обусловливающих тяжесть существующих обложений в значительной части сельского населения»[8].

В Соединенном присутствии большинство поддержало проект Особого совещания. Однако некоторые участники настаивали на приведении выкупных платежей в соответствие со стоимостью и доходностью земли и понижении их на 9 млн руб. в нечерноземных губерниях, как это предполагалось ранее. Подобная ситуация возникла и на заседаниях Общего собрания 30 ноября, 7 и 21 декабря[9]. Но Александр III 28 декабря утвердил мнение большинства и подписал указы о понижении выкупных платежей, переводе оставшихся во временнообязанном состоянии крестьян на обязательный выкуп и причислении их к разряду крестьян-собственников с 1 января 1883 года[10]. Тем самым крестьянская реформа, разработанная Редакционными комиссиями, получила логическое завершение. Манифестом 15 мая 1883 г., подписанным в день коронации Александра III, из 28,6 млн руб. накопившихся к концу года недоимок было сложено 13,8 млн руб.[11], а в следующем году по высочайшему повелению — еще 2,3 млн руб.

Принятые законы подорвали кредитный характер выкупной операции. Установив обязательность выкупа и взяв на себя часть крестьянского долга, правительство констатировало, что в наделении землей бывших крепостных должны принимать участие все налогоплательщики. Выкупные платежи были признаны не платой за землю, а выкупом личных повинностей, стали соотноситься не со стоимостью и доходностью надела, а с общим состоянием крестьянского хозяйства. Они все более воспринимались не как взносы в уплату банковского долга, а как прямой налог[12]. Законом 15 января 1885 г., утвержденным по предствлению Бунге, все обороты выкупной операции включались в общую бюджетную роспись[13]. 27 марта 1895 г. было упразднено существовавшее с 1861 г. Главное выкупное учреждение, и выкупное дело поступило в ведение Департамента окладных сборов.

Понижение выкупных платежей несколько ослабило налоговый пресс на сельское население. К 1 января 1892 г. из общей суммы первоначального капитального долга 886,3 млн руб. было списано 167,6 млн руб., т.е. 18,9 процентов. Для сравнения — за 1862—1892 гг. крестьянство с большим трудом выплатило за свои наделы 175,7 млн руб. (19,1%). Однако это

не привело к более исправному поступлению в Казначейство выкупных платежей. В неурожайные 1885 и 1886 гг. недоимки возросли до 16,2 и 18,6 млн руб. Особой величины они достигли в период голода 1891—1892 гг. — 22,3 и 29 млн руб. Правительство предприняло новые шаги для облегчения тяжести выкупной операции. Но оно отказалось от курса Бунге и других либеральных бюрократов. Вместо дальнейшего понижения выкупных платежей и списания со счетов капитального долга закон 7 февраля 1894 г. предусматривал лишь отсрочку в уплате недоимок, а законы 13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г. — пересрочку капитального долга, что дало ничтожные результаты. Закон 28 декабря 1881 г. так и остался единственным в своем роде. Лишь спустя четверть века манифестом 3 ноября 1905 г. взимание выкупных платежей с 1 января 1907 г. было прекращено и выкупная операция досрочно завершена[14].

После понижения выкупных платежей настала очередь отмены подушной подати. В конце 1881 г. во всеподданнейшем докладе о росписи доходов и расходов на следующий год Бунге писал о намерении «внести в настоящую сессию Государственного совета представления о некоторых изменениях в существующих налогах»[15]. Для такой инициативы в условиях бюджетных дефицитов требовалось немалое гражданское мужество. Однако министр твердо заявлял Александру III, что общее состояние финансов не должно препятствовать проведению податных реформ[16].

В представлении «О замене подушной подати другими налогами», поступившем в Государственный совет 29 марта 1882 г., Бунге подробно обосновал невозможность дальнейшего оттягивания этой меры. Поскольку в основу реформ Александра II было положено начало равенства всех сословий в правах и обязанностях перед государством, то «существующие для некоторых сословий изъятия от податной тягости остального большинства народа составляют историческое наследие, сохранению которого нельзя найти оправдания ни в политическом, ни в экономическом положении России». Министр финансов указывал на крайнюю обременительность подушной подати для крестьянства. Любое стихийное бедствие (неурожай, град, падеж скота и т.п.) делает неплатежеспособными не только отдельные сельские общества и уезды, но и целые губернии. В такие периоды резко возрастает число ходатайств губернских властей о льготах по уплате податей. Но поступление подобных ходатайств не прекращается и в урожайные годы, что свидетельствует о расстройстве крестьянского хозяйства из-за несоразмерности платежей с доходами сельского населения. Несмотря на сложение недоимок в 1880 г. на сумму 7 млн руб., к 1 января 1881 г. они составили 10,7 млн руб., т.е. 18,8% годового оклада. Налоговый гнет усугубляется разорительными последствиями применения круговой поруки и прикреплением крестьян к земле паспортным уставом.

Бунге отмечал чрезвычайную «стеснительность» узаконений, регулирующих перечисление лиц «податного состояния» из одного общества в другое и увольнение их во временные отлучки с места приписки. Он выражал надежду, что с понижением выкупных платежей и отменой подушной подати крестьянам будет предоставлена большая свобода передвижений для поиска дополнительных заработков. «Безусловно необходимо, — резюмировал министр финансов, — при настоящем состоянии народного духа по возможности ускорить устранение такого крупного повода к розни между сословиями и безусловно необходимо также, в виду настоящего экономического положения народа, поторопиться облегчением его податного бремени и обеспечением, за дальнейшим развитием его производительных сил, свободы от подушной крепости»[17].

Бунге раскритиковал проект комиссии, образованной под председательством Грейга в марте 1879 г. Он предусматривал замену подушной подати тремя видами налогов: 1) подоходным в размере 3% с доходов от денежных капиталов, торговли, промыслов и личного труда на 35 млн руб.; 2) личным по 1 руб. со всех лиц мужского пола в возрасте от 18 до 55 лет на 16,5 млн руб.; 3) усадебным с усадеб владельцев всех сословий на 18 млн руб., который в ходе обсуждения решено было заменить увеличением государственного поземельного налога и налога на недвижимые имущества в городах с 50 до 77 процентов. Одновременное введение новых налогов на сумму 70 млн руб. позволило бы уменьшить крестьянские платежи на 30 млн руб.[18]

В «верхах» предложения комиссии показались слишком рискованными. После отставки Грейга руководство финансового ведомства предпочло постепенное движение к цели. По мысли Бунге, столь глобальная податная реформа могла повлечь за собой опасные последствия для экономики. «Если Министерство финансов не решилось сразу проектировать общий подоходный налог, — писал он Александру III в конце 1883 г., — то это потому, что та же цель, по его мнению, в некоторой степени могла быть достигнута с меньшим потрясением существующих хозяйственных отношений»[19].

Поэтому, одобрив общую идею проекта о подоходном налоге, Бунге усомнился в возможности его введения в ближайшее время, указав на низкий уровень промышленного развития России и невозможность правильного учета доходов без предварительного создания новых органов податной администра-

ции. «Вообще, — утверждал он, — введение у нас общего подоходного налога требует большой осмотрительности ввиду представляемых этим видом обложения особенностей, так как этот налог может оказаться более стеснительным и неравномерным, и менее доходным, нежели налоги, основанные на исчислениях менее сложных и легче проверяемых. Государство гораздо более населенное и богатое и менее обширное, чем Россия, именно Франция, после войны 1870—1871 годов признало более удобным не вводить подоходного налога, а установить разнообразные новые сборы и увеличить прежние»[20].

Еще в сентябрьской записке 1880 г. Бунге характеризовал подоходный налог не как постоянный, а как чрезвычайный источник доходов, к которому правительство обращается при исключительных обстоятельствах для покрытия военных расходов и проведения реформ. Он ссылался на Англию, где этот налог при премьер-министрах У.Питте, Р.Пиле и У.Гладстоне выполнял именно такую функцию, изменяясь в соответствии с финансовыми потребностями государства, состоянием промышленности и торговли и величиной урожаев[21]. Бунге отрицательно отнесся и к пункту проекта о личном налоге, который, по его словам, «принадлежит к наименее удовлетворительным способам обложения», поскольку в равной степени взимается и с богатого, и с бедного. Он счел целесообразным лишь повышение государственного поземельного налога и налога на городскую недвижимость.

Министр финансов предусматривал поэтапную отмену подушной подати в 1883—1891 гг. Он предложил начать реформу прекращением с 1 января 1883 г. взимания налога с лиц, наиболее обремененных налогами: окладного сбора с мещан, подушной подати с приписанных к волостям дворовых людей и безземельных крестьян, с бывших частновладельческих крестьян, освобожденных от своих обязательств перед помещиками и получивших даровой четвертной надел[22]. До поступления представления Бунге в Государственный совет оно рассматривалось 20 марта 1882 г. в Особом совещании, в котором помимо министра финансов приняли участие Э.Т.Баранов, Н.П.Игнатьев, М.Н.Островский, М.Х.Рейтерн и Д.М.Сольский. Совещание поддержало стремление Бунге к постепенному проведению податной реформы и отметило ее важное политическое значение[23]. С небольшими поправками предложения министра финансов были приняты 8 и 21 апреля 1882 г. Соединенным присутствием департаментов государственной экономии и законов и Главного комитета об устройстве сельского состояния[24].

Проект вызвал возражения только в Общем собрании Государственного совета 3 мая 1882 г. Шесть участников заседания, и среди них К.П.Победоносцев, заявили о «поспешности» предлагаемой меры и настойчиво рекомендовали отсрочить ее реализацию для более основательного изучения вопроса. С.А.Грейг, напротив, выступал за немедленную отмену подушной подати. Однако Совет подавляющим большинством голосов одобрил проект министра финансов, но постановил не обнародовать сроков осуществления реформы, чтобы не стеснять правительство какими-либо обязательствами в неблагоприятной финансовой ситуации. 18 мая 1882 г. мнение большинства было утверждено Александром III[25].

Следующим шагом стал закон 14 мая 1883 г., согласно которому с 1 января 1884 г. прекращалось взимание подушной подати с безземельных крестьян, приписанных к сельским обществам без приемных договоров, с бывших фабричных и заводских крестьян. Для всех помещичьих крестьян, государственных и удельных крестьян в Самарской, Смоленской и Новгородской губерниях, а также в некоторых уездах Псковской, Костромской и Пермской губерний оклады подушной подати были снижены на 50%, для остальных плательщиков повсеместно — на 10 процентов[26].

Вскоре, вопреки прежним расчетам растянуть реформу на восемь лет, Бунге пришел к выводу о возможности завершить ее в гораздо более короткий срок. Он рассчитывал на то, что избавление от тяжелой подати поднимет благосостояние крестьянства и оно выплатит свой долг государству в форме косвенных налогов[27]. «Отмена подушной подати, — писал министр финансов в представлении от 15 марта 1885 г., — составляет одну из самых крупных финансовых мер настоящего царствования, и чем скорее она совершится, тем сильнее будет впечатление, которое она оставит в умах, — тем непосредственнее и осязательнее окажутся результаты, к которым она приведет». Бунге подчеркивал, что окончание реформы позволит упразднить круговую поруку и преобразовать паспортный устав[28].

28 мая 1885 г. император утвердил принятые Государственным советом предложения министра финансов. С 1 января 1886 г. прекращалось взимание подушной подати с бывших помещичьих и удельных крестьян, на которых распространялось действие положений 19 февраля 1861 г. и 26 июня 1863 г., с состоявших на особом положении крестьян прибалтийских губерний (за исключением поселенных на казенных землях), с малороссийских казаков и других поселян (кроме уплачивающих оброчную подать). С 1 января 1887 г. подушная подать отменялась для всех плательщиков страны. Эта мера была признана несвоевременной лишь для Сибири, как по причине особенностей землевладения и местного быта населения, так и в

силу незначительности поступавшей оттуда в Казначейство суммы налога. Министру финансов поручалось подготовить законопроекты об отмене круговой ответственности в уплате окладных сборов и изменениях в паспортной системе и внести их в Государственный совет с таким расчетом, чтобы ввести новые законы в действие с 1 января 1887 года[29].

Однако последнее постановление так и осталось невыполненным. Отставка Бунге надолго отсрочила отмену круговой поруки, которая состоялась лишь 12 марта 1903 года[30]. Затянулось и решение вопроса о пересмотре паспортного устава. В феврале 1886 г. при финансовом ведомстве была образована Подготовительная паспортная комиссия под председательством директора Общей канцелярии министра финансов Г.М.Раевского. Она вынесла заключение о ненужности налоговой функции паспортов, так как после отмены подушной подати отпала необходимость в ограничении свободы передвижения лиц податного сословия. Большинство оставшихся прямых налогов обеспечивались недвижимым имуществом плательщиков. Стеснительная паспортная система была признана вредной для народного благосостояния и рационального распределения в стране рабочей силы.

Комиссия сочла в принципе возможным введение бессрочных паспортов, но не отважилась сразу же предложить столь радикальную меру. Согласно подготовленному проекту, для «полноправных» лиц всех сословий вводились единые паспорта сроком на 10 лет. Их владельцы, желающие выехать за пределы своего уезда, должны были ежегодно уплачивать специальный паспортный сбор. К «неполноправным» лицам относились несовершеннолетние, замужние женщины, поднадзорные и те, кому запрещалось проживать в определенных местностях империи. Для них планировалось сохранение старых паспортов сроками на один год, три и шесть месяцев. При получении этих документов надлежало уплатить недоимки по общественным повинностям. Краткосрочными паспортами могли пользоваться для отлучек и «полноправные» лица. Действие этих правил предполагалось не распространять на Царство Польское, Сибирь, Кавказ, Приморское, Степное и Туркестанское генерал-губернаторства, область Войска Донского[31].

Комиссия закончила свою работу в августе 1886 г., и проект поступил в учрежденную при Министерстве финансов более широкую по составу Общую паспортную комиссию во главе с товарищем министра финансов П.Н.Николаевым[32]. Отставка Бунге и назначение на его место креатуры консервативных кругов И.А.Вышнеградского отрицательно повлияли на дальнейшую подготовку реформы. Окончательная разработка новых

паспортных правил была закончена только при С.Ю.Витте. Однако устав 3 мая 1894 г. сохранил фискальную и податную функции паспорта. Законодатели отказались от всесословного принципа, на котором был основан проект комиссии Г.М.Раевского. Дворяне, чиновники, духовенство, почетные граждане, купцы и разночинцы не ограничивались в выборе постоянного места проживания и получали бессрочные паспортные книжки. Для мещан, ремесленников и крестьян, приписанных к своим обществам, видами на жительство служили паспортные книжки (на 5 лет), паспорта (на 1 год, 3 и 6 месяцев) и бесплатные билеты на отлучку (до 1 года). За паспорта, бессрочные и срочные паспортные книжки взималась ежегодная плата.

Новые паспортные правила несколько облегчили свободу передвижения крестьянства. Паспортная книжка, действительная в течение пяти лет, давала владельцу возможность надолго покидать место постоянного проживания. Вместе с тем, крестьянину, имеющему недоимки по общественным сборам, этот документ выдавался только с согласия общества. Паспортная книжка могла быть отобрана у владельца по требованию домохозяина, ко двору которого принадлежал отлучившийся крестьянин. Таким образом, устав, распространявшийся на всю территорию России за исключением Царства Польского, закрепил права «мира» по отношению к недоимщикам и власть домохозяина над членами семьи. Реформа, обсуждавшаяся долгие годы, так и не решила своей главной задачи. Паспорт утратил фискальное значение с изданием закона 7 апреля 1897 г. об отмене сборов, взимавшихся с видов на жительство. Но только по указу 5 октября 1906 г., обнародованному в обстановке революционных событий, представители податных сословий получили право свободного передвижения[33].

В 1882—1887 гг. поступление подушной подати уменьшилось с 54,8 до 1,3 млн руб.[34] После ее отмены в Сибири 19 января 1898 г. эта сумма снизилась до 180 тыс. руб., а с 1907 г. — до 34 тыс. руб., уплачиваемых в виде подушного сбора с евреев-земледельцев, ясачного сбора и сбора на межевание в Сибири[35]. Для компенсации столь огромных потерь казны требовались экстренные финансовые меры. Бунге предпочитал увеличивать другие подати, нежели прибегать к займам, в которых видел большее зло[36]. Как он и планировал в сентябрьской записке 1880 г., изменения коснулись основных прямых налогов: государственного поземельного налога, налога на недвижимые имущества в городах, торгово-промышленного сбора и оброчных податей государственных крестьян.

Установленный в 1875 г. для 52 губерний Европейской России, государственный поземельный налог взимался в неизмен-

ном размере (в среднем — 7,5 млн руб. в год). При разверстке платежей Министерство финансов пользовалось классификацией губерний на 11 групп в зависимости от местных условий. В совокупности налогом облагались 216 млн десятин земли. Из них 53% всей площади приходилось на земли сельских обществ (с подесятинным окладом 3,84 коп.), 42,5% на частновладельческие (3,23 коп.) и 4% на удельные (1,41 коп.). Распределение налога отличалось крайней несоразмерностью со стоимостью и доходностью земель, которая с годами еще более увеличилась из-за роста земельных цен[37].

Оптимальным средством для уравнения и повышения налогообложения стало бы введение единого для всей страны земельного кадастра. Но в масштабах России эта операция была слишком сложной и дорогостоящей. Бунге пришлось избрать другой путь. В 1882 г. Министерство финансов провело сбор необходимых данных на местах и определило среднюю стоимость десятины в каждой губернии, по которой были вычислены оклады налога. В представлении, внесенном в Государственный совет 23 ноября 1883 г., Бунге предложил увеличить налог на 52,5% — с предполагаемых в текущем году 7,6 млн руб. до 11,7 млн руб. в 1884 году. Средний размер обложения для 25 губерний должен был составить 0,18% стоимости земли или 3,5% с доходов. Для остальных 27 губерний предусматривались меньшие оклады, чтобы избежать слишком резкого повышения налога. Бунге рекомендовал также отказаться от прежней практики рассмотрения Государственным советом всех окладов разных местностей в законодательном порядке. По его проекту, Совет должен был утверждать только средние оклады, на основании которых в Министерстве финансов будет определяться сумма налога по каждой губернии. Разверстка налога между уездами поручалась губернскому земскому собранию, а там, где не было земств, — соединенному присутствию губернского распорядительного комитета и губернского по крестьянским делам присутствия[38].

Предложения Бунге были одобрены Государственным советом и 17 января 1884 г. утверждены императором[39]. Поступление налога возросло с полученных в 1883 г. 7,8 млн руб. до 11,3 млн руб. в 1884 и 1885 годах. Без недоимок налог стал взиматься с 1886 года[40]. В дальнейшем по закону 14 декабря 1887 г. были повышены средние оклады в 22 из 27 губерний, однако в восьми они так и не были доведены до нормы 0,18% стоимости земли, поскольку в этом случае налог возрос бы в четыре и более раза. В итоге общая сумма налога на 1888 г. по государственной росписи доходов и расходов составила 13,1 млн руб.[41]

Налог на недвижимые имущества в городах, введенный указом 1 января 1863 г. вместо отмененной подушной подати с мещан, взимался в размере 2,1 млн руб. до 1875 г., когда по закону о всеобщей воинской повинности 8 июня 1874 г. был установлен дополнительный сбор на воинское квартирное довольствие (2 млн руб.). С 1875 по 1883 г. налог поступал в Казначейство в среднем на сумму 4,1—4,2 млн руб. За два десятилетия в связи с развитием городов, успехами промышленности и торговли, расширением железнодорожной сети, ростом городского населения и его благосостояния неравномерность распределения налога между плательщиками возросла. Размер оклада, составлявшего в среднем по стране 0,2% стоимости всей городской недвижимости, колебался в разных городах от 0,1 до 0,3 процента.

Бунге стремился не только к повышению налога, что оправдывалось возросшей платежеспособностью горожан, но и к достижению большей соразмерности обложения. Новый средний оклад (0,3% стоимости имуществ) был определен на основе собранных Министерством финансов сведений о страховых оценках городской недвижимости. Эта статистика отражала положение вещей весьма приблизительно, и ее использование позволяло лишь частично устранить неравномерность налога[42]. По закону 13 мая 1883 г. общая сумма налога повышалась на 46% — с 4,1 до 6 млн руб.[43] В 1893 г. с учетом новых оценочных данных налог был увеличен до 7,7 млн руб.[44]

Преобразованию подверглась введенная Е.Ф.Канкриным 14 ноября 1824 г. система промыслового обложения, существовавшая в форме продажи патента на право торгово-промышленной деятельности. Она не дала ожидаемых финансовых результатов и затормозила развитие частных промыслов. Законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. внесли некоторые улучшения в правовое положение предпринимателей — приобретение купеческого «звания» стало доступно всем желающим, обладавшим необходимым капиталом, плата за свидетельства для вступления в гильдии (их число сократилось до двух) уменьшилась более чем в два раза, упразднялись особые свидетельства на право занятия торговлей и промыслами для крестьян, иностранцы уравнивались в правах с российскими подданными. Однако средневековые гильдейская и цеховая организации предпринимателей сохранялись. Не претерпело серьезных изменений и промысловое обложение. При определении налога учитывались не размер оборота и доходность предприятия, не сумма вложенного в него основного капитала, а только внешние признаки: род торга (оптовый, розничный, мелочной), нахождение предприятия в одном из пяти классов, на которые

была разделена территория страны, количество заведений, принадлежавших одному лицу или обществу, число помещений и входов для торговых заведений и число рабочих для промышленных предприятий. Налог ежегодно взимался в виде платы за свидетельство на право торгово-промышленной деятельности и за билеты на торговые и промышленные заведения.

К началу 1880-х годов неравномерность обложения, присущая вообще любой патентной системе, не учитывающей размер оборота и величину прибыли предприятия, заметно усугубилась с развитием промышленности и ростом акционерного учредительства. Обременительная для мелких заведений, эта система была явно недостаточна для крупных. Поэтому финансовое ведомство было вынуждено принимать многочисленные частные определения и пересматривать отдельные статьи законов 1863—1865 годов[45]. Как вспоминал позднее Бунге, Министерство оказалось на распутье — или приступить к коренному реформированию промыслового обложения на подоходной основе, или временно ввести дополнительный налог[46]. Второй вариант выглядел более предпочтительно. Кардинальная ломка старой системы в той ситуации была вряд ли возможна, так как это предполагало реорганизацию местных податных органов.

Вопрос о предстоящей реформе обсуждался в трех совещаниях, созванных при Департаменте торговли и мануфактур (ноябрь 1882 г., декабрь 1882 г., январь 1883 г.)[47]. В июле 1883 г. в шести номерах «Правительственного вестника» была опубликована записка Министерства финансов с приложением проекта «Правил о процентном сборе с значительных торговых и промышленных предприятий», который предусматривал установление налога в размере 3% с доходов всех гильдейских предприятий[48]. Реализация этой меры означала бы первый принципиальный шаг к введению подоходного обложения.

Записка была разослана в губернии на отзыв управляющих казенными палатами, общественных и сословных организаций. Деловые круги отнеслись к инициативе Бунге отрицательно. Биржевые комитеты (22 из 24) выступили против процентного сбора, ссылаясь на и без того излишнее обременение налогами торговли и промышленности. Предпринимателей особенно встревожило намерение финансового ведомства перейти к новой системе учета по западному образцу, заключавшейся в подаче деклараций владельцами промышленных и торговых заведений. Это было расценено как отказ от традиционного невмешательства правительства в торгово-промышленные дела и возвращение к отмененным реформой 1824 г. старым правилам, которые обязывали купечество представлять к просмотру торговые книги[49].

Проект преобразования промыслового налога поступил в Государственный совет 26 марта 1884 г. На заседании Соединенных департаментов государственной экономии и законов 30 апреля позиция биржевых комитетов была принята во внимание и предложение о процентном сборе расценено как преждевременное. Это аргументировалось тем, что подоходное обложение должно охватывать все виды доходов, а не ограничиваться только сферой промышленности и торговли. Бунге было предложено разработать проект такого налога, при котором не требовалось бы заниматься вычислением доходов предприятий и нарушать коммерческую тайну. Члены Совета признали возможность подобной системы учета лишь для акционерных компаний, так как их деятельность носила публичный характер и в большей степени регламентировалась законом. Остальные пункты представления министра финансов не встретили возражений[50]. 21 мая мнение Соединенных департаментов было одобрено Общим собранием Государственного совета[51], а 5 июня 1884 г. утверждено императором[52].

Закон способствовал консолидации промыслового налога: были слиты в один оклад разнообразные сборы, установлены дополнительные сборы с торговых документов в пользу земств и городов, коммерческие учреждения были обложены налогом не по роду торга, а по размерам действительного капитала, введены особые правила обложения полных товариществ и торговых домов, состоявших из нескольких компаньонов, допущены льготы для мелкой торговли и ремесел, отменены свидетельства на мещанские промыслы и билеты на заведения при получении свидетельств мелочного торга.

28 ноября 1884 г. Бунге внес в Государственный совет новый проект, согласно которому для акционерных компаний вводился 3%-ный налог с чистой прибыли за истекший операционный год, а для остальных гильдейских предприятий — примерно равный ему по размеру раскладочный сбор. Его общая сумма должна была устанавливаться на трехлетия в законодательном порядке, а затем разверстываться по губерниям (с учетом уровня промышленного развития в каждой местности) и предприятиям (с учетом их доходности)[53]. Этот архаичный сбор, известный на Руси еще со времен татарского ига, страдал существенными недостатками. Закон не предусматривал четких критериев для подсчета общей суммы налога и ее распределения внутри страны. Еще хуже обстояло дело с конкретным налогоплательщиком, имущество и доходы которого не подлежали огласке. На практике это грозило многочисленными злоупотреблениями, но у Бунге не было другого выхода. Проект был принят Соединенными департаментами (15 декаб-

ря) и Общим присутствием (27 декабря 1884 г.) с незначительными поправками[54]. Император скрепил его своей подписью 15 января 1885 года[55].

Введение закона в действие позволило увеличить поступление промыслового налога с 21 млн руб. в 1884 г. до 25,7 млн руб. в 1885 году[56]. Вопреки уверениям предпринимателей, его взимание не создавало опасности для развития промышленности и торговли. По данным Министерства финансов, земельные собственники платили от 4 до 5,5% с чистого дохода, а владельцы других недвижимых имуществ — до 6,5%[57]. В дальнейшем, по мере роста промышленного производства и акционерного учредительства, щадящий характер налогообложения позволил привлечь к платежам раскладочного сбора негильдейские предприятия (закон 18 января 1889 г.), акцизные фабрики и заводы, повысить процентный сбор с 3 до 5%, общую сумму раскладочного сбора — на 25% (закон 21 декабря 1892 г.). К 1893 г. промысловый налог увеличился до 40,5 млн руб., т.е. почти вдвое по сравнению с 1884 года.

8 июня 1898 г. было принято новое Положение о государственном промысловом налоге, которое способствовало большей уравнительности, пропорциональности и доходности обложения. Сумма налога возросла с 48,2 млн руб. в 1898 г. до 61,1 млн руб. в 1899 году. Однако закон не уничтожил деление промысловых сборов на основной (патентный и билетный) и дополнительный. Прежняя система торгово-промышленного обложения в целом сохранилась до первой мировой войны. Доля промыслового налога в государственных доходах была ничтожной и в 1899 г. по общему бюджету составляла всего 3,6 процента[58].

Логическим следствием реформы 15 января 1885 г. стал закон 20 мая 1885 г. о 5%-ном налоге на доходы с денежных капиталов (банковских вкладов и процентных бумаг)[59]. На следующий год этот сбор дал казне 10,1 млн руб. 12 января 1887 г. было утверждено предложение Бунге о 5%-ном налоге на гарантированные правительством доходы с акций частных железных дорог и 3%-ном — на негарантированные, так как последние зависели от экономической конъюнктуры и прибылей компаний. Когда дополнительный процентный сбор с промышленных и торговых предприятий был повышен с 3 до 5%, то законом 23 мая 1894 г. налог на негарантированные доходы был также увеличен до 5%. В 1895 г. поступление налога возросло до 13,9 млн руб.[60]

Последней крупной мерой Бунге в области прямого налогообложения было преобразование оброчной подати государственных крестьян и перевод их на обязательный выкуп. Министр финансов исходил из того, что по величине наделов и

размеру платежей они находились в лучших условиях, чем бывшие помещичьи и удельные крестьяне. По Положению о государственных крестьянах 24 ноября 1866 г., действовавшему в 36 губерниях Европейской России, они формально сохраняли за собой все находящиеся в их пользовании земли и угодья. Фактически при составлении владенных записей крестьяне потеряли небольшую часть земельной площади. Они были обязаны ежегодно вносить в казну государственную оброчную подать, размеры которой оставались неизменными в течение двадцати лет. Крестьяне могли получить наделы в полную собственность только при условии выкупа оброчной подати путем ее капитализации. Установленный правительством директивный принцип распределения налога по губерниям закрепил неравномерность обложения. Если в 1868 г. недоимки составляли 15% к окладу, то в 1882 г. — уже 51,5%. Несмотря на неоднократные сложения безнадежных сборов на общую сумму 15,2 млн руб., накануне реформы 1886 г. они составляли 3,5 млн руб.[61]

В представлении от 15 марта 1885 г. об окончательной отмене подушной подати Бунге обратился к Государственному совету за разъяснениями, на каких основаниях следует провести переоброчку платежей государственных крестьян для большего соответствия оброчной подати возросшей за двадцать лет доходности наделов. Министр финансов просил разрешения начать подготовку преобразования оброчной подати в выкупные платежи и перевода государственных крестьян на обязательный выкуп[62]. 22 апреля 1885 г. Соединенные департаменты постановили поручить министру финансов подготовить проект реформы, с тем, однако, чтобы общая сумма выкупных платежей не превышала оброчную подать более, чем на 45% (с 33,8 до 49 млн руб.), а распределение их между крестьянскими обществами было по возможности соразмерно со стоимостью и доходностью наделов. Операция должна была осуществляться при 5%-ной капитализации оброчной подати в течение 44 лет и завершиться к 1 января 1931 г., т.е. к тому времени, когда большинство бывших помещичьих крестьян уже станут собственниками своих земель. Предполагалось, что эта мера не станет излишне обременительной для государственных крестьян, так как даже при повышении оброчной подати на 45% (с 56 до 81,5 коп. с десятины) она оставалась значительно ниже выкупных платежей бывших помещичьих крестьян (в среднем — 1,35 руб. с десятины). 14 мая мнение Соединенных департаментов удостоилось одобрения Общего собрания и 28 мая 1885 г. было утверждено императором[63].

Следуя указаниям Государственного совета, Министерство финансов провело большую работу по дифференциации окла-

дов селений в зависимости от качества угодий и местных земельных цен. Но, как обнаружилось позднее, из-за несовершенства принятых правил оценки избавиться от неравномерности обложения так и не удалось. Детальный проект реформы, внесенный в Государственный совет 9 апреля 1886 г., без серьезных корректив прошел через Соединенные департаменты и Общее собрание. 12 июня 1886 г. он был подписан Александром III[64]. Закон вступил в силу с 1 января 1887 г. В первый же год недоимки составили 7,8 млн руб. В их уплате государственные крестьяне пользовались теми же льготами, что и бывшие помещичьи. Только с 1893 г. налог стал поступать с превышением предположений бюджетной росписи[65].

Реформа 12 июня 1886 г. вызвала в научной литературе различные отклики. П.П.Мигулин назвал закон «замаскированным увеличением оброчной подати», поскольку речь шла о выкупе не наделов, которые и без того принадлежали крестьянам, а именно этой подати. Поэтому выкупные платежи «играют роль в сущности простого усиленного обложения крестьянских земель»[66]. Мнение Мигулина оспорил П.Л.Кованько. Признав «некоторую фиктивность облегчения государственных крестьян при превращении оброчной подати в выкупные платежи», он, вместе с тем, подчеркнул целесообразность этой меры. По его словам, выкупу подлежала земля, которая никогда не принадлежала крестьянам, а не оброчная подать, являвшаяся арендной платой за пользование наделами и угодьями. Автор заметил, что переоброчка была выгоднее для казны, чем перевод на выкуп, и реформа 12 июня 1886 г. стала возможна во многом благодаря Бунге, известному своей приверженностью идее развития крестьянской земельной собственности[67]. Эту же точку зрения высказали Л.В.Ходский и И.М.Страховский[68].

Сходное суждение прозвучало в фундаментальном труде Н.М.Дружинина о реформе П.Д.Киселева 1837—1841 гг. в государственной деревне. «Новый закон, — писал он, — окончательно устранил сохранившиеся ограничения в праве крестьян пользоваться, владеть и распоряжаться земельными наделами. (...) Посредством выкупа оброчной подати государственные крестьяне превращались в полных земельных собственников и окончательно приравнивались ко всему остальному крестьянскому населению». Дружинин указал, что закон обозначил «исторический перелом в жизни государственных крестьян, открывший перед ними дорогу более свободного хозяйственного развития»[69].

Н.И.Ананьич согласилась с выводом Дружинина о снятии некоторых ограничений в праве государственных крестьян на владение своими землями, но добавила, что «с чисто финансовой точки зрения закон представлял собой грабительскую операцию, проведенную по фискальным соображениям»[70]. Скептическое суждение об этой реформе высказано в работах А.М.Анфимова[71].

Мнение Кованько и Дружинина представляется более взвешенным и аргументированным. В реформе 12 июня 1886 г. следует различать две стороны. Первая — это завершение процесса освобождения государственных крестьян, начатого законом 24 ноября 1866 г. Реформу нужно рассматривать в неразрывной связи с переводом на обязательный выкуп бывших помещичьих крестьян 28 декабря 1881 г. Вторая сторона — это повышение оброчной подати при ее преобразовании в выкупные платежи, что диктовалось экстренной потребностью в восполнении потерь казны в результате отмены подушной подати, которая состоялась в условиях хронических бюджетных дефицитов и общих экономических трудностей. Можно с уверенностью сказать, что без новых финансовых ресурсов податная реформа не была бы проведена в жизнь. Поэтому повышение платежей государственных крестьян вряд ли можно поставить в вину как правительству, так и лично министру финансов.

Бунге принадлежит приоритет во введении пошлин с имуществ, переходящих безмездными способами. Проекты такого налога предлагались ранее министром финансов гр. Д.А.Гурьевым (1821 г.) и Податной комиссией (1872 г.). Обе попытки окончились неудачей, встретив возражения со стороны других ведомств[72]. Но это не остановило Бунге, занятого поисками новых источников доходов. 3 декабря 1881 г. он внес в Государственный совет проект Податной комиссии со своей сопроводительной запиской. Соединенные департаменты рассмотрели представление министра финансов 23 января 1882 г. и в связи со сложностью вопроса постановили передать проект на заключение министра юстиции Д.Н.Набокова. В этом ведомстве возникли новые соображения. Из представителей министерств финансов и юстиции была образована комиссия, которая в течение трех месяцев подготовила новую редакцию проекта. Он был представлен в Государственный совет 26 апреля 1882 г. и с рядом дополнений одобрен Соединенными департаментами и Общим собранием. Император подписал его 15 июня 1882 года[73].

По этому закону с 1 января 1883 г. налогу подлежали все имущества, переходящие от одного лица к другому безмездными способами (за вычетом долгов наследодателя и расходов на его погребение) — по праву законного наследования, духовным завещаниям, высочайшему пожалованию, дарственным записям и т.п. Сумма платежа колебалась от 1 до 8% стоимости

имущества в зависимости от степени родства между наследником и наследодателем, одаряемым и дарителем. Для взноса пошлины могла предоставляться рассрочка на три года. От налога освобождались имущества стоимостью менее 1000 руб., не приносящая дохода домашняя движимость, крестьянские наделы с расположенными на них постройками, если они переходят к лицам сельского состояния, имущества, поступающие в пользу казны, благотворительных, научных и учебных учреждений, церквей и монастырей. Пошлины вычислялись на основании составленной в Министерстве финансов «Табели законной оценки», а их взимание временно возлагалось на окружные суды. 1 мая 1884 г. действие закона было распространено на Царство Польское, а 4 апреля 1888 г. — на Курляндскую губернию[74]. Ожидания Бунге, что налог будет давать 7,8 млн руб. ежегодного дохода, не оправдались. В 1884 г. в казну поступило только 4,6 млн руб. Наибольший доход, полученный в 1892 г., составил 6,9 млн руб., т.е. опять-таки меньше предварительных расчетов финансового ведомства[75].

Налог вызвал недовольство дворянства, увидевшего в нем ущемление своих сословных прав. Дворянские собрания ряда губерний обратились в Министерство финансов и на высочайшее имя с просьбой отмены пошлины в случае перехола недвижимости по прямой нисходящей линии. Они ссылались на разорительные последствия закона 15 июня 1882 г. для благосостояния первого сословия при наследовании «родовых гнезд»[76]. Все ходатайства были отклонены, но позднее Вышеградскому пришлось пойти на известный компромисс и продлить рассрочку платежа до 5 лет (закон 17 мая 1888 г.)[77]. Новые льготы по уплате налога дворянство получило по закону 10 апреля 1895 г., принятому с целью поддержки помещичьего землевладения в условиях падения цен на продукцию сельского хозяйства[78].

Изменения в налоговой системе повлекли за собой необходимость преобразования местных податных органов. Губернские казенные палаты справлялись со своими обязанностями, пока речь шла о получении подушной подати и примитивном обложении недвижимых имуществ. Повышение прежних и появление новых налогов возложило на них крайне сложные функции вычисления, распределения и получения денежных сумм. Поэтому податное дело оказалось в ведении различных инстанций. С введением дополнительного процентного и раскладочного сбора с промышленных и торговых заведений в губерниях были созданы особые податные присутствия, взимание пошлины с наследства поручено окружным судам, налогов с

земель и недвижимых имуществ — земским губернским собраниям и городским думам.

Бунге понимал, что без реорганизации податных учреждений налоговые реформы будут обречены на неудачу. С сентября 1882 г. по январь 1883 г. при Министерстве финансов работала комиссия, подготовившая проект, основные положения которого сводились к следующему: 1) упразднить губернские и окружные акцизные управления и возложить на казенные палаты заведование всеми окладными и неокладными сборами (за исключением таможенных), хранение казенных сумм и производство государственных расходов; 2) подчинить им особые уездные и городские податные управления со стоящими во главе их участковыми начальниками и податными надзирателями, а также губернские и уездные казначейства. Однако в Министерстве возникли сомнения в возможности слияния казенных палат с акцизными управлениями, т.к. взимание косвенных налогов требовало специальной подготовки чиновников и постоянного технического надзора за производством акцизных товаров[79].

Тогда у Бунге родилась идея начать с малого и учредить при казенных палатах особый институт податных инспекторов, который послужил бы зародышем будущей единой системы податного управления. Разработанный в Министерстве проект был разослан в губернии на отзыв управляющих казенными палатами, затем 6 ноября 1884 г. Бунге внес его в Государственный совет. «Потребность в более деятельном, нежели теперь, участии местного податного управления в оценке имуществ, подлежащих обложению, — писал он, — столько же в видах более равномерного распределения налогов, сколько и для обеспечения интересов казны, заявляется более и более настойчиво с увеличением размера этих налогов». Министр финансов предлагал поручить податным инспекторам выявление облагаемых налогами доходов, надзор за поступлением окладных сборов и ревизию уездных казначейств. Они должны были состоять членами уездных по крестьянским делам присутствий, а в местностях, где не вводились земства, членами уездных распорядительных комитетов[80].

Министр внутренних дел Д.А.Толстой 15 декабря 1884 г. дал на проект отрицательный отзыв. Он согласился с мнением Бунге о несоответствии местных податных органов их новым задачам, но отметил, что предложенная мера является паллиативом и не решает проблемы в целом. Толстой расценил эту инициативу как вторжение в сферу компетенции МВД. Он выступил против членства податных инспекторов в уездных по крестьянским делам присутствиях и их права в этом качестве

наблюдать за деятельностью крестьянского общественного самоуправления и проводить ревизии волостного правления. С его точки зрения, контроль инспекции за учреждениями и чиновниками, не подчиняющимися Министерству финансов, неизбежно приведет к бесконечным недоразумениям и ведомственным распрям. Толстой рекомендовал отклонить проект и ограничиться увеличением числа состоящих при казенных палатах чиновников для особых поручений[81].

Бунге не оставил этот отзыв без возражений. В письме на имя государственного секретаря А.А.Половцова от 31 января 1885 г. он подчеркнул, что финансовое ведомство планирует в перспективе коренную реформу податного управления и учреждение нового института будет лишь первым шагом к этой цели. Бунге настаивал на введении податных инспекторов в состав уездных по крестьянским делам присутствий, поскольку должностные лица волостного и сельского управления (волостные старшины и сельские старосты) непосредственно занимаются взиманием налогов и нуждаются в контроле со стороны Министерства финансов[82].

Соединенные департаменты на заседании 25 февраля 1885 г. решили спор компромиссом. Они высказались за учреждение института податных инспекторов, но указали, что «было бы теперь преждевременным присваивать им значение самостоятельного органа финансовой администрации», в ведении которого находятся все прямые налоги. На них было возложено лишь наблюдение за торговлей и выявление подлежащих обложению доходов с недвижимых имуществ (обычно это входило в обязанности чиновников для особых поручений при казенных палатах), председательствование в уездных податных присутствиях, образованных для раскладки дополнительного сбора с торговли и промыслов, членство в уездных по крестьянским делам присутствиях и распорядительных комитетах, ревизия уездных казначейств и проверка действий волостных старшин и сельских старост по взиманию казенных и общественных сборов. Инспектор не имел права сам отдавать распоряжения и обо всех обнаруженных нарушениях и злоупотреблениях должен был докладывать в казенную палату[83].

В Общем собрании, состоявшемся 15 апреля 1885 г., голоса разделились: 31 член Совета поддержал решение Соединенных департаментов, а 12 членов (и в том числе К.П.Победоносцев) приняли сторону Толстого и предложили ввести эту меру в виде эксперимента на три года в нескольких губерниях и лишь потом рассмотреть представление министра финансов[84]. 30 апреля 1885 г. Александр III утвердил мнение большинства[85].

По закону создавалось 500 штатных единиц податных инспекторов. 12 августа 1885 г. Бунге подписал разработанную в Министерстве инструкцию, в которой их права и обязанности излагались более подробно. В последующие годы круг деятельности податных инспекторов значительно расширился. Этому способствовали их участие в уездных комиссиях по оценке земель и лесов в неземских губерниях (1889 г.) и уездных комиссиях по пересмотру окладов земского обложения в земских губерниях (1893 г.), привлечение к дополнительному раскладочному сбору негильдейских предприятий (1889 г.), установление квартирного налога (1893 г.), издание законов о пересрочке выкупного долга крестьянства (1896—1899 гг.) и промысловом налоге (1898 г.), введение инспекции в Туркестанском крае (1889 г.), Закавказье (1892 г.) и Сибири (1898 г.). К началу XX в. численность податных инспекторов в 75 губерниях превысила тысячу человек. В новом положении 24 мая 1899 г. были сведены воедино все законодательные нормы, касающиеся статуса и компетенции инспекции[86].

Этот институт сыграл известную роль в упорядочении податного дела на местном уровне. Однако податной инспектор так и не стал полномочным представителем финансового ведомства в уезде и первой ячейкой объединенного податного управления. По выражению П.Л.Кованько, он превратился в простого «расследователя по податной части», в «рефлектора, в котором должна лишь отражаться экономическая налогоспособность окружающей среды и передаваться дальше»[87].

Либеральная общественность приветствовала стремление Бунге к ослаблению податного «пресса» в деревне и внедрению в налоговую систему элементов подоходного обложения. «Обессиление крестьянского класса, — писали «Русские ведомости», — являющееся логическим последствием одностороннего направления экономической политики последних лет, есть самый бедственный симптом настоящего нашего положения». Накануне понижения выкупных платежей и перевода на обязательный выкуп бывших помещичьих крестьян газета заявила о «начале реформаторской деятельности в области народной экономии»[88]. «Вестник Европы» ратовал за возвращение к «духу и внутреннему смыслу» «Положений» 19 февраля 1861 г. В журнале говорилось, что податные реформы представляют собой «решительный разрыв с финансовой политикой предыдущего двадцатилетия»[89]. «Русская мысль» назвала законы о налогах «светлыми точками на темном фоне окружающей нас действительности»[90]. Вместе с тем союзники Бунге упрекали его за чрезмерную медлительность, требовали коренной ре-

формы податной системы и скорейшего введения подоходного налога[91].

Консервативная печать осудила налоговую политику финансового ведомства. Катков утверждал, что крестьянский вопрос «раз и навсегда решен Положением 19 февраля». Причины деревенской нищеты он видел не в малоземелье и податном бремени, а в пьянстве и неумелой обработке крестьянами своих наделов. «Московские ведомости» подчеркивали, что всякое понижение податей и рост крестьянских доходов послужат лишь обогащению «кабатчиков»[92]. Газета Мещерского категорически возражала против перекладывания налогов на плечи «состоятельных людей» и объясняла возникновение бюджетных дефицитов «безрассудным, ничем не вызываемым в действительности уничтожением подушных податей»[93].

Подводя итоги своей налоговой политики в лекционных курсах 1888—1889 гг. и «Загробных заметках», Бунге подчеркивал, что освобождение крестьян от 25% их ежегодных платежей после понижения выкупных платежей и отмены подушной подати «дало уже осязательные результаты — подати поступают лучше и земледельцы несколько поправились». При этом он указывал на незавершенность податных реформ и необходимость их дальнейшего развертывания: 1) упразднить подушную подать в Сибири (что должно было способствовать колонизации окраин и образованию частной земельной собственности в «азиатских владениях» империи); 2) уменьшить налог на недвижимые имущества в городах и ввести городской квартирный налог; 3) обеспечить соразмерность государственного поземельного налога с доходностью земель; 4) повысить пошлину с безмездного перехода имуществ; 5) понизить крепостные пошлины; 6) установить налог на доходы лиц свободных профессий (врачей, адвокатов, деятелей искусства и др.); 7) продолжать усовершенствование торгово-промышленного обложения; 8) расширить полномочия податной инспекции и усилить надзор за сбором податей в сельских обществах; 9) ввести всеобщий налог с доходов свыше 500 рублей.

Последнему пункту Бунге придавал особое значение. «Рано или поздно, — писал он, — придется установить подоходный налог, и притом не как соединение нескольких податей под одним названием, а как налог дополнительный с совокупности свободных доходов, получаемых частными лицами, в видах уравнения платежей и приведения средств казны в соответствие с потребностями». Бунге отмечал, что он должен служить «коррективом» других прямых налогов, которыми облагается средний предполагаемый доход[94].

Однако после отставки Бунге податные реформы не были продолжены. Политика Вышнеградского сводилась к простому повышению окладных сборов и взысканию в 1887—1888 гг. недоимок по уже отмененной подушной подати на сумму свыше 16 млн руб. Лишь в марте 1892 г. в связи с неурожаем и ожидавшимся дефицитом бюджета он предложил ввести налог с доходов, превышающих тысячу рублей, но его проект был признан в «верхах» нереальным[95]. Некоторые рекомендации Бунге были учтены Витте, который установил квартирный налог (1893 г.), упразднил подушную подать в Сибири (1898 г.), реорганизовал промысловое обложение (1898 г.).

Мысль о подоходном налоге так и не встретила сочувствия в правительстве. К началу XX в. система прямых налогов (поземельный, промысловый, квартирный, с недвижимых имуществ и денежных капиталов) сохранила многоступенчатый и громоздкий характер. Эти налоги облагали форму собственности, не учитывая в должной мере размер доходов конкретного лица. Их доля в государственных доходах по обыкновенному бюджету была ничтожной и в 1900 г. составляла всего 7,7%. Закон о подоходном налоге был принят только 6 апреля 1916 г. в экстремальных условиях вызванного войной финансового кризиса, однако его вступление в силу так и не состоялось в связи с революционными событиями 1917 года[96].

Реформы прямых налогов получили высокую оценку в дореволюционной историографии[97]. По словам Кованько, при Бунге «было уничтожено старинное различие между податными и неподатными сословиями внесением в нашу податную систему начала равенства всех перед законом». Именно ему принадлежит честь «указания пути, которого должно держаться в дальнейшем своем развитии наше финансовое законодательство, стремясь к установлению общего подоходного обложения»[98].

Либеральные экономисты провозгласили отмену подушной подати «крупнейшим актом минувшего царствования», «огромной жертвой во имя справедливости», «отрадным веянием», имевшим «громадное принципиальное значение»[99]. Подчеркивалось, что эта реформа «знаменовала собой окончательный поворот общей финансовой и, в частности, податной политики России от старого крепостного строя к новому, более соответствовавшему изменившимся условиям экономической жизни страны»[100]. Отмечались «чуткость Н.Х.Бунге к недомоганию сельских масс», его «правдивость в оценке государственных задач», «личная самоотверженность» и «героическая смелость», продемонстрированные при отказе от части казенных доходов[101].

Другие суждения встречались редко. А.А.Корнилов писал, что налоговые преобразования министра финансов, направленные на облегчение положения крестьянства, не достигли цели и являются «паллиативами»[102]. С точки зрения И.И.Петрункевича, упразднение подушной подати и понижение выкупных платежей не уменьшили податного бремени сельского населения, так как фактически они были заменены косвенными налогами[103].

Еще более резкое мнение высказал В.И.Ленин в полемике с либеральным народником С.Н.Южаковым, который в журнале «Русское богатство» в 1893 г. утверждал, что «восьмидесятые годы облегчили народное бремя и тем в 1891-92 гг. спасли народ от окончательного разорения»[104]. В работе «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» Ленин возмущенно назвал эти слова «классической по своему лакейскому бесстыдству фразой». «А не сопровождалась ли отмена соляного налога учреждением кучи косвенных налогов и повышением старых? — спрашивал он. — Не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей бывших государственных крестьян под видом перевода их на выкуп? Не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции) несоответствие платежей с доходностью земли, т.е. прямое переживание крепостнических оброков?»[105]

Высказывание Ленина стало «методологической основой» для советских исследователей, которые рассматривали податные преобразования как демагогический акт царского правительства, как жалкую подачку «верхов» народным массам. А.П.Погребинский отверг «версию» дореволюционной литературы об «особом реформаторском периоде», связанном с именем Бунге. «В действительности, — пишет он, — последний лишь завершил ликвидацию таких наиболее уродливых пережитков феодализма в налоговой системе страны, как подушная подать»[106]. И.Ф.Гиндин подчеркнул, что «налоговое "преобразование" было по содержанию робко буржуазным» и не привело к избавлению крестьян от крайностей налогового гнета[107]. По словам А.М.Анфимова, податные реформы являлись «побочным продуктом революционной ситуации», «проводились по воле и в интересах крепостников-помещиков, не заинтересованных в действительном улучшении положения крестьянства». Он приписал Бунге «коварный план замены части прямых налогов косвенными»[108].

Иной подход в изучении темы прослеживается в работах Н.И.Ананьич. Она считает налоговые преобразования «признаком известной эволюции самодержавия на пути к буржуазной монархии», одним из элементов экономической политики правительства, нацеленной на развитие отечественной промышленности. «Податные реформы Бунге, — подчеркивает автор, — дали толчок процессу, в результате которого к началу XX в. произошло очевидное уравнение различных категорий крестьян по таким показателям, как обеспечение хозяйств землей, скотом и инвентарем; по уплате казенных, земских и мирских сборов и, наконец, соответственно и по сумме недоимок. Это явление способствовало сплочению всего крестьянства в его борьбе за землю». Вместе с тем Ананьич указывает, что мероприятия финансового ведомства носили «половинчатый характер» и проводились «полукрепостническими методами». На фоне роста косвенных налогов, которые в первую очередь взимались с сельского населения, «прогрессивная по своим принципам» податная политика Бунге не могла привести к реальному повышению жизненного уровня крестьянства[109].

Н.М.Дружинин признает «некоторое облегчение» сельского населения в результате налоговых преобразований, однако отмечает, что они «не могли устранить пережитков феодального строя» и «превратить полунищую русскую деревню в опору развивающегося капиталистического хозяйства»[110]. С точки зрения Ш.Платтенборга, хотя задуманные Бунге реформы удались лишь отчасти, они стали «экстренно необходимым шагом» к освобождению податной системы России от «феодальных принципов» и в фискальном отношении «проложили путь капиталистическому развитию»[111].

Суждения Ананьич и Платтенборга представляются более близкими к истине. Они свободны как от некоторой идеализации податных реформ в дореволюционной экономической литературе, так и от догматических оценок советской историографии. Действительно, преобразования Бунге не привели к сколько-нибудь заметному повышению крестьянских доходов, так как все «облегчения» (отмена соляного акциза и подушной подати, понижение выкупных платежей) были фактически «съедены» растущими косвенными налогами. Попытка достичь хотя бы относительного равенства сословий в уплате прямых податей окончилась неудачей. По выражению Т. фон Лауэ, «благородный эксперимент» Бунге «потерпел крах»[112]. В 1903 г. в 50 губерниях Европейской России по предварительной бюджетной росписи с крестьянских земель (120 млн дес.) причиталось 188 млн руб. различных сборов, а с частновладельческих (102 млн десятин) — 23 млн руб., т.е. в восемь раз меньше[113].

Но это не дает оснований вообще сбрасывать податные реформы со счетов. Они положили начало модернизации россий-

ской системы налогообложения и тем самым способствовали процессу индустриализации страны. Следует учитывать и их социально-правовое значение для разрушения юридических, сословных и экономических перегородок между различными разрядами крестьянства и его слияния в единый класс земледельцев-собственников.

3. Косвенные налоги и гербовые сборы

В области косвенного обложения Бунге во многом был вынужден действовать вопреки своим прежним убеждениям. Рост таможенных пошлин, акцизов на спиртные напитки, табак и сахар диктовался как острыми фискальными нуждами, так и настроениями влиятельных консервативных кругов. В изданиях Каткова настойчиво проводилась мысль о том, что косвенные налоги рациональнее прямого подоходного обложения, легче переносятся населением и являются самым обильным источником государственных доходов[1].

Единственным исключением стал соляной акциз. Недород 1880 г. дал Лорис-Меликову, Абазе и Бунге благоприятный повод настоять на отмене этого налога с 1 января 1881 г. Указ был подписан императором 23 ноября 1880 г. В нем провозглашалось высочайшее желание «в тяжкую годину неурожая, постигшего некоторые из восточных и южных губерний империи, явить вверенному нам божественным промыслом народу нашему новое доказательство наших забот о его благосостоянии», а также выражалась надежда, что отмена соляного акциза не только уменьшит тяготы беднейших слоев населения, но и будет способствовать развитию земледелия, скотоводства и ряда отраслей промышленности[2].

Этот акт приветствовала пресса всех направлений. По словам «Русских ведомостей», указ «свидетельствует о том, что в государственное дело вносится настоящая государственная мысль»[3]. Не менее одобрительно отозвался Катков. «Дай бог, — писали «Московские ведомости», — чтобы отмена соляного налога была решительным шагом финансовой политики, полагающей главный интерес фиска в народном благосостоянии»[4]. Однако со временем тон консервативной печати изменился. Катков уже летом 1881 г. испытывал «разочарование» по поводу упразднения соляного акциза[5]. «Гражданин» требовал восстановления налога, отмена которого «нисколько не облегчила население»[6]. Между тем данные статистики за 1880—1890 гг. свидетельствовали об успехе реформы: 1) производство соли возросло с 48 млн до 85 млн пуд.; 2) экспорт увеличился с 27 тыс. до 482 тыс. пуд.; 3) импорт сократился с 9,5 млн до

1,2 млн пуд.; 4) потребление соли на душу населения возросло с 24,2 до 30,2 фунта; 5) цены на соль в местах добычи и продажи снизились в размере, превышающем сумму отмененного акциза; 6) доходы от рыбных промыслов возросли с 829 тыс. в 1879 г. до 1,9 млн руб. в 1891 году[7].

С целью пополнения средств Казначейства при Бунге дважды повышался питейный акциз: до 8 коп. (19 мая 1881 г.) и 9 коп. с градуса алкоголя (18 мая 1885 г.)[8]. Одновременно финансовое ведомство предприняло новые меры для борьбы с пьянством. В августе—сентябре 1881 г. вопрос о пересмотре действующих правил о розничной торговле спиртными напитками обсуждался в двух совещаниях: межведомственном (при Министерстве финансов) и «сведущих людей» (при Министерстве внутренних дел)[9]. 4 февраля 1882 г. заключения обоих совещаний были рассмотрены на заседании министров финансов, внутренних дел и государственных имуществ. Совместное представление поступило 12 марта в Государственный совет, который, однако, признал целесообразным еще раз изучить вопрос на местах[10].

8 июня 1882 г. по ходатайству Бунге были учреждены губернские и уездные комиссии из представителей администрации, земств, городских дум, а также местных экспертов — землевладельцев, волостных старшин и виноторговцев[11]. Материалы комиссий были систематизированы в образованной в ноябре 1883 г. межведомственной комиссии при Министерстве финансов[12]. 20 апреля 1884 г. Бунге внес в Государственный совет окончательный вариант проекта. Его предложения были одобрены и 14 мая 1885 г. утверждены императором[13].

Сущность новых правил, введенных в действие с 1 января 1886 г., сводилась к следующему: 1) города и сельские общества лишались права выдачи разрешений на продажу спиртных напитков; 2) питейные дома (кабаки) упразднялись и распивочная торговля допускалась только в заведениях трактирного типа, где посетители кроме водки могли получить еще горячие блюда и чай; 3) вводились два новых типа «выносных» заведений — ведерные и винные лавки, облагавшиеся сравнительно небольшим патентным сбором; 4) регулирование питейной торговли возлагалось на губернские и уездные по питейным делам присутствия, состоящие из представителей администрации, земств и городского самоуправления.

Но финансовому ведомству не удалось ни соблюсти интересы казны, ни ограничить масштабы пьянства. Питейный доход в 1881—1886 гг. возрос всего лишь с 224,3 млн до 237 млн руб. Закон 14 мая 1885 г. оказался неэффективным. По официальным данным, общее потребление спиртных напитков

сократилось в 1886—1890 гг. с 64,1 млн до 62,7 млн ведер, душевое потребление — с 0,58 до 0,53 ведра[14]. Однако это произошло не потому, что население стало меньше пить. Вопреки расчетам Министерства финансов, домашнее потребление водки отнюдь не стало преобладающим. Возникло множество тайных кабаков, да и сами трактиры фактически превратились в питейные дома. Среднегодовая цифра выявленных случаев беспатентной винной торговли за 1887—1894 гг. достигла 15 854. Огромные убытки казна терпела от контрабанды, которая стала выгодным промыслом для населения приграничных губерний. В правительстве долго бытовало мнение, что распространение пьянства прямо пропорционально росту потребления спиртных напитков. Между тем как раз в этом отношении Россия принадлежала к самым «трезвым» странам Европы. В 1885-1889 гг. потребление алкоголя на душу населения в среднем составляло 2,7 л, т.е. несравненно меньше, чем во Франции (15,7 л), Италии (12,3 л), Англии (9,9 л), Германии (8,5 л), Австро-Венгрии (8,4 л)[15]. Однако культура «питья» в этих странах была гораздо выше.

«Московские ведомости» и «Гражданин» восприняли пересмотр питейных правил как паллиативную и даже вредную меру[16]. «Газеты, слывущие у нас преданными правительству, — докладывал Бунге императору в июне 1886 г., — не ограничиваясь резким осуждением мер, принимаемых при ближайшем моем участии, прямо утверждали, что закон 14 мая 1885 г. о питейной торговле направлен к спаиванию народа, и самые старания мои об уменьшении пьянства, которые привели к значительному сокращению числа распивочных заведений (из 90.865 осталось 33.653), представлялись в позорном и ненавистном виде»[17]. Катков вообще считал питейный вопрос «исходным пунктом для всех серьезных мер в видах народного благосостояния и улучшения быта крестьян» и требовал уничтожения «кабаков-вертепов»[18]. «Гражданин» писал о «вопле народном» против «кулаков и кабатчиков»[19].

Акцизная система изначально не пользовалась популярностью у поместного дворянства. Она была рассчитана на крупные заводы и привела к закрытию многих не выдержавших свободной конкуренции мелких винокурен в имениях. Консервативная печать призывала к восстановлению упраздненной в 1827 г. винной монополии и обрушивалась на Министерство финансов за «нерешительность» в питейном вопросе[20]. В пользу казенной продажи спиртных напитков высказались некоторые участники губернских и уездных комиссий по пересмотру правил о питейной торговле осенью 1882 г. Мощным стимулом для консерваторов послужил пример европейских стран: принятие закона о винной монополии в Швейцарии (декабрь 1886 г.), обсуждение в германском рейхстаге сходного законопроекта канцлера кн. О. фон Бисмарка (январь—февраль 1886 г.), деятельность сенатской комиссии по борьбе с пьянством во Франции (март 1886 — февраль 1887 г.), успехи гетеборгской системы в Швеции (с 1874 г.)[21]. Вслед за Катковым публицисты «Русского вестника» доказывали огромные выгоды монополии для роста государственных доходов, повышения уровня благосостояния и нравственности народа, спасения от полного упадка сельскохозяйственного винокурения[22].

Защищая Бунге от нападок Каткова, «Вестник Европы» писал, что «питейный вопрос — только один из многих поводов к агитации против финансового управления». Однако либеральная пресса также подчеркивала двойственность правил 15 мая 1885 г. и бесплодность попыток правительства одновременно блюсти фискальные интересы и сдерживать распространение пьянства[23]. Вместе с тем она отрицательно отнеслась к идее винной монополии и, напротив, выступала за «демократизацию» питейного дела — сосредоточение всей распивочной торговли в ведении сельских обществ и органов городского самоуправления[24].

В условиях бюджетных дефицитов финансовое ведомство в начале 1886 г. приступило к изучению вопроса о возможности введения винной монополии. В Департаменте неокладных сборов была разработана программа сбора статистических данных в трех губерниях: Пермской, где винокурение и питейная торговля превратились в частную монополию, Орловской, в которой губернская комиссия в 1882 г. высказалась за монополию, и приграничной Ковенской для выяснения влияния этой меры на контрабанду спиртных напитков.

В конце 1886 г. Бунге доложил императору о получении необходимых материалов. В то же время он скептически отозвался о пропагандируемых консервативной печатью преимуществах казенной продажи «питей». «В настоящую минуту, — писал министр финансов, — я не осмеливаюсь утверждать, что казенная монопольная торговля хлебным вином может разрешить задачу очень сложную, касающуюся и финансов, и сельского хозяйства, и народной нравственности. В этой форме винная регалия существовала в России не раз и при графе Канкрине была окончательно отменена, вследствие как деморализации, внесенной ею в управление питейными сборами, так и уменьшения доходов. Возможно ли устранить из казенной монополии дурное и осуществить одно хорошее — это вопрос, на который может ответить только практика»[25].

Проект реформы в трех губерниях был подготовлен уже при Вышнеградском, но остался нереализованным. Новый министр финансов пошел по традиционному пути. В 1887 и 1892 гг. питейный акциз дважды повышался: до 9,25 и 10 коп. с градуса алкоголя. Введение монополии последовало только при Витте в 1895—1904 годах[26].

По инициативе Бунге был принят новый табачный устав. Закон 6 июня 1877 г. не дал ожидаемых результатов. Повышение акциза на средние и низшие сорта табака привело к сокращению спроса и падению цен, расширению безбандерольной торговли. За 1878—1881 гг. табачный доход неизменно оказывался меньше предположений бюджетной росписи и возрос лишь с 12 млн до 12,3 млн руб.[27] Поступление акциза не соответствовало уровню развития табачной промышленности и масштабам потребления табака. В конце 1881 г. при Департаменте неокладных сборов была образована межведомственная комиссия с участием табачных плантаторов, фабрикантов и торговцев. Она пришла к выводу, что снижение дохода обусловлено слабостью надзора за перевозкой, хранением и переработкой листового табака, недостаточностью взысканий за нарушения установленных правил и нецелесообразностью введенного законом 6 июня 1877 г. единого размера акциза для всех сортов[28].

Заключение комиссии было использовано Бунге при подготовке представления в Государственный совет от 28 января 1882 г. Он поставил вопрос о возможности замены бандерольной системы другим способом взимания табачного налога. Государственная монополия, существующая в Австро-Венгрии и Франции, была признана им наиболее выгодной в фискальном отношении, но вряд ли подходящей для России с ее многочисленными табачными фабриками (290 в 1880 г.) и преимущественно мелкими табачными плантациями. Монополия требовала жесткого контроля за выращиванием и сбытом табака для пресечения корчемства и контрабанды и, как правило, сопровождалась ухудшением качества продукции из-за отсутствия свободной конкуренции.

Бунге отверг также откупную систему, которая действовала в Италии и применялась в России в XVIII века. Она обладала теми же пороками. Кроме того, государство теряло значительную часть доходов, поступающую в пользу откупщиков. Министр финансов указал на неприемлемость опыта Англии, где запрещалось выращивание табака внутри страны и налог взимался в форме пошлины с импортируемого табака. Он отказался и от обложения земель, используемых под табачные плантации, так как это привело бы к стеснению табаководства. В

итоге Бунге высказался за частичное реформирование прежней системы. Это аргументировалось интенсивным ростом табачного дохода в США. Здесь, как и в России, акцизом облагались готовые изделия с оклейкой их марками (по аналогии с русскими бандеролями)[29].

К представлению прилагался проект нового устава, согласно которому запрещалась розничная торговля листовым табаком, его закупка разрешалась только фабрикантам и владельцам постоянных складов, ужесточался надзор за его перевозкой и хранением, усиливался контроль за производством и продажей готовой продукции, восстанавливался многоразрядный тариф бандеролей (сигары и папиросы подразделялись на два сорта, курительный табак — на три сорта), повышался акциз на высшие сорта изделий и понижался на низшие[30]. Устав был утвержден 18 мая 1882 г. и вступил в силу с 1 января 1883 года[31]. 28 мая 1883 г. император подписал разработанные в финансовом ведомстве новые правила о взысканиях за нарушения устава, в которых предусматривались конфискация незаконно выращенного табака, закрытие фабрик и торговых заведений, арест и тюремное заключение виновных[32].

Устав способствовал заметному повышению табачного дохода: с 14,3 млн руб. в 1882 г. до 18,9 млн руб. в 1883 г. и в дальнейшем продолжал возрастать. Стремительно расширились масштабы табачного производства, число фабрик за девять месяцев 1883 г. увеличилось с 288 до 419[33]. Однако в конце 1886 г. вследствие кризисного состояния финансов в «верхах» был вновь поднят вопрос о табачной монополии. Бунге командировал чиновников Министерства для сбора данных о табаководстве, табачной промышленности и торговле в Австро-Венгрии, Франции, Италии, Турции и Румынии. Но и полученные материалы не заставили его изменить свое мнение. «Не следует, впрочем, преувеличивать ожидаемых от табачной монополии результатов, — писал он Александру III в докладе о бюджетной росписи на 1887 г. — Доход казны от обложения тем или другим способом предметов потребления во многом зависит от достатка потребителей и размера платимых ими налогов. При высоком акцизе с хлебного вина у нас нельзя извлечь из табачной монополии не только такого дохода, как во Франции (около 120 млн кред. руб.), но и несравненно меньшего. Затем, табачная монополия остановит у нас распространение табаководства, которое в последние годы сделало значительные успехи, в особенности в Закавказском крае, куда начали переходить изгнанные монополией опытные табаководы из Турции»[34].

Другую позицию занимал Вышнеградский. В марте 1887 г. Государственный совет одобрил его предложение о подготовке

введения табачной регалии в ближайшие годы. Однако итоги двухлетней работы министерской комиссии лишь подтвердили точку зрения Бунге: проектированный Вышнеградским порядок учета табачных посевов и приема урожая от землевладельцев оказался неприменимым при обнаружившемся огромном числе, малой площади и разбросанности плантаций. Монополия была реальна только при существенных ограничениях свободы табаководства, что имело бы для него крайне неблагоприятные последствия. В сентябре 1889 г. Вышнеградский доложил Государственному совету о невозможности табачной регалии в российских условиях. Этот вывод был признан заслуживающим доверия. Министерство финансов, как и ранее, продолжало постепенно повышать табачный акциз[35].

Еще при Абазе был пересмотрен способ взимания налога на сахар. За 1865—1880 гг. сбор свекловицы возрос с 49 млн до 142,2 млн пуд., производство сахара — с 2,3 млн до 12,5 млн пуд. С 1880 г. на сахарных заводах началось внедрение новых технических усовершенствований, позволявших увеличить выпуск продукции в два-три раза. В Министерстве финансов были рассмотрены критерии, по которым в европейских странах вычислялась сумма налога: количество рабочих на предприятии (в Австро-Венгрии), сырья (в Бельгии, Германии и Голландии), произведенного сахара (во Франции). Предпочтение было отдано последнему способу[36].

3 февраля 1881 г. последовал закон о переходе к обложению акцизом готовой продукции. Ее количество определялось взвешиванием сахара должностными лицами акцизного надзора. Размер акциза определялся: с 1 августа 1881 г. по 1 августа 1883 г. — 50 коп., с 1 августа 1883 г. по 1 августа 1886 г. — 65 коп. с пуда сахарного песка. За право производства уплачивался патентный сбор. Выращивание свекловицы и торговля сахаром оставались свободными от обложения. 12 мая 1881 г. были утверждены более подробные правила о порядке уплаты налога и надзоре за сахарными заводами. Позднее законом 1 мая 1884 г. акциз был увеличен с 1 августа 1886 г. по 1 августа 1889 г. до 85 коп., а с 1 августа 1889 г. до 1 руб. с пуда[37]. Эти законы способствовали быстрому приращению сахарного дохода: с 3,7 млн руб. (1881 г.) до 15,9 млн руб. (1886 г.). Основы новой системы сохранялись в течение трех десятилетий.

В 1881—1885 гг. сахарная промышленность достигла больших успехов. Количество заводов увеличилось с 236 до 250, сбор свекловицы — с 220,1 млн до 250 млн пуд., выпуск готовой продукции — с 15,9 млн до 21 млн пудов.[38] С 1885 г. производство сахара стало опережать потребности внутреннего рынка, началось падение цен. Это заставило сахарозаводчиков

ходатайствовать о поощрении государством сахарного экспорта, поскольку при существующих за границей ценах конкуренция отечественного сахара с иностранным была невозможна. Министр финансов согласился с этими доводами, так как кризис перепроизводства в сахарной промышленности пагубно отразился бы на положении сельского хозяйства. 12 июля 1885 г. император утвердил принятое по представлению Бунге решение Комитета министров о выдаче премии (1 руб. за пуд) за вывоз сахара до конца года. Ее возврат предпринимателями планировался при уплате акциза за сахар производства 1885/86 и 1886/87 годов[39]. Однако к осени после хорошего урожая свекловицы кризис еще более обострился. 5 ноября 1885 г. Комитет министров одобрил предложение Бунге о продлении выдачи премий (80 коп. за пуд) до 1 мая 1886 г. с условием возврата в 1885/86—1888/89 годах. 9 ноября была получена положительная резолюция Александра III[40].

Но премии не помогли преодолению кризиса. Чтобы поскорее воспользоваться государственными льготами, предприниматели всячески старались максимально увеличить производство и вывоз сахара. Если в 1883—1884 гг. экспорт составлял 34 тыс. пуд., то в 1885—1886 гг. — 4254 тыс. пудов[41]. Поэтому резкое возрастание вывоза не повлияло на цены, которые остались на прежнем уровне. Для борьбы с кризисом нужно было изыскивать другие меры. Сахарозаводчики обратились в Министерство финансов с просьбами не только о продлении выдачи премий на новый срок, но и о нормировке выпуска сахара на внутренний рынок (с целью задержать возникновение предприятий и создать искусственную монополию), а также поощрении вывоза сахара безвозвратными премиями (60 коп. за пуд).

В представлении в Комитет министров от 7 марта 1886 г. Бунге отверг эти домогательства. «Установление норм для производства, — писал он, — представляет тяжкое ограничение для частной деятельности, не согласно с интересами потребителей и не имеет достаточно твердого основания. Сказать каждому из заводчиков, что он должен столько-то производить, значит предполагать, что администрация, ничем не заинтересованная в прибылях предприятия, может лучше оценить условия, благоприятные для тех или других размеров производства, нежели частные лица, которые вкладывают в дело свой капитал, свой труд, свои таланты и несут за то весь риск от неудачи и потерь». Министр финансов высказался также вообще против каких-либо премий и самокритично признал их «паллиативной мерой», так как «коль скоро она становится хронической, то оказывается недостаточной и приносит скорее вред, чем пользу». По предложению Бунге Комитет министров огра-

ничился продлением срока выдачи премий только до 1 июля 1886 г. и постановил позднее вновь вернуться к обсуждению вопроса. Это решение было утверждено императором 30 марта[42].

Позиция правительства не удовлетворила предпринимателей, которые вскоре опять ходатайствовали в финансовое ведомство о нормировании производства сахара при обязательном вывозе излишков за границу без всякой премии. Они получили сильную поддержку со стороны Абазы, который сам был владельцем крупного сахарного завода и имел в этом деле личный интерес. Чтобы заручиться необходимым содействием министра финансов, он предложил ему сделку. Бунге говорил В.И.Ковалевскому, что Абаза обещал помочь в проведении через Государственный совет проекта отмены подушной подати, а взамен потребовал от него осуществить сахарную нормировку[43]. Скрепя сердце, министр финансов пошел на уступки. В представлении в Комитет министров от 5 сентября 1886 г. он вторично выступил с критикой государственного регулирования сахарного производства, но вместе с тем рекомендовал свой вариант нормировки: на период 1886—1889 гг. установить лимит сахара для реализации на внутреннем рынке в количестве 19 млн пудов, причем все излишки должны облагаться тройным акцизом (2 руб. 55 коп. с пуда).

Комитет министров 16 и 23 сентября рассмотрел и утвердил проект Бунге. Максимальное количество сахара на 1886—1887 гг. было определено в 17 млн пудов, на 1887—1888 гг. — 20 млн пудов. Но Александр III распорядился еще раз обсудить вопрос в присутствии министров, которых не было на предыдущих заседаниях, и в том числе Победоносцева и Толстого. Именно эти сановники 28 октября возглавили оппозицию проекту финансового ведомства, состоявшую из пяти членов Комитета. Они заявили, что ситуация в сахарной промышленности является лишь частью общего промышленного кризиса и государственное регулирование в одной отрасли не принесет никакой пользы. Нормировка остановит естественное развитие сахарного производства, искусственно задержит снижение цен на сахар и нанесет ущерб потребителям. По сути это означало повторение аргументов, приведенных самим Бунге в споре с сахарозаводчиками в марте 1886 года. «Оппозиционерам» противостояли одиннадцать членов комитета, которые отстаивали прежнее решение[44].

История с сахарной нормировкой вызвала широкий общественный резонанс. Эту меру осудили как консервативные, так и либеральные издания[45]. Защищая интересы владельцев поместных свекловодческих хозяйств, Катков доказывал, что нормировка неизбежно приведет к сокращению посевов свеклы[46]. Победоносцев постарался привлечь на свою сторону императора. «Каждый день приносит мне новые свидетельства о том, какое волнение в умах возбуждено этим делом во всей России, — писал он Александру III 2 ноября. — Все ждут, чем оно разрешится, ввиду происшедшего разногласия. Не ошибусь, если скажу, что победа большинства произведет тяжкое впечатление. Общее мнение таково, что нынешняя попытка нормировки есть не что иное, как искусный план, составленный в пользу спекуляции на сахар, искусно проведенный при двукратном обсуждении дела»[47]. Сходное по содержанию письмо еще 27 сентября отправил императору Толстой[48]. 4 ноября Александр III утвердил мнение меньшинства[49].

Тогда сахарозаводчики образовали синдикат и заключили между собой частное соглашение о нормировке производства и обязательном вывозе излишков сахара за границу. Однако кризис не прекратился, так как предприниматели не собирались сокращать посевы свекловицы и выпуск продукции. Часть владельцев заводов отказалась примкнуть к соглашению, а некоторые участники синдиката, не выдерживая жесткой конкуренции на европейском рынке, всячески уклонялись от выполнения своих обязательств. По настойчивым ходатайствам сахарозаводчиков правительство было вынуждено все-таки 20 ноября 1895 г. принять закон о сахарной нормировке[50].

Особое место в деятельности Бунге занимает таможенная политика. К началу 80-х годов, в отличие от предшествующего двадцатилетия, Россия нуждалась не столько в импорте товаров, сколько в привлечении иностранных капиталов, для помещения которых в стране существовали выгодные условия — высокая норма прибыли в промышленности и более дешевая, чем на Западе, рабочая сила. Бунге заслужил репутацию основоположника протекционистского курса, хотя возврат к прежней запретительной системе во внешней торговле начался еще при Рейтерне. По закону 10 ноября 1876 г. пошлины с 1 января 1877 г. стали приниматься в золотой валюте, что по тогдашнему курсу кредитного рубля означало их повышение на 50%[51]. Это диктовалось фискальными нуждами накануне войны с Турцией и необходимостью активизации торгового баланса, который с 1872 г. сводился с пассивным сальдо. Пример России не был единичным. После начавшегося в 1873 г. мирового экономического кризиса либерально-фритредерские идеи на Западе окончательно утратили былую популярность. В 1879 г. Германия ввиду появления на европейском рынке огромного количества дешевого хлеба из Австралии, Америки и Индии установила высокие ввозные пошлины на сельскохозяйственные

товары. За ней последовали Франция, Италия, Австро-Венгрия и другие страны.

Введение «золотых» пошлин обеспечило в 1877—1879 гг. превышение экспорта над импортом. В 1880—1881 гг. вывоз сократился из-за плохих урожаев и торговый баланс вновь изменился не в пользу России[52]. Законом 16 декабря 1880 г., принятым по инициативе Абазы и Бунге, с 1 января 1881 г. пошлины на все импортируемые товары были повышены на 10% для компенсации убытков, понесенных в результате отмены соляного налога[53]. В 1877—1881 гг. таможенный доход возрос с 52,6 млн до 85,8 млн руб.[54]

Вскоре после своего назначения Бунге поставил вопрос о пересмотре таможенного тарифа 1868 г. По его мнению, это должно было увеличить государственные доходы, «уравнять» налоговую систему повышением пошлин на предметы потребления «более достаточных классов», достичь более выгодного соотношения между импортом и экспортом, что было весьма важно при колеблющемся курсе рубля, и, наконец, оказать покровительство тем отраслям промышленности, которые нуждались в ограждении от иностранной конкуренции[55].

Последнее соображение было особенно актуальным. В конце 1877 г. экономика вступила в фазу подъема. Казенные заказы вызвали оживление в отраслях, связанных со снабжением армии. Обильный урожай 1878 г. совпал с большим спросом на хлеб за границей. «Золотые» пошлины и низкий курс рубля затруднили импорт стран с золотой валютой и стимулировали российский экспорт. Подъем характеризовался увеличением добычи каменного угля и нефти, выплавки чугуна и стали, потребления хлопка, ростом выпуска продукции машиностроения, сахарной, хлопчатобумажной, суконной, льняной, полотняной, камвольной, шелковой и кожевенной промышленности, развитием оборотов Нижегородской ярмарки, притоком акционерных капиталов.

Однако уже в 1881 г. появились первые признаки спада. К 1882 г. кризис перепроизводства охватил ведущие отрасли. Он обнажил острые противоречия в развитии промышленного капитализма, осложненном крепостническими пережитками, недостаточностью внутреннего накопления капитала, прогрессирующей узостью внутреннего рынка. Кризис и депрессия, затянувшаяся до 1887 г., усугублялись низкими урожаями 1882 и 1885 гг., а также мировым аграрным кризисом, который привел к снижению спроса на промышленные товары. В эти годы произошло сокращение выплавки стали, объема производства машиностроения и легкой промышленности, падение цен на каменный уголь, чугун, полосовое железо, хлопок, миткаль, сахар. Тотальный торгово-промышленный индекс в 1878—1888 гг. держался почти на одном и том же уровне (1,42—1,51)[56].

Выступая 21 мая 1882 г. в Московской бирже, Бунге заявил, что «считает своим долгом содействовать преуспеянию торговли и промышленности и уверен, что все клонящееся к действительной пользе удостоится всегда милостивого внимания и одобрения государя императора»[57]. Он не соглашался с распространенной точкой зрения о противоположности интересов финансового ведомства и индустриального развития. «Если министр финансов действует несогласно с интересами промышленности и торговли, — писал Бунге Александру III в ноябре 1886 г., — то прежде всего нужно заменить его другим лицом, которое понимает, что без процветания промышленности и торговли не могут процветать финансы». Он отрицательно относился к вопросу об учреждении Министерства промышленности и торговли, обсуждавшемуся в «верхах» уже свыше трех десятилетий и в очередной раз всплывшему на поверхность в начале 80-х годов. Бунге полагал, что подобный шаг нежелателен из-за неизбежных крупных расходов. Нерациональной ему казалась и передача Департамента торговли и мануфактур другому министерству, так как разрыв функциональных связей этого Департамента с другими структурами финансового ведомства грозит нарушением «интересов не только государственных, но и частных лиц»[58].

Свое понимание задач торгово-промышленной политики Бунге изложил в нескольких официальных документах. «Обращаясь к средствам для содействия обрабатывающей промышленности, заводским и торговым предприятиям, — отмечал он в сентябрьской записке 1880 г., — нельзя не признать, что от правительства требуется для сего не столько материальная помощь, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, применимых к современному развитию народного хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении почти на полстолетия. (...) Россия не имеет соответствующих современным потребностям постановлений о векселях, о торговой несостоятельности, о торговых компаниях. Ясное и строгое законодательство не только послужило бы на пользу народной нравственности, но создало бы у нас предприятия, сильные правильным ведением дел и строгой ответственностью участников»[59].

9 марта 1885 г. Бунге представил императору обзор деятельности Министерства финансов за 1883—1884 гг., где этим вопросам был посвящен специальный раздел. «Правительству, — писал он, — необходимо следить за состоянием всех отраслей

народного хозяйства во взаимной связи и иметь в виду не только мнения и суждения компетентных лиц по крупным заводским, фабричным и торговым предприятиям, но и тщательные статистические указания, которые указывают на факт возрастания или упадка тех или других отраслей хозяйства, на причины явлений, свидетельствующих о благосостоянии населения и его податных средствах».

Министр финансов одобрил рекомендации состоявшихся в 1882 г. съезда Русского технического общества и третьего Всероссийского торгово-промышленного съезда о создании в индустриальных центрах советов с участием выборных представителей местных предпринимателей, которые должны были собирать сведения о состоянии промышленности и ходатайствовать перед правительством о ее нуждах. Бунге предлагал взамен существующих с 1872 г. Совета мануфактур и торговли и подведомственных ему комитетов на местах учредить центральный Совет промышленности и торговли (при нем — особое статистическое отделение) и окружные комитеты (по одному на несколько губерний), состоящие из чиновников финансового ведомства и выборных представителей биржевых комитетов и других предпринимательских организаций.

В обзоре министр финансов выделил основные направления торгово-промышленной политики: 1) облегчение условий возникновения промышленных предприятий и акционерных компаний; 2) развитие технического образования; 3) модернизация торгово-промышленного законодательства; 4) усиление таможенного покровительства. «Таможенные пошлины, взимаемые с товаров, привозимых из-за границы, — подчеркивал он, — имеют первостепенное значение как меры, ограждающие отечественную промышленность от иностранного соперничества и способствующие развитию внутреннего производства»[60].

Чтобы избежать возможных экономических потрясений, министр финансов отказался от общего пересмотра тарифа 1868 г. и предложил внести в него частичные изменения. По мнению Бунге, это диктовалось необходимостью тщательного изучения потребностей торгово-промышленного развития и учета пожеланий предпринимательских кругов[61]. 1 июня 1882 г. было проведено «огульное» повышение таможенных ставок, преимущественно на сырье и полуфабрикаты и в меньшей степени — на готовые изделия[62]. В декабре того же года в докладе о бюджетной росписи на 1883 г. Бунге вновь указал на необходимость «обеспечить правильный рост промышленности достаточным для нее покровительством»[63].

16 июня 1884 г. были повышены пошлины на чугун, уголь и торф, 15 января 1885 г. — на рыбу, чай, вина, шелк, растительное масло, 19 марта 1885 г. — на сельскохозяйственные машины, 20 мая 1885 г. — на железо и сталь[64]. 3 июня 1885 г. последовало новое «огульное» повышение тарифа в среднем на 10—20%[65]. В 1886 г. были подняты ставки таможенного обложения на чугун, уголь, медь, кирпич, купорос, серную кислоту, соду, клей, древесную массу, литографские изделия[66]. 3 июня 1883 г. по настойчивым просьбам предпринимателей был отменен существовавший с 1864 г. беспошлинный транзит иностранных товаров через Закавказье в Иран[67]. 28 мая 1885 г. император утвердил новое положение о торговле с Финляндией, так как ввоз из Великого княжества стал превышать российский экспорт. Для ряда финских товаров были установлены «уравнительные» пошлины с целью сглаживания неравенства таможенных тарифов обеих стран[68]. Если в 1881 г. пошлины по всем границам империи составляли 16,5% стоимости ввезенных товаров, то в 1886 г. — 27,8 процента[69].

Одновременно Министерство финансов форсировало вывоз хлеба, который был важнейшей статьей российского экспорта. В конце 70-х — начале 80-х годов страны Западной Европы импортировали в среднем до 800 млн пуд. зерновых продуктов. На долю России приходилось 33,1% общего экспорта пшеницы, 83,6% ржи, 63% овса, 40% ячменя. Основная масса хлебного экспорта поступала в Германию, Англию, Голландию, Францию, Италию и Бельгию[70]. В 1881—1885 гг. вывоз хлеба возрос с 207,9 млн до 343,9 млн пуд. В эти годы доля зерна в денежном выражении всего экспорта составила 52,5 процента[71]. Лишь в 1886 г. из-за неурожая вывоз сократился до 278,4 млн пудов. Однако в условиях аграрного кризиса цены на зерно постоянно понижались (в 1881—1887 гг. в среднем с 119,4 до 76,3 коп. за пуд). Поэтому при абсолютном росте хлебного экспорта его стоимость неизбежно падала: если в 1881 г. она составляла 247,9 млн руб., то в 1885 г. только 292,2 млн руб.[72]

Правительство стремилось компенсировать денежные потери за счет еще большего расширения масштабов вывоза. Но подхлестывание «бросового» экспорта не давало ожидаемых результатов. Торговля шла без должного учета конъюнктуры на мировом хлебном рынке. Зерно отправлялось за границу осенью, когда цены на него снижались до минимального уровня. Переполнение рынка русским хлебом в свою очередь способствовало падению цен. На рост экспорта отрицательно влияли конкуренция со стороны США, Аргентины, Румынии, Сербии и Болгарии, введение «боевых» пошлин на ввоз зерна в Герма-

нию, плохая организация сбыта, загрязненность зерна и отсутствие его классификации, нехватка капиталов[73].

Бунге придавал развитию хлебного экспорта исключительное значение. С 1885 г. Государственный банк и его филиалы стали выдавать ссуды под зерно[74]. В 1884 и 1885 гг. министр финансов совершил инспекционные поездки по стране для ознакомления с положением и нуждами торговли, осмотрел порты в Либаве, Ревеле, Риге, Одессе, Николаеве, Севастополе, Батуми, Сухуми, Новороссийске, Керчи, Мариуполе, Таганроге, пристани в Петербурге и Рыбинске[75]. Во всеподданнейшей записке от 9 марта 1885 г. он указал на первоочередные задачи правительства в стимулировании хлебной торговли: 1) содействие установлению прямых отношений производителей с экспортерами без посредничества перекупщиков; 2) улучшение качества продукции, уменьшение издержек производства и расходов на транспортировку и хранение зерна, открытие в портах, по течению рек и вдоль линий железных дорог складов с элеваторами для очистки и сортировки хлеба, разработка правил выдачи складочных свидетельств (варрантов) с целью облегчения залога и продажи товара; 3) поддержка крупных мукомольных предприятий и вывоза за границу высококачественной муки вместо зерна[76].

Еще 26 ноября 1883 г. Бунге внес в Государственный совет проект правил об устройстве товарных складов и выдаче ими варрантов. Он был разослан на отзыв биржевым комитетам, которые единодушно высказались за предложенную меру. Вопрос рассматривался в межведомственном совещании под председательством товарища министра финансов П.Н.Николаева с участием экспортеров хлеба. Новый вариант проекта поступил в Государственный совет 14 марта 1885 года[77]. Однако из-за длительной ведомственной переписки он был утвержден уже при Вышнеградском 30 марта 1888 года[78].

В своей таможенной политике Бунге должен был учитывать мнение предпринимателей, позицию общественных кругов, в значительной степени утративших прежние симпатии к фритредерским идеям, и взгляды самого Александра III, который был убежденным протекционистом. Но в повышении пошлин он шел до известного предела и не сочувствовал крайностям таможенной охраны. «Бунге довел протекционизм донельзя и сам же над этим смеется», — заносил в дневник академик В.П.Безобразов, побывавший в марте 1886 г. на обеде у министра финансов. Все собравшиеся откровенно «подшучивали» над протекционизмом и называли его «нелепостью»[79]. Выступая на Всероссийском торгово-промышленном съезде в 1882 г., Бунге упрекнул предпринимателей в том, что они

видят в пошлинах единственное средство для стимулирования производства[80]. «Николай Христианович был протекционист, — вспоминал Картавцов, — но протекционист умеренный, всегда сопоставлявший интерес промышленности с нуждой потребителя и готовый поступиться потребителем для производителя в том только случае, когда можно было ожидать серьезного развития промышленности и благоприятных для общества результатов»[81]. Во всеподданнейшем докладе о бюджетной росписи на 1887 г. Бунге писал, что «таможенный тариф, за сделанными в нем возвышениями, не требует коренного изменения»[82].

Однако консерваторы требовали гораздо большего. Катков рассматривал протекционистскую политику как самый мощный фактор подъема производительных сил, как орудие регулирования государством экономического развития и сдерживания иностранной промышленной экспансии, как своеобразную форму планирования[83]. По сведениям Картавцова, при назначении Бунге министром он предлагал ему свою поддержку в обмен на обещание установить высокие таможенные барьеры, но тот отказался[84]. «Московские ведомости» ратовали за резкое усиление таможенного покровительства и нападали на финансовое ведомство за пренебрежение к потребностям промышленности и торговли[85]. Точка зрения Каткова целиком разделялась «Гражданином»[86]. Антипротекционистски настроенная либеральная пресса критически отнеслась к повышению пошлин[87]. «Вестник Европы» сожалел, что Министерство финансов «отступает в вопросе тарифном, все более склоняясь на сторону протекционизма»[88]. По выражению «Русских ведомостей», «промышленность заснула под сенью таможенной охраны»[89].

Бунге добился небольшого, но устойчивого преобладания экспорта над импортом. С 1882 г. торговый баланс неизменно сводился с активным сальдо. Вместе с тем из-за сокращения ввоза увеличение таможенного дохода в 1882—1886 гг. оказалось незначительным: с 94,5 млн до 112,5 млн руб.[90] После отставки Бунге рост пошлин продолжался, а новый тариф 11 июня 1891 г. не имел равных в Европе по степени таможенного покровительства. С помощью высоких экспортных премий и льготных железнодорожных тарифов Вышнеградскому удалось в урожайные годы довести вывоз хлеба до 547,9 млн пудов (1888 г.) и 466,4 млн пудов (1889 г.). Россия покрывала 47% общего ввоза европейских стран, импортирующих зерно. Внешеторговое преимущество империи стало исчисляться уже в сотни миллионов рублей[91].

Запретительная таможенная политика способствовала индустриализации страны. Несмотря на аграрный кризис и депрес-

сию в промышленности, приток иностранных капиталов в индустрию не только не сократился, но даже возрос[92]. В этот период в экономике на базе достижений мирового технического прогресса заметно ускорились процессы механизации и интенсификации производства. Со второй половины 80-х годов промышленная революция в России вступила в завершающий этап, в ходе которого окончательно победила крупная машинная индустрия. Исключительное значение для ее утверждения имело становление новой топливно-металлургической базы в Донецко-Криворожском районе на Украине и нефтяной промышленности на Кавказе[93].

И все же Бунге имел основания опасаться чрезмерного роста протекционизма, который, при всех его плюсах, в то же время неизбежно вел к монополизации промышленности, подавлял развитие свободной конкуренции и служил интересам не всей буржуазии, а лишь отдельных ее слоев. Заградительные таможенные барьеры в условиях отсталости России, с одной стороны, обеспечивали сохранение искусственно вздутых цен на товары, что приводило к сокращению внутреннего спроса и потребления, с другой — несколько тормозили технический прогресс в производстве, так как гарантировали высокую прибыль предприятиям с устаревшим оборудованием. Ограничение ввоза топлива и металлов наносило ущерб некоторым отраслям промышленности, сдерживание экспорта сельскохозяйственных машин — росту производительности труда в деревне. Постоянно повышаемые пошлины ложились на плечи не только состоятельных социальных групп, но и широких кругов населения[94].

Изменения коснулись гербовых сборов, взимание которых регулировалось уставом 17 апреля 1874 г. Они делились на простой и пропорциональный сумме актов или сделок. Простой гербовый сбор за один лист устанавливался в двух размерах: 40 коп. (с делопроизводственных бумаг, различных свидетельств, некоторых паспортов, межевых книг, сохранных и задаточных расписок, страховых полисов, акций, паев, облигаций, закладных листов) и 5 коп. (для тех документов, обложение которых по 40 коп. или пропорциональным сбором было бы слишком обременительно для плательщиков).

Пропорциональный сбор существовал в двух видах: для документов, определяющих личные долговые обязательства (вексельный сбор), — 25 разрядов гербовой бумаги ценой от 5 коп. до 36 руб. за лист; для актов по всем остальным сделкам (актовый сбор) — 23 разряда гербовой бумаги ценой от 1 руб. до 660 руб. за лист. Взимание сбора производилось тремя способами: продажей гербовой бумаги, марок и в особых случаях наличными деньгами. Закон 26 декабря 1878 г. ввел деление простого гербового сбора на три вида (5, 10 и 60 коп. за лист), пропорциональный сбор, за исключением двух низших разрядов, повышен на 25%. В 1880 г. в казну поступило 14,4 млн руб.[95]

Бунге счел этот доход недостаточным. 19 января 1882 г. была значительно увеличена цена гербовой бумаги. Возросли все 25 разрядов вексельного сбора: 1-й — с 5 до 10 коп., 2-й — с 10 до 15 коп., остальные — на 0,02% от суммы акта[96]. 25 мая 1882 г. последовал закон о привлечении к уплате сбора многих ранее свободных от обложения документов: свидетельств и удостоверений, выданных одним лицом другому для представления в государственные учреждения, расписок о приеме денег на текущий счет на сумму свыше 50 руб. и др.[97] Однако доход Казначейства в 1882—1886 гг. увеличился лишь с 15,5 млн до 16,2 млн руб. Очередное повышение сборов состоялось 19 мая и 15 июня 1887 г. После издания нового гербового устава 10 июня 1900 г. поступление сбора резко возросло и в 1902 г. достигло 37 млн руб.[98]

В «Загробных заметках» Бунге констатировал, что неокладные сборы «доведены у нас до значительной степени напряжения». По его признанию, повышения косвенных налогов и гербовых пошлин «не имеют рационального основания и сделаны под влиянием финансовой нужды». В лекционных курсах 1888—1889 гг. он повторил свои доводы против винной и табачной монополий, введение которых «легко может привести к прежним откупам». Бунге предлагал следующие меры: 1) пересмотреть ставки таможенного обложения с целью их понижения и установления между ними большего соответствия; 2) сократить количество гербовых сборов и уменьшить размер взимаемых сумм; 3) прекратить дальнейшее повышение питейного акциза и продолжать политику распространения трезвости в народе. «От ограничения потребления спирта, — писал он, — и от мер против пьянства можно ожидать более важных финансовых результатов, вследствие подъема народного достатка, чем от увеличения доходов, доставляемых питейным акцизом»[99]. Незадолго до отставки Бунге советовал также восстановить отмененный в 1877 г. акциз с нефтепродуктов, поскольку нефтяная промышленность за истекшее десятилетие достигла крупных успехов и превратилась в важную отрасль народного хозяйства[100]. Сбылось только это пожелание бывшего министра финансов. При Вышнеградском рост косвенных налогов и гербовых соров усилился, был введен акциз не только с нефтепродуктов (1887 г.), но и со спичек (1888 г.).

В научной литературе политика Бунге в области косвенного обложения не была поставлена ему в заслугу. П.Л.Кованько с сожалением писал, что система неокладных сборов не подверглась надлежащему преобразованию, а такие меры, как повышение таможенных пошлин и питейного акциза, представляют собой «тени на светлом фоне деятельности Бунге»[101]. Однако следует иметь в виду, что рост косвенных налогов был общей тенденцией податной политики правительства в пореформенный период. Возрастание таможенных пошлин началось со второй половины 70-х годов и диктовалось не только фискальными причинами, но и объективной необходимостью защиты отечественной промышленности. В этой ситуации Бунге не мог что-либо существенно изменить. Кроме того, одновременное преобразование прямых налогов и снижение косвенного обложения было невозможно, и Министерство финансов рассматривало повышение неокладных сборов как один из немногих источников компенсации потерь казны после отмены соляного налога и подушной подати.

4. Бюджет и государственный долг

Параллельно с заботой об увеличении налоговых поступлений Бунге пытался сократить государственные расходы. Эта задача была не из легких. Ему постоянно приходилось ограничивать непомерные аппетиты разных ведомств. «Все требуют денег и денег из государственного казначейства, требуют их и для государственных нужд, и для промышленных предприятий, и для собственного благополучия, не справляясь с тем, во что обходятся деньги, поступающие в казну. Забывают, что казна может раздавать только то, что она собирает с народа, и что в такое тяжелое для народа время надо беречь каждый рубль», — писал Бунге Победоносцеву 14 ноября 1885 года[1]. Но интеллигентный профессор из Киева проявил неожиданную стойкость. Его бережливость вошла в пословицу. «Отшельник Мойки, тихий и добрый министр финансов Бунге, который во всем был ангелом кротости и доброты, кроме вопроса о выдаче денег, — вспоминал Мещерский. — Тут этот человек, казавшийся бессильным бороться с мухой, превращался в Геркулеса железной воли и не только министру, но государю говорил свое "non possum" (невозможно — *В.С.*) в ответ на просьбу денег»[2].

Еще в марте 1878 г. была образована межведомственная комиссия для пересмотра ведомственных смет во главе с председателем Департамента государственной экономии А.А.Абазой. В нее вошли министр финансов С.А.Грейг, государственный контролер Д.М.Сольский и некоторые члены Государственного

совета[3]. Когда Абаза стал министром финансов, комиссию возглавил сменивший его гр. Э.Т.Баранов. В сентябрьской записке 1880 г. Бунге высказался о возможных способах бюджетной экономии. «Нельзя отрицать, — писал он, — что первым условием для сокращения расходов можно признать преобразования административные как местных губернских, так и некоторых центральных учреждений, слияние в одно целое однородных и, наконец, более правильную организацию штата служащих, между которыми труд вообще распределен очень неравномерно и оплачивается не соответственно своей тяжести»[4].

Другими причинами обремененности бюджета Бунге считал огромную задолженность Казначейству со стороны железнодорожного фонда, учреждение которого шло вразрез с принципами бюджетного и кассового единства, установленных реформой В.А.Татаринова, а также чрезвычайные военные расходы, составившие за 1876—1880 гг. 1075,4 млн руб.[5] «Если удовлетворение постоянных неотложных военных расходов должно иметь место даже и тогда, когда такие расходы сопряжены для народа и государства с тяжелыми жертвами, — спрашивал он, — то не следует ли также во времена трудные ограничивать единовременные военные издержки, которые могут быть отложены, и не поступит ли правительство против интересов государства, отпуская из Казначейства деньги для образования фонда, в непосредственном расходовании которого нет настоятельной надобности?»

Бунге указывал на отсутствие порядка в назначении сверхсметных ассигнований на различные государственные потребности, выплату не предусмотренных правилами пенсий, пособий и авансов. Признавая неизбежность подобных расходов, он, вместе с тем, предлагал ввести их в определенные законом рамки и устранить личное влияние министров. В заключении этого раздела записки Бунге подчеркивал, что «бережливость составляет долг высшей администрации и источник благоговения народа к верховной власти»[6].

17 июля 1881 г. по всеподданнейшему докладу Баранова последовало высочайшее повеление о разрешении Департаменту государственной экономии, Министерству финансов и Государственному контролю при рассмотрении смет на будущий год исходить из целесообразности расходов, не считаясь с существующими постановлениями, порядками и штатными расписаниями. При обсуждении смет были сделаны сокращения предполагаемых расходов. В наибольшей степени это коснулось Военного министерства. Его смета уменьшилась на 23,2 млн руб.[7]

Не довольствуясь достигнутыми результатами, в декабре 1881 г. Баранов, Бунге и Сольский обратились к императору с просьбой разрешить внести в Государственный совет предложения о сокращении ведомственных расходов, чрезвычайных кредитов и сверхсметных ассигнований. Александр III поддержал эту инициативу[8]. В представлении Бунге и Сольского от 26 декабря рекомендовались следующие меры: 1) поручить министрам и главноуправляющим произвести в сметах на 1882 г. сокращения на суммы, указанные в прилагаемой ведомости для каждого министерства и главного управления; 2) предоставить министрам и главноуправляющим право сокращать штаты в своих ведомствах, уменьшать расходы на канцелярские и хозяйственные нужды, ремонт, отопление и освещение казенных зданий, награды, пособия и путевое довольствие чиновникам; 3) разработать вопрос об исключении из числа сверхсметных ассигнований таких расходов, которые повторяются ежегодно и подлежат внесению в сметы; 4) все ходатайства о сверхсметных ассигнованиях должны быть приурочены к определенному сроку для обсуждения их в совокупности в Департаменте государственной экономии с заключением министра финансов и государственного контролера[9]. 13 января 1882 г. предложения Бунге и Сольского были одобрены Департаментом государственной экономии и 20 апреля утверждены Александром III[10].

В каждом всеподданнейшем докладе об очередной бюджетной росписи министр финансов напоминал Александру III о бережливости в обыкновенных и сверхсметных расходах[11]. 31 декабря 1883 г. император утвердил принятое по представлению Бунге решение Департамента государственной экономии о сокращении с 4 до 3 млн руб. специального фонда, предназначенного для чрезвычайных кредитов[12]. Во всеподданнейшем докладе о бюджетной росписи на 1885 г. министр финансов писал, что такая сумма вполне достаточна в мирное время на чрезвычайные расходы, вызванные непредвиденными событиями — эпидемиями, наводнениями, пожарами и т.п.[13]

В марте 1884 г. в записке на имя Александра III Бунге предложил ежегодно весной устанавливать предельные суммы для ведомственных смет, которые в конце текущего года должны были вноситься на обсуждение в Государственный совет, и для сверхсметных ассигнований, испрашиваемых в течение сметного года. Он предполагал начать применение этих мер уже с 1885 года[14]. Император поручил изучение вопроса совещанию министров под председательством Баранова. Однако глава Департамента государственной экономии, отдавая должное стремлению Бунге к бережливости, в адресованной ему записке выразил сомнение в возможности назначения сумм расходов по

соразмерности с доходами. По его мнению, для ликвидации дефицитов требуется целый комплекс взаимосвязанных мероприятий — полный и всесторонний пересмотр всех статей расходов, штатных расписаний, постановлений, определяющих размеры кредитов на содержание центральных и местных административных учреждений, расширение компетенции Государственного контроля, восстановление действия 6-й статьи сметных правил 22 мая 1862 г. о допущении только тех расходов, которые разрешены в законодательном порядке[15].

Министр финансов согласился с этими доводами. В июне 1884 г. в совместном всеподданнейшем докладе Баранова, Бунге и Сольского объяснялись причины, по которым установление в первой половине года предельных сумм расходов на следующий год было весьма трудным делом. Они лишь высказали пожелание, чтобы все ведомства по возможности уменьшили свои требования по сметам на 1885 г. Александр III признал эти соображения правильными[16]. Во всеподданнейшей записке от 7 ноября 1886 г. министр финансов скептически отозвался об эффективности предельных смет для каждого ведомства. «Уже то обстоятельство, — писал он, — что существующие расходы не могут быть сокращены на крупную сумму, позволяет усомниться в оправдании этих ожиданий. Затем есть ли гарантия, что расходы не выйдут в течение года из пределов сметных назначений? Едва ли»[17].

Бунге особенно настаивал на сокращении сумм, отпускаемых на содержание армии и флота[18]. Его позиция вызывала сильное раздражение у руководителей Военного и Морского министерств, которые, напротив, требовали все новые и новые ассигнования. Бунге доводил до сведения императора, что удовлетворение запросов этих ведомств невозможно без введения новых налогов. «Считаю священным долгом, — писал он Александру III в марте 1884 г., — просить Ваше Величество обратить внимание на эти печальные факты и во имя блага России и прочности вековых ее учреждений поддержать слабые старания мои об удержании расходов в пределах сметных назначений»[19].

Министр финансов болезненно реагировал на всякие международные осложнения, которые могли бы ввергнуть Россию в войну и привести ее к финансовой катастрофе. Судя по небольшой «внешнеполитической» главе «Загробных заметок», он полностью поддерживал предпринятое Александром III сближение с Францией, которое, «ослабив преобладание Германии в Европе, дало удовлетворение русскому народному чувству». По его мнению, России следует «быть свободной от влияния соседней Германской империи — не только прямого, но и кос-

венного, не выходя из отношений дружеского соседства»[20]. В феврале 1882 г. Бунге с тревогой воспринял воинственные антигерманские заявления, сделанные за границей генералом М.Д.Скобелевым[21]. В марте 1885 г., после сражения русских и афганских отрядов на реке Кушке и обострения отношений с Англией, он говорил императору, что «даже самая успешная война не может не быть гибельной для нас»[22].

Бунге удалось достичь ощутимых, хотя и временных успехов. Сверхсметные ассигнования по обыкновенному и чрезвычайному бюджетам, которые в 1880 г. составили 113,4 млн руб., а в 1881 г. 76 млн руб., к 1884 г. уменьшились до 27,9 млн руб. Правда, в последующие два года под влиянием афганского кризиса они вновь возросли до 61,7 млн руб. (1885 г.) и 38,8 млн руб. (1886 г.)[23]. Обыкновенные военные расходы в 1882—1884 гг. сократились с 202,4 до 200 млн руб., однако после событий в Средней Азии увеличились до 206,6 млн руб. (1885 г.) и 212 млн руб. (1886 г.)[24]. 30 июня 1885 г. были утверждены новые правила о предоставлении Военному министерству кредитов на расходы, вызванные чрезвычайными военными обстоятельствами[25]. Бунге не смог остановить рост расходов Морского министерства, которые в 1881—1886 гг. увеличились с 30,6 до 45 млн руб. в связи с модернизацией флота по принятой в 1882 и 1885 гг. программе. В 1886 г. для этого ведомства в виде исключения на десять лет была установлена ежегодная предельная смета в 40 млн руб.[26]

Бунге не мыслил рациональной бюджетной политики без гласности. Он пошел навстречу требованиям деловых кругов, нуждавшихся в более полной информации о коммерческой и промышленной деятельности в России и за рубежом. За счет экономической статистики была значительно расширена тематика публикаций «Ежегодника Министерства Финансов», выходившего с 1869 г. 3 января 1884 г. была утверждена новая программа другого ведомственного издания — еженедельного «Указателя правительственных распоряжений по Министерству Финансов», существовавшего с 1865 г. 22 января 1885 г. он был переименован в «Вестник финансов, промышленности и торговли». Редакция журнала, оставаясь в составе Канцелярии министра, фактически стала самостоятельной структурой ведомства с собственным штатом. Кроме правительственных распоряжений по Министерству финансов в «Вестнике» широко публиковались разнообразные материалы о состоянии экономики и финансов России и других стран — официальная статистика с текстовым комментарием, статьи, разъясняющие мотивы законодательной и административной деятельности ведомства, корреспонденции из провинции, обзоры литературы по вопро-

сам народного хозяйства, переводы иностранных статей, консульские донесения, отчеты торговых и промышленных предприятий, ежегодные балансы кредитных учреждений и др.[27]

Бунге продолжил начатое В.А.Татариновым упорядочение бюджетно-сметного дела. Для обеспечения бюджетного и кассового единства государственных доходов и расходов в общую роспись были включены средства железнодорожного фонда (1883 г.), обороты особого счета ликвидации старых кредитных учреждений (1886 г.) и выкупных платежей бывших помещичьих крестьян (1886 г.)[28]. Однако коренной бюджетной реформы, связанной с реорганизацией центрального и местного государственного аппарата, так и не последовало. Преемники Бунге также осуществили отдельные улучшения действующих сметных правил. Вышнеградский значительно сократил сверхсметные ассигнования, но лишь на несколько лет. В 1891—1892 гг., когда многие губернии пострадали от катастрофического неурожая, они достигли колоссальной суммы в 335 млн руб.[29]

Несмотря на все старания Бунге, ему так и не удалось сбалансировать бюджет. Вследствие послевоенного финансового расстройства и неурожая 1880 г. дефицит в 1881 г. достиг 80,7 млн руб. В следующем году министр финансов с трудом свел обыкновенный бюджет с превышением расходов над доходами всего в 5,3 млн руб. Но затем дефициты вновь возросли до 24,7 млн (1883 г.), 23,4 млн (1884 г.), 44,3 млн (1885 г.) и 51,7 млн руб. (1886 г.)[30]. Бунге принципиально не скрывал истинное положение вещей и всегда откровенно заявлял о финансовых трудностях, не боясь поставить под удар свою репутацию.

Министру финансов приходилось прибегать к займам, хотя он сам признавал, что их заключение внутри страны крайне осложнено промышленным кризисом и крахом многих частных банков, а за рубежом из-за недоверия Запада к кредитному рублю это возможно только на невыгодных для казны условиях — за высокий процент с реализацией по низкому курсу[31]. Финансовое ведомство предприняло выпуски 5%-ных билетов Государственного банка (1881 г.), 6%-ной золотой ренты (1883 г.), 4%-ных билетов Государственного казначейства (1883 г.), 5%-ной золотой ренты (1884 г.), 5%-ного консолидированного железнодорожного займа (1884 г.), 5%-ной железнодорожной ренты (1886 г.), впервые после 1860 г. возобновило прием Госбанком вечных вкладов из расчета 4% годовых (1884—1886 гг.)[32].

Консерваторы обвиняли Бунге в «пресмыкательстве» перед европейскими финансовыми тузами. Сотрудник «Московских ведомостей» Н.А.Любимов 21 ноября 1885 г. писал Каткову из Петербурга, что «министр финансов совершенно в руках берлинских банкиров»[33]. Катков именовал займы «искусственны-

ми мерами» и призывал к «действительному поднятию производительных сил» на основе протекционизма[34]. «Русские ведомости» возражали, что уплата процентов по государственным долговым обязательствам предпочтительнее новых выпусков бумажных денег[35].

При нарицательной сумме 472,8 млн руб. выручка от займов составила 442,9 млн руб. Из них 205,5 млн руб. было израсходовано на покрытие дефицитов, а именно — на срочное погашение старых займов (всего на эту статью бюджетных расходов за 1881—1886 гг. потребовалось 254,5 млн руб.), 176,5 млн руб. передано Государственному банку в счет долга по кредитным билетам временного выпуска. С 1881 по 1886 г. государственный долг России увеличился на 500 млн руб. и достиг 6,5 млрд руб. По структуре он подразделялся на государственные займы, консолидированные железнодорожные займы, обязательства по выкупной операции, гарантированные долги Государственного, Крестьянского и Дворянского банков, беспроцентный долг по выпуску кредитных билетов. В 1881—1886 гг. платежи по государственному долгу составили 1678,2 млн руб. (ежегодно в среднем 36,8% доходов казны)[36].

В феврале 1886 г. Бунге предложил Комитету финансов конвертировать ряд старых займов. Он отметил благоприятную конъюнктуру на европейском денежном рынке, где из-за избытка капиталов произошло снижение банковского учетного процента и повышение курса ценных бумаг. По его мнению, эта мера могла бы дать ежегодную экономию в платежах только по займам в металлической валюте около 9 млн руб. На заседании 23 февраля Комитет финансов согласился с доводами Бунге и наметил несколько 5%-ных займов 60—70-х годов, которые подлежали конверсии в 4%-ные[37].

Подобная операция была невозможна без содействия иностранных банков, так как казна не располагала свободными денежными средствами для выпуска новых займов с целью обмена на них старых ценных бумаг. Министр финансов вступил в переговоры с берлинскими банкирами. Против этого намерения сразу же восстал Катков. 8 мая 1886 г. в «Московских ведомостях» появилась статья о толках в городе по поводу приезда в Петербург представителей европейских банков для заключения соглашения о конверсиях. «Есть основания полагать, — с намеком на Бунге говорилось в газете, — что их предложения принимаются слишком благосклонно, по крайней мере в таких кругах, которые, быть может, в последнее время утратили чувство своей прочности и желают заключить свою деятельность шумным эффектом. Желательно поболее света в этом темном деле»[38]. Обострение отношений между Россией и

Германией отсрочило реализацию планов министра финансов. Во всеподданнейшей записке от 7 ноября 1886 г. он сообщал Александру III, что «возможность конверсий отдалилась на неопределенное время»[39].

Вышнеградский оказался более удачливым. Обильные урожаи 1887—1889 гг., окончание депрессии в промышленности и ощутимое сокращение государственных расходов позволили ему уже с 1888 г. избавиться от дефицитов по обыкновенному бюджету. Однако общий бюджет, за исключением 1889 г., по-прежнему сводился с превышением расходов над доходами[40]. За годы министерской деятельности Вышнеградского (1887—1892 гг.) были заключены займы на сумму 2295,1 млн руб., выручка от которых составила 2081 млн руб. Государственный долг возрос с 6,5 млрд до 7,5 млрд руб.

Министр финансов воспользовался предложением Бунге о конверсиях. В 1888—1890 были конвертированы государственные долги на сумму 1,7 млрд руб. Хотя задолженность страны в результате этих операций увеличилась на 277 млн руб., более длительная рассрочка займов (на 81 год) сразу же дала экономию по ежегодным платежам в размере 21,5 млн руб. Если в 1886 г. платежи по займам составляли 38,1% государственных доходов, то в 1892 г. — 28,3% Конверсии сократили отток средств за границу, способствовали унификации государственного долга, накоплению золотого запаса и укреплению государственного кредита России[41].

5. Государство и банки

В годы промышленного и аграрного кризисов кредитная система переживала застой. В 1880—1892 гг. кредитная сеть выросла с 510 до 549 единиц, т.е. всего на 39 точек, из которых 34 приходилось на филиалы Государственного банка. Общая сумма вкладов и текущих счетов по всем коммерческим банкам осталась без изменений. Основные пассивы увеличились главным образом за счет собственных капиталов акционерных банков и казначейских средств в Государственном банке. Не расширился и масштаб учетно-ссудных операций, повысились только остатки собственных ценных бумаг в банках. Снижение объема кредитования хозяйства сопровождалось ростом операций с ценными бумагами (государственными, железнодорожными, ипотечными)[1].

Если в первые пореформенные десятилетия правительство делало ставку на форсирование экономического развития, то с началом русско-турецкой войны выдвинулась задача поддержки и спасения предприятий и банков. С начала 80-х годов за-

метно возросло влияние Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов на банковские структуры. Во всеподданнейшей записке от 8 марта 1885 г. Бунге констатировал, что во всех ведущих странах Запада признается необходимость усиления государственного вмешательства в систему кредита. По его мнению, в России, где казенные кредитные учреждения всегда пользовались большим доверием, чем частные банки, влиянию правительства надлежит простираться гораздо дальше. «Не устраняя частной банковой деятельности, — писал он, — государство должно удержать в деле кредита за правительством преобладающую роль, регулировать и удешевлять последний и, наконец, направлять его в те сферы, которые не представляются особенно привлекательными для частной предприимчивости»[2].

В особой степени эта тенденция проявилась в функционировании Государственного банка. Он представлял собой крупнейший коммерческий банк страны, где в 1881 г. сосредоточивалось 29% денежных капиталов, привлеченных всеми учреждениями коммерческого кредита, и осуществлялось 29% всех учетно-ссудных операций. В 1880—1885 гг. количество филиалов Банка в провинции увеличилось с 57 до 75 единиц, сумма вкладов и текущих счетов в 1881—1886 гг. — с 229 млн до 288 млн руб., объем учетно-ссудных операций — с 241,7 млн до 304 млн руб. Учетная ставка в 1881—1885 гг. стабильно держалась на уровне 6% и только в 1886 г. произошло ее снижение до 5%, что к 1893 г. привело к потере 30% вкладов и текущих счетов. Кредитование хозяйства в 1881—1884 гг. возросло с 179,7 млн до 203,7 млн руб. (64-66% коммерческих ресурсов), но из-за систематического отвлечения капиталов Банка на нужды Казначейства к концу 1886 г. снизилось до 159,6 млн руб. (47%). Остальные средства расходовались на кредиты под ценные бумаги и собственные ценные бумаги. В 1881—1886 гг. они увеличились с 62 млн до 144,4 млн руб.

Кроме коммерческого (вексельного) кредитования торговых и промышленных предприятий осуществлялось и государственное некоммерческое финансирование «привилегированных» отраслей и отдельных групп предпринимателей и землевладельцев — металлургической промышленности, предприятий транспортного машиностроения и рельсового производства, крупных дельцов-учредителей, московских фабрикантов, сахарозаводчиков, помещиков, коммерческих банков. Казначейское финансирование подразделялось на гарантии платежей процентов по облигационным займам и минимальных дивидендов по акциям, участие государственными средствами в образовании капиталов предприятий, приобретение частных предприятий государством и продажу казенных предприятий капиталистам, ссуды и авансирование казначейских средств, явные и скрытые субсидии, оставление налоговых платежей в течение длительного срока в обороте предприятий[3]. С 1869 г. началась и с середины 70-х годов приняла особый размах выдача неуставных ссуд по докладам министра финансов и высочайшим разрешениям. В сентябрьской записке 1880 г. Бунге настаивал на отказе от этой формы кредитования[4]. Но ему ничего не удалось изменить. В 1881—1883 и 1885—1889 гг. было выдано 26 неуставных ссуд на сумму 34,7 млн руб.[5]

При Бунге не произошло каких-либо серьезных изменений в структуре и характере деятельности Банка. Вопреки своим прежним высказываниям, он считал нереальным его преобразование в акционерный, поскольку в России отсутствует «достаточное число личных финансовых сил»[6]. Новый устав, принятый 6 июня 1894 г., предусматривал значительную структурную реорганизацию, расширение операций по учету векселей и подтоварного кредита, введение промышленного кредита (ссуды под сельскохозяйственные имения и фабрично-заводскую недвижимость). В ходе денежной реформы по указу 29 августа 1897 г. Банк стал центральным эмиссионным, сохранив при этом положение ведущего учреждения коммерческого кредита[7].

В первой половине 80-х годов сложилась система государственного ипотечного кредита. Стремление помещиков воспользоваться ожидаемыми прибылями от строительства железных дорог, освободиться от малодоходных имений и заложить их в акционерных земельных банках привело к прогрессирующему росту задолженности частного землевладения — с 99,6 млн руб. в 1867 г. до 473,8 млн руб. в 1881 году. Если с 1863 по 1872 гг. было продано 16,1 млн дес. дворянских земель, то с 1873 по 1882 г. — 23,4 млн десятин. Распродажа земель с торгов проходила с немалыми затруднениями, так как сумма капитального долга нередко превосходила стоимость имений. В этой ситуации большую популярность получила идея организации доступного кредита для крестьян, которые могли бы стать покупателями помещичьих земель.

В документах Комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельской промышленности в России под председательством министра государственных имуществ П.А.Валуева (1873 г.) отмечались острая тяга крестьян к приобретению земли и отсутствие у них достаточных средств, высказывалось пожелание об устройстве ипотечных банков для сельского населения. Сторонниками этой меры во второй половине 70-х годов стали акционерные банки, терпевшие боль-

шие убытки от оставшихся за ними земель. Многие земства нечерноземных и малонаселенных южных губерний, где продажа земли крестьянам была особенно выгодна местным помещикам, не только обратились в правительство с соответствующими ходатайствами, но и разработали ряд конкретных проектов. Мощным фактором стало и движение либеральной интеллигенции, выступавшей за смягчение остроты крестьянского вопроса. В публицистике и научной литературе широкое распространение получила теория недостаточности наделов. Такие авторы, как кн. А.В.Васильчиков, Ю.Э.Янсон, К.Д.Кавелин, в числе способов облегчения участи сельского населения называли открытие банка для кредитования малоземельного крестьянства[8].

Создание мелкого ипотечного кредита было одним из пунктов реформаторской программы Лорис-Меликова. Либеральные бюрократы рассчитывали не только расширить площадь крестьянского землевладения, но и рассеять надежды крестьян на «даровую» помощь правительства. 27 апреля 1881 г. Государственный совет в связи с обсуждением вопроса о понижении выкупных платежей рекомендовал министрам финансов и внутренних дел разработать проект «Об облегчении для крестьян возможности пользоваться кредитом для покупки земли». 20 мая это решение было санкционировано высочайшим повелением[9].

Составленный в финансовом ведомстве проект Крестьянского поземельного банка поступил в Государственный совет 14 декабря 1881 г. за подписями Н.Х.Бунге, министра внутренних дел Н.П.Игнатьева и министра государственных имуществ М.Н.Островского. В нем не допускалась возможность выдачи ссуд крестьянам акционерными или местными земскими банками: «Покупка земли крестьянами и предоставление крестьянам особых для сего способов не может в виду государственного значения такой меры сделаться предметом деятельности учреждений, стоящих вне непосредственного надзора правительства».

Банк создавался при Главном выкупном учреждении и возглавлялся его председателем. Два других члена Совета назначались министром финансов. Отделения на местах открывались при филиалах Государственного банка или казенных палатах. В проекте подчеркивалось, что цель Банка «заключается в предоставлении крестьянам малоземельным или безземельным способов приобретать землю в количестве, достаточном для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей крестьян перед правительством». По мнению авторов, распространение кредита на все категории крестьян означало бы излишнее отвлечение средств Банка и возникновение непреодолимой конкуренции для беднейших слоев сельского населения со стороны «кулаков». Поэтому в проекте четко фиксировалось, что право на ссуды имели только те крестьяне, которые действительно нуждались в земле.

Ссуды предполагалось выдавать: 1) сельским обществам в полном составе; 2) товариществам из крестьян; 3) отдельным безземельным или владеющим неполным надворным участком крестьянам, причем только там, где надельные земли не состоят в общинном пользовании. Особо отмечалось, что содействие Банка «не должно обращаться в косвенное средство к изменению существующих способов владения землей, порядок производства ссуд следует применять к установившимся условиям землевладения, не колебля общинного пользования там, где оно существует».

Кредит предоставлялся наличными деньгами, которые поступали за счет выпуска закладных листов Банка (на сумму не свыше 3 млн руб.), приносящих 5,5% годового дохода. Они погашались посредством полугодовых тиражей на сумму взносов, причитающихся от заемщиков за предыдущие шесть месяцев. Размер ссуды составлял 80% цены приобретаемой земли на сроки 24,5 и 34,5 года. Остальную часть суммы крестьяне должны были вносить сами. По ссуде на 24,5 года взималось 8,5% годовых платежей, на 34,5 года — 7,5%. Авторы проекта предполагали, что регулярные затраты из собственного кармана заставят крестьян дорожить приобретенными участками и устранят у них «опасное смешение понятий между помощью, оказываемой им правительством через посредство Банка, и дополнительным наделением их землей, которое могло бы возникнуть, если бы покупные сделки не были сопряжены с наличными со стороны крестьян приплатами». За просроченные платежи предусматривалась высокая пеня (12% годовых). Если заемщики не погашали задолженность в определенные сроки, то их земля подлежала продаже с публичных торгов[10].

Проект вызвал ряд предварительных замечаний членов Государственного совета и подвергся некоторым исправлениям — был особо подчеркнут принцип добровольности сделок, размер ссуды понижен с 80 до 75% стоимости участка, закладные листы Банка переименовывались в свидетельства и др.[11] Его обсуждение состоялось 20, 25 февраля и 4 марта 1882 г. на заседаниях Соединенного присутствия департаментов государственной экономии, законов и Главного комитета об устройстве сельского состояния. Двое участников, Б.П.Мансуров и гр. П.А.Шувалов высказались против учреждения Крестьянского

банка, поскольку это будет «равносильно принципиальному разрешению государством вопроса громадной важности о ненадобности существования в России всякой крупной собственности». С их точки зрения, подобная мера может возбудить в народе «самые преувеличенные надежды» и породить «легенды, способные под разными видами колебать понятия крестьян о правах собственности на землю». Они предлагали возложить выдачу ссуд крестьянам на губернские земства при финансовом содействии государства.

Остальные 18 членов Совета оспорили суждение Мансурова и Шувалова. Они выступили за немедленное открытие Банка и предоставление кредита всем крестьянам, независимо от количества имеющейся у них земли. По их словам, это избавит сельское население от излишних иллюзий и будет способствовать «развитию уважения к праву собственности, служащему неоспоримо самым надежным средством против распространяемых в народе превратных мыслей и учений». Большинство предложило также основать Банк в качестве самостоятельного кредитного учреждения, чтобы не давать «повода к уподоблению назначения деятельности банка операциям выкупного учреждения и к толкованию намерений правительства в превратном смысле». Стараясь спасти сам замысел, Бунге согласился со всеми замечаниями[12].

Исправленный проект поступил на рассмотрение Общего собрания Государственного совета 26 апреля 1882 г. Здесь позиция Мансурова и Шувалова нашла новых приверженцев. Победоносцев еще 25 февраля писал Игнатьеву о своем желании «потопить крестьянский поземельный банк», который считал «фальшивым учреждением»[13]. Толстой, спустя несколько дней назначенный министром внутренних дел, накануне заседания назвал проект «мерзостью»[14]. К ним присоединились 10 других членов Совета. Они заявили о недостаточной разработанности вопроса и рекомендовали отложить его решение для более подробного изучения.

Однако по настоянию большинства (34 человека) проект был поставлен на обсуждение. После этого участники заседания вновь разошлись во мнениях. 18 человек (Валуев, Грейг, Мансуров, Победоносцев, Толстой, Шувалов и др.) вторично предложили поручить организацию крестьянского кредита земским учреждениям, которые лучше сумеют учесть местные особенности. По их убеждению, проект противоречит основной мысли высочайшего повеления 20 мая 1881 г. о помощи только малоземельному крестьянству. «Очевидно, — утверждали они, — что правительственный банк не окажет содействия наиболее нуждающимся крестьянам, но еще, вместо того,

чтобы положить предел кулачеству, — отдает этих крестьян в руки спекулянтов и кулаков». Кроме того, деятельность Банка «может быть понята крестьянами как намерение правительства исправить допущенную, по понятиям крестьян, несправедливость в деле наделения их землей». Новое учреждение неизбежно превратится в «орудие принудительной продажи крестьянам значительного пространства земли и постепенного перехода крупной собственности в мелкую». Эта группировка считала, что «надлежит относиться весьма осторожно ко всему, что может породить в народе смутные понятия и возбудить антагонизм между крестьянами и бывшими их помещиками».

28 членов Совета (Бунге, Головнин, Грот, Рейтерн, Стоянновский и др.) привели свои контраргументы. Они признали политически опасным ставить выдачу ссуд в прямую зависимость от величины наделов: «Такое начало, несомненно, подало бы повод к превратным среди крестьян толкам в смысле определения самим правительством нормы, до которой с помощью устраиваемого кредита желательно довести крестьянское землевладение, то есть в смысле предоставления им права на дополнительный надел». С открытием Банка для всех крестьян станет ясным, что, «несмотря на распускаемые людьми неблагонамеренными слухи, даровой помощи в земельном отношении ожидать нельзя, что царь одинаково охраняет справедливые права не только крестьян, но и помещиков». Сделавшись собственником участка, «крестьянин будет уважать собственность не только свою, но и чужую, он станет охранять владение ею всеми зависящими от него способами и, прежде всего, будет врагом каких-либо переделов земли»[15].

18 мая 1882 г. Александр III утвердил проект большинства[16]. В Положении о Крестьянском поземельном банке говорилось, что он «учреждается для облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земли в тех случаях, когда владельцы земель пожелают продать, а крестьяне приобрести оные». Банк представлял собой правительственное учреждение, находящееся в ведении Министерства финансов, и возглавлялся Советом в составе управляющего и трех членов. В ходе обсуждения в проект были внесены некоторые изменения — выпуск свидетельств Банка допускался на сумму 5 млн руб., с недоимщиков за просрочку платежей полагалось взыскивать не 12%, а 6% годовых, заемщикам разрешалась рассрочка во взносе доплаты. В остальном все осталось по-прежнему. Преимущество Крестьянского банка перед другими кредитными учреждениями заключалось в том, что он взыскивал платежи по ссудам не вперед, а по истечении полугодичного срока и позволял большое скопление недоимок.

После публикации Положения о Крестьянском поземельном банке посыпались ходатайства губернаторов и земских собраний об открытии отделений на местах. Либеральная печать приветствовала эту реформу и в дальнейшем призывала к расширению операций Банка[17]. Иной была реакция противников министра финансов. «В то время, — вспоминал экономист В.Е.Варзар, — все главные консервативные группы считали Крестьянский банк вредной либеральной идеей Бунге, в ущерб интересам дворянского сословия»[18]. Катков выступил против поощрения только крестьянского землевладения и расценил создание Банка как проявление «неравенства между сословиями». Он утверждал, что ссуды на приобретение земли «не устранят главных причин, препятствующих улучшению народного быта»[19]. Мещерский писал Александру III о «злоумышленном» учреждении Крестьянского банка и на страницах «Гражданина» призывал «ударить в набат на счет этого страшного обмана»[20].

Банк начал операции только 10 апреля 1883 г., так и не дождавшись издания правил перехода собственности на покупаемую крестьянами землю и порядка продажи участков недоимщиков, которые были утверждены 28 мая[21]. В «Загробных заметках» Бунге так формулировал его цели: «во 1-х, практически противодействовать убеждению крестьян, что они имеют право на наделы, и поселить в них убеждение, что всякое расширение их землевладения может быть результатом только свободной сделки с землевладельцами относительно покупки земли, во 2-х, способствовать распространению частной поземельной собственности между крестьянами»[22]. Второму пункту министр финансов придавал особую важность. Он относился к Банку как к «любимой отрасли своего управления», вникал в детали его операций и связывал с ним большие надежды в деле помощи крестьянам и становления в деревне частного землевладения. Не случайно управляющим Банком был назначен Е.Э.Картавцов, пользовавшийся личным доверием министра финансов[23].

Вначале казалось, что ожидания Бунге сбываются. В сопроводительном письме к отчету о деятельности Банка с 10 апреля 1883 г. по 25 марта 1884 г. он докладывал императору, что «огромное большинство крестьян, воспользовавшихся ссудами, принадлежит к разряду малоземельных, а частию безземельных, крайне нуждавшихся в увеличении своего землевладения, которые лишь благодаря помощи банка находят исход из затруднительного своего положения и получают более удовлетворительное хозяйственное устройство». Основание Банка, продолжал министр финансов, «отвечало, таким образом, одной из

наиболее сильных экономических потребностей сельской жизни»[24].

В 1883—1885 гг. было открыто 25 отделений Банка в провинции, сумма выданных ссуд увеличилась с 861,2 тыс. до 13,8 млн руб., площадь купленной земли — с 18,2 тыс. до 318 тыс. дес.[25] В эти годы приоритетным вниманием пользовались малоземельные крестьяне. Поместное дворянство быстро убедилось в преимуществах нового учреждения. «Опасения относительно обезземеления помещиков и появления притязания крестьян на чужие земли мало-помалу уступают место противоположному взгляду, — сообщал Бунге Александру III в записке от 9 марта 1885 г. — Там, где покупщиками являются крестьяне, земли помещиков, вынужденных продавать свои имения, не переходят, как это было прежде, в руки кулаков за бесценок, и нередко помещикам удается расплатиться со своими долгами продажей принадлежащей им земли, сохранив за собою остальное имение свободным от долгов. Равным образом крестьяне начинают привыкать к мысли, что они могут приобретать землю лишь покупкой по добровольным условиям и что слухи, распускаемые между ними с злонамеренной целью о новых наделах, не имеют никакого основания»[26].

Но уже с 1886 г. произошло сокращение операций Банка, так как в предыдущие три года был сразу выброшен на рынок запас земель, требовавших экстренной распродажи. Кроме того, начало деятельности с 1885 г. Дворянского банка и одновременное увеличение размера ссуд в акционерных земельных банках дали помещикам большие капиталы и временно задержали мобилизацию дворянских земель. Сказалось также общее изменение ситуации в сельском хозяйстве — аграрный кризис и неурожаи 1891—1892 гг. Наконец, сыграла роль и смена руководства Министерства финансов. Вышнеградский мало интересовался крестьянским вопросом, и дела Банка отошли для него на задний план[27].

Несмотря на то, что количество отделений в 1895 г. достигло 41, ссуд было выдано всего на 6,3 млн руб., площадь приобретенной земли составила только 183,1 тыс. десятин. Недоимки по платежам возросли с 12,3 тыс. руб. (1884 г.) до 1,8 млн руб. (1895 г.). Между тем с торгов в 1886—1895 гг. было продано лишь 9,7 тыс. дес. из отобранных у недоимщиков 205,7 тыс. дес. земли. Из перешедших в собственность Банка 196 тыс. дес. удалось реализовать 82,9 тыс. десятин. При Вышнеградском была забыта первоначальная цель Бунге — помощь малоземельным крестьянам. Параллельно с ростом недоимок финансовое ведомство поощряло более состоятельных заемщиков, увеличивая доплаты по ссудам, которые за 1883—

1895 гг. повысились с 10 до 34%. Всего за первые 13 лет существования Банка крестьяне купили при его содействии 2411,7 тыс. десятин. Итог операций за этот период был неудовлетворительным. Банк не только разорил многих клиентов, но и сам понес немалый ущерб из-за крупных недоимок и убыточного ведения хозяйства на оставшихся за ним землях.

Второй период истории Банка (1896—1905 гг.) начался с утверждения нового устава 27 ноября 1895 г., предоставившего ему право приобретения земель за счет собственного капитала для последующей перепродажи крестьянам. Это десятилетие характеризуется бурным развитием операций, совпавшим с общим оживлением экономической жизни страны и хорошими урожаями нескольких лет. Банк стал играть решающую роль в расширении частного крестьянского землевладения. Если в 1883—1892 гг. на его долю приходилось 22,3% крестьянских покупок и 6,6% всей мобилизованной земли, в 1893—1897 гг. — 23,8% и 6,2%, то в 1899 г. — уже 48,8% и 15,8%. С 1896 по 1905 г. через Банк было продано 5804,7 тыс. десятин. Вплоть до 1906 г. предпочтение при выдаче ссуд отдавалось коллективным покупателям (сельским обществам и товариществам), так как правительство всячески стремилось сохранить общинное землепользование. Отдельные домохозяева, как правило, пользовались услугами акционерных банков или Дворянского банка, купив часть заложенного здесь имения. В 1883—1905 гг. покупки через Банк составили 62% общего прироста крестьянского землевладения.

Коренной перелом в деятельности Банка наступил с принятием указа 3 ноября 1906 г., который разрешал ему приобретать земли в неограниченном количестве за счет выпускаемых с этой целью свидетельств. В том же году для стимулирования операций был принят целый ряд законов. В руках правительства П.А.Столыпина Банк стал эффективным орудием разрушения общины и насаждения частного крестьянского землевладения. С 1908 г. продажа земли из имений Банка производилась только в единоличную собственность. Сельские общества и товарищества могли быть включены в состав покупщиков в исключительных случаях. Размах операций достиг невиданных масштабов. За 1906—1915 гг. крестьяне приобрели посредством Банка 10012,7 тыс. дес. земли, т.е. больше, чем за предыдущие 23 года[28].

Созданный как инструмент консервации существующих поземельных отношений, как пассивный посредник при покупке земли крестьянами, Банк в начале XX в. перешел к активному вмешательству в процесс мобилизации земельной собственности. Вопрос о значении его деятельности остается дискуссионным. Дореволюционные авторы (Б.Д.Брущкус, А.Н.Зак, А.А.Кауфман, А.В.Красик, П.П.Мигулин), не отрицая всех выгод этого кредитного учреждения для поместного дворянства, в то же время подчеркивали его вклад в становление частного крестьянского землевладения[29].

В советской историографии исходили из «классового» критерия и руководствовались высказыванием В.И.Ленина в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (1908 г.). «Подумайте только, — писал он, — какая золотая река течет теперь помещикам, чиновникам, адвокатам, купцам в виде миллионов, раздаваемых "крестьянским" банком перепуганным помещикам!»[30] Советские историки (А.М.Анфимов, Д.А.Батуринский, В.А.Вдовин, С.М.Дубровский, С.М.Сидельников) утверждали, что Банк действовал исключительно в интересах дворянства, занимался перекачиванием прибавочной стоимости из деревни в карманы помещиков[31]. Однако Н.А.Проскурякова аргументированно доказала в своем исследовании, что операции Банка стали важным фактором формирования крестьянской земельной собственности[32].

Складывание системы ипотечного кредита завершилось основанием Дворянского банка. С конца 1883 г. начались ходатайства земств и дворянских собраний о даровании помещикам государственного кредита на льготных условиях, которым они пользовались до отмены крепостного права. Просители жаловались, что ссуды из акционерных земельных банков при высоком проценте платежей вызвали рост задолженности землевладельцев и способствовали их разорению[33].

Консервативное окружение Александра III всячески убеждало его помочь дворянству[34]. В декабре 1883 г. император лично поручил Бунге разработать соответствующий проект[35]. Этим занялась комиссия Министерства финансов, главным образом — Е.Э.Картавцов и Ю.Г.Жуковский. Консерваторы отнеслись к ее деятельности с подозрением. В ноябре 1884 г. Мещерский писал Александру III, что в состав комиссии вошли лица «безусловно красного направления», замышляющие «роковое и дерзкое покушение обмануть намерения и желания государя»[36].

Как оказалось, для подобных опасений имелись основания. Проект, подготовленный к началу января 1885 г., отражал позицию министра финансов. Мещерский вспоминал, что однажды Бунге отозвался о дворянстве как о «вымирающем» сословии, которому уже невозможно «вернуть его состоятельность и его самостоятельность имущественную и отчасти политическую»[37]. Этому свидетельству вряд ли можно полностью дове-

рять. По высказанному в 1886 г. мнению министра финансов, «дворянство было и остается первенствующим служилым сословием»[38]. Однако он выступал против сословного характера нового кредитного учреждения.

Проект «Положения о Государственном земельном банке» предполагал общую для дворян и крестьян организацию ипотечного кредита с упразднением сословного Крестьянского банка[39]. Он был предварительно обсужден в Особом совещании под председательством министра финансов с участием нескольких представителей дворянства[40]. В отношении в Государственный совет от 22 февраля 1885 г. Бунге подчеркивал, что содействие землевладельцам не должно требовать каких-либо «материальных пожертвований» со стороны государства. «Посему, — писал он, — следует безусловно устранить всякие предположения о выдаче землевладельцам ссуд из собственных средств казначейства или из иных сумм, состоящих в распоряжении правительства, ибо — не говоря уже о том, что таким способом не оказалось бы и возможности удовлетворить потребности в кредите в сколько-нибудь широких размерах, — самый этот способ был бы неизбежно сопряжен с увеличением податного бремени. Равным образом, как ни желательно удешевление кредита, но ни в коем случае оно не должно быть достигнуто путем обременения остальных классов населения»[41].

Но в эпоху «дворянских веяний» проект Бунге был обречен на неудачу. Поместное дворянство мечтало о возврате к узкосословному, «благотворительному» принципу дореформенного государственного кредита. Узнав о намерении финансового ведомства объединить новый банк с Крестьянским, Мещерский в письме-дневнике к Александру III изобразил это как «ужасный заговор» против помещиков с целью перепродажи их земли крестьянам[42]. Катков утверждал, что слияние двух банков «как бы предрешает вопрос о переходе дворянских имений в крестьянское сословие». Он возражал против порядка кредитования, при котором обеспечивался обязательный возврат заемщиками полученных сумм. «Нечего сказать, — писали «Московские ведомости», — хорошую поддержку получит наше землевладение, когда вместо ожидаемой поддержки в трудные минуты банк явится особенно строгим и неумолимым к хозяевам, постигнутым бедствием»[43]. В правительстве лишь министр юстиции Набоков одобрил проект финансового ведомства. Толстой в отзыве от 20 марта 1885 г. указал, что Банк не будет соответствовать своему назначению, и потребовал предоставить дворянству «возможно выгодные условия» кредита. В том же духе высказался и М.Н.Островский[44].

Бунге пришлось уступить. Переработанный проект стал называться «Положение о Государственном дворянском поземельном банке»[45]. 21 апреля 1885 г. был обнародован рескрипт по поводу столетия Жалованной грамоты дворянству, обозначивший открыто продворянский курс правительства. В этом документе провозглашалось намерение «верховной власти» учредить банк для льготного кредитования помещиков. 18 и 23 апреля проект рассматривался в Соединенном присутствии департаментов государственной экономии и законов. Предложение Бунге о выдаче ссуд владельцам имений из других сословий было отклонено. Действие Положения распространялось только на дворян[46]. Общее собрание Государственного совета обсудило проект 20 мая и внесло в него существенную поправку — кредиты должны были выдаваться исключительно потомственным дворянам-землевладельцам[47]. 3 июня Положение утвердил Александр III[48].

Новый банк находился в ведении Министерства финансов и возглавлялся Советом в составе управляющего и нескольких членов. Бунге попытался хотя бы частично реализовать свою идею объединения обоих ипотечных учреждений. Он назначил Картавцова по совместительству управляющим и Дворянского банка. Министр финансов надеялся, что его доверенное лицо сумеет сдержать чрезмерные требования льготных кредитов со стороны помещиков. Действия Банка распространялись на губернии Европейской России кроме Финляндии, Царства Польского и Прибалтики. Отделения открывались при филиалах Государственного банка и казенных палатах. Ссуды выдавались закладными листами под залог земельной собственности в размере 60% стоимости имений (в особых случаях — до 75%) на срок 48 лет и 8 месяцев и 36 лет и 7 месяцев при ежегодной уплате 5% роста (плюс 0,5% на погашение и 0,25% на административные расходы). В случае просрочки платежей взыскивалась пеня (в первые 2 месяца 0,5%, затем 1%).

Дворянский банк предоставлял землевладельцам ряд льгот, которых не имели заемщики акционерных банков: 1) более продолжительные сроки ссуд; 2) более низкий ссудный процент (на 1,75% меньше, чем в Крестьянском банке, и на 2—3% — чем в акционерных банках); 3) более льготный порядок взимания просроченных платежей; 4) устанавливалась временная заповедность имений, заложенных в Банке, по сданному в опеку имению было возможным не платить в Банк восемь полугодовых платежей; 5) Банк имел право приобретать от своих заемщиков по специальной оценке участки заложенных имений, чтобы облегчить им владение остальной частью; 6) для наследников владельцев заложенных имений, а также для всех

заемщиков, имения которых постигло какое-либо бедствие, предоставлялась рассрочка на 3 года двух полугодовых платежей. По замыслу правительства, эти льготы должны были облегчить условия кредита для дворянства и оградить поместное землевладение от дальнейшего сокращения[49].

Вместе с тем Дворянский банк был учрежден как организованный по обычному типу кредитный институт. Это вызвало резкую критику его устава на страницах «Московских ведомостей» и «Гражданина»[50]. Катков считал, что «державная мысль» о помощи дворянству, пройдя через бюрократические инстанции, «потеряла много существенного для ее прочного, полезного и широкого осуществления»[51]. Мещерский обвинял Бунге в нарушении высочайшей воли. «Ни единого, увы, слова неправды или преувеличенного нет в том, что писал не раз о дурных замыслах воротил в Министерстве финансов на счет Дворянского банка, — сообщалось в письме-дневнике от 10 мая 1885 г. — Даже самые беспристрастные люди, как Исаков, даже самые благожелатели Бунге, как Абаза, громко говорят о тенденциозном и антидворянском характере проекта Дворянского банка, составленного по воле государя, желавшего этим банком дать средство дворянам-помещикам выпутаться из сетей и безвыходного положения». Мещерский сокрушался, что «бедный Бунге, увы, совсем в руках Жуковского, Картавцова и К°, самых ярых красных». По его убеждению, «проект Дворянского банка проникнут затаенной мыслью, которую, впрочем, составители его гг. Картавцов и Жуковский не скрывают — как можно менее помогать дворянству!»[52]. Либеральная пресса, напротив, осудила политику «подкармливания» разорившихся помещиков[53].

С открытием Банка сразу же возник огромный спрос на кредиты. К концу 1886 г. в губерниях уже действовало 25 отделений. В 1886 г. помещики получили 68,8 млн руб., в 1887 г. — 71,1 млн руб., т.е. в 7—8 раз больше, чем заемщики Крестьянского банка. Первый выпуск закладных листов был произведен на сумму 100 млн руб. Их реализация возлагалась на Государственный банк. Но поскольку подобная операция в короткий срок оказалась невозможной, то в течение четырех лет ссуды выдавались за счет дотаций Госбанка. За 1886—1889 гг. казенные ипотечные учреждения получили 257,5 млн руб. (из них 90% — Дворянский банк и только 10% — Крестьянский). Объем финансовых «вливаний» стал сокращаться лишь с 1890 года. Долг Госбанку погашался по мере реализации закладных листов. Помещики стремились прежде всего перевести свою задолженность из частных банков в Дворянский банк. На 1 января 1893 г. из 319 млн руб. кредитов Банка

на новые ссуды приходилось 35%, а остальные 65% были выданы на досрочное погашение долгов акционерным земельным банкам[54].

Еще во всеподданнейшей записке от 8 марта 1885 г. Бунге предупреждал императора, что «легкий, ничем не контролируемый кредит, как показывает опыт, нередко вводит землевладельцев в неоплатные долги и разоряет их — не такова, конечно, должна быть цель правительственного кредита»[55]. Его прогноз полностью подтвердился. Льготные ссуды либо просто «проедались» помещиками, либо расходовались ими на приобретение акций и участие в биржевой спекуляции на разнице между низким ссудным процентом в Дворянском банке и доходностью ценных бумаг. На 1 января 1889 г. недоимки составили 5,2% суммы капитального долга[56]. Заемщики все настойчивее требовали новых льгот, как по ссудам, так и по уплате задолженности Банку. И правительство вновь пошло им навстречу. По закону 12 октября 1889 г. ссуды разрешалось выдавать не закладными листами, а наличными деньгами, процент роста снижен с 5 до 4,5% при установлении более разнообразных сроков кредита с 11 до 66 лет и 6 месяцев[57].

За день до утверждения закона Бунге направил в Комитет финансов записку о положении дворянского землевладения. В обстановке аграрного кризиса, доказывал он, в содействии нуждаются не только потомственные дворяне-помещики, но и крестьяне, арендаторы, землевладельцы других сословий. Бывший министр финансов признавал, что «поместное дворянство составляет у нас интеллигентную консервативную силу, об охранении и поддержании которой правительство обязано заботиться в государственном интересе». При учреждении Дворянского банка этому сословию была дана возможность пользоваться кредитом при 5% роста, т.е. на тех же условиях, при которых само государство платит по своим займам. «Идти далее предоставления этого преимущества, — подчеркивал Бунге, — значило бы вызывать недовольство других сословий, сословную рознь, крайне нежелательную с точки зрения внутренней политики, рознь, какой у нас доселе не было»[58]. Однако его мнение осталось без внимания. В новом уставе 12 июня 1890 г. были закреплены все дарованные льготы, облегчены перезалог имений и пересрочка займов, деятельность Банка распространена на Закавказский край[59].

Дворянский банк сыграл видную роль в мобилизации земельной собственности. За 1889—1915 гг. 20529,2 тыс. дес. заложенной в нем земли было куплено потомственными дворянами (50,2%), крестьянами (19,6%), купцами и мещанами (9,2%), лицами других сословий (21%). Вопреки замыслам его

основателей, Банк объективно способствовал «утечке» земель от тех помещиков, которые не могли организовать рациональное ведение хозяйства в период пореформенной перестройки. Идеальным вариантом для них была продажа имений крестьянам, купцам и мещанам по сильно завышенным ценам. Банк не сохранил зафиксированную в уставе «сословную чистоту». Заложенные земли переходили к новым владельцам-недворянам, которые становились заемщиками. Их число среди клиентов Банка в 1897—1915 гг. увеличилось с 6,2 до 40,7 процентов[60].

Государственный ипотечный кредит занял исключительно важное место в кредитной системе России. Это объяснялось неразвитостью других форм сельскохозяйственного кредита, отсутствием капиталов, необходимых для адаптации к новым экономическим условиям, активной позицией государства, которое пыталось с помощью ипотечных учреждений регулировать поземельные отношения, огромными массивами помещичьих земель. Крестьянский и Дворянский банки создавались с целью консервации сословных принципов в землевладении. Но по мере изживания крепостнического наследия в аграрном строе и ускорения мобилизации земельной собственности ипотечный кредит неизбежно утрачивал сословный характер[61].

Министр финансов не упускал из поля зрения и частный кредит. «Признавая, что государство обязано являться на помощь предприятиям, имеющим государственное значение, и что в России такие случаи должны представляться чаще, чем в Западной Европе, — отмечал он в сентябрьской записке 1880 г., — нельзя не признать, однако, явлением анормальным, что частные лица и акционерные общества обращаются за ссудами и пособиями к правительству в то время, когда у нас существует много частных банков»[62]. Во всеподданнейшем докладе о бюджетной росписи на 1883 г. Бунге указывал на необходимость «принять меры к облегчению пользования кредитом и к упрочению положения общественных и частных кредитных установлений»[63]. Во всеподданнейшем докладе от 3 сентября 1882 г. он наметил план действий финансового ведомства в этой области: 1) корректировка правил об учреждении акционерных коммерческих банков; 2) удешевление кредита в акционерных земельных банках и упрочение доверия к ним со стороны землевладельцев; 3) установление надлежащего правительственного надзора за функционированием городских общественных банков; 4) расширение сети сберегательных касс[64].

В октябре 1882 г. Бунге внес в Государственный совет представление об отмене ограничений закона 31 мая 1872 г., касающихся открытия новых акционерных банков. Он мотивировал это тем, что за последние восемь лет банковское учредительство

вообще прекратилось. В 1874—1880 гг. количество банков уменьшилось с 39 до 33, оборотный капитал — с 106 млн до 88 млн руб., вклады и текущие счета — с 299 млн до 207 млн руб., вексельный портфель — с 224 млн до 140 млн руб., ссуды под процентные бумаги и товары — с 131 до 115 млн руб. Министр финансов признал положительное значение закона 1872 г., прекратившего учредительскую спекуляцию, но в то же время указал на признаки окончания банковского кризиса.

В представлении подчеркивалось, что ограничения были временной мерой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами. Между тем рост числа кредитных учреждений и развитие их операций имеет огромное значение для народного хозяйства. Бунге отметил успехи, достигнутые в этой области западными странами за последние десятилетия. «Правильно устроенные банки, — писал он, — составляют могущественное средство и для накопления сбережений, и для обращения их на пользу земледелия, промышленности и торговли. (...) Поэтому везде, где развивалось банковое дело на сколько-нибудь правильных началах, страна сбрасывала с себя зависимость от иностранных капиталов, ее денежный рынок становился источником для покрытия внутренних займов и для выполнения больших общеполезных мероприятий». По мнению Бунге, кредитные учреждения должны быть доступны для населения, деньги вкладчиков — застрахованы от нерациональных затрат. Министр финансов считал, что надзор за выполнением банками установленных правил целесообразнее осуществлять не в форме непосредственного участия в управлении официальных лиц, а путем проведения правительственных ревизий[65].

Государственный совет в целом согласился с доводами Бунге[66]. Закон, утвержденный императором 5 апреля 1883 г., снял запреты с учредительства банков, но подчинил их деятельность некоторым дополнительным ограничениям: число учредителей не должно быть менее 5 человек; сумма обязательств банка ограничена 5-кратным (вместо 10-кратного по закону 1872 г.) отношением к собственному капиталу банка; сумма кредита одному клиенту не должна превышать 10% акционерного капитала; членам правления запрещалось пользоваться кредитом своего банка, а также совмещение административных должностей в разных кредитных учреждениях; акционерам (не менее трети голосов в общем собрании) предоставлено право требовать правительственной ревизии банка; и др.[67]

Совет поручил Бунге провести общий пересмотр устаревшего акционерного законодательства[68]. По-видимому, речь вновь шла о введении явочного учредительства. В начале 1886 г. Бунге говорил в Комитете министров, что в его ведомстве ве-

дется разработка проекта об акционерных компаниях, который предполагается внести в Государственный совет в ближайшую сессию[69]. Однако вопрос об акционерной реформе был вновь отодвинут на дальнюю перспективу.

Закон 5 апреля 1883 г. не привел к заметному оживлению учредительства. До конца 1892 г. возникло только 6 новых банков. Тем не менее за это десятилетие вклады и текущие счета всех акционерных банков увеличились с 214 до 301 млн руб., объем учетно-ссудных операций — с 318 до 481 млн руб. Несмотря на заявление Бунге об окончании банковского кризиса, поддержка Государственным банком учреждений коммерческого кредита еще более возросла, достигнув особого размаха в 1882—1883 гг. Всего за 1881—1886 гг. частные банки получили 196 млн руб., из них акционерные — 82,5 млн руб. Остальная сумма приходилась на общества взаимного кредита, городские общественные банки и учреждения мелкого кредита (ссудосберегательные товарищества и др.).

Преимущественным вниманием Министерства финансов пользовались общества взаимного кредита. Сумма предназначенных для них дотаций Государственного банка за 1881—1886 гг. составила 86,5 млн руб. Несмотря на сокращение числа обществ, их основной капитал в 1882—1886 гг. увеличился с 11 млн до 15,4 млн руб.[70] 14 февраля 1884 г. были утверждены новые правила созыва собраний участников обществ[71]. 25 февраля 1885 г. акционерные банки и общества взаимного кредита получили право закладывать и перезакладывать процентные бумаги и товары в других кредитных учреждениях[72].

С целью облегчить положение заемщиков-землевладельцев правительство усилило контроль за деятельностью акционерных земельных банков. 16 октября 1882 г. министру финансов было предоставлено право: 1) приостанавливать выпуски закладных листов, если размер ссуд не соответствует требованиям устава и может поставить под угрозу платежеспособность банка; 2) допускать выпуск акций с условием, чтобы за каждую сверх нарицательной цены вносилась часть биржевой премии (не менее 50%) для создания резервного фонда на покрытие возможных убытков при продаже просроченных залогов[73]. 6 мая 1886 г. на акционерные земельные банки были распространены правила Дворянского банка о льготах по рассрочке недоимок и уменьшению пени[74]. На 1 января 1893 г. в банках было заложено 15,7 млн дес. земли (13,7% всех частновладельческих земель), общая сумма ссуд составила 339,6 млн руб.[75]

В меньшем масштабе проводилось кредитование городских общественных банков. За 1881—1886 гг. они получили от Гос-

банка только 21 млн руб. Между тем именно эти учреждения (в 1881 г. их было 294) находились в наиболее тяжелом положении. Многие банки втянулись в рискованные операции и впали в полное расстройство. Другие занимались кредитованием местных дельцов, от которых во время выборов зависело замещение должностей в совете банка. Это побудило финансовое ведомство пересмотреть устав 6 февраля 1862 г. В представлении в Государственный совет от 27 сентября 1882 г. Бунге перечислил основные недостатки действующего законодательства: 1) отсутствие четкого определения степени материальной ответственности по обязательствам банков, возложенной на городские думы; 2) отсутствие запрета состоять в совете банка лицам, занимающим должности в органах городского самоуправления, а также связанных между собой или близким родством, или общим участием в коммерческих делах; 3) поручение надзора за деятельностью банков городским думам, что на практике чрезвычайно затрудняет выявление и пресечение злоупотреблений в тех случаях, когда в них замешаны лица из органов самоуправления, имеющие деловые отношения с банком[76].

Закон, принятый 26 апреля 1883 г., более точно определил порядок каждой банковской операции, ввел ограничения размеров открываемых кредитов, регламентировал систему надзора со стороны городских дум и предоставил Министерству финансов право на проведение в банках правительственных ревизий[77]. В 1883—1891 гг. финансовое ведомство ревизовало 68 банков, дела которых находились в особо плачевном состоянии. В 1882—1889 гг. основной капитал банков оставался на одном и том же уровне (22—23 млн руб.), общая сумма выданных ссуд уменьшилась с 60,8 млн до 42,1 млн руб., валовая прибыль — с 14 млн до 9,3 млн руб. Вместе с тем заметно улучшилась качественная сторона операций, о чем свидетельствовало уменьшение суммы убытков и опротестованных векселей[78].

Крах нескольких крупных акционерных и городских общественных банков в конце 70-х — начале 80-х годов поставил перед финансовым ведомством вопрос о пересмотре порядка ликвидации коммерческих кредитных учреждений. По закону 22 мая 1884 г. они должны были закрываться не только в результате объявления о несостоятельности, но и в том случае, если основной, оборотный или паевой капиталы уменьшались от понесенных убытков на одну треть. При закрытии банка министр финансов взамен конкурсного управления назначал правительственную ликвидационную комиссию[79]. Впоследствии такие комиссии были образованы по делам о несостоятельности Владикавказского городского общественного банка, Орлов-

ского и Козловского обществ взаимного кредита, Российского торгового и комиссионного банка.

Бунге принял меры для развития сберегательного дела. В 1880 г. в стране было всего 76 городских касс, которые выдали 104 тыс. книжек и приняли вкладов на сумму 9 млн руб.[80] 19 мая 1881 г. последовало повышение процента по вкладам с 3 до 4%[81]. 21 февраля 1884 г. Министерству финансов было предоставлено право учреждать кассы при губернских и уездных казначействах, а также отделения касс во всех городах, пригородах, крупных торгово-промышленных и земледельческих поселениях[82]. В 1886 г. в России действовали уже 557 касс с суммой вкладов 43,9 млн руб. по 306 тыс. книжек. Впоследствии Государственному банку было разрешено открывать кассы при почтах, телеграфах, фабриках, заводах (26 июня 1889 г.) и таможнях (4 апреля 1893 г.), а по новому уставу 1 июня 1895 г. — при всех правительственных и общественных учреждениях и частных заведениях[83].

В начале 80-х годов многие губернаторы ходатайствовали об открытии кредитных учреждений в сельской местности, так как масштаб деятельности ссудо-сберегательных товариществ был совершенно недостаточным для всей крестьянской России. 4 мая 1882 г. обществам взаимного кредита было разрешено выдавать краткосрочные ссуды сельским обществам и товариществам из крестьян[84]. 25 января 1883 г. был утвержден устав сельских ссудо-сберегательных касс, которые открывались там, где создание ссудо-сберегательных товариществ встречало затруднения[85]. Их основной капитал (не менее 300 руб.) складывался из свободных мирских сбережений и сумм, пожертвованных земствами и частными лицами. В отличие от товариществ, кассы представляли собой общественные учреждения, которые управлялись советом, избираемым сельским сходом. Ссуды (не более 5% основного капитала) выдавались под залог и поручительство на срок до одного года с допущением шестимесячной отсрочки, причем крестьянам только тех обществ, которые участвовали в учреждении кассы. К 1 января 1892 г. были открыты 184 кассы с основным капиталом 464 тыс. руб.[86] В 1881—1886 гг. учреждения мелкого кредита всех видов получили от Государственного банка 6 млн руб.

В.Т.Судейкин утверждал, что «кредитная часть составляет самую бесцветную деятельность финансового управления Н.Х.Бунге: в этой отрасли не было ни системы, ни широкого понимания государственных потребностей»[87]. П.П.Мигулин вполне правомерно оспорил это мнение. По его словам, «строго обдуманная система» применялась министром финансов в сфере кредита так же, как и в податной политике[88]. При Бунге

завершился начавшийся с середины 70-х годов поворот правительственной политики от поощрения учредительства частных банков к регламентации их деятельности. Новое законодательство стало юридической основой для широкого надзора Министерства финансов за операциями банков, искусственно снижало конкуренцию между ними и создавало для них полумонопольное положение с целью предотвращения крахов и возможных экономических потрясений. Это было особенностью народного хозяйства России, так как в развитых странах Запада вплоть до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. господствовала система свободного учредительства коммерческих банков. Следствием государственной регламентации стала малочисленность акционерных кредитных учреждений и централизация капиталов в немногих крупных банках[89].

6. Русский рубль: к золотому монометаллизму

В сентябрьской записке 1880 г. Бунге посвятил особый раздел задаче урегулирования дезорганизованного войной денежного обращения. С 1877 по 1879 г. сумма кредитных билетов в обращении увеличилась с 790 млн до 1188,1 млн руб. К 1 января 1881 г. долг Казначейства Государственному банку достиг 419,5 млн руб., из них 417 млн руб. по кредитным билетам временного выпуска. Золотой и серебряный фонд сократился с 231,2 млн руб. в 1876 г. до 171,4 млн руб. в 1881 г. Металлическое обеспечение массы бумажных денег в 1876—1879 гг. уменьшилось с 28,8 до 12,4%. Курс рубля на золото упал с 80,7 (1876 г.) до 64,8 коп. (1880 г.)[1].

Бунге считал опасными какие-либо «решительные меры» для повышения курса рубля. «Неудача могла бы неблагоприятно отозваться на государственном кредите, но этого мало, — писал он, — безуспешная попытка поддержать курс искусственными средствами, а тем более опыты покупки золота для усиления металлического фонда в банке или продажи золота для извлечения кредитных билетов, могли бы только внести некоторое замешательство в дела торговли, которая основывает свои расчеты на существующей ценности кредитного рубля». Бунге предлагал отложить коренные преобразования до более благоприятного момента и пока ограничиться самыми неотложными мерами: 1) прекратить новые выпуски бумажных денег; 2) сократить количество кредитных билетов в обращении до предвоенной нормы; 3) разрешить заключать сделки на монету и принимать платежи в Казначейство в металлической валюте[2].

1 января 1881 г. был обнародован указ, в котором объявлялось о прекращении эмиссии денежных знаков и повелевалось: «1. Уплатить ныне же из средств Государственного казначейства Государственному банку сумму, потребную для уменьшения ло четырехсот миллионов рублей долга Банку по произведенным им за счет казны расходам. 2. Погашать остальную сумму долга 400 миллионов рублей ежегодными, начиная с 1881 года, уплатами из казны Банку в размере пятидесяти миллионов рублей в год; и — 3. Уничтожать кредитные билеты по мере накопления их в кассах Банка и по соображению с потребностью в денежном обращении». Полученные Банком суммы предполагалось использовать для государственных нужд и финансирования промышленности[3]. Поскольку долг Казначейства составлял 419,6 млн руб., то 19,6 млн руб. были перечислены со счета железнодорожного фонда на счет сумм Государственного банка.

Указ вызвал недовольство поместного дворянства, получившего немалые выгоды от инфляции в годы войны и послевоенного хозяйственного подъема. Катков трактовал этот акт как «гнусные происки либеральной партии». Он выступал за новые выпуски неразменных кредитных билетов и заявлял о «полезном действии расширенного денежного обращения» на народное хозяйство[4]. «Московские ведомости» и «Гражданин» постоянно твердили об огромном ущербе для экономики в случае сокращения массы бумажных денег и восстановления металлического обращения[5]. Мещерский писал, что это «было бы в настоящее время настоящим бедствием для России», а попытки Министерства финансов добиться разрешения сделок на монету назвал «турецкой мерой», с осуществлением которой «начнутся всякие отрасли жидовской и нежидовской спекуляции»[6]. Эту позицию разделяли консервативные публицисты Н.Х.Вессель, Н.Я.Данилевский, Н.А.Новосельский. Теорию бумажноденежного обращения развивали экономисты А.Я.Антонович, Н.Ф.Мец и др.[7]

Либеральная печать защищала политику финансового ведомства[8]. Бунге также возражал своим оппонентам. В докладе, представленном Александру III в конце августа 1882 г., он указал на многие факторы, в той или иной степени влияющие на курс бумажных денег, и в том числе — на террористические акты, еврейские погромы и внешнеполитические осложнения. «Главная причина низкого курса нашего бумажного рубля, — писал он, — заключается, однако, в неразменности кредитных билетов, в задолженности и нашего Государственного казначейства, и нашей промышленности заграничным капиталистам, наконец, в наших финансовых дефицитах».

В докладе Бунге сформулировал программу действий Министерства финансов: извлечение из обращения кредитных билетов временного выпуска и замена их звонкой монетой, упорядочение бюджета, переход к покровительственному таможенному тарифу и активизация расчетного баланса, преобразование кредита и налоговой системы. Он подчеркнул, что эти меры могут дать только постепенное улучшение, но других средств для нормализации денежного обращения не существует. Поэтому мнение о пользе новых выпусков кредитных билетов для развития промышленности и торговли является не чем иным, как «теоретической ошибкой»[9]. Сходные мысли Бунге изложил и во всеподданнейшем докладе о бюджете на 1883 г.: «Упрочение курса кредитного рубля и восстановление его ценности могут быть достигнуты лишь постепенно, мерами, способствующими укреплению внутреннего и внешнего кредита государства, при превышении в течение многих лет доходов над расходами, при развитии внутреннего производства и уменьшении заграничных платежей. Всякая попытка сразу поднять курс кредитного рубля могла бы иметь только минутный успех и окончилась бы непременно неудачей, послужив лишь к наживе в биржевой игре»[10].

Министр финансов предпринял конкретные шаги для восстановления металлического обращения. 26 июня 1881 г. была вновь разрешена прекращенная в 1876 г. чеканка серебряной монеты[11]. В начале декабря Бунге внес в Комитет финансов представление о допущении приема и выдачи казной золотой и серебряной монеты, заключении сделок на монету между частными лицами, а также между казной и частными лицами. Он отмечал, что «установление в России такой денежной системы, которая не исключала бы звонкой монеты из обращения, необходимо для довершения славного начала, положенного указом 1 января 1881 года». С его точки зрения, «уменьшением количества бумажных денег, утративших часть своей ценности, нельзя еще достичь ни восстановления нарицательной, ни окончательного упрочения существующей ценности кредитного рубля, ни обеспечения внутреннего рынка деньгами соответственно ощущаемой в них потребности». Желая отвести от себя возможные подозрения в стремлении к девальвации, министр финансов заявлял, что считает ее «несовместимой с истинными интересами и государственного кредита, и народного хозяйства»[12].

На заседании Комитета финансов 7 декабря проект Бунге получил одобрение. Председательствующий Рейтерн выразил надежду, что появление в обращении звонкой монеты послужит регулятором вексельного курса рубля, так как всякое его

понижение вызовет отлив золота за границу и предотвратит дальнейшее падение, а при повышении курса зарубежные покупатели сочтут для себя выгодным вносить часть платежей монетой[13]. 10 марта 1883 г. представление министра финансов еще раз рассматривалось в Соединенных департаментах Государственного совета. Признав правомерность инициативы Бунге, участники заседания вместе с тем расценили ее как преждевременную, поскольку «одно разрешение производить платежи звонкой монетой по курсу и заключать на нее сделки не может еще иметь последствием водворение этой монеты на внутреннем рынке». Они пришли к мнению, что восстановление металлического обращения при невыгодном для России расчетном балансе может привести к утечке золота за границу. Соединенные департаменты постановили вновь вернуться к обсуждению вопроса, когда предписания указа 1 января 1881 г. будут в основном выполнены и значительная часть кредитных билетов временного выпуска уничтожена. Это решение было утверждено Общим собранием Государственного совета 4 мая 1883 г.[14]

Тогда Бунге сосредоточил свое внимание на создании предпосылок для нормализации денежного обращения. Особое значение Министерство финансов придавало активизации расчетного баланса. Таможенный протекционизм и форсирование хлебного экспорта обеспечили России достаточно стабильное внешнеторговое преимущество. Однако этого было недостаточно. Важная роль в изменении баланса отводилась ввозу иностранных капиталов — государственным займам, инвестициям в промышленность, торговлю, транспорт, банки и др. Главным руслом притока капиталов оставались займы. 6%-ная и 5%-ная золотые ренты 1883 и 1884 гг. дали казне в переводе на кредитные рубли 102,8 млн. С их помощью Министерство рассчитывало пополнить истощенный металлический фонд. Это вызвало сильные нарекания на Бунге со стороны консервативной печати[15]. «Московские ведомости» указывали на несправедливость предоставления особых выгод заграничным покупателям облигаций по сравнению с русскими и вообще на нежелательность внешних займов, более обременительных для казны, чем внутренние займы в кредитных рублях[16]. «Русские ведомости» проницательно заметили, что неприятие у Каткова вызывают не условия, а цель займов — накопление золота и восстановление металлического обращения[17].

Однако в 1881—1886 гг. расчетный баланс неизменно сводился с пассивным сальдо. Причинами этого были рост платежей по импорту и займам, огромные расходы русских путешественников за границей (138,6 млн руб. за 1882—1886 гг.)[18].

Министерство финансов не сумело выполнить и предписаний акта 1 января 1881 г. Из-за нехватки средств уплата Казначейством долга Государственному банку фактически была прекращена указом 8 июня 1884 г.[19] К этому моменту за 1881—1883 гг. из 419,5 млн руб. задолженности Банк получил лишь 169,5 млн руб. (из них 167 млн руб. по кредитным билетам временного выпуска). Согласно указу, погашение оставшейся части долга должно было производиться облигациями 5%-ной золотой государственной ренты. Из 250 млн нарицательной суммы ренты в 1885—1888 гг. Банк реализовал только 76,5 млн руб. Остальная сумма в размере 173,5 млн руб. так и не была уплачена казной[20].

В 1883—1885 гг. кредитных билетов удалось изъять и уничтожить всего на сумму 87 млн руб. Старания Министерства финансов по восстановлению ценности денежной единицы до паритета не дали положительных результатов. Колебания курса рубля на европейских биржах не прекращались. Курс рубля на золото в 1881—1886 гг. упал с 65,8 до 58,9 коп.[21] Колебания рубля усиливались биржевой спекуляцией, центром которой была Берлинская биржа. В 80-е годы Германия занимала первое место во внешнеторговом обороте России и являлась главным заграничным рынком размещения русских ценных бумаг. Особенность спекуляции на курсе рубля заключалась в том, что биржевики оперировали наличными кредитными билетами. Они поступали на биржу в качестве доходов от внешней торговли, через путешественников и русские банки, тесно связанные с берлинскими финансистами. Это подрывало международный кредит России, доверие к ее денежной единице.

Свидетельством провала дефляционной политики стало также стеснение внутреннего денежного рынка. Из-за крайне ограниченного характера кредитных сделок в стране изъятие даже 87 млн руб. (без замены их звонкой монетой) привело к недостатку денежных знаков в обращении, что способствовало еще большему углублению затянувшейся депрессии в промышленности. Все это заставило финансовое ведомство признать невозможность реализации указа 1 января 1881 г. «Теперь, — писал Бунге в одном из представлений в Комитет финансов в ноябре 1885 г., — понижение цены кредитного рубля после Восточной войны представляется совершившимся фактом и, сообразно с ценой кредитного рубля, установились цены всех произведений земледелия и промышленности. Если бы даже возвышение вексельного курса и последовало от дальнейшего уничтожения кредитных билетов, то оно вызвало бы новое колебание цен, а главным образом их понижение, что нисколько

не желательно при современном стесненном положении торговли и промышленности, а следовательно, и самое уничтожение кредитных билетов было бы несогласно с указаниями закона 1 января 1881 г.»[22]

После фактического прекращения дефляции Бунге считал своей главной задачей борьбу с колебаниями курса рубля и его фиксацию на установившемся уровне. Во всеподданнейшей записке от 8 марта 1885 г. он уверял Александра III, что финансовое ведомство отнюдь не имеет в виду девальвацию денежной единицы[23]. Но на самом деле долговременный отказ от восстановления размена рубля по номинальной стоимости не предполагал другого исхода. В эти годы многие прежние противники девальвации постепенно смирялись с ее неизбежностью.

Бунге осознал обреченность всех попыток стабилизировать рубль на традиционной серебряной основе. Он убедился, что золотой монометаллизм в перспективе является наиболее приемлемой для России системой денежного обращения. Еще весной 1884 г. по указанию министра финансов была прекращена продажа за границу золота, поступавшего за счет внешних займов и таможенных сборов. Эта операция проводилась с целью поддержки курса рубля. Бунге распорядился начать сосредоточение золота на особом текущем счету Казначейства в Государственном банке. Он рассматривал эту меру как эффективное средство для противодействия биржевой спекуляции на понижение курса рубля[24]. К 1 января 1887 г. стоимость накопленного металла в кредитных рублях составляла 88,8 миллионов[25].

Выводы Бунге строились на учете кардинальных перемен на мировом рынке и их влияния на Россию. С 70-х годов XIX в. движение западных стран к золотому монометаллизму приобрело всеобщий характер (Англия перешла к золотой валюте еще в 1816 г.). Это было связано со стремительным ростом товарного обмена и развитием кредитных отношений. В передовых государствах Запада возникла сеть крупных акционерных банков с широкомасштабными операциями безналичных расчетов. Серебро становилось слишком дешевым и неудобным товаром для выполнения функций меры стоимости и средства обращения. Другим решающим фактором демонетизации серебра явилось его обесценение. Вследствие открытия обширных месторождений в Америке и сокращения издержек по добыче серебра с 1870 по 1900 г. его стоимость упала более чем в два раза.

На мировом рынке ясно обозначилась тенденция перехода функции денег к более дорогому денежному товару — золоту. Его стоимость оставалась стабильной и даже несколько повысилась. Открытие богатейших калифорнийских (1848 г.) и австралийских (1851 г.) россыпей, а в 1885 г. — южноафриканских запасов золотоносной руды позволило резко увеличить добычу золота, которая ранее всегда отставала от добычи серебра, и удовлетворить значительно возросшую потребность экономики в этом драгоценном металле. С 1846 по 1908 г. его было получено 919,6 тыс. пуд. на 19,5 млрд руб., т.е. в 3,5 раза больше, чем за предшествующие три с половиной столетия. Росту добычи золота способствовало применение новых технических усовершенствований в золотопромышленности, которая превратилась в отрасль современной индустрии. Все эти обстоятельства сыграли свою роль в вытеснении серебра из денежного обращения и установлении на мировом рынке монополии золота.

Введение золотой валюты было для России назревшей необходимостью. Со второй половины 70-х годов платежи серебром окончательно утратили надежность. Все финансовые расчеты отныне производились только на кредитные билеты и золото. Внешние займы правительство также заключало исключительно на золото. В стране остро ощущался недостаток в золотой денежной единице. Находившаяся в обращении золотая монета не имела самостоятельного значения, поскольку она опиралась не на собственную основу, а на серебро и кредитные билеты[26].

Однако в той ситуации сколько-нибудь быстрый переход к золотой валюте был невозможен. Для наполнения каналов металлического обращения требовалось значительное увеличение золотого запаса. При этом нельзя было надеяться на интенсивный рост добычи золота. Золотопромышленность России оставалась полукустарной. Из-за дешевизны рабочей силы технические нововведения применялись в малой степени. В 80-е гг. количество полученного на приисках золота заметно не увеличилось. Вследствие пассивного расчетного баланса возрастание золотого запаса (разменного фонда, средств Казначейства и Госбанка) происходило медленно: с 235,6 млн руб. в 1881 г. до 281,5 млн руб. в 1886 году.[27]

В ноябре 1885 г. Бунге предложил Комитету финансов: 1) официально прекратить расчеты Казначейства с Государственным банком по оставшимся 330 млн руб. временного выпуска и причислить эту сумму к кредитным билетам постоянного выпуска; 2) обеспечить эту сумму переводом в разменный фонд 30 млн руб. золотом из свободной наличности Казначейства в Государственном банке, процентных бумаг, находящихся в портфеле Банка и в активе счетов по ликвидации старых кредитных учреждений, а также 200 млн руб. 5%-ной золотой

ренты[28]. Это позволило бы увеличить разменный фонд почти в три раза. Но Комитет финансов счел, что подобная мера «могла бы подать повод к толкам, вредным для государственного кредита»[29]. Поэтому сумма разменного фонда (171,4 млн руб.) в 1881—1886 гг. не изменилась. Лишь по причине изъятия 87 млн руб. его отношение к количеству кредитных билетов несколько увеличилось с 15,1 до 16,4%[30].

Важным событием стало утверждение 17 декабря 1885 г. нового монетного устава[31]. Вместо 83 1/3 пробы для серебриной и 88-й для золотой монеты была принята 900-я проба по образцу большинства европейских государств. Содержание чистого золота в полуимпериале понижалось с 135 до 130,68 долей и приравнивалось к 20-франковой монете. Отныне он мог свободно обращаться за границей без переплавки и понижения цены. В уставе определялись также терпимость в пробе и весе монет, некоторое уменьшение их диаметра и др. Эти изменения имели целью приблизить монету России к европейским стандартам, укрепить доверие к ее достоинству на мировом рынке и упростить расчеты в заграничных платежах. Однако устав не затрагивал сущности монетной системы. Серебряный рубль сохранялся как основная монетная единица.

Накануне отставки Бунге в Министерстве финансов в целом сложилась концепция будущей денежной реформы, смысл которой заключался в девальвации рубля и переходе к золотому монометаллизму. Вышнеградский продолжил дело своего предшественника. Дальнейшее ограничение импорта, рост вывоза и внешние займы позволили ему активизировать расчетный баланс и в 1887—1892 гг. увеличить золотой запас с 273,7 до 581,5 млн руб., металлической фонд — с 211,4 до 361,5 млн руб. Курс рубля на золото уже к 1890 г. поднялся до 72,6 коп.[32] Однако голод и депрессия в промышленности 1891—1892 гг. отсрочили денежную реформу на несколько лет.

7. Преобразование железнодорожного хозяйства

Годы министерской деятельности Бунге совпали с первым этапом огосударствления железных дорог в России. В 80-х годах проблема государственного железнодорожного регулирования для противодействия хищнической эксплуатации дорог крупнейшими монополиями приобрела международный характер. Огосударствление дорог в широких масштабах развернулось в Австро-Венгрии, Бельгии, Голландии, Франции и других европейских странах. С наибольшей интенсивностью этот процесс протекал в Германии, где в 1891 г. 93% всех дорог принадлежало государству. К началу XX в. государственные железные дороги составляли 30% мировой сети[1].

В России общественное мнение также требовало покончить с дезорганизацией железнодорожного транспорта. Расхождения обнаруживались лишь в вопросе о степени государственного вмешательства. «Московские ведомости» и «Гражданин» призывали к замене частного железнодорожного хозяйства государственным по примеру Германии[2]. Либеральная пресса выступала за возвращение железных дорог в «казенные руки», но предостерегала от «поспешности и нерасчетливости в этом деле»[3].

Подобную точку зрения отстаивал и Бунге. Во всеподданнейшей записке от 4 сентября 1881 г. он высказал сомнение в том, что полное и быстрое огосударствление дорог гарантирует успех. «Хорошая эксплуатация, — писал министр финансов, — требует предоставления управлению большей свободы действий, упрощения его устройства и хорошего личного состава, отличающегося служебной выдержкой. Результаты, достигнутые в Голландии, Бельгии, Вюртемберге, Баварии и Пруссии, указывают на возможность успеха, но последний становится сомнительным в том случае, когда государственное железнодорожное хозяйство сразу получает слишком обширные размеры». Он считал более целесообразным сохранить частные железные дороги, подчинив их более строгому правительственному контролю, и превращать эти линии в собственность казны только в случае необходимости по государственным или чисто финансовым соображениям[4].

В сентябрьской записке 1880 г. Бунге подчеркнул срочность задачи урегулирования «финансовой стороны» железнодорожного хозяйства. «Нельзя допустить, — писал он, — чтобы железные дороги постоянно вели свое хозяйство за счет Государственного казначейства, чтобы казна, давая деньги, позволяла расточать их даже непроизводительно и по всем расходам принимала на себя гарантию процентов и погашения, а затем и убытки, от того происходящие». Бунге предложил упразднить железнодорожный фонд, существование которого с 1877 г. стало фиктивным, поскольку все расходы на строительство дорог производились из общего бюджета[5]. За 1867—1883 гг. в фонд поступило 958,3 млн руб., израсходовано — 1065,2 млн руб., т.е. долг фонда Казначейству составлял 106,9 млн руб.[6] Вопрос о ликвидации фонда впервые рассматривался Комитетом финансов 20 декабря 1881 года.[7] Окончательное решение о передаче всех наличных сумм и процентных бумаг фонда Казначейству состоялось 13 февраля 1883 года. Постановление

Комитета финансов 25 февраля было утверждено Александром III[8].

Поворот правительственной политики к внедрению государственной системы хозяйства на железных дорогах был связан с деятельностью возглавляемой Э.Т.Барановым межведомственной комиссии для исследования железнодорожного дела в России (1876—1884 гг.), активную роль в которой играли чиновники Министерства финансов. 12 июня 1885 г. император утвердил решение Комитета министров о введении Общего устава российских железных дорог и учреждении Совета по железнодорожным делам[9]. Устав представлял собой основной железнодорожный закон и устанавливал единые юридические нормы эксплуатации железнодорожного транспорта. Он регламентировал деятельность и отчетность транспортной администрации, порядок перевозок людей и грузов. Совет по железнодорожным делам создавался при Министерстве путей сообщения. В его состав кроме чиновников разных ведомств входили представители торговли, промышленности и частных железных дорог. Компетенции Совета подлежали все дела, касающиеся строительства и эксплуатации линий. Однако этот орган был лишен распорядительных функций и в дальнейшем не играл весомой роли в железнодорожной политике.

Растущая задолженность частных компаний Казначейству, достигшая к концу 1886 г. 1 млрд руб., ложилась на бюджет тяжелым бременем[10]. Поэтому правительство провело серию контрольно-финансовых мероприятий. 9 октября 1881 г. состоялось высочайшее повеление об обязательном представлении частными компаниями в министерства финансов и путей сообщения, Государственный контроль сведений о тарифах и перевозках[11]. 10 декабря 1883 г. было принято постановление о передаче всех железнодорожных дел в ведение Комитета министров, а вопросы, связанные с расходованием сумм из Казначейства, возлагались на Департамент государственной экономии Госсовета[12].

13 июня 1884 г. император одобрил временные правила о надзоре за оборотами обществ Балтийской, Лозово-Севастопольской и Московско-Брестской железных дорог в виде опыта на два года. По представлению государственного контролера (по соглашению с министрами финансов и путей сообщения) в Комитет министров эти правила могли распространяться и на другие частные линии, в доходности которых правительство было непосредственно заинтересовано. Кроме того, было решено образовать при Министерстве путей сообщения межведомственную комиссию из представителей Государственного контроля, министерств финансов и путей сообщения для изучения счетоводства частных железных дорог, а также проверки отчетов тех компаний, в которых за последние годы не проводились ревизии[13]. Комиссия вскрыла ряд крупных злоупотреблений и в 1884—1888 гг. разработала единую систему счетоводства и общие нормы для смет и балансовых отчетов, ставшие обязательными для железнодорожной администрации. 10 февраля 1886 г. при Государственном контроле была учреждена другая межведомственная комиссия для проверки отчетов железнодорожных компаний[14]. 11 июля 1886 г. Комитет министров предоставил Совету по железнодорожным делам право устанавливать тарифы прямого железнодорожного заграничного сообщения[15]. Все эти меры позволили правительству усилить свое влияние в области частного железнодорожного хозяйства.

Расширение государственного вмешательства в наибольшей степени было связано с выкупом частных железных дорог в казну. Основными мотивами этой операции были финансовая несостоятельность частных компаний, необходимость реорганизации и централизации сети, военно-стратегические и политические планы правительства. При Бунге были выкуплены четыре линии (Харьково-Николаевская, Тамбовско-Саратовская, Муромская и Путиловская) общей протяженностью 1324 версты. Выкуп осуществлялся путем перевода на Казначейство остатка облигационного капитала дороги и аннулирования всех долгов железнодорожного общества. Выкупное вознаграждение выдавалось ценными государственными бумагами (рентой и облигациями) и наличными деньгами за акционерный капитал и премии правлению. Как правило, выкупная стоимость бывших частных дорог в несколько раз превышала действительную стоимость огосударствленного железнодорожного имущества. Подавляющая часть этих дорог состояла из малодоходных и технически слабо оснащенных линий, не справлявшихся с элементарными требованиями перевозок. Поэтому после перехода в казну требовались огромные расходы по их реконструкции и капитальному ремонту[16].

В первой половине 80-х годов вопрос о целесообразности выкупа всех частных железных дорог в собственность государства считался еще невыясненным. Приобретение казной четырех линий было вызвано случайными причинами, в основном финансовым банкротством железнодорожных компаний. В представлении в Комитет министров от 13 января 1884 г. Бунге отметил «полный успех» выкупа дорог в Германии. По его мнению, подобная операция в России могла бы впоследствии дать немалый доход казне и хотя бы отчасти возместить ее затраты на железнодорожное строительство. Тем не менее он указал на

отсутствие достаточного опыта в деле государственной эксплуатации дорог для окончательного вывода о преимуществах этой системы[17]. На заседании 13 марта 1884 г. Комитет министров признал правоту главы финансового ведомства и ограничился постановлением о выкупе только тех частных линий, переход которых в казну может состояться на необременительных для нее условиях[18].

Под натиском консервативной печати, выступавшей за форсированное огосударствление железных дорог, Бунге незадолго до отставки еще раз официально высказался по этому вопросу. Во всеподданнейшей записке от 7 ноября 1886 г. он подчеркнул, что немецкий опыт не может быть успешно применен в странах, не имеющих «столь хорошо дисциплинированной и преданной своему делу администрации». По словам министра финансов, Англия, Франция, Италия и тем более США не торопятся следовать примеру Германии, а в Австро-Венгрии решено временно приостановить переход частных линий к государству. «За тем не следует упускать из виду, — продолжал он, — что выкуп дорог, бездоходных по недостатку на них движения, не сделает их доходными в руках правительства, а выкуп наиболее доходных железных дорог потребовал бы от казны материальных пожертвований, на которые следует решаться только в том случае, если можно ожидать соответственных выгод. Поэтому, полагая, что выкуп частных железных дорог правительством может быть в известных случаях полезен и что не должно останавливаться на избранном пути, не следует, однако, ускорять дела во что бы то ни стало, а тем более нельзя ожидать непосредственных результатов, могущих улучшить наши финансы от поспешного обращения всех частных железных дорог в казну»[19].

Крах концессионной системы заставил правительство возобновить казенное строительство дорог. На заседании Комитета министров 23 сентября 1880 г. выяснилось, что еще не начиналось сооружение линий первоочередной важности, утвержденных к постройке в середине 70-х годов, — Баскунчакской, Восточно-Донецкой, Западно-Донецкой, Петровской, Тифлисской, Ивангород-Домбровской, Вятско-Двинской, Сибирской. Одновременно возник вопрос о строительстве военно-стратегических линий на западных границах России и в Туркестане. Комитет одобрил представление Бунге, управлявшего Министерством финансов в отсутствие Грейга, о выделении казенных средств на сооружение участка Сибирской железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью[20]. 27 января и 6 февраля 1881 г. Комитет министров поддержал инициативу министра финансов Абазы, который предложил еще раз испытать «казенный способ» железнодорожного строительства и финансировать постройку Криворожской и Баскунчакской линий[21].

На заседаниях Комитета министров 27 апреля, 4 и 11 мая 1882 г. при обсуждении представления министра путей сообщения о расширении железнодорожной сети Бунге заявил о необходимости строго придерживаться определенного плана строительства дорог, учитывая возможности государственного финансирования и экономические потребности различных регионов. Он рекомендовал ежегодно санкционировать сооружение ограниченного количества рельсовых путей, чтобы не обременять казну чрезмерными расходами. Комитет согласился с мнением министра финансов и установил годовую норму строительства в 1000—1200 верст, из которых 30% должно было приходиться на стратегические линии[22].

С целью возврата выданных ссуд и расширения финансирования государственного строительства правительство в 1881—1886 гг. гарантировало выпуск займов железнодорожных обществ на сумму 168,3 млн руб. в металлической валюте с условием, чтобы часть суммы, вырученная от их реализации (63,3 млн из 117,2 млн руб.), поступила в счет уплаты долга компаний Казначейству. В 1881—1886 гг. на сооружение казенных железных дорог (Полесских, Баскунчакской, Криворожской, Екатеринбург-Тюменской, Закаспийской, Седлец-Малкинской и Брест-Холмской) было израсходовано 139,8 млн руб. Это строительство было убыточным, поскольку доход от новых линий не компенсировал затраты казны.

Сооружение частных железных дорог не прекратилось, но продолжалось в значительно меньших масштабах, чем в предшествующее десятилетие. В 80-е годы 70% прироста железнодорожной сети достигалось за счет государства. Всего при Бунге была открыта для движения 4241 верста. К концу 1886 г. общая протяженность железных дорог возросла до 25505 верст, из которых 4461 верста принадлежала казне (17,5%), а 21044 версты (82,5%) — частным обществам[23]. Правительство оказывало поддержку заводам по производству рельсов и подвижного состава, выпуск продукции которых в годы промышленного кризиса резко сократился. В 1881—1889 гг. эти предприятия получили 12 неустойных ссуд Госбанка на сумму 13,3 млн руб.[24]

За 1881—1886 гг. чрезвычайные расходы Казначейства на строительство железных дорог и выкуп частных линий составили 242,6 млн руб.[25] 18 и 25 ноября 1886 г. в Комитете министров рассматривалось представление министра путей сообщения о железнодорожном строительстве в следующем году. Бунге, сославшись на ожидаемый крупный дефицит бюджета, предложил не приступать к сооружению новых линий и сокра-

тить размер предполагаемых железнодорожных расходов. Комитет принял соответствующее постановление[26]. В 1887—1892 гг. железнодорожное строительство носило локальный характер. В основном сооружались дополнительные ветви к главным линиям.

Гораздо больший размах государственное вмешательство в железнодорожное хозяйство получило при Вышнеградском: контрольно-финансовая реформа (1889—1890 гг.) регламентировала доходы и расходы частных компаний и поставила их в тесную зависимость от Казначейства; тарифная реформа (1889 г.) установила государственную монополию на тарифы, ставшую в руках правительства мощным средством для пополнения казны и проведения политики протекционизма; у частных обществ было выкуплено 10 линий (5,5 тыс. верст). К началу XX в. государству принадлежало 70% железнодорожной сети (23 крупные магистрали общей протяженностью 34 тыс. верст). При постоянном росте грузооборота железные дороги охватили все сферы народного хозяйства, стали действенным фактором территориального разделения труда и становления внутреннего рынка страны[27].

8. Фабричное законодательство

Приход Бунге в Министерство финансов совпал с новой вспышкой общественного интереса к рабочему вопросу. Промышленный кризис привел к сокращению производства, массовым увольнениям и падению жизненного уровня «фабричного люда». В конце 70-х — начале 80-х годов произошел подъем стачек и рабочих волнений. Либеральная печать выступала за нормирование рабочего дня и охрану труда по западным образцам с учетом российской специфики.

В ходе кризиса произошел раскол среди буржуазии. Петербургские предприниматели, на заводах и фабриках которых применялись новейшая техника и сравнительно высоко оплачиваемый квалифицированный труд, не нуждались в работе малолетних, подростков и женщин. Оказавшись перед необходимостью свертывания производства, эта группа буржуазии стремилась «оздоровить» рынок за счет конкурентов из Центрального промышленного района. Мотивируя свою позицию опасностью закрытия предприятий и роспуском рабочих, петербургские фабриканты в первой половине 80-х годов не раз ходатайствовали о введении трудового законодательства. Московские капиталисты категорически возражали против какого-либо вмешательства закона в дела предприятий. Их фабрики были технически оснащены гораздо слабее петербургских. Нехватка машин компенсировалась неквалифицированным, дешевым трудом крестьян окрестных деревень, широким использованием ночных смен и работы малолетних, подростков и женщин. Поэтому всякое ограничение «свободы труда» московские фабриканты считали пагубным для промышленности всего Центрального района и обвиняли петербургских конкурентов в преследовании личных выгод[1].

После двадцатилетних дебатов в «верхах» перешли от слов к делу. На рубеже 70—80-х годов в общих чертах была сформулирована идейная основа политики попечительства — жесткой регламентации отношений рабочих и предпринимателей. В ее основе лежало представление о «надклассовой» роли государства, выступающего арбитром между общественными группами[2].

Правительство отказалось от принятия единого кодекса фабричного законодательства и пошло по пути издания отдельных актов. 6 мая 1880 г. император скрепил своей подписью мнение Государственного совета об отклонении проекта комиссии П.А.Валуева и разрешении министрам по мере надобности входить в Совет с представлениями об «изменении и дополнении действующих о рабочих узаконений по тем отдельным предметам, которые будут требовать ближайшего определения в законодательном порядке»[3]. Этим постановлением в наибольшей степени воспользовалось финансовое ведомство. В начале 80-х годов оно перехватило у МВД инициативу в рабочем вопросе. «Россия, — подчеркивал Бунге в сентябрьской записке 1880 г., — не имеет законов, регулирующих наемный труд, т.е. определяющих возраст малолетних, употребляемых в работы, продолжительность дневных и ночных занятий, — законов, оказавшихся столь благодетельными в Англии, где они составляют оплот против распространения социализма между рабочим сословием»[4].

Министру финансов приходилось отстаивать свои взгляды в нелегкой борьбе. Несмотря на постепенное нарастание стачечного движения, вплоть до конца столетия среди высшей бюрократии господствовало представление об отсутствии в России почвы для социальных конфликтов и «настоящего» рабочего класса в западном понимании, преобладало мнение о патриархальности русского «мастерового», сохраняющего тесные связи с деревней. В начале 1881 г. в Министерстве финансов началась работа над проектом правил о регламентации детского труда. При этом чиновники опирались на обширные материалы комиссий П.Н.Игнатьева и П.А.Валуева, а также комиссии при московском генерал-губернаторе под председательством известного статистика М.А.Саблина (1878 г.), составившей на

основании осмотра городских предприятий «Правила об улучшении рабочих помещений и мастерских», которые были утверждены как обязательные для всей губернии.

Подготовленный проект поступил на отзыв в другие ведомства и 30 декабря 1881 г. был внесен в Государственный совет за подписью 4 министров: финансов — Н.Х.Бунге, внутренних дел — Н.П.Игнатьева, юстиции — Д.Н.Набокова и народного просвещения — А.П.Николаи. В представлении фактически воспроизводилось предыдущее высказывание Бунге: «Лучшим наглядным доказательством выгодных последствий от хороших законов, относящихся к рабочему классу, может служить Англия, в которой в течение текущего столетия положение рабочих улучшилось, промышленная техника сделала огромные успехи, а учения социализма наименее встретили сочувствия, и именно потому, что рабочий-англичанин заинтересован не тем, какое дать устройство обществу, а тем, как извлечь наибльшую выгоду от своего труда и приобресть самостоятельное хозяйственное положение для своей семьи».

Авторы проекта придавали закону об ограничении рабочего дня исключительное значение. «Преждевременные и продолжительные занятия в промышленных заведениях, разрушая физические силы детей, — говорилось в представлении, — лишают последних возможности усвоить в школе, с одной стороны, твердые начала веры и нравственности, а с другой, те познания, которые необходимы для приготовления хороших мастеров. Люди, физически, нравственно и умственно надломленные, оказываются неспособными служить государству, когда оно призывает их к защите отечества, легко поддающимися восприятию революционных учений и годными для одной лишь механической работы, доступной первому встречному»[5].

Проект предусматривал: 1) запрещение труда детей до 12 лет, но с предоставлением министру финансов права определять те предприятия, на которых может допускаться работа детей в возрасте от 10 до 12 лет; 2) запрещение ночной работы для 12—14-летних и ограничение дневной 8 часами; 3) ограничение дневной работы для 14—17-летних 10 часами, ночной — 6 часами; 4) возложение на фабрикантов обязанности обеспечить малолетним и подросткам, не окончившим одноклассного начального училища, возможность посещать школу не менее 2 часов в день; 5) учреждение фабричной инспеции для надзора за выполнением закона, разделение основных промышленных регионов на три округа (петербургский, московский, владимирский) во главе с фабричными инспекторами, подчиняющимися главному инспектору при Департаменте торговли и мануфактур

Министерства финансов. Ввести закон в действие предполагалось с 1 июля 1882 г.[6]

Предприниматели Центрального промышленного района заявили протест. Московский биржевой комитет в записке на имя министра финансов особенно возражал против запрещения ночных работ для малолетних и установления 17-летнего предельного возраста для подростков. С точки зрения комитета, подобные меры приведут к нарушению интересов промышленности и недовольству нуждающегося в заработках фабричного населения[7]. Московское отделение Совета торговли и мануфактур представило в финансовое ведомство заключение, в котором высказалось против обязанности владельцев предприятий открывать при фабриках школы для малолетних и нести при этом неизбежные расходы[8].

Проект обсуждался в Соединенных департаментах Государственного совета 13, 20, 22 марта и 4 апреля 1882 г. с привлечением в качестве экспертов петербургских и московских предпринимателей. Участники заседаний сделали «москвичам» ряд уступок: 1) министру финансов предоставлялось право в течение двух лет со дня издания закона допускать на работу детей с 10 лет, а затем внести в Государственный совет окончательное заключение по этому вопросу; 2) было отвергнуто деление несовершеннолетних на две возрастные группы (12—14 и 14—17 лет) и установлен один разряд неполноправных рабочих от 12 до 15 лет с 8-часовым рабочим днем; 3) министр финансов получал право разрешать ночной труд для малолетних с условием освобождения их от дневной работы и должен был через два года также представить в Государственный совет свое окончательное заключение; 4) обязанности фабрикантов в деле образования малолетних были сведены лишь к такому распределению их работы, чтобы они имели возможность ежедневно находиться в школе в течение 3 часов[9]. Общее собрание Совета 18 мая 1882 г. не только приняло все поправки Соединенных департаментов, но и отменило запрет дневной работы для детей на следующий день после ночной смены, а также освободило фабричную инспекцию от наблюдения за обучением малолетних[10]. Новая редакция проекта была утверждена Александром III 1 июня[11]. Закон должен был получить силу с 1 мая 1883 года.

Однако даже столь существенные уступки не удовлетворили московских фабрикантов. Весной 1883 г. они ходатайствовали перед Министерством финансов об отсрочке введения закона в действие на один год. Они аргументировали это тем, что отсутствие окончательной ясности в использовании детского труда, особенно в период кризиса, ставит в сложное положение

владельцев предприятий и самих рабочих, семьи которых могут потерять жизненно важный источник дохода. Московское отделение Совета торговли и мануфактур поддержало предложение фабрикантов и указало на необходимость «крайней осторожности и строгой постепенности» в применении закона на практике, поскольку до сих пор четко не определены случаи допущения труда детей с 10-летнего возраста и разрешения ночных работ для малолетних[12].

Финансовое ведомство признало обоснованность опасений предпринимателей. 6 апреля Бунге внес в Государственный совет соответствующее представление. «При существенно важном значении, которое особенно в некоторых фабричных и заводских производствах имеют работы малолетних, — писал он, — приведение ныне же в исполнение установленных означенным законоположением ограничительных правил может быть действительно сопряжено с некоторым неудобством как для владельцев промышленных заведений, которые для поддержания своих производств в прежних условиях должны будут увеличить число занимаемых ими работой малолетних, так и для рабочих семей, которые лишаются части заработка, доставляемого ныне малолетними»[13]. Совет пошел навстречу просьбе Бунге и 11 апреля отсрочил вступление закона в силу до 1 мая 1884 года[14].

Министерство финансов отступило и в вопросе об обучении малолетних. В представлении Бунге, поступившем в Государственный совет 14 марта 1884 г., говорилось, что возражения фабрикантов против обязанности устройства школ «заслуживают уважения», так как у них нет для этого ни опыта, ни денежных средств. Министр финансов рекомендовал другой вариант: если владельцы предприятий в течение двух лет не откроют школы, то за это дело должны взяться или правительство, или земства, города и сельские общества. Однако он настаивал на обязательности посещения школ малолетними[15]. Но Совет решил иначе[16]. Закон, утвержденный 12 июня 1884 г., возложил заботу о строительстве школ за счет земств на фабричную инспекцию, а разработку плана преподавания и контроль за посещением — на директоров народных училищ. Предпринимателям надлежало лишь «не препятствовать малолетним учиться, если они того пожелают». По этому же закону вместо трех учреждалось девять фабричных округов (Петербургский, Московский, Владимирский, Казанский, Воронежский, Харьковский, Киевский, Виленский и Варшавский). Отныне штат инспекции состоял из главного инспектора, девяти окружных инспекторов и их десяти помощников[17].

Несмотря на все «урезания», акт 1 июня 1882 г. дал положительные результаты. Численность малолетних среди рабочих за 1882—1885 гг. в Московском фабричном округе сократилась с 9,5 до 3,2%, во Владимирском — с 10,8 до 3%[18]. Проведение в жизнь закона во многом зависело от надзора фабричной инспекции. Но с этим институтом далеко не все обстояло благополучно. Инструкция для инспекторов была утверждена министром финансов только 19 декабря 1884 г. Правда, Бунге пригласил на службу людей, искренне старавшихся улучшить условия труда и быта рабочих. Это сближало их с мировыми посредниками, которые в период реализации «Положений» 19 февраля 1861 г. должны были в равной степени соблюдать интересы крестьян и помещиков. Инспекторами первого призыва стали инженер, председатель Постоянной комиссии по техническому образованию при Русском техническом обществе Е.Н.Андреев (главный инспектор), экономист И.И.Янжул (Московский округ), врач П.А.Песков (Владимирский округ). Однако на малочисленный состав инспекции при неопределенности ряда статей закона и ограниченных средствах воздействия на нарушителей были возложены чрезвычайно трудоемкие задачи. В 1885 г. надзору 20 должностных лиц подлежало 25913 промышленных предприятий с 869829 рабочими, рассредоточенных на огромной территории 58 губерний. Поэтому, несмотря на титанические усилия инспекторов, им не удавалось в полном объеме справляться со своими обязанностями[19].

Промышленный кризис и продолжающиеся рабочие волнения ускорили принятие других фабричных законов. 25 января 1884 г. петербургские предприниматели обратились к градоначальнику с просьбой о запрещении ночного труда женщин и подростков в связи с сокращением текстильного производства и увольнениями рабочих[20]. Столичные власти поддержали эту инициативу. Однако Московское отделение Совета торговли и мануфактур в отзыве от 17 апреля 1885 г. выступило против предложения конкурентов, повторив прежние аргументы о неизбежном росте издержек производства для владельцев предприятий и потерь заработка фабричным населением[21].

В конце 1884 г. — начале 1885 г. вспыхнули беспорядки на фабриках Московской и Владимирской губерний. Особую тревогу в «верхах» вызвала знаменитая Морозовская стачка в Орехово-Зуево. 14 февраля 1885 г. при МВД под председательством товарища министра внутренних дел В.К.Плеве была образована межведомственная комиссия для подготовки правил, регулирующих отношения хозяев и рабочих. Кроме чиновников разных министерств (внутренних дел, финансов, юстиции) в нее

вошли петербургские и московские фабриканты. Вопрос об отмене ночных работ комиссия рассмотрела в первую очередь. Споры между двумя группировками буржуазии разгорелись с новой силой. На заседании 16 марта комиссия вынесла вердикт в пользу петербургских предпринимателей[22].

Бунге согласился с этим заключением и 1 мая 1885 г. внес законопроект в Государственный совет. В представлении отмечалось крайне вредное влияние ночного труда на здоровье и нравственность рабочих. «Поэтому не подлежит сомнению, — говорилось далее, — что возможное ограничение ночной работы, в особенности для подростков, как не достигших еще полного физического развития, и женщин, как имеющих по природе более слабый организм, представляется мерой весьма полезной и что на правительстве лежит обязанность озаботиться ограждением их от преждевременного истощения организма посредством установления правил, ограничивающих возможность употребления их в работы, неизбежно подрывающие их силы». Бунге предложил: 1) с 1 октября 1885 г. запретить ночные работы для подростков в возрасте до 17 лет и женщин на текстильных фабриках; 2) предоставить министрам финансов и внутренних дел право распространять эту меру на другие промышленные предприятия[23]. Государственный совет на заседаниях 10 и 20 мая одобрил проект, но постановил ввести запрет в виде опыта на три года и поручить министру финансов по соглашению с МВД подвергнуть вопрос дальнейшей разработке в связи с вопросом о детском труде с целью объединения обоих законов в один акт[24]. 3 июня 1885 г. это решение было утверждено императором[25].

Еще до принятия закона о запрещении ночных работ, 14 мая 1885 г. Н.Х.Бунге и временно управлявший Министерством внутренних дел И.Н.Дурново внесли в Государственный совет подготовленный комиссией В.К.Плеве и откорректированный в финансовом ведомстве проект «Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и об отношениях хозяев оных к работающим у них людям». В представлении подчеркивалось, что обнаружившийся в последнее время рост недовольства рабочих своим «крайне угнетенным положением» создает «благоприятную почву для распространения превратных учений». По мнению глав обоих ведомств, предлагаемый проект «вводит весьма существенные улучшения в действующем фабричном законодательстве и соответственностью содержащихся в нем правил не только устраняет многочисленные поводы, вызывавшие прямое неудовольствие со стороны как нанимателей, так и рабочих, но и предоставляет в распоряжение правительства достаточные способы к водворению на фабриках и заводах должного порядка и благоустройства, а также сохранению между хозяевами и рабочими добрых и основанных на взаимных выгодах отношений»[26]. Проект был одобрен Соединенными департаментами (март—апрель 1886 г.) и Общим собранием Государственного совета (19 мая 1886 г.) с небольшими редакционными поправками[27]. Александр III утвердил его 3 июня 1886 года[28].

Новые правила ограничивали произвол хозяев по отношению к «фабричному люду». Наем рабочих мог осуществляться только на основании расчетных книжек. Выдача заработной платы должна была производиться не реже одного раза в месяц, запрещались расплата купонами или в натуральной форме, вычеты за долги, медицинское обслуживание, освещение мастерских и др. Штрафы надлежало записывать в расчетные книжки с указанием причины наказания, деньги передавались в особый фонд, используемый с разрешения инспекции на нужды самих рабочих. За рабочими признавалось право на расторжение договора о найме в случае задержки зарплаты, побоев, тяжелых оскорблений и т.п.

В то же время закон усиливал репрессивные меры против «бунтовщиков». Подстрекательство к стачкам каралось 4-8 месяцами тюрьмы, участие в них — 2-4 месяцами. При применении насилия срок заключения удваивался. Самовольный отказ от работы до истечения срока найма угрожал виновному арестом до 1 месяца, за умышленное повреждение орудий производства полагалось от 3 месяцев до 1 года. Хозяева были обязаны отбирать у рабочих паспорта и виды на жительство. Значительно расширялись функции фабричной инспекции. Она должна была рассматривать и утверждать правила внутреннего распорядка на предприятиях, принимать меры к предупреждению споров и недоразумений между хозяевами и рабочими, возбуждать судебное преследование нарушителей закона. Для общего надзора за «благоустройством» фабрично-заводской жизни в промышленных районах создавались губернские по фабричным делам присутствия под председательством губернатора, в которые входили представители местной администрации, земств и городского самоуправления.

В начале 80-х годов Министерство финансов приступило к подготовке проекта о страховании рабочих. Компенсацию пострадавшим от несчастных случаев предусматривали нереализованные проекты 1860—1870-х годов. В обстановке подъема стачечного движения правительство уже не могло до бесконечности откладывать решение этого вопроса. В мае 1881 г. при Министерстве финансов была образована межведомственная комиссия во главе с директором Департамента торговли и ману-

фактур Н.А.Ермаковым. Образцом для проекта стал германский закон 7 июня 1871 г. об индивидуальной ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих (покрытие расходов на лечение и погребение, возмещение имущественного ущерба и др.). Комиссия признала его наиболее эффективным по сравнению с аналогичными законами Англии (7 сентября 1880 г.) и Швейцарии (25 июля 1881 г.), поскольку он категорически запрещал какие-либо частные договоры о вознаграждении между владельцами предприятий и рабочими, которые давали хозяевам широкие возможности для обхода установленных правил[29].

Преимущественное внимание к опыту соседней монархии было не случайным. Если в предшествующее двадцатилетие основным примером в области рабочего законодательства являлась Англия (в частности, при подготовке закона 1 июня 1882 г. об охране детского труда и учреждении фабричной инспекции), то теперь российские реформаторы стали все больше ориентироваться на Германию. Для этого имелись веские основания, несмотря на все различия между двумя империями по уровню развития промышленности, социальной структуре, политическому строю, степени организованности рабочего движения (наличие влиятельной социал-демократической партии, профсоюзов и других организаций). Германия, как и Россия, поздно вступила на путь индустриализации. К концу столетия в этих странах утвердилась протекционистская модель экономического развития, которая в социальной сфере выражалась во вмешательстве государства в отношения между общественными группами. В Германии монархический принцип воплощался в государственном строе гораздо более полно, чем в Англии и других европейских монархиях. В обеих империях дворянство выполняло функцию политически доминирующего социального слоя.

Обострение конфликта между предпринимателями и рабочими, активизация деятельности социал-демократической партии подталкивали правительство канцлера О. фон Бисмарка к смягчению отрицательных социальных последствий бурного промышленного роста и привлечению неимущих слоев населения на сторону правящей элиты. Подобной политики пытались придерживаться и другие европейские лидеры консервативных реформистских течений (Наполеон III во Франции и Б.Дизраэли в Англии), но в Германии она осуществлялась наиболее последовательно. Исходя из теории «государственного социализма», Бисмарк признавал только такие социальные мероприятия, которые имели целью прежде всего безопасность государственного строя, проводились государством при прямом

бюрократическом контроле за рабочими, исключали вмешательство каких-либо партий и сочетались с применением репрессий. Подобный подход к решению рабочего вопроса имел много общего с политикой попечительства в России[30].

Проект, завершенный комиссией Н.А.Ермакова в 1883 г., во многом следовал немецкому прототипу. В нем считались недействительными любые частные соглашения предпринимателей и рабочих, четко фиксировалась обязательность страхования[31]. Однако обсуждение проекта затянулось на долгие годы. В правительстве и обществе развернулась дискуссия о преимуществах различных форм страхования. К началу 80-х годов в Германии отчетливо обнаружились недостатки закона 1871 г. об индивидуальной ответственности предпринимателей. Он плохо защищал интересы пострадавших, которым приходилось доказывать в суде виновность своих работодателей. Лишенный влияния и денежных средств для ведения процесса против хозяина, рабочий оказывался совершенно беспомощным в тяжбе с фабричной администрацией. Лишь немногим удавалось получить компенсацию. Остальным приходилось идти на невыгодный компромисс и довольствоваться скромными ссудами из различных вспомогательных касс или частных благотворительных организаций. Это усиливало социальную напряженность в отношениях между рабочими и владельцами предприятий[32].

Правительство Бисмарка отказалось от дальнейшей корректировки закона по линии ужесточения санкций против предпринимателей и совершило коренной поворот в страховом деле. В Германии были приняты законы о введении обязательного государственного страхования рабочих по болезни (1883 г.), от несчастных случаев (1884 г.), старости и инвалидности (1889 г.). В конце XIX — начале XX в. этому примеру последовали Австро-Венгрия, Англия, Бельгия, Голландия, Италия, Франция и ряд других стран. Не осталась в стороне и Россия. Законодательство Бисмарка было с воодушевлением встречено общественностью. Ученые и публицисты превозносили систему государственного страхования рабочих и призывали правительство двинуться по пути, указанному соседней монархией[33].

Не меньший энтузиазм проявили и предприниматели. Они опасались, что закон об индивидуальной ответственности не только потребует от них дополнительных расходов, но и усилит вмешательство властей во внутренние дела фабрик и заводов. Мнение промышленников наиболее аргументированно прозвучало в отзыве Варшавского мануфактурного комитета на проект финансового ведомства от 17 января 1886 г. Комитет указывал на неэффективность германского закона 1871 г., так как

рабочий вопрос вообще не может быть решен с помощью частного права. Попытка ввести подобный закон в России неизбежно вызовет, как и в Германии, бесконечную судебную войну между хозяевами и рабочими. При скудости капиталов и отсутствии в стране дешевого кредита он будет крайне обременителен для предпринимателей и нанесет значительный ущерб отечественной промышленности. Варшавские предприниматели рекомендовали Министерству изучить германские законы о государственном страховании, которые гораздо лучше гарантируют компенсацию пострадавшим рабочим[34].

Преобразования Бисмарка произвели сильное впечатление в правительственных кругах. Финансовое ведомство увидело в них надежное средство для предотвращения влияния социалистических идей в рабочей среде. «России не менее, чем Германии, нужно бороться с разрушительными стремлениями революционной партии, — писал Бунге в докладе Александру III в марте 1884 г., — но чтобы отнять у последней почву, необходимо обеспечить благоденствие народное и действовать в том же направлении, как действует князь Бисмарк»[35].

Еще в 1881 г., учитывая успешный ход законодательных работ в Германии, Общество для содействия русской промышленности и торговле направило в Министерство финансов проект создания государственной кассы страхования рабочих от несчастных случаев, фонд которой состоял из взносов предпринимателей, и государственной пенсионной кассы, действующей на добровольных началах[36]. Бунге сочувственно отнесся к этой инициативе, но предложил рассмотреть вопрос более подробно и дал согласие на участие в обсуждении управляющего 1-м Отделением Департамента торговли и мануфактур А.Г.Небольсина[37]. Переработанные проекты поступили в Министерство в 1884 г.[38]. Кроме того, летом 1886 г. Бунге командировал в Германию профессора финансового права В.Г.Яроцкого для изучения практики страхового дела[39].

Однако необычность и масштабы социального эксперимента Бисмарка побуждали Министерство финансов занять осторожную позицию и дождаться появления убедительных статистических данных о результатах государственного страхования. Проведению столь глобальной реформы в тот момент препятствовали и объективные условия — слабое развитие промышленности, сезонный характер труда многих рабочих и их низкий культурный уровень, отсутствие достаточных финансовых ресурсов и правовой базы. Поэтому Министерство решило действовать поэтапно — начать с принятия закона об индивидуальной ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих, а введение государственного страхования отложить на

дальнюю перспективу. Подобной линии придерживались и преемники Бунге.

Либеральная печать высоко оценила законодательство 1882—1886 годов[40]. Московские консервативные газеты, отражая недовольство предпринимателей Центрального района, напротив, осудили политику финансового ведомства. «В либеральную кабалу попала русская фабричная промышленность только потому, — писало «Русское дело» С.Ф.Шарапова, — что в одно прекрасное утро либеральное министерство финансов изволило взглянуть на русских промышленников как на шайку эксплуататоров и утеснителей младшего брата и поспешило отдать их на обуздание десятку профессоров, докторов и адвокатов, снабдив последних чуть ли не диктаторскими полномочиями». «Современные известия» Н.П.Гилярова-Платонова назвали инспекцию «новым полицейским учреждением с широким личным произволом». В том же духе высказался «Русский курьер» Н.П.Ланина[41]. Личным нападкам со стороны этих изданий подвергся московский инспектор И.И.Янжул[42].

Неоднозначной была позиция Каткова. «Московские ведомости» писали об отсутствии в России «пролетариата в специальном значении этого слова», «того решительного антагонизма между хозяевами и рабочими, какие бывают в других странах», а следовательно — и рабочего вопроса. Причины стачек Катков объяснял «произволом» фабрикантов, «разнузданностью» рабочих и слабостью регулирующей роли государства. Он одобрил фабричные законы, но настаивал на ужесточении карательных мер против стачечного движения и усилении вмешательства властей в отношения рабочих и предпринимателей. В политике Бисмарка, которым Катков восхищался как государственным деятелем, его привлекали не социальные реформы, а репрессии против социал-демократической партии и профсоюзов[43].

Сам Бунге позднее сдержанно отзывался об этих законах. Он писал в «Загробных заметках», что они «бесспорно существенно необходимы и подготовляют дальнейшее устройство быта фабричных рабочих, но не создают его». Между тем затягивание в решении рабочего вопроса крайне опасно для политической стабильности в государстве. «Можно сказать с полным правом, — подчеркивал Бунге, — что масса фабричного населения, исполняющая простой физический, а не технический труд, поставлена столь неудовлетворительно и в материальном, и в нравственном отношении, что учения социализма должны найти в ней очень легко своих последователей»[44].

Несмотря на сотрудничество министерств финансов и внутренних дел в подготовке фабричных законов, в первой поло-

вине 80-х годов обозначились две ведомственные тактики в рабочем вопросе. МВД действовало в русле только попечительной политики, основанной на мелочной регламентации фабрично-заводской жизни и допускавшей прямое административное вмешательство в дела предприятий. С одной стороны, это ведомство пресекало любые проявления социального протеста, с другой — пыталось заставить хозяев ограничивать крайние формы эксплуатации рабочих и улучшать условия их быта[45].

Бунге придавал роли государственной власти в решении социальных проблем достаточно большое значение. В лекционных курсах 1886—1887 гг. он утверждал, что «если государство регулирует работу на фабриках, определяет ее продолжительность для разных возрастов, установляет размеры вознаграждения для пострадавших рабочих, заботится об обеспечении дряхлых и престарелых», то «в случае успеха этой деятельности социализм теряет под собой почву»[46]. Но, с его точки зрения, только с помощью попечительства невозможно достичь примирения между трудом и капиталом. В письме к А.Ф.Кони (август 1890 г.) Бунге даже критиковал Бисмарка за недостаточное понимание рабочего вопроса и стремление противостоять идеям социализма «путем одних административных воздействий». Признавая авторитет Германии в сфере социального законодательства, он, тем не менее, отмечал, что Англии революционные потрясения угрожают в меньшей степени, поскольку там борьба с социалистическим движением ведется силами всего общества[47].

Тактика финансового ведомства диктовалась не только чисто охранительными целями, но и задачами торгово-промышленной политики. Министерство требовало, чтобы все действия местных властей и полиции на предприятиях основывались на строгом соблюдении правовых норм, протестовало против фактов административного произвола и прямого давления на фабрикантов, которые могли привести к дезорганизации производства и отпугнуть иностранных капиталистов. Отношения между хозяевами и рабочими должны были определяться их соглашением друг с другом в зависимости от экономической конъюнктуры[48].

В «Загробных заметках» Бунге вновь вернулся к идее копартнершипа, которую отстаивал еще в конце 50-х годов. «Доля участия в прибылях, — писал он, — составляет один из лучших способов если не упразднения социального вопроса, то, по крайней мере, для устранения из него всякой жгучести. Доля участия рабочих может выразиться или в установлении для них особых паев, приобретаемых путем или сбережений, или отчислений в течение некоторого числа лет из прибылей, или установлением другого какого-либо способа распределения на других основаниях». Обращаясь к опыту европейских стран, Бунге рекомендовал также соединенными усилиями государства, предпринимателей и органов местного самоуправления организовать строительство домов, бань и прачечных для рабочих, открыть столовые, читальни, пенсионные кассы[49].

В отличие от МВД, Министерство финансов склонялось даже к разрешению экономических забастовок, если они не нарушали общественного порядка, и допускало создание организаций взаимопомощи рабочих. «В Англии, — отмечал Бунге в лекционных курсах 1887—1888 гг.; — тред-юнионы способствовали доселе не распространению социализма, а определению рабочего класса и дали более практическое направление его притязаниям»[50]. В «Загробных заметках» он указывал на необходимость принципиальных изменений в отношениях между предпринимателями и рабочими: «Надо, чтобы первые убедились, что прочной будущности для своих потомков они не создадут путем легкой наживы (...), что сила и влияние господствующих классов могут быть прочно основаны при благосостоянии рабочего сословия, связанного с ними общими интересами. Надо, чтобы вторые прониклись сознанием, что, только опираясь на капитал, а не враждуя с ним, они могут достичь улучшения и материального, и нравственного быта, что они должны прежде всего ожидать этого улучшения не от государства, а от своего труда и дружной деятельности с предпринимателями, подающими им руку для совместной деятельности»[51]. Тактика финансового ведомства в большей степени соответствовала как интересам рабочих, так и задачам промышленного развития страны[52].

После отставки Бунге дальнейшее совершенствование фабричного законодательства надолго затормозилось. Владельцы предприятий всячески старались избежать выполнения новых правил. Под предлогом прекращения депрессии в промышленности и спада стачечного движения они обратились в Министерство финансов с рядом ходатайств о смягчении постановлений фабричных законов. Вышнеградский, как бывший менеджер и биржевик, принимал интересы предпринимателей особенно близко к сердцу и считал, что политика его предшественника нанесла ущерб промышленности[53]. Министр финансов пошел навстречу пожеланиям фабрикантов. 24 апреля 1890 г. законы 1 июня 1882 г. и 3 июня 1885 г. были кодифицированы в один акт и получили постоянный характер. Но объем их требований был сокращен: министру финансов позволялось по соглашению с министром внутренних дел допускать на предприятиях труд детей с 10 до 12 лет; ночная работа

малолетних с 12 до 15 лет была разрешена в стекольном производстве; фабричной инспекции предоставлено право допускать их к работе в воскресные и праздничные дни; ночная работа женщин и подростков с 15 до 17 лет могла в особых случаях разрешаться губернским по фабричным делам присутствием или губернатором[54].

Инспекция, созданная Бунге как орган контроля за соблюдением фабричных законов, стала постепенно утрачивать свою роль. Из ее состава были удалены лица, вызывавшие наибольшее раздражение предпринимателей. С ними поступили так же, как два десятилетия назад с мировыми посредниками. Вышнеградский рассматривал этот институт как «сентиментальность, никуда не годную для фабричного дела», и даже собирался удовлетворить просьбу Толстого о передаче инспекции в ведение МВД, но затем отказался от своего замысла[55].

С февраля 1888 г. начались заседания межведомственной комиссии по пересмотру правил 3 июня 1886 г. под председательством В.К.Плеве. Однако нарастание рабочего движения заставило правительство ограничиться некоторыми мелкими изменениями. К 1897 г. действие закона было распространено на все губернии России и Царства Польского[56]. Новый этап в разработке фабричных законов начался при Витте, который считал акты 1882—1886 гг. «видными памятниками плодотворной законодательной деятельности прошлого и нынешнего царствования»[57].

Дореволюционные авторы (М.И.Туган-Барановский, В.П.Литвинов-Фалинский, А.А.Микулин, А.Н.Быков) объясняли издание законов не только размахом стачечного движения, но и сознательным стремлением правительства к ограничению крайностей капиталистической эксплуатации и улучшению положения «фабричного люда». Не замалчивая существенных недостатков этих актов, они, вместе с тем, признавали их позитивное значение[58]. Туган-Барановский особо подчеркивал личную роль министра финансов: «Бунге явился, в полном смысле слова, новатором, создавшим чрезвычайно важную отрасль социальной политики, которой совершенно не знала прежняя Россия»[59]. С этой оценкой был солидарен Быков: «Как только во главе Министерства финансов стал высокопросвещенный финансист Н.Х.Бунге, вопрос был сдвинут с той мертвой точки, на которой он стоял с 1859 года»[60].

Несравненно большее влияние на позднейшую отечественную историографию по данной проблеме оказали публицистические статьи и брошюры социал-демократов Г.В.Балицкого, М.Г.Лунца и в первую очередь В.И.Ленина. Они вообще отрицали возможность решения рабочего вопроса в рамках буржуазного строя и трактовали фабричное законодательство как вынужденную подачку, сделанную самодержавием под натиском классовой борьбы пролетариата[61]. Введение института фабричной инспекции Ленин назвал «тряпичкой», предназначенной для того, чтобы «заткнуть то здесь, то там недовольство рабочих». По его словам, при подготовке основного фабричного закона 1886 г. правительство «старалось свести уступки к наименьшим размерам, старалось оставить лазейки фабрикантам, задержать введение новых правил, отжилить у рабочих, что только можно из их требований»[62].

Высказывания Ленина получили развитие и конкретизацию в исследованиях 1920-х годов — М.С.Балабанова, В.Ю.Гессена, И.Татарова[63]. Гораздо более широко изучение темы развернулось в послевоенные десятилетия. Однако оценки историков были по-прежнему категоричны. По мнению И.И.Шелымагина, «фабрично-трудовое законодательство в царской России, как и в других капиталистических странах, с самого начала и на протяжении всей своей истории было враждебно рабочему классу и прямо направлено против его интересов»[64]. А.Ф.Вовчик писал, что «из рабочего законодательства царизм создал орудие самой грубой эксплуатации пролетариата капиталом и полицейские рогатки против рабочего движения»[65]. С точки зрения В.Я.Лаверычева, политика самодержавия по рабочему вопросу носила «ярко выраженный классовый антинародный характер», фабричные законы «были вырваны революционной борьбой рабочих, но сколько-нибудь существенно улучшить положение пролетариата они не могли, ибо содержали незначительные и большей частью лживые уступки»[66]. Единственную пользу этих законов советские авторы видели в том, что они объективно способствовали пробуждению и развитию классового сознания рабочих, расширению их движения за свои права[67].

Однако уже Л.Е.Шепелев в своих работах обратил внимание на формирование в «верхах» концепций социальной политики[68]. С освобождением от идеологических запретов в начале 1990-х годов исследователи пытаются осмыслить подлинное значение фабричных законов. «В общем и целом, — пишет С.И.Потолов, — они копировали западноевропейское законодательство и были вполне буржуазными, отвечавшими назревшим потребностям промышленного развития страны»[69].

«Классовую» позицию советских авторов не разделяют современные западные историки. По словам Т. фон Лауэ, закон 3 июня 1886 г. «поставил весь комплекс отношений между предпринимателем и наемным рабочим под наблюдение правительства» и в последующие годы способствовал развитию рос-

сийской промышленности[70]. Г. фон Раух в небольшой заметке о роли Бунге в разработке фабричных законов подчеркнул, что усилиями этого министра финансов в России «были заложены основы социального законодательства»[71]. Ф.Гиффин посвятил законам 1882—1886 гг. серию статей. Указав на отдельные недостатки этих актов, он трактует их как первый шаг к созданию системы охраны труда[72]. Автор отозвался о Бунге как о «трудолюбивом и реалистичном сторонике модернизации по западному образцу», которому была свойственна «искренняя забота о благосостоянии русского народа»[73]. К.Хеллер, именуя Бунге «ученым-финансистом высокого уровня», назвал закон 1 июня 1882 г. «весомым вкладом в конкретизацию общего комплекса условий труда и заработной платы в русской индустрии». Правила 3 июня 1886 г., хотя и были вызваны прежде всего задачами государственной безопасности, также означали «существенное улучшение для фабричных рабочих»[74].

Вместе с тем, как пишет в своем новейшем исследовании Й. фон Путткамер, западные историки, как правило, сходятся в том, что стачки и рабочие волнения были важнейшей «движущей силой» фабричного законодательства, которое представляло собой специфическую российскую «комбинацию репрессий и государственного попечительства». Вопреки этой историографической традиции, Путткамер рассматривает акты 1882—1886 гг., а также более поздние законы об ограничении продолжительности рабочего дня (1897 г.) и компенсации рабочим за увечья (1903 г.) в русле общего процесса социальных реформ, охвативших в последние два десятилетия XIX в. всю Европу. Не преуменьшая роли рабочего движения, автор связывает непосредственное происхождение фабричного законодательства с тремя факторами: стремлениями ориентированной на преобразования бюрократии, видевшей в коренной реформе трудового права одну из главных предпосылок для модернизации страны; требованиями предпринимательской элиты (владельцев крупных современных промышленных предприятий), заинтересованной в устойчивом составе квалифицированных рабочих и повышении производительности труда; влиянием на правительственную политику профессиональной интеллигенции (врачей, инженеров, экономистов, педагогов), из представителей которой формировались кадры фабричной инспекции.

Анализируя пробелы законов (исключение из сферы их действия мелких предприятий и промыслов, отсутствие у рабочих права на забастовки и создание коалиций и др.), Путткамер утверждает, что с середины 80-х годов система охраны труда в России во многих отношениях не уступала европейским странам с более высоким уровнем индустриализации, а по ряду за-

коноположений даже превосходила их. Он считает фабричные законы «элементом всеобщей правовой модернизации империи» и «составной частью долгосрочной стратегии индустриализации». Автор особо отмечает значение «эры Бунге». С его точки зрения, правительство в эти годы, на ранней стадии рабочего движения, сумело дать «законодательный ответ» на проявления стачечной борьбы, что свидетельствовало о еще сохраняющейся способности самодержавия к реформам, и, напротив, почти полное прекращение издания новых фабричных законов после 1903 г. в обстановке непрерывного нарастания социальной угрозы было выражением кризиса автократического режима[75].

Выдвинутая Путткамером концепция солидно аргументирована, способствует более глубокому и всестороннему изучению темы, позволяет скорректировать некоторые устоявшиеся в литературе суждения. Дискуссии по этой проблематике будут продолжаться и в дальнейшем. Однако на современном уровне развития историографии можно констатировать, что фабричное законодательство 1882—1886 гг. было принципиально важным шагом в общем движении самодержавной монархии к правовому государству.

9. Отставка

Деятельность Министерства финансов рождала постоянное недовольство консервативных кругов. Их не устраивали «разбазаривание» казенных средств на податные преобразования и Крестьянский банк, курс на восстановление металлического денежного обращения, слишком «медленный» процесс огосударствления железных дорог, совершенно «недостаточное» повышение таможенных пошлин, «незначительность» льгот, дарованных помещикам уставом Дворянского банка, планы конвертирования внешних займов и др. Известный историк А.А.Кизеветтер вспоминал, что каждая предпринятая Бунге мера «вызывала в реакционной прессе новый взрыв возмущения против либерально-демократического министра, который своей фигурой положительно портил общую картину контр-реформационного правительства»[1].

С осени 1885 г. Катков и Мещерский на страницах своих изданий развернули настоящую кампанию против политики финансового ведомства. По выражению редактора «Экономического журнала» А.П.Субботина, началась «небывалая полемика по финансовым вопросам»[2]. Все общество, писал П.Л.Кованько, разделилось на два лагеря: «благоговейных поклонников Н.Х.Бунге» и «противоположный — озлобленных

его врагов»[3]. Катков поклялся «свергнуть» министра финансов. Сильным козырем в руках противников Бунге было отсутствие ощутимых улучшений в экономике, сохранение бюджетных дефицитов, продолжение инфляции и депрессии в промышленности.

На министра финансов посыпались обвинения в незнании российской действительности и подлинных нужд народного хозяйства, слепом следовании западным доктринам. В одной частной беседе Катков с презрением заметил, что вся «мудрость» Бунге «из немецких книжек»[5]. Как утверждали «Московские ведомости», финансовое управление в стране «сведено к канцелярской работе, к писанию предложений и циркуляров, причем, сосредоточивая все внимание на мелочах, финансовые деятели упускают из виду задачи первостепенной важности»[6]. «Гражданин» подчеркивал, что «в нашем материальном неблагополучии больше всего виновата наша финансовая система, придерживающаяся книжно-иностранных теорий и чуждающаяся всякой русской самобытности»[7]. Мещерский указывал на политическую опасность курса Министерства финансов. «Мне кажется, — писал он, — что это ограничение сферы социальных реформ одним народом есть именно идея социалистов, которой не следует держаться буквально, ибо тогда является мысль о задабривании народа, о кокетничаньи с ним, — весьма нехорошая»[8].

По Петербургу пронесся слух, что в юности Бунге «чуть ли не был сен-симонистом или, по крайней мере, наклонен к этой социалистической партии»[9]. В аристократических салонах министр финансов стал мишенью для острот. Насмешкам подвергались не только его неприметная внешность, но и фамилия, которую на французский лад произносили как «месье Бенж»[10]. Начальник Главного управления по делам печати МВД Е.М.Феоктистов отмечал в дневнике, что «вопль» против министра финансов «усиливается с каждым днем»[11].

В защиту Бунге выступила либеральная печать. «Полемика г.Каткова, — писал «Вестник Европы», — направлена против ненавистного ведомства, стоящего поперек "сословной линии" и энергически ведущего "линию облегчения народной массы"». По мнению журнала, Министерство финансов в консервативном правительстве играет «роль двигателя среди неподвижности»[12]. «Русские ведомости» критиковали Каткова за «предвзятое намерение все чернить и полное непонимание дела», за стремление «прикрывать невежество маской народных интересов»[13]. Раздраженный Катков обвинил своих оппонентов в «апологии» министра финансов и желании «услужить» ему[14].

Бунге старался не ввязываться в склоку. «Дело свое буду делать по совести, а с другими, которые мне солят, пусть рассудит меня бог», — писал он Победоносцеву[15]. Однако могущественный обер-прокурор также осуждал реформы Бунге. Однажды он назвал их звеньями «той фальшивой цепи, которую заплела политика Л.-Меликова и Абазы»[16]. Министр финансов с уважением относился к Победоносцеву, считая его «человеком искренним»[17]. Оставшийся неизвестным мемуарист того времени вспоминал, что Бунге, общаясь с обер-прокурором, «спроста все ему выкладывает», а тот «предает его в Гатчине» на регулярных докладах императору и «радеет за Островского», которого прочит в новые министры финансов[18]. Государственный секретарь А.А.Половцов заносил в дневник, что Победоносцев «горько плачется на Бунге за его легкомысленное ведение дел»[19].

В начале декабря 1885 г. в синодальной типографии вопреки всем цензурным правилам в 40 экземплярах была напечатана брошюра товарища обер-прокурора Синода Н.П.Смирнова «Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». Предварительно она была прочитана и одобрена Победоносцевым, Толстым и Островским. Экземпляры поступили к Абазе, Бунге, Сольскому и некоторым другим сановникам[20]. Смирнов критиковал курс финансового ведомства последних десятилетий за «космополитизм» и выдвигал требования в духе «национально-экономической» программы Каткова: усиление таможенного протекционизма, отказ от металлических займов и уничтожения кредитных билетов, немедленный выкуп в казну частных железных дорог, ужесточение государственного контроля над банками и промышленными предприятиями, поддержка дворянского сословия и др. Главный выпад автора заключался в утверждении, что Министерство финансов «поставило себе задачей пересоздать русские финансы на иностранный лад и стало видеть в конституции единственный якорь спасения»[21]. Это было прямое обвинение Бунге в посягательстве на принцип самодержавия.

Брошюра вызвала сильный резонанс в «верхах». На сей раз министр финансов не стал уклоняться от полемики. В середине января 1886 г. он опубликовал ответную записку с обстоятельным разбором доводов Смирнова и один из экземпляров вручил Александру III. Министр финансов особо подчеркнул, что эта брошюра «принадлежит к числу нередких в наше время произведений печати, которые набрасывают мрачную тень на реформы прошлого царствования»[22].

Император отнесся к обеим запискам довольно равнодушно. Он сказал Победоносцеву, что не придает «никакой важности всему этому инциденту»[23]. Обер-прокурор попытался усилить впечатление монарха от выступления Смирнова и настроить его против Бунге. «Положение наших финансов занимает в последнее время не одних только государственных людей, но, можно сказать, всех русских людей, — писал он Александру III 25 января 1886 г. — Все чувствуют и видят, что дело стоит плохо и угрожает опасность; все сознают, — одни смутно, другие явственно, — ошибки нашей финансовой политики, продолжающиеся вот уже около 30 лет; все стараются искать выхода из нынешних затруднений. В этом ощущении сходятся все сословия — и государственные люди, и дворянство, и коммерческий люд, и крестьянство»[24]. В апреле 1886 г. Смирнов выпустил новую брошюру с опровержением контраргументов министра финансов[25]. Бунге вначале хотел продолжить полемику. В его бумагах сохранился черновик ответа[26]. Но затем он отказался от своего намерения и уведомил об этом императора[27].

«Антибунговская» кампания встретила полное сочувствие в МВД. Толстой заявил Феоктистову, что через несколько лет по вине министра финансов «мы дойдем до пугачевщины»[28]. Стремление либеральной прессы отстоять Бунге вызвало негодование шефа МВД. По его приказу был издан секретный циркуляр, который запрещал касаться этой темы[29]. Абаза, имея в виду Победоносцева и Толстого, с возмущением говорил в Государственном совете, что «в то время, когда не смеют нападать на становых, бросают грязью в министров, а главное, что официальные люди участвуют в этих нападках»[30]. Он не раз выражал солидарность с политикой финансового ведомства[31].

Правда, председатель Департамента государственной экономии и сам однажды отступился от Бунге. По сведениям Мещерского, Абаза, поссорившись с министром финансов в середине декабря 1885 г., на всеподданнейшем докладе заявил императору о непопулярности Бунге и предложил заменить его Николаевым. По-видимому, он рассчитывал на благодарность и полное послушание своего выдвиженца. Но Николаев решительно отказался от роли «покорного слуги», и мир между Абазой и Бунге вскоре был восстановлен[32].

Тем не менее тучи над министром финансов сгущались. 30 декабря 1885 г. на заседании Государственного совета при обсуждении бюджета он в пессимистических тонах доложил о состоянии финансов. «В воздухе чувствовалось, что от Бунге пахнет мертвецом, что катковская клика поколебала его положение», — записывал в дневник Половцов[33]. В бюрократических кругах уже называли имена его предполагаемых преемников —

Абазы, Ламанского, Сольского, Островского. «Гражданин» распространил слух о скором отъезде Бунге в Африку[34].

Министр финансов, измученный колоссальной служебной нагрузкой и постоянными нападками, уже не имел желания дальше «нести свой крест». «Я сочту счастливейшим днем в моей жизни тот день, — писал он Победоносцеву 14 ноября 1885 г., — когда Министерство финансов перейдет из моих рук в руки лица, обладающего большей энергией, чем я, для того, чтобы идти против течения, уносящего нас в пропасть, лица, которое сумело бы ограничить требования, обращенные со всех сторон к Государственному казначейству, и притом нашло бы более широкую поддержку, необходимую не для министра лично, но для блага престола и отечества и для достоинства правительства»[35].

Бунге неоднократно просил Александра III об отставке. Он лишь опасался, что с его уходом дело реформ будет обречено на гибель. Поэтому Бунге не упускал возможности напомнить императору о необходимости серьезного внимания к поставленным финансовым ведомством задачам. «Успешное разрешение их, — писал он в одном из всеподданнейших докладов (март 1884 г.), — может способствовать обезоружению преступной пропаганды и укрепить убеждение подданных вашего величества, что общественное благо, составляющее предмет заботы верховной власти, ею одной может быть осуществлено». По его словам, в противном случае «может наступить постепенное расстройство финансов, которое повлечет за собой впоследствии невозможность удовлетворять насущным нуждам армии и флота, а наконец, и кризис хозяйственный, легко обращающийся в потрясение государственного строя»[36].

Однако всеми ожидаемая в начале 1886 г. отставка министра финансов не состоялась. Александр III по-прежнему считал его «превосходным, благородным, без задних мыслей человеком» и не собирался отдавать «на расправу» Каткову. Еще 19 декабря 1884 г. самодержец согласился на предложение государственного секретаря Половцова о производстве Бунге в действительные тайные советники, чтобы «укрепить его положение противу множества нападающих на него и на Казначейство всякого рода журнальных и других враждебных сил»[37]. В конце января 1886 г. в беседах с Островским и Победоносцевым император выразил сожаление о травле «бедного Бунге»[38]. Любимов сообщал Каткову из Петербурга, что «положение Бунге упрочилось, вопрос о замещении сдан пока в архив, и об этом перестали говорить»[39]. В феврале Александр III поручил министру финансов с осени начать чтение курса политической эко-

номии наследнику престола. Это было новым доказательством доверия императора к Бунге.

Консервативная группировка не решалась прямо требовать удаления министра финансов. «Беда в том, — сокрушался Феоктистов, — что ни у кого не хватает для этого духа! Всякий боится поставить вопрос ребром, чтобы не навлечь на себя неприятностей»[40]. Но «катковцам» удалось скомпрометировать в глазах самодержца ближайших сотрудников министра финансов. Особую неприязнь в консервативных кругах вызывали Рихтер, Ковалевский и Картавцов. Противники Бунге изображали его марионеткой в руках «шайки анархистов», обосновавшихся в финансовом ведомстве. Катков писал Феоктистову, что министр финансов нужен либеральной «партии». «Вытесненная из других позиций, — подчеркивал он, — она — благодаря Абазе и Бунге — еще удерживает силу в финансовом управлении, в этом наиболее жизненном для России деле»[41]. В дневниках, адресованных императору, Мещерский писал: «К великому, но, увы, несомненно действительному горю России, теперь финансы ее в руках опасных людей, и опасных именно для Государя и государства людей. Бунге сам вне всякого упрека. Это почтенный и честный человек! Но горе в том, что он окружен не только либералами, но прямо врагами монархического строя в России». Орудием «ультрарадикалов» на местах Мещерский считал податных инспекторов, которые «взяты и берутся досели из самой неблагонадежной среды»[42].

5 января 1886 г. в «Гражданине» появилась статья «Хождение в правительство», откровенно направленная против Рихтера и Ковалевского. «Под начальством самых почтенных, добродушных и преданных престолу министров, — говорилось в ней, — изготовляются меры с дальновидным расчетом покуситься на власть или ввести в народную жизнь новую причину или новый порядок к возбуждению в ней волнений или неудовольствия». В том же номере газеты Мещерский утверждал, что в ведомстве Бунге «есть какие-то страшные лица, скрытые совсем от чинов Министерства финансов, которые работают против правительства и за анархистов»[43].

Бунге был возмущен статьей и потребовал от Толстого защитить Министерство финансов от клеветы. «Равнодушный ко всему, что говорят газеты обо мне лично, — писал он шефу МВД, — я не могу, однако, пренебрегать тем, что касается интересов вверенного мне ведомства». Одновременно министр финансов на очередном всеподданнейшем докладе обратился к императору с просьбой объявить Мещерскому официальное предостережение[44].

На защиту редактора «Гражданина» встал Толстой. В письме к Александру III от 10 января он указал, что заявление газеты о «неблагонадежности» некоторых чиновников Министерства финансов подтверждается сведениями Департамента полиции. Поэтому предостережение «было бы слишком строгой карой за подобный проступок, ввиду несомненной благонадежности и патриотизма редактора»[45]. При встрече с императором Толстой постарался разъяснить ему «печальные последствия» политики Бунге и доложил о поступающих с мест «известиях о поголовном разорении». Александр III приписал «неудачи» министра финансов «лишь тому, что он очень дурно окружен», и не счел статью Мещерского «заслуживающей предостережения». Толстой получил разрешение ничего не отвечать на письмо Бунге[46].

В МВД был составлен и передан императору список главных чиновников Департамента окладных сборов с перечнем компрометирующих сведений по каждому из них[47]. Однако на докладе 17 января, выслушав пожелание Александра III об удалении из Министерства «некоторых лиц», Бунге отстоял своих подчиненных. Он пообещал «привлечь Рихтера и Ковалевского к таким занятиям, где им нельзя будет приносить вред своим предосудительным образом мыслей, если даже предположить, что таковой у них действительно имеется»[48]. В итоге никаких кадровых перемещений в финансовом ведомстве так и не последовало.

Тем не менее, инсинуации против чиновников Министерства финансов по-прежнему продолжались. Особым вниманием «Гражданина» пользовался Картавцов, который твердо противостоял ходатайствам помещиков о непомерных ссудах из Дворянского банка. Он именовался «Робеспьером Дворянского банка», «Маратом Крестьянского банка», «двуликим Янусом, светлой частью лица обращенным к Крестьянскому, а темной к Дворянскому банку»[49]. В передовице «Московских ведомостей» от 25 февраля 1886 г. Катков прямо объявил Бунге ставленником либеральной «партии», потерпевшей поражение 29 апреля 1881 г., но до сих пор не считающей себя окончательно побежденной. «И вот эта-то партия, — писал он, — прежде возлагавшая свои надежды на народное просвещение, юстицию и финансовое управление, потом только на два последние, теперь же главным образом возлагает их только на последнее, имеющее в своем ведении жизненные силы страны». Катков потребовал, чтобы Бунге «самым решительным образом отнял у этой партии всякий повод рассчитывать на финансовое управление для достижения ее целей». По его заверению, если министр финансов «со всей энергией оттолкнет от себя эту

партию», то «он найдет в нас искренних и усердных во всем пособников»[50].

Ультиматум Каткова прозвучал впустую — Бунге не собирался жертвовать своими сотрудниками в угоду московскому «пророку». Либеральная печать выступила с опровержением этих обвинений. «Усиливаясь доказать какую-то солидарность между "партией" и министром финансов, — писал «Вестник Европы», — "Московские ведомости" доказывают, собственно говоря, только одно: непримиримую вражду свою к финансовой политике, ставящей интересы массы выше интересов того или другого сословия и протежируемых частных лиц»[51]. Но Каткову удалось произвести желаемое впечатление на самодержца. На полях «Московских ведомостей» Александр III сделал помету: «Замечательная статья; к сожалению, Катков не ошибается»[52]. Император жаловался Абазе, что у министра финансов «много неудовлетворительных подчиненных, неудовлетворительных даже в полицейском отношении, а между тем он их отстаивал во что бы то ни стало»[53]. По свидетельству Ф.Г.Тернера, «общее недоверие к крайнему либерализму чиновников Министерства финансов у него оставалось до конца и только по своему расположению к Н.Х.Бунге он не настаивал на изменении состава его ведомства»[54].

7 марта 1886 г. состоялась встреча Александра III с Мещерским. «Я вылил ему всю свою душу, — рассказывал редактор «Гражданина» Феоктистову, — без утайки объяснил ему опасения всех здравомыслящих людей относительно того, куда нас ведет Бунге, человек сам по себе вполне честный, но окруженный зловредными советниками». Император впервые высказал предположение, что «с Бунге придется расстаться». В ходе беседы Мещерский предложил свою кандидатуру на пост министра финансов. Речь шла об Иване Алексеевиче Вышнеградском[55].

Этот человек представлял собой незаурядную личность. Выходец из низов, сын провинциального священника, он достиг жизненного успеха благодаря своим выдающимся дарованиям, неистощимой энергии и невероятной работоспособности. Вышнеградский был ученым с мировым именем, крупным специалистом в области прикладной механики и машиностроения, профессором Петербургского технологического института, членом Совета министра народного просвещения (с 1884 г.). Он получил известность и как видный предприниматель и биржевик, руководивший несколькими акционерными компаниями — Петербургским водопроводным обществом, Обществом Юго-Западных железных дорог и др. К началу 80-х годов его состояние превысило миллион рублей.

Честолюбивый Вышнеградский мечтал о служебной карьере и высших почестях. В стремлении «наверх» он проявил исключительную хитрость, изворотливость, умение быстро приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Ему удалось сблизиться с Катковым и воспользоваться его протекцией. Для всесильного редактора Вышнеградский пришелся как нельзя кстати. Чтобы свалить Бунге и заменить его своим ставленником, Катков нуждался в достойной кандидатуре. В 1884—1886 гг. Вышнеградский опубликовал в «Московских ведомостях» ряд статей по различным вопросам правительственной политики и внес свою лепту в травлю министра финансов[56]. В январе 1886 г. Катков попытался провести своего протеже на освободившуюся после ухода Ермакова должность директора Департамента торговли и мануфактур, но Бунге воспротивился этому назначению, считая Вышнеградского связанным «денежными отношениями» с предпринимательскими кругами[57]. Не менее важной для Ивана Алексеевича оказалась поддержка Мещерского. С осени 1885 г. редактор «Гражданина» в своей газете и личных посланиях императору всячески превозносил Вышнеградского как деятеля с «гениальными способностями», призванного очистить Министерство финансов от «радикальных элементов» и спасти Россию от экономического хаоса[58].

Настойчивые рекомендации Каткова и Мещерского возымели действие. 13 апреля 1886 г. Вышнеградский был назначен членом Государственного совета. Высшая бюрократия встретила это событие враждебно. Слухи об участии в биржевых махинациях, близость к непопулярным в обществе Каткову и Мещерскому создали Вышнеградскому скверную репутацию. Толстой называл его «грязной личностью». По распоряжению министра внутренних дел была составлена записка о компрометирующих Вышнеградского «проделках». Об этом документе знал Александр III, но Толстой не решился дать ему официальный ход[59].

Для всех было очевидно, что назначение в Государственный совет является для Вышнеградского лишь ступенью к министерской должности. С этого момента кампания против Бунге заметно усилилась. В июне 1886 г. министр финансов подготовил для императора записку с очередной просьбой об отставке. «Очевидно, — полагал он, — что в настоящем случае необходим выход, и выход этот может быть только двоякий: следует в интересе Государя и Государства или немедленно удалить министра, публично обвиняемого печатью (хотя бы обвинение было даже несправедливо), или привлечь к ответственности те органы печати, которые распространили о министре ложь и клевету, и подвергнуть их законной каре». Бунге признал более

предпочтительным первый вариант. «Я прошу об одном — взвесьте, Государь: не требуют ли интересы Вашего Величества и государства увольнения моего? — спрашивал он. — Я награжден свыше моих заслуг, в особенности тем, что мог служить Вашему Величеству в течение истекших пяти лет; я счел бы для себя еще большей наградой, если бы при оставлении Министерства я мог вынести убеждение, что я не утратил доверия Вашего»[60]. Однако Бунге так и не представил записку Александру III. По-видимому, минута слабости миновала, и он решил выполнять свой долг до конца.

7 ноября 1886 г. Бунге вручил императору записку, в которой проинформировал его о критическом состоянии финансов и ожидающемся на следующий год огромном дефиците по общему бюджету в 140 млн руб. Он объяснял это возрастанием государственных расходов, отрицательным влиянием на народное хозяйство мирового аграрного кризиса, сокращением торговых оборотов, падением курса рубля[61]. Высочайшая резолюция гласила: «Желаю, чтобы член Государственного совета Вышнеградский был бы назначен членом Комитета финансов и принял участие и в заседаниях по вопросу об изыскании средств для покрытия дефицита»[62]. В «верхах» сразу же заговорили о скором уходе министра финансов. Однако Александр III продолжал оказывать ему знаки внимания. «Бунге ласкают и о смене помину нет», — 24 ноября записывал в дневник морской министр И.А.Шестаков[63]. Самодержец испытывал сильные колебания по поводу кандидатуры Вышнеградского.

Мещерский приводит в мемуарах высказывание самого Бунге о своем возможном преемнике: «Я уже состарился, новые мысли мне в голову не идут, а старыми пробавляться теперь нельзя, время требует новых идей. У Вышнеградского они есть. Кроме большого ума, у него есть сильные инициатива и энергия»[64]. Трудно судить, насколько правдиво это свидетельство, зная о сдержанном отношении Николая Христиановича к Вышнеградскому. Так или иначе, министр финансов не стал дожидаться развязки. 5 декабря в Гатчине после обычного всеподданнейшего доклада он подал в отставку, которая на этот раз была принята императором. Правда, Александр III не назвал имя нового министра финансов, и Бунге продолжал выполнять свои обязанности.

Отставка Николая Христиановича не стала опалой. 20 декабря Рейтерн ходатайствовал перед государем об увольнении по болезни с поста председателя Комитета министров и рекомендовал Бунге в качестве своего преемника. Александр III охотно согласился[65]. «Надеюсь, — писал он Победоносцеву 25 декабря, — что Бунге на месте председателя будет хорош и оправдает мой выбор, по крайней мере, Рейтерн очень надеется, что Бунге будет на месте»[66]. На следующий день, когда Бунге приехал в Гатчину с докладом, император попросил его принять новую должность. Николай Христианович ответил, что «во-первых, не умеет председательствовать, вести прения, ставить вопросы, а во-вторых, не имеет надлежащего чиновного старшинства». Но затем он не стал противиться монаршей воле. Одновременно был решен вопрос о назначении Вышнеградского. 20 декабря Александр III поручил ему составить записку о способах сбалансирования бюджета[67].

О новых назначениях было официально объявлено 1 января 1887 г. Бунге остался членом Государственного совета, а 27 февраля был введен в состав Комитета финансов. Решение императора оказалось полной неожиданностью для консервативной группировки. «Помилуйте, — воскликнул потрясенный Толстой, — я должен одеть мундир, ленту и ехать представляться к Бунге!»[68] Его план провести на этот пост бывшего министра внутренних дел А.Е.Тимашева провалился. Ошеломленный Катков писал Победоносцеву: «Событие это произведет одуряющее впечатление на весь крещеный мир. Неспособный министр, причинивший столько вреда стране, не просто удаляется, или хотя бы с заурядным почетом, но возводится на высоту, далее которой идти некуда»[69]. «Московские ведомости» и «Гражданин» обрушились на Бунге с градом новых обвинений. «Все орудия, когда-либо действовавшие против него, соединяются в одну батарею, — писал «Вестник Европы», — пальба производится уже не отдельными выстрелами, а залпами»[70]. Половцов расценил перемещение Бунге на пост председателя Комитета министров как желание Александра III освободиться от «победоносцевской опеки»[71].

Отставка Бунге отрицательно сказалась на карьере его сотрудников. Вышнеградский не был склонен начинать в финансовом ведомстве широкую кадровую «чистку», но Александр III потребовал удаления «неблагонадежных» чиновников. Министр пошел на компромисс и в ноябре 1887 г. перевел Рихтера на должность члена Совета министра финансов, а Ковалевского в 1888 г. назначил чиновником для особых поручений и представителем финансового ведомства во Временном управлении казенных железных дорог. В дальнейшем Ковалевский занимал посты директора Департамента торговли и мануфактур (1892—1990 гг.), товарища министра финансов (1900—1902 гг.), после 1917 г. работал в центральных научных сельскохозяйственных учреждениях и закончил свой жизненный путь в 1934 г., имея звание заслуженного деятеля науки

РСФСР. Картавцову не удалось удержаться в Министерстве. В августе 1889 г. он был уволен с государственной службы «за красный образ мыслей» и стал членом правления Общества Юго-Западных железных дорог[72]. По указанию Победоносцева было проведено расследование обстоятельств женитьбы Д.И.Пихно и установлено, что он вступил в брак «в несоответствии с регламентом нашей церкви, следовательно, незаконно». Обер-прокурор доложил об этом императору, и Пихно пришлось вернуться в Киев к преподавательской деятельности[73]. Иначе сложилась судьба Николаева. Он не захотел работать с Вышнеградским и по ходатайству Бунге был назначен членом Государственного совета[74].

Николай Христианович не симпатизировал Вышнеградскому, который, не стесняясь, всюду громко критиковал его прежние распоряжения. Но он не последовал совету нескольких высокопоставленных лиц «оборвать» ставленника Каткова. Николай Христианович сознавал трудность положения министра финансов и не хотел усугублять ее. Поэтому он не раз защищал Вышнеградского от нападок во время обсуждения годовых бюджетов и в другие ответственные моменты. Изумленный министр вскоре понял, что он вполне может рассчитывать на содействие Бунге. Причем Николаю Христиановичу отнюдь не приходилось изменять самому себе, поскольку Вышнеградский в силу объективных причин стал продолжателем многих начинаний своего предшественника. Смерть Каткова освободила министра финансов от его бдительного надзора. Постепенно он перестал прислушиваться к настойчивым рекомендациям Мещерского. Одному из «советчиков» Бунге с лукавой улыбкой сказал: «Не правда ли, приятно чувствовать, что человек, не хотевший и слышать о предлагавшейся мной задаче, потихоньку-полегоньку втянут в нее, сам запрягся в воз мой и везет его отлично, — вот где моя месть»[75].

Вопрос о преемственности политики Бунге и Вышнеградского остается дискуссионным. Спор об этом начался сразу же после смены власти в Министерстве финансов. «Московские ведомости» писали о «печальном наследии» Бунге и восторгались новым министром финансов, сумевшим в короткий срок упорядочить государственный бюджет. «Словно камень свалился с сердца русских людей, — говорилось в одной из передовиц газеты, — когда они убедились, что с водворением в 1887 году нового финансового управления поставлен могильный крест над господствовавшей дотоле quasi-научной финансовой системой, приведшей страну чуть не на край пропасти государственного банкротства, над системой, вызвавшей официальный вопль отчаяния у последнего могиканина этой мнимой финансово-экономической "научности"»[76]. «Вестник Европы» утверждал, что политика Вышнеградского «не отличается новизной»[77]. По словам Половцова, «никакой новой финансовой политики Вышнеградский не выдумал, продолжал действовать в том же смысле, как и Бунге»[78].

Дореволюционные историки и экономисты вынесли Вышнеградскому суровый приговор. Министра финансов обвинили в неосмотрительном экспорте хлеба, усугубившем голод 1891—1892 гг., и других просчетах. В литературе утвердилась критическая оценка системы Вышнеградского по сравнению с курсом его предшественника. «Бунге, — писал В.Витчевский, — думал главным образом о посеве, для Вышнеградского на первом месте была жатва»[79]. Выдвиженец консервативных кругов объявлялся «полным невеждой в науке о финансах», «типом отжившего меркантилиста», «умным и ловким финансовым техником», сторонником исключительно «фискальной» и «банковой» политики, который стремился только к «внешнему блеску бюджета», проявлял «государственный цинизм» и «невнимание к интересам страны, к успехам ее производства», «обнаружил полное отсутствие сколько-нибудь широких взглядов и дальновидности»[80].

Лишь П.П.Мигулин считал неверным противопоставление двух министров финансов, поскольку у Вышнеградского «мы не встречаем решительно ничего оригинального: во всем мы видим рабское следование политике Н.Х.Бунге». Но и он, признавая «громадную заслугу» Вышнеградского, отмечал слишком узкое понимание им интересов фиска и неоправданную скупость, «когда речь шла об истинных культурных нуждах населения»[81].

В советской историографии традиционная точка зрения прозвучала только в работе П.И.Лященко: «В противоположность более глубокому пониманию Бунге задач государственной народнохозяйственной политики, Вышнеградский в своей политике на первое место выдвигал цели бюджетно-финансового благополучия, всецело подчиняя и предпочитая им общие интересы народного хозяйства»[82]. Напротив, в трудах И.Ф.Гиндина, П.А.Зайончковского и Л.Е.Шепелева было особо подчеркнуто отсутствие принципиальных различий в деятельности обоих министров.

А.А.Лазуткин, посвятивший политике Вышнеградского кандидатскую диссертацию, опроверг негативные суждения о нем дореволюционных исследователей и отметил заслуги министра финансов в сокращении государственных расходов, конвертировании внешнего долга, упрочении международного кредита страны, активизации расчетного баланса, подготовке денежной

реформы, преобразовании железнодорожного хозяйства. Автор указал на эффективность «антикризисной» программы Вышнеградского и его «узко-финансовой» политики, подчеркнув, что «стабилизационные меры министра финансов приостановили дальнейшее развитие финансового паралича империи»[83]. Однако Б.В.Ананьич обратил внимание на то, что «попытка Вышнеградского приспособить экономическую политику к общеполитической доктрине царствования Александра III находила свое выражение и в усилении государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, и в ужесточении рабочего законодательства, и в поддержке консервативных начал в аграрной политике, нацеленной на укрепление общины и дворянского контроля над органами крестьянского общественного самоуправления»[85].

Следует признать неправомерными как слишком категоричное противопоставление министров финансов, так и точку зрения о полном сходстве их политики. Вышнеградский во многом стал достойным наследником Бунге и имел впечатляющие достижения в упорядочении российских финансов. И все же очевидно, что эти государственные деятели исходили из разных концепций. Бунге понимал процесс экономического развития как пропорциональный рост всех клеток народнохозяйственного организма. Вышнеградский не обладал перспективным видением и широтой подхода к решению экономических задач. Он представлял собой деятеля другой формации, вышедшего из среды предпринимателей, был в большей степени подвержен политической конъюнктуре, предпочитал ставить во главу угла интересы непосредственной экономической выгоды. Вышнеградский действовал избирательно, концентрируя усилия в тех областях, где финансовая «отдача» была наиболее быстрой и осязаемой. То, на что Бунге шел под давлением обстоятельств (повышение таможенных пошлин и увеличение налогообложения), стало для Вышнеградского удобным и постоянным средством пополнения казны. Такая политика не могла гарантировать экономического процветания. Даже Лазуткин признал за министром финансов часть вины во «всероссийском разорении» 1891—1892 гг. и констатировал «очевидную невозможность» стабилизации российских финансов «при сохранении неизменной существовавшей в государстве системы социально-экономических отношений, прежде всего особого положения крестьянства»[86]. Пример Вышнеградского в очередной раз доказал бесперспективность чисто финансовых методов. Об этом свидетельствовали отрицательные экономические последствия голода — сокращение экспорта, ухудшение торгового и расчетного балансов и др.

* * *

Противостояние консерваторов и либералов в вопросах экономической политики в 80-е годы было персонифицировано в лице Каткова и Бунге. Л.Е.Шепелев указывает на известное совпадение установок «Московских ведомостей» и Министерства финансов относительно развития промышленности[87]. Вместе с тем Катков и Бунге во многом по-разному представляли себе будущее народного хозяйства России. В отличие от редактора «Московских ведомостей» с его утопическими планами создания «национальной» экономики при сохранении бумажноденежного обращения, Бунге выступал за интеграцию с передовыми странами Запада, широкое привлечение иностранных капиталов и введение золотой валюты.

Катков абсолютизировал роль государства, призывал к проникновению его влияния во все «поры» народного хозяйства. Бунге пытался установить наиболее рациональный баланс между государственным вмешательством и частным предпринимательством. Он не считал, что правительство может оставаться безучастным зрителем событий экономической жизни, особенно в кризисные моменты. Министр финансов предпринял повышение таможенных пошлин, организацию государственного ипотечного кредита, усиление административного надзора за частными банками, огосударствление железных дорог. «Передача земельных, кредитных и железнодорожных операций в руки казны очень ограничила учредительские спекуляции, — вспоминал Скальковский. — Биржа поэтому во время управления г. Бунге весьма косо смотрела на Министерство финансов и плакалась об "отсутствии дел", вспоминая блестящие для наживы эпохи 1857—59 и 1866—71 гг.»[88]. Но Бунге был убежден, что «влияние государства на промышленную деятельность должно быть заключено в известные границы; что государственная предприимчивость не может заменить частную предусмотрительность и что упорядочение при содействии административных органов легко обращается в тормоз, задерживающий преуспеяние страны»[89]. В «Загробных заметках» он критиковал Вышнеградского и Витте за «излишний» протекционизм: «Правительство вступило бы на опасный путь, если бы оно предприняло занятие теми отраслями, которые с успехом велись частной промышленностью, если бы оно вздумало монополизировать горные промыслы, фабрики и заводы. (...) Вторжение государства в фабричную и заводскую предприимчивость положило бы начало неограниченной власти администрации относительно назначения цен, власти доселе неизвестной и которая, конечно, будет могущественнее всех возможных

коалиций капиталистов»[90]. По словам Бунге, в этом случае правительство «усвоит себе задачу социализма, по которому государство должно доставить каждому возможность благоденствовать на счет Казначейства»[91].

На занятиях с наследником престола в 1888—1889 гг. Бунге утверждал: «1) То, что делается частными лицами на счет государства, может быть предоставлено им только в том случае, когда они делают это дешевле и лучше; 2) государство должно помогать частной предприимчивости только тогда, когда этого требуют действительные государственные интересы, а не интересы частного хозяйства; 3) государство должно браться за те отрасли народной деятельности, которые имеют общеполезный характер, — средства сообщений, банки, порты и др. и при том, если этим достигается действительное удешевление издержек производства»[92]. Он по-прежнему считал, что «гораздо свободнее может действовать государство в области законодательной, устраивая или способствуя устроению обществом всего, что прямо или косвенно способствует приобретению недвижимой собственности (дома для жилья и земля) и накоплению капитала»[93].

Катков призывал к сословной политике, односторонне ориентированной на возрождение экономического и политического могущества поместного дворянства. Бунге уделял преимущественное внимание решению социальных проблем, соблюдению интересов «низших» классов. Туган-Барановский назвал его «первым провозвестником в официальной России необходимости социальной политики»[94]. В этом смысле Бунге следовал по пути, намеченному еще Редакционными комиссиями. Перевод крестьян на обязательный выкуп, податные преобразования, учреждение Крестьянского банка, первые рабочие законы были реализацией планов либеральных бюрократов 60-х годов и продолжением Великих реформ.

Предпринятые Бунге меры были бы невозможны без санкции Александра III, который не раз становился на сторону Министерства финансов и большинства Государственного совета. Несмотря на свои консервативные убеждения, император стремился сохранять самостоятельность и занимать «надпартийную» позицию, не связывая себя открыто с группировкой Каткова-Победоносцева. Не случайно самодержец долгое время отказывался уволить Бунге, к которому питал личное доверие, а когда это произошло, то, вопреки всем ожиданиям, переместил его на почетный пост председателя Комитета министров.

Формально «поле боя» осталось за Катковым. Бунге не удалось выполнить большую часть своей программы. Такие преобразования, как отмена круговой поруки, пересмотр паспортного устава, дальнейшее понижение выкупных платежей, введение подоходного налога и страхования рабочих от несчастных случаев и др., оказались отсрочены на полтора-два десятилетия. При Вышнеградском произошел отход от основных принципов его предшественника — сокращение операций Крестьянского банка, свертывание податных реформ и дальнейшей разработки фабричного законодательства. Возобладала политика «узкого финансизма». Но победа Каткова была частичной. Вскоре после отставки министра финансов консервативная группировка распалась — умерли Катков и Толстой, пошатнулось влияние Победоносцева. Противникам Бунге не удалось сорвать ни конверсию займов, ни денежную реформу.

Внешние итоги деятельности Бунге выглядели неудовлетворительно: бюджет по-прежнему сводился с дефицитом, продолжались колебания курса рубля, еще более возросла задолженность Казначейства. На пути министра финансов оказалось слишком много препятствий — тяжелое военное наследство, неурожаи, кризис в промышленности и сельском хозяйстве, увеличение расходов на армию, флот и железнодорожное строительство, постоянная конфронтация с консервативной оппозицией. Однако только по состоянию бюджета и сумме государственного долга нельзя судить о результатах экономической политики. Последствия реформ Бунге в полной мере проявились позднее. Он внес существенный вклад в создание благоприятных условий для последнего, интенсивного этапа промышленной революции в России. Таможенная охрана защитила отечественных предпринимателей от иностранной конкуренции и дала импульс развитию внутреннего производства. Мероприятия в области налогообложения и государственного кредита обеспечили в перспективе финансовую базу для стимулирования правительством индустриального роста. Курс на стабилизацию рубля и переход к золотому монометаллизму, продолженный Вышнеградским, завершился денежной реформой Витте, укрепившей доверие Запада к российским финансам и усилившей приток иностранных капиталов. Политика Бунге и его преемников способствовала промышленному подъему 90-х годов, в ходе которого окончательно сложился комплекс крупных предприятий тяжелой индустрии, качественно изменивший экономическую структуру страны. Вместе с тем в этот период обозначилось резкое отставание сельского хозяйства от промышленности по темпам развития. Это придавало общему процессу модернизации «однобокий», «искусственный» характер.

Глава IV
ЗАВЕЩАНИЕ

1. Во главе Комитета министров

Новый пост Бунге считался престижным, но менее влиятельным, чем предыдущий. На него обычно назначались «патриархи» высшей бюрократии, пережившие пик своей карьеры. Председатель Комитета министров не имел постоянных докладов у императора и права законодательной инициативы. Однако, как вспоминал чиновник Канцелярии Комитета Н.Н.Покровский, Бунге продолжал пользоваться уважением Александра III, который «особенно ценил в нем его душевную чистоту и кристальную честность», несмотря на то, что «взгляды его существенно расходились с правительственными воззрениями того времени»[1]. Когда министр внутренних дел И.Н.Дурново попытался скрыть от императора подлинные масштабы голода 1891 г., то именно Бунге открыл глаза самодержцу на истинное положение вещей[2].

Поэтому Николай Христианович получил возможность воздействовать если не на общее направление политики того или иного ведомства, то на характер отдельных законопроектов и административных распоряжений. «Перестав с 1887 г. играть активную роль в государственном управлении, — писал «Вестник Европы», — он немногое с тех пор мог сделать, но сравнительно многое мог предупредить, сдержать, смягчить, и этому призванию он был верен до конца жизни»[3]. Сдержанный и учтивый Бунге как никто другой умел вести заседания, вникать в сущность обсуждаемых дел и примирять конфликтующих министров. «Это был в полном смысле слова "муж совета", — признавали позднее даже «Московские ведомости», — и не раз его глубокая государственная мудрость и всестороннее изучение рассматриваемых вопросов содействовали устранению разногласий и успешному ходу работ Комитета»[4]. Среди подчиненных Николай Христианович пользовался высоким авторитетом. «Как личность Н.Х.Бунге производил впечатление самое обаятельное: даже его внешность, глубокий взгляд, ласковое, всегда ровное обращение были необыкновенно привлекательны, — вспоминал Покровский. — Как старый профессор самого лучшего типа, он любил молодость, любил ее общество. Многих из нас, и не один раз, приглашал он к себе обедать, совершенно запросто, тет-а-тет, и беседовал, как с равным, вызывая на совершенно откровенное выражение своего мнения. Мы гордились своим председателем»[5].

О влиянии Бунге на государственные дела свидетельствует его столкновение с Витте, сменившим Вышнеградского в августе 1892 г. Получив в наследство опустошенную после неурожаев казну, новый министр финансов сразу же провел ряд повышений косвенных налогов, мотивируя это их преимуществом перед прямыми податями, взимание которых всегда связано с принудительными мерами[6]. Витте задумал также восстановить отмененный в 1880 г. соляной акциз. В январском номере «Вестника финансов, промышленности и торговли» за 1893 г. появилась статья, в которой утверждалось, что, по мнению Министерства, «налог на соль представляет, по-видимому, одну из наименее обременительных для населения форм обложения» и предубеждение против него было «результатом поверхностного знакомства с делом или плодом явных недоразумений»[7].

Намерения Витте вызвали возмущение в обществе. Бунге поспешил высказаться по этому вопросу. «Высокие косвенные налоги, — подчеркивал он в записке на имя председателя Комитета финансов Д.М.Сольского от 23 февраля, — требуют больших стеснений промышленности, а взимаемые с предметов необходимости ведут к обеднению народа, к недоборам в косвенных и к недоимкам в прямых податях, взыскание которых часто сопряжено с разорением плательщиков»[8]. Предполагаемому восстановлению соляного налога он посвятил специальную брошюру и зачитал ее на заседании историко-филологического отделения Академии наук 10 февраля 1893 г. Он отметил, что упразднение этого акциза следует рассматривать в связи с другими мерами по облегчению налогового бремени крестьянства — понижением выкупных платежей и отменой подушной подати. «Едва ли, — утверждал Бунге, — восстановление налога на соль будет питать в народе те признательные чувства, которые были возбуждены рядом явленных ему царских милостей как в прошлое, так и в настоящее царствование». Он привел убедительные статистические данные за 1880—1890 гг. о положительных результатах отмены соляного акциза[9]. Во многом благодаря вмешательству Бунге этот налог не был восстановлен.

Председатель Комитета министров выступил и против распоряжений Витте о выпуске бумажных денег на сумму 25 млн руб. и использовании на строительство Сибирской железной дороги кредитных билетов (92,7 млн руб.), переданных Казначейством Государственному банку в соответствии с указом

1 января 1881 года[10]. В Комитете финансов Бунге заявил, что он «министра финансов не понимает и не сочувствует ему»[11]. 29 января 1893 г. Николай Христианович в знак протеста обратился к Александру III с просьбой освободить его от участия в заседаниях этого высшего учреждения по причине большой занятости в Комитете министров и Государственном совете[12]. В упоминавшейся записке на имя Сольского Бунге предупреждал, что чрезмерная эмиссия бумажных денег неизбежно заканчивается экономическим крахом. «Конечно, — писал он, — государства от подобного крушения не погибают, но часто в них совершаются перевороты, после которых они становятся не тем, чем они были прежде»[13]. Бунге прямо сказал Витте, что тот «встал на самый ужасный путь», который «приведет Россию к полнейшему финансовому расстройству». Он сравнил министра финансов, выпустившего неразменные кредитные билеты, с «согрешившей француженкой», уверяющей, что она сделала это в первый и последний раз[14].

Витте отказался от своих планов. Стремясь навсегда отвратить его от инфляционистских увлечений, Бунге дал задание одному из подчиненных И.П.Шипову (впоследствии министру финансов) перевести с французского языка книгу Э.Горна о государственном контролере финансов Джоне Ло, который в начале XVIII в. нанес огромный ущерб Франции массовым выпуском бумажных денег. Этот труд вышел в свет в 1895 г. с предисловием Бунге[15]. В правительственных кругах и среди иностранных дипломатов Николай Христианович рассматривался как «противовес» Витте, находившемуся в большом фаворе у Александра III[16].

Много сил Бунге вкладывал в образование цесаревича. За годы занятий (1886—1889 гг.) он завоевал симпатию и уважение своего ученика. Между ними установились теплые и доверительные отношения. Бунге старался привить наследнику либеральные идеалы и разъяснить «благодетельное» значение для России реформ 60-х годов[17]. Он ставил ему в пример Бисмарка, который сумел понять, что «успешная борьба с социализмом возможна лишь на поприще практическом»[18]. Николай Христианович говорил Половцову, что цесаревич «положительно очень умен и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей»[19]. Бунге постоянно приходилось преодолевать влияние другого наставника — Победоносцева, который внушал Николаю Александровичу противоположные взгляды. Между двумя менторами развернулась настоящая схватка за душу будущего царя. Николай Христианович сетовал попечителю наследника генералу Г.Г.Даниловичу, что «при такой системе преподавания ничего не выйдет, кроме путаницы»[20]. В

мае 1889 г. цесаревич был назначен членом Комитета министров, и его встречи с Бунге продолжались на заседаниях этого высшего административного учреждения.

Несмотря на исключительную загруженность, Бунге не прекращал научных занятий и опубликовал монографии «Государственное счетоводство и финансовая отчетность в Англии» (1890 г.) и «Очерки политико-экономической литературы» (1895 г.). Он состоял почетным членом Русского географического общества, университетов Петербургского, Новороссийского и св. Владимира, Общества истории и древностей российских при Московском университете, Исторического общества Нестора-летописца и Юридического общества при университете св. Владимира, Общества для содействия русскому торговому мореплаванию, Международной Академии всеобщих промышленных наук в Мадриде и др. 3 марта 1890 г. Бунге был избран действительным членом Академии наук по отделению политической экономии и статистики. При этом он, впервые за всю историю Академии, отказался от причитающегося ему жалования[21]. 31 октября 1895 г. предполагалось празднование пятидесятилетия его научной и служебной деятельности[22].

* * *

Заметным событием в жизни Бунге последних лет стала его борьба против курса МВД на искусственную консервацию сельской общины. В 80-е годы этот вопрос приобрел особую остроту. В условиях аграрного кризиса правительство оказалось перед выбором: либо приступить к укреплению крестьянской собственности на землю, либо прибегнуть к традиционным административным методам и воспрепятствовать естественному экономическому развитию деревни с помощью государственной поддержки общинных порядков. Политическая обстановка в стране и настроения общества благоприятствовали выбору второго пути.

Мировой аграрный кризис повлек за собой окончательное крушение авторитета фритредерских идей в области земельных отношений. В экономической литературе Запада земля трактовалась уже не как обычный товар, а как «универсальное благо», «дар природы», подобный воде и воздуху. Государственная власть стала все активнее вмешиваться в процесс мобилизации земли. В европейских странах последовала серия законов об ограничении свободы ипотечного кредита, наследования и дробления земли, о создании новых форм неотчуждаемого имущества, принимались меры по обузданию земельной спекуляции. Это законодательство было вызвано чрезвычайной си-

туацией и не вело к коренным изменениям в аграрном строе Запада, основанном на принципе частной собственности[23].

Иной была ситуация в России. Высшая бюрократия видела в общине один из основных устоев сословного строя, единственно возможную в специфических условиях страны форму землепользования и надежное средство для предотвращения революционной опасности. Поместное дворянство было встревожено угрозой обезземеливания крестьянства и утраты дешевой рабочей силы. С начала 80-х годов большинство земских собраний требовало законодательного увековечения общины[24]. Русское общество объединяло отрицательное отношение к 165-й статье «Положения о выкупе». Несмотря на то, что правом на выдел участка выкупленной земли смогло воспользоваться лишь незначительное количество крестьян, сама потенциальная возможность развала общины, заложенная в этой статье, вызывала страх. Публицистика всех направлений била тревогу по поводу перспективы бурного роста числа крестьян-пролетариев и их взрывоопасного скопления в городах. В либеральных кругах разложение общинного строя стали рассматривать не как закономерный итог реформы 1861 г., а как тенденцию, идущую вразрез с интересами крестьянства. Многие прежние поборники частной крестьянской земельной собственности в этот период перешли в лагерь сторонников общины. В 80-е годы появилась целая литература либерально-народнического характера, которая доказывала преимущества общинного землевладения[25].

Вопрос об установлении неотчуждаемости наделов, искусно обойденный Н.А.Милютиным в Редакционных комиссиях, как не имеющий принципиального значения для начального этапа реформы, спустя два десятилетия выдвинулся на первый план. Поддержка общественного мнения создавала правительству благоприятные возможности для пересмотра крестьянского законодательства. Руководство МВД развернуло подготовку законопроектов об искусственной консервации общины, что находилось в противоречии с программой реформы, содержащейся в «Положениях» 19 февраля 1861 года[26].

После перевода крестьян на обязательный выкуп сохранение общины уже потеряло в глазах Бунге прежний смысл. 16 апреля 1882 г. он дал одобрительное заключение по представлению Н.П.Игнатьева в Главный комитет об устройстве сельского состояния «По вопросу о переходе от общинного пользования землей к подворному»[27]. Однако отставка Игнатьева и упразднение Комитета помешали осуществлению этих планов.

18 января 1884 г. Толстой внес в Государственный совет проект об ограничении семейных разделов, «крайне вредно», с

его точки зрения, отражающихся на крестьянском хозяйстве и угрожающих «значительной части сельского населения разорением». По сведениям МВД, число разделов за 1861—1882 гг. составило 2371 тыс., причем 2069 тыс. из них были самовольными. Толстой предложил предоставлять право на раздел с разрешения главы семьи и согласия не большинства (как это было ранее), а двух третей участников сельского схода[28].

В отзыве от 17 марта 1884 г. министр финансов отметил, что «разделы вовсе не представляются явлением тревожным и требующим воздействия правительственной власти». Он оспорил приводимые Толстым данные об учащении разделов, поскольку их наибольшее число приходилось на первые пореформенные годы. На основании этих цифр, писал Бунге, «трудно судить о том, много ли было самовольных разделов за последние 20 лет и следует ли усилить власть мирских сходов для противодействия разделам вообще». Особенно резко министр финансов возражал против предложения Толстого поставить разделы под контроль чиновников уездной администрации. Он подчеркивал, что «вверять оценку психических мотивов, всего чаще определяющих раздел, людям, чуждым обыденной жизни данного общества крестьян, (...) не представляет никакой гарантии правильного разрешения этих сложных и трудных вопросов»[29].

На заседании Соединенных департаментов 24 ноября 1884 г. Бунге выступил против позиции Толстого, который считал разделы и пьянство «главнейшими причинами обеднения русского народа». Министр финансов выразил сомнение, чтобы «стеснение личной свободы в труде могло увеличить производительность»[30]. Участники заседания учли критику Бунге и поручили Толстому собрать дополнительные данные о числе разделов по каждой губернии за пятилетие 1879—1883 годов[31]. Тем не менее МВД добилось своей цели. Через год Государственный совет одобрил проект, основанный на новых статистических сведениях[32], и 18 марта 1886 г. он был утвержден императором[33].

В первой половине 80-х годов Бунге проявил некоторые колебания в вопросе о праве крестьян на продажу своих наделов. Позднее он признавался, что «был напуган» тревожной информацией из губерний о «чрезвычайных размерах» отчуждаемой крестьянской земли и возможных катастрофических последствиях этого явления[34]. 3 декабря 1884 г. министр финансов дал положительный отзыв на проект Толстого о запрещении продажи, залога и наследования земель лицам, не принадлежащим к данному сельскому обществу. Он указал на «необходимость и своевременность подобной меры», поскольку наделы пред-

ставляют собой собственность «мира» и не подлежат сокращению. В своих соображениях Бунге пошел даже дальше Толстого. Он предложил в качестве дополнения к проекту ограничить скупку наделов внутри общины: определить предельную норму владения землей и установить срочное, а не наследственное пользование добавочными наделами[35]. В тот момент Толстой не стал вносить представление в Государственный совет. В МВД началась разработка более масштабного проекта о неотчуждаемости надельных земель.

Спустя несколько лет взгляды Бунге по этому вопросу вполне определились. Как он говорил впоследствии, новые данные, поступившие из губерний в конце 80-х — начале 90-х годов, «с достоверностью показали, что никакого обезземеления крестьян нет, а что, напротив, они приобретают гораздо более земли, чем отчуждают»[36]. Однако именно в это время правительство открыто приступило к пересмотру крестьянского законодательства. Угроза коренной ревизии «Положений» 19 февраля 1861 г. заставила Бунге выступить против консервативного аграрного курса. «В последние годы жизни его, — вспоминал Картавцов, — нельзя было почти касаться в разговорах с ним вопроса об общинном землевладении, так как при малейшем намеке на некоторые выгодные его стороны он окрещивал собеседника "общинником" и переводил разговор на другой предмет»[37].

В «Загробных заметках» Бунге подверг критике как воззрения славянофилов, которые видели в общине «древнее народное установление», так и мнение идеологов народничества, признававших ее «зародышем коммунистического устройства». Он считал общинное землевладение лишь «последствием первобытного состояния земледелия». С развитием сельского хозяйства «общинное владение становится не только тормозом для улучшений, но причиной возрастающей нищеты, которая вместе с идеями о праве земледельца на землю сделает из населения, наиболее приверженного к существующему порядку, наиболее консервативного, — опасный элемент, легко поддающийся учениям социализма, отрицающего частную земельную собственность». Бунге отверг аргументы сторонников общины, утверждающих, что она спасает крестьянство от обезземеливания и кулацкой эксплуатации. «Хотя для каждого мыслящего человека должно быть ясным, — писал он, — что и при общинном владении возможно также кулачество, спаивание мира, обирание бедных богатыми и, наоборот, разорение достаточного населения мироедами и гнет мира; хотя обезземеление не есть последствие частной собственности, а, как все признают, — возрастания населения»[38].

На занятиях с цесаревичем Бунге говорил, что «упадок крестьянских хозяйств находится, без сомнения, в связи с закрепощением крестьян сельской общиной и с установлением круговой поруки, а также с отсутствием законодательства, способствующего развитию личной энергии и ее применению к хозяйству». Между тем, продолжал он, интенсификация земледелия «предполагает обеспеченное наследственное владение землей и жизнь не под господством неопределенного обычного права общинного произвола, а под охраной положительных гражданских законов, общих и равно обязательных для всего населения»[39].

Однако Бунге отнюдь не призывал к упразднению общины «сверху». «Я не поклонник общинного владения как чего-то вечного и неизменного, но убежден, что разрушать его искусственными средствами не следует, а также, что регламентация и вмешательство администрации будут положительно вредны», — писал он 12 июня 1893 г. московскому земскому деятелю Д.Ф.Самарину[40]. Николай Христианович возражал только против государственной поддержки общины и не сомневался, что она постепенно распадется естественным путем. «Конечно, — внушал он наследнику престола, — было бы большой ошибкой отменить законом общинное владение там, где оно держится силой признаваемого и соблюдаемого всеми обычая, справедливого и не вызывающего протестов. Правительство не должно разрушать освященный временем обычай, но оно обязано и при общинном владении оградить на основании общих законов об имуществах и при помощи судебной власти обеспеченное пользование имуществом, а за тем в случае замены общинного владения подворным или личным поставить его под охрану общих гражданских законов о собственности»[41].

Бунге не исключал введения некоторых временных ограничений права крестьян на распоряжение наделами. «Запрещение продажи земли, — писал он Игнатьеву 25 мая 1881 г., — (...) не может быть безусловным и требует лишь некоторых мер ограждения крестьянской поземельной собственности от перехода в посторонние руки»[42]. В «Загробных заметках» Бунге указывал, что главная задача правительства состоит в «облегчении условий для образования частной собственности». Для этого он рекомендовал: определить минимальный размер участков, на которые будут дробиться крестьянские наделы при переходе от общинного владения к частному; установить порядок составления и выдачи документов, планов и межевых актов на крестьянскую земельную собственность; оградить мелкое землевладение от продажи за долги (по примеру США); открыть при отделениях Крестьянского банка и в уездах кассы краткосроч-

ного кредита для крестьян с целью «противодействия кулачеству, ростовщичеству и еврейской эксплуатации в деревнях»[43].

Недальновидность правительства вызывала у Бунге сильную тревогу. «Что будет, — писал он А.Ф.Кони в августе 1890 г., — если мы крестьян не сделаем действительными личными собственниками и если не устраним сословного антагонизма, весьма вероятного в будущем на это нелегко ответить. Мы многого не замечаем»[44]. 16 ноября 1892 г. министр внутренних дел И.Н.Дурново внес в Государственный совет предствление о регламентации общинных земельных переделов. Он предлагал проводить их не чаще, чем раз в двенадцать лет[45].

14 апреля 1893 г., накануне обсуждения проекта в Соединенных департаментах, Бунге направил государственному секретарю Н.В.Муравьеву письмо с приложением особого мнения по этому вопросу. «Общинное владение землей, — писал он, — для многих западных государств составляло одну из древнейших форм землевладения и удерживалось до той поры, пока с возрастанием населения не наступала пора интенсивного земледелия и необходимости крупных затрат труда и капитала». Бунге подчеркивал, что в России «потребность перехода от общинного землевладения к участковому начинает живо чувствоваться». Между тем «Министерство внутренних дел не полагает нужным пробуждать в сельском населении силу личной хозяйственной деятельности, но, напротив, хочет по возможности доставить преобладание каким-то новым видам общинного хозяйства и общинного владения». Николай Христианович оспорил слова Дурново о том, что Редакционные комиссии предусматривали сохранение общины. «Редакционные комиссии, — утверждал он, — не считали удобным ломать законодательным путем установившиеся отношения в крестьянском землевладении, но указали на выход для населения, стремящегося к приобретению личной частной собственности».

Бунге выражал сомнение в необходимости регламентации земельных переделов и ограничения права семьи пользоваться наделом в случае смерти домохозяина или какого-либо другого несчастья. В заключение он призвал членов Совета придерживаться буквы и духа «Положений» 19 февраля 1861 г. «Не следует, — писал он, — отнимать у крестьян того, что было даровано этим великим актом, охранение которого должно служить лучшим украшением венца русских царей»[46]. Однако проект Дурново был принят Государственным советом[47] и 8 июня 1893 г. стал законом[48].

5 и 13 июня 1890 г. Комитет министров под председательством Бунге рассмотрел переработанный проект МВД о запрещении отчуждения надельных земель и отмене 165-й статьи

«Положения о выкупе». Если в августе 1860 г. группа членов Редакционных комиссий, включая Бунге, выступила за установление принципа неотчуждаемости наделов только по отношению к лицам других сословий с целью сохранения крестьянского земельного фонда и создания условий для его перераспределения между бывшими крепостными, то Дурново настаивал на разрешении купли-продажи лишь в рамках каждого сельского общества в отдельности и тем самым пытался воспрепятствовать процессу образования слоя земледельцев-собственников[49].

Участники заседаний признали, что эти предложения «затрагивают существенные имущественные интересы и законно приобретенные права большого числа отдельных лиц», и рекомендовали обсудить их в законодательном порядке через Государственный совет. По мнению Комитета, промедление в данном случае не вызывало опасений, поскольку сумма досрочных взносов за переход наделов в полную собственность, внесенная бывшими помещичьими, государственными и удельными крестьянами в 1863—1887 гг., составляет лишь 1,15% общей суммы всех причитающихся с крестьян выкупных платежей и приблизительно в таком же отношении находится площадь выкупленной земли к площади всех надельных земель. 15 июня 1890 г. это решение было утверждено Александром III[50].

22 февраля 1891 г. Дурново внес проект в Государственный совет[51]. 15 апреля 1893 г., за несколько дней до заседания Соединенных департаментов, Бунге разослал членам Совета записку с изложением своего особого мнения. «Несомненно, — указывал он, — что ограничение права продажи, переуступки и залога имущества, а равно права приобретения частной собственности и потомственного пользования принадлежит к наибольшим стеснениям общегосударственных прав и лишит крестьян не только побуждения к приобретению имущества, но и к приобретению необходимых для того средств». С его точки зрения, подобная политика может привести к весьма нежелательным итогам. «Единственный результат, — писал Бунге, — достижимый в будущем вследствие неотчуждаемости крестьянской земли, ограничится тем, что крестьяне сочтут правительство обязанным наделять их землей не только государственной, но и частновладельческой. Пошатнув в понятиях крестьян навсегда ясное представление о праве и личной собственности, правительство достигнет одного, что крестьяне не будут уважать поместной собственности и будут требовать наделов. Едва ли это в интересах дворянства».

Кроме того, продолжал Бунге, реализация проекта МВД вызовет падение производительности крестьянского хозяйства и

рост недоимок. «Что выиграет государство? — спрашивал он. Можно ли ожидать лучшей обработки земли, лучших севооборотов, больших сбережений в крестьянских хозяйствах? Едва ли. Общины при каждом неурожае будут ждать, чтобы их правительство кормило. Налоги будут поступать в размерах далеко ниже установленных окладов. Зато принцип неотчуждаемости будет спасен». Поэтому, резюмировал Бунге, нет никаких оснований для того, чтобы «сломать некоторые из главных начал Положений 19 февраля 1861 года и подвергнуть массы крестьян существенным ограничениям предоставленных им прав»[52].

На первом заседании Соединенных департаментов 20 апреля записка породила бурную дискуссию. По воспоминаниям Витте, доводы Бунге «поколебали Совет», и сам император «колебался в решении вопроса, поставленного министром внутренних дел, колебался именно на основании глубокого уважения к знаниям и опытности Николая Христиановича»[53]. В ходе обсуждения Бунге занял компромиссную позицию. Отрицая необходимость каких-либо запретов на отчуждение наделов, он, вместе с тем, признал возможность внесения нескольких поправок, не затрагивающих основы законодательства 19 февраля 1861 года[54]. Спустя два дня он направил государственному секретарю письмо с просьбой ознакомить с его содержанием членов Совета. Бунге рекомендовал оставить в неприкосновенности 165-ю статью, но разрешить залог и продажу земли «постороннему лицу» только с согласия сельского схода и земского начальника[55].

На втором заседании 24 апреля (на третьем заседании 28 апреля Бунге не присутствовал) споры вспыхнули с новой силой. «Я сам был членом Редакционных комиссий, — говорил Бунге, — и могу удостоверить, что Положение 19 февраля 1861 года имело в виду не закрепление земель за крестьянами, а освобождение крестьян с землей»[56]. Департаменты постановили: 1) допускать продажу надельной земли сельскими обществами только с согласия двух третей участников схода и санкции губернского по крестьянским делам присутствия; 2) сохранить в неприкосновенности первую часть 165-й статьи. Голоса разделились по следующим вопросам: 1) об ограничении круга лиц, имеющих право приобретать земельные участки, принадлежащие отдельным крестьянам; 2) о запрещении залога надельных земель; 3) об отмене второй части 165-й статьи. Большинство поддержало проект Дурново, меньшинство признало обоснованность аргументов Бунге[57].

Обсуждение проекта было продолжено на заседании Общего собрания Государственного совета, состоявшемся в осеннюю сессию 1893 г. В записке от 16 ноября Бунге отказался от

всех своих компромиссных предложений и сделал очередную попытку убедить членов Совета в ошибочности искусственной консервации общины. Он констатировал отсутствие процесса обезземеливания крестьян на основании имеющихся статистических данных. Поэтому «нет основания ограждать крестьянское землевладение стеснительными законами в ожидании и предвидении возможных злоупотреблений». Бунге не согласился с тем, что ограничение права собственности крестьян на землю будет способствовать удержанию ими наделов. Он указал на истинные причины возникновения и роста «земледельческого пролетариата»: быстрое возрастание сельского населения и сохранение законодательных претрад для его перемещения на свободные земли, медленную интенсификацию сельского хозяйства, нерациональную податную систему, неудовлетворительную организацию местной администрации, несовершенство законов, касающихся имущественных прав.

По словам Бунге, взгляд Дурново и его единомышленников на право полной собственности как на «отвлеченное понятие» «близок к отрицанию хозяйственных оснований, на которых зиждется современное общество», и «противоречит общепринятому положению экономической науки, которая доселе полагала, что распространение личной собственности как бессрочного владения землей есть одно из главных условий народного богатства и благосостояния». Он ссылался на пример Франции, «где личная земельная собственность более всего распространена и где благосостояние в сельском населении оказывается наиболее всеобщим, а земледельцы наиболее чужды социализму вообще и революционному в особенности». Бунге отмечал, что разорение крестьян может быть предотвращено не запрещением залога и отчуждения недвижимости, а правильным устройством краткосрочного земельного кредита, подоходной системой налогообложения, поощрением переселений на окраины страны. Он изложил свое понимание главных задач правительства в крестьянском вопросе: 1) преобразование местных административных и судебных органов с целью превращения их в «стройное целое»; 2) преодоление сословного характера села и волости; 3) слияние их финансового хозяйства с земским и государственным; 4) предоставление крестьянству имущественных прав, существующих для других сословий[58].

В Общем собрании Государственного совета 22 ноября 1893 г. сторонники Бунге опять остались в меньшинстве[59]. 14 декабря Александр III утвердил мнение большинства, проголосовавшего за предложения Дурново[60]. Этот акт стал вершиной консервативного аграрного законодательства. Отныне продажа земли целыми сельскими обществами допускалась только с

разрешения двух третей схода, отдельными крестьянами — только лицам, приписанным к данному сельскому обществу. Надельные земли не могли служить предметом залога даже в случае полного погашения выкупной ссуды. В результате отмены второй части 165-й статьи для досрочного выкупа наделов требовалось согласие двух третей схода.

Бунге не смирился с поражением и продолжал отстаивать свои взгляды. В конце декабря 1894 г. Витте докладывал на заседании Государственного совета о финансовых итогах царствования Александра III и сделал вывод о значительном повышении доходов казны. В ответ Бунге заявил об эфемерности «блестящих цифр кассовой наличности», в то время как за крестьянами числятся огромные недоимки. Он высказал убеждение, что «экономическое благосостояние поднимется только тогда, когда громадная крестьянская масса получит управление и организацию, основанные на возможности осуществления гражданских прав, подобно тому, как это происходит в государствах Западной Европы»[61].

Принятые законы были бессильны заморозить естественное развитие аграрных отношений. Число самовольных семейных разделов и земельных переделов продолжало возрастать. Отмена второй части 165-й статьи сократила досрочный выкуп наделов примерно в 10 раз, но не остановила процесс перераспределения земли в пользу наиболее зажиточных хозяев. Обреченность этой политики заключалась в том, что с ее помощью было невозможно преодолеть упадок сельского хозяйства и «разрядить» заметно усилившуюся на рубеже веков социальную напряженность в деревне[62].

* * *

Большего успеха Бунге удалось достичь в области переселенческого дела. К началу 80-х годов потребность в общегосударственном законодательстве, регулирующем переселенческое движение крестьян в другие губернии, стала особенно острой. Этому способствовало и официальное признание в верхах проблемы крестьянского малоземелья. За государственное содействие переселениям активно выступала либеральная печать[63]. На необходимость разработки соответствующего закона не раз указывал в своих всеподданнейших докладах М.Т.Лорис-Меликов[64]. В записке 1880 г. Бунге предлагал прекратить раздачу «по всемилостивейшему пожалованию» казенных земель и использовать их для наделения крестьян. Вместе с тем он предостерегал от излишней поспешности: «Переселение составляет дело трудное, требующее большой осторожности, ибо передвижение

целых масс малообеспеченных поселян может быть сопряжено с большими денежными расходами и потерей населения, которое гибнет от перемены климата и от недостаточной обеспеченности на новых местах. Поэтому следовало бы начать не с оглашения общей меры, а с отвода мест для устройства на них поселений в условиях, наиболее благоприятных, и начать переселение с желающих из местностей, в которых крестьяне терпят нужду вследствие недостаточности и недоброкачественности наделов, предоставляя переселенцам льготы и пособия от казны». Чтобы облегчить переселение отдельных крестьянских семей, Бунге поднял вопрос об отмене «стеснительных постановлений об увольнении из прежних обществ и о причислении к новым обществам»[65].

Первые шаги правительства в этом направлении были весьма умеренными. 30 июня 1881 г. Комитет министров рассмотрел совместное представление министра внутренних дел Игнатьева, министра государственных имуществ Островского и управляющего Министерством финансов Бунге «Об установлении временных правил о переселении крестьян на свободные казенные земли». Эти правила, утвержденные императором 10 июля 1881 г., должны были действовать вплоть до издания фундаментального закона. Они давали право на переселения только с разрешения министров внутренних дел и государственных имуществ, притом лишь тем, кого «экономическое положение к тому вынуждает»[66]. В «Загробных заметках» Бунге писал, что «это не был закон, что-либо определительно устанавливающий, а как бы распоряжение на основании действующих постановлений, в сущности приведшее только к основанию переходных переселенческих пунктов-контор и к назначению некоторых, далеко не достаточных, сумм из Государственного казначейства»[67].

В представлении в Государственный совет от 14 декабря 1881 г. об учреждении Крестьянского банка говорилось, что наиболее эффективным средством для оказания помощи малоземельным крестьянам, не имеющим возможности приобрести дополнительные участки в своей местности, «было бы открытие избытку населения способов к переселению в многоземельные губернии»[68]. С первых дней деятельности Банка Бунге распорядился выдавать большие ссуды в тех случаях, когда покупщиками земли являются переселенцы. 17 мая 1884 г. Особое совещание министров под председательством Александра III высказалось за расширение помощи со стороны Крестьянского банка переселенческому движению. Речь пока шла о переселениях на частновладельческие земли малонаселенных губерний, где водворение переселенцев было выгодно помещикам и не

требовало слишком крупных расходов на льготы и пособия. Совещание предложило министру финансов открыть отделения Банка во всех губерниях, куда направлялся поток переселенцев[69]. 27 июля 1884 г. Картавцов разослал по отделениям секретный циркуляр о содействии правительству в переселенческом деле[70]. За 1883—1885 гг. через Банк приобрели землю 18 тыс. крестьян-переселенцев[71].

Но и эти скромные меры вызвали сильное недовольство в бюрократических кругах, где сама мысль о переселениях крестьян в поисках лучшей доли воспринималась как «громадная ересь»[72]. В «верхах» опасались любого массового аграрного движения, даже организованного самим правительством. По мнению властей, наделение крестьян землей в новых районах могло способствовать распространению слухов о «черном переделе». Поместное дворянство тревожила перспектива отлива населения из центральных губерний и сокращения числа рабочих рук. Крестьянские переселения подрывали незыблемость общинного землевладения, укрепление которого в тот период было главной задачей правительственной политики в деревне[73]. Катков вообще не считал переселения полезным средством для преодоления крестьянского малоземелья, утверждая, что «земли у нас много, а людей мало»[74]. Против «азартной игры в переселения» возражал «Гражданин»[75].

Толстой считал переселения не только «вредным», но и «невозможным» делом из-за отсутствия достаточного количества свободных и пригодных для заселения земель. В 1889 г. Государственный совет, учитывая поступающие с мест жалобы помещиков, запретил Крестьянскому банку выдавать ссуды на переселения. 13 июля 1889 г. по представлению министра внутренних дел был издан закон, цель которого заключалась не в организации, а в сдерживании переселений: вводились суровые ограничения на право получения разрешения, самовольные переселенцы подлежали возвращению насильственным путем на прежнее место жительства, получение установленных льгот (по уплате казенных платежей, отбыванию воинской повинности, ссудам на первоначальное обзаведение и покупку леса и др.) было связано с большими затруднениями[76].

На стадии обсуждения проекта Толстого в отзыве от 21 февраля 1885 г. Бунге выступил против чрезмерной регламентации переселений. В частности, он предложил допустить к переселениям также безземельных крестьян и мещан-земледельцев из южных губерний. «Нет сомнения, — отмечал он, — что обращение всех указанных выше лиц в оседлых земледельцев было бы весьма полезно и в хозяйственном, и в государственном отношении»[77]. Но Государственный совет не принял его замечаний к сведению. Закон 1889 г. во многом оказался мертворожденным. Никакие искусственные затруднения не могли воспрепятствовать самовольному переселению. Особый размах оно получило в начале 90-х годов, когда началось бегство из охваченных голодом губерний.

В «Загробных заметках» Бунге упрекнул правительство в недостатке внимания к переселенческому делу. «Государство обладает у нас громадными пространствами земли в Сибири и Средней Азии, — писал он. Обмежевание хотя некоторой части этих земель и нарезки участков для крестьян, как желающих поселиться целыми деревнями при общинном землевладении, так и отдельными дворами, составляет настоятельную потребность». Бунге рекомендовал предоставить переселенцам твердую гарантию в возможности приобрести наделы за определенную плату в рассрочку и затем выдать им документы на владение землей. Он подчеркивал, что без издания соответствующих законов задача освоения окраин империи остается невыполнимой. «Мы не допускаем даже распространения частной земельной собственности в Сибири (там ее вовсе нет), — писал он, — и удивляемся, что Сибирь медленно заселяется, что Соединенные Штаты Северной Америки и Канада в течение одного столетия довели колонизацию и железные дороги до Тихого океана, тогда как у нас, несмотря на отправление массы лиц на поселение в Сибирь, — в течение 2-х столетий Сибирь остается Сибирью, страной дикой и недоступной, куда переселенцы идут и откуда снова возвращаются, потому что нет твердого порядка и правил относительно приобретения земель»[78].

С декабря 1892 г. Бунге оказывал непосредственное влияние на переселенческую политику. Александр III назначил его вице-председателем Комитета Сибирской железной дороги, на который было возложено руководство строительством магистрали. Главой Комитета стал цесаревич Николай Александрович, разделявший взгляды своего наставника на переселенческое дело[79]. «Вопрос о переселении, — говорил ему Бунге на занятиях, — был поднят еще в 1881 году, но с тех пор он мало подвинулся. Земли, предназначаемые для переселения, не приведены в достаточную известность, а для приобретения их нет установленных правил. Крестьяне-переселенцы бредут в Сибирь, не зная, куда они идут, многие возвращаются назад и умирают в пути»[80]. Отношения учителя и ученика возобновились уже на практической почве. Совместная работа с Бунге настолько увлекла цесаревича, что он и после воцарения не захотел сложить с себя обязанности председателя.

Николай Христианович фактически сосредоточил в своих руках руководство Комитетом. Строительство магистрали, потребовавшее заселения обширных территорий, положило начало новому этапу переселенческой политики. Как вспоминал управляющий делами Комитета А.Н.Куломзин, в лице Бунге переселенческое дело нашло «наиболее энергического защитника»[81]. В марте 1893 г. была образована Подготовительная комиссия для разработки нового закона о переселениях. По распоряжению Бунге для сбора информации о масштабах будущих переселений Канцелярией Комитета министров был составлен и опубликован «Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России» (СПб., 1894), причем Николай Христианович лично написал предисловие к этому объемистому труду[82].

В разделе «Экономическое значение переселения» Бунге констатировал, что в ряде губерний малоземельные крестьяне, получая доход только от надела, не в состоянии содержать семьи и исправно вносить налоги в казну. Различные способы, к которым прибегают некоторые бедняки для улучшения своего материального положения (покупка и аренда земли, батрачество, отхожие промыслы и др.), ненадежны и не могут избавить их от нищеты. «Переселение в странах, обладающих большим запасом свободных, главным образом государственных земель, — говорилось в предисловии, — представляется, с первого взгляда, наиболее действительным средством для устранения вредных последствий малоземелья, для того, чтобы доставить излишку населения возможность прокормиться, а также нести падающие на него налоги и повинности». Однако Бунге не считал переселения панацеей от аграрного кризиса, тем более в условиях правительственного курса на консервацию общины. Он отмечал, что «самая попытка разрядить густое население переселением на свободные земли оказывается часто паллиативом: прирост населения на старых, оставляемых местах происходит быстрее, и рано или позже наступает снова малоземелье».

Бунге указал на обреченность попыток МВД поставить переселения под строгий административный контроль и настаивал на том, чтобы относиться к этому явлению как к естественному процессу. «Правительству трудно направлять и регулировать переселение людей вполне свободных, не прикрепленных к земле, — писал он. — Затрудняя переселение, оно его не остановит, а увеличит только бедствия переселенцев; поощряя же его, оно рискует утратить всякую возможность руководить им». Помощь казны переселенцам должна заключаться в предоставлении им «только таких облегчений и льгот, которые

оправдывались бы недостатком для малоземельных крестьян вспомогательных заработков на родине». Бунге подчеркнул также актуальность заселения неосвоенных окраин империи с точки зрения их колонизации, поскольку это «в особенности бывает необходимо по политическим соображениям на границах отдаленных территорий для противодействия наплыву иностранцев»[83].

По словам Куломзина, идеи Бунге «легли в основание всей деятельности Комитета»[84]. Со вступлением на престол Николая II он «признал в высшей степени важным на первых же порах нового царствования дать переселенческому делу надлежащее правильное направление»[85]. 8 марта 1895 г. на заседании Комитета обсуждался вопрос о самовольных переселенцах. Дурново требовал водворять их обратно по этапу на прежнее место жительства. С ним не согласились Бунге, министр финансов Витте и министр земледелия Ермолов. «Правительственное воздействие на означенное движение, — заявил вице-председатель, — не должно иметь целью задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, но могло бы быть направлено к тому, чтобы из года в год повторяющееся перемещение сельских обывателей носило характер более сознательный и получило вполне правильную постановку». Николай II встал на его сторону и заметил, что «к этому явлению народной жизни можно относиться без каких-либо особых опасений» и «представляется крайне нежелательным возвращать обратно на родину переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших места постоянной оседлости». По предложению Бунге, Подготовительной комиссии было поручено рассмотреть вопрос о «допущении некоторых изъятий из действующего закона для переселенцев, направляющихся в район Сибирской железной дороги»[86]. Витте вспоминал, что «этот вопрос был решен в принципе главным образом благодаря авторитетному мнению Николая Христиановича Бунге»[87].

Значение мартовского заседания было достаточно велико. Закон 15 апреля 1896 г. отменил практику насильственного возвращения самовольных переселенцев, упростил порядок выдачи разрешений на переселения, установил льготный тариф на проезд по железной дороге и право посылки крестьянами ходоков для осмотра земель, предназначенных для заселения, и др. Во второй половине 90-х годов заметно возросли государственные ассигнования на устройство переселенцев и подготовку земельных участков, сократилось число самовольно переселявшихся и возвращавшихся обратно крестьян. За 1893—1902 гг. в Сибирь переселились 1,4 млн крестьян. И все же эти меры не привели к коренному изменению переселенческой по-

литики, так как свободе передвижений сельского населения препятствовали общинные порядки, круговая порука и паспортная система[88].

2. Проект административных реформ

В «Загробных заметках» Бунге подробно остановился на причинах политического кризиса 1879—1881 гг. Он пришел к выводу, что почва для него была подготовлена еще в царствование Николая I, который правил, опираясь только на бюрократию, и допускал «общественную самодеятельность» как редкое исключение. Это привело к тридцатилетнему застою, поражению в Крымской войне и росту общественного недовольства. Александр II и его окружение, пытаясь исправить положение, сделали ставку на предоставление населению большей свободы, к которой, как полагал Бунге, оно не было достаточно подготовлено. Созданные в ходе реформ 60-х годов земства, городские думы и органы крестьянского самоуправления не были должным образом интегрированы в общую систему государственного управления. Отсутствие в законодательстве четкого разграничения компетенции выборных и административных учреждений при слабости правительственного надзора привело к постоянной конфронтации между ними. «Таким образом, — писал Бунге, — образовались как бы два течения: одно законное, так сказать, принципиальное предоставление в известных границах бесконтрольных прав местному самоуправлению; другое, возникшее на деле, — стремление местной административной власти к восстановлению своего обаяния, хотя бы ценой нарушения закона. (...) Вот причина возникновения толков, что правительство одной рукой дает то, что другой отнимает; что оно не искренно, издавая законы, дарующие права, и дозволяя безнаказанное их нарушение. В умах, возбужденных и наэлектризованных духом совершенных преобразований, такие толки, порожденные очевидными недоразумениями и неверными суждениями, вызывали иногда только фрондерство, иногда же и враждебные чувства».

Бунге подчеркивал, что к концу царствования Александра II в стране сложилась опасная политическая ситуация, обусловленная разочарованием в реформах. Освобожденные крестьяне страдали от гнета общины и «самовластия» местной администрации, помещики не были удовлетворены компенсацией за утраченные привилегии, города и земства роптали против нарушений их прав и требовали расширения своих полномочий, губернаторы были недовольны потерей прежней власти и децентрализацией местного управления. Правительство зачастую действовало непоследовательно — неоправданно нарушало свободу печати, допускало административный произвол, не считалось с новыми судебными уставами, насаждало в учебных заведениях непопулярный в обществе «ультраклассицизм». По словам Бунге, именно из-за непоследовательности и незавершенности преобразований «славные дела» Александра II «не только не сопровождались сочувственным увлечением молодых поколений, но, напротив, как бы служили поводом к появлению из среды всех сословий анархистов, террористов, врагов династии и общественного порядка»[1].

У Бунге были свои представления о путях выхода из кризиса и упрочения российской государственности. «Нельзя не согласиться о необходимости усиления правительственной власти, — писал он в отзыве на записку Н.П.Игнатьева об административных преобразованиях (1881 г.). — Усиление это, по моему мнению, может быть достигнуто только укреплением законного порядка, т.е. подчинением закону многого из того, что доселе зависит от личных воззрений министров»[2]. Сходные мысли он высказывал наследнику престола: «Водворение нравственного порядка в обществе, т.е. умах, требовало (и требует доселе) не только сильной власти на местах, но и власти сильной строгим неуклонным соблюдением закона и общегосударственных мер, убеждающих общество, что верховная власть охраняет общественное благо и в состоянии его оберегать»[3]. Бунге оспаривал распространенную в «верхах» точку зрения о том, что административная деятельность в большинстве случаев лучше отражает волю самодержца, чем закон, изданный когда-то под влиянием устаревших требований жизни[4].

Б.Б.Глинский причислил Бунге «к типу тех скромных и умеренных "конституционалистов", каковыми мы видели в свое время графа Валуева, великого князя Константина Николаевича и графа Лорис-Меликова»[5]. Это утверждение неосновательно. В «Загробных заметках» Николай Христианович порицал Победоносцева и других консерваторов, мечтавших о возвращении к временам Николая I. Однако он считал, что проект Лорис-Меликова также «не мог оказать никакого противодействия анархистам, а явился бы только подражанием парламентаризму, на счет которого, впрочем, мнения в Европе в конце XIX века изменились коренным образом». Столь же отрицательно Бунге отозвался и о «хаотической мысли» Игнатьева о созыве ко дню коронации Александра III земского собора.

Что же предлагал сам автор «Загробных заметок»? Прежде всего реорганизацию Государственного совета, многие члены которого некомпетентны в делах, часто находятся в продолжительных отпусках или вообще не участвуют в заседаниях из-за

преклонного возраста. С точки зрения Бунге, было бы целесообразно увеличить состав Совета за счет привлечения нескольких земских деятелей и экспертов из разных губерний для обсуждения специальных вопросов[6]. Тем самым, критикуя «конституционные» устремления Лорис-Меликова, он все же оставлял «лазейку» для участия представителей общественности в законодательных работах.

В уже упоминавшемся отзыве на проект Игнатьева Бунге писал, что деятельность экспертов «может быть плодотворна только тогда, когда она будет согласована с деятельностью административных и законосовещательных учреждений и когда будет устранена возможность разногласия между совещаниями сведущих людей и решениями правительственных учреждений»[7]. Между тем, отмечал он в «Загробных заметках», экспертов, приглашенных для участия в разработке новых правил питейной торговли и крестьянских переселений (1881 г.), «поставили вне всякой связи с министерствами, которым они могли бы способствовать в разработке государственных вопросов, и с Государственным советом, которому они могли бы помочь местными сведениями». Оглядываясь на собственный опыт члена-эксперта, Бунге подчеркивал, что «сведущим людям» не была предложена правительственная программа, содержавшая ясные установки относительно будущего проекта и определявшая порядок его обсуждения в высших инстанциях (как при учреждении Редакционных комиссий). Поэтому попытка привлечения экспертов окончилась неудачей. С целью сокращения бюрократической волокиты Бунге рекомендовал отказаться от практики отправления законопроектов на отзыв в другие министерства и сразу вносить их в департаменты Совета, где уже в ходе обсуждения заслушивать мнения всех сторон.

Бунге указывал на опасность ведомственной разобщенности центральных государственных учреждений, «когда каждое министерство становится исключительным безапелляционным судьей в собственном деле». Он уже не настаивал, как ранее, на создании единого ответственного министерства, а предлагал лишь рассматривать самые важные законодательные меры предварительно в Комитете министров или, что еще лучше, Совете министров и тем самым усилить значение этого органа[8]. Впоследствии Витте в докладе о реформе Совета министров (февраль 1905 г.) ссылался на эту идею «Загробных заметок»[9].

Обозревая состояние местного управления, Бунге констатировал, что оно «представляет много неустроенного и беспорядочного, а главное, — высшая администрация не имеет по этому предмету ясных, определенных руководящих идей»[10]. В

полемике с Н.П.Смирновым (1886 г.) Бунге не согласился с предложением своего оппонента расширить права местных правительственных органов[11]. «Сила административной власти, — писал он в «Загробных заметках», — заключается не в неограниченности ее полномочий, ее усмотрения или произвола, а в точности и определенности пределов предоставленных ей прав по контролю над всеми отраслями правительственной администрации и местного управления». По его словам, надлежало четко зафиксировать в законодательстве компетенцию губернаторов, изъять этот институт из ведения МВД и подчинить непосредственно Комитету министров, разграничить функции администрации и местных выборных учреждений, заменить многочисленные присутствия при губернаторе своего рода местным правительством — советом из представителей ведомств, земств, городов и сельских обществ, который сосредоточил бы в своих руках всю власть в губернии. По этому же типу следовало организовать уездное присутствие в составе земского исправника, участкового земского начальника, податного инспектора, почтмейстера, городского мирового судьи, председателя или члена земской уездной управы, чиновника учебного ведомства.

Бунге возражал против замысла подчинить все местные выборные учреждения власти правительственных чиновников, так как это «представляет, в сущности, устранение населения от прямого участия в исполнении его долга, рождает полнейшее равнодушие к местным интересам и увеличивает ответственность государства за все ошибки его агентов». Он выступал за расширение прав земств и городов, но отвергал мнение о передаче местного хозяйства в безраздельное распоряжение выборных лиц от губерний и уездов, поскольку подобный порядок «отдает вместе с местными интересами и государственные в жертву случайности». Бунге советовал не впадать в крайности: «Правительство должно оставить за собой широкое право контроля и привлечения к ответственности выборных, на которых возлагаются обязанности по местному хозяйству, но само должно воздерживаться от непосредственного участия в местном управлении; оно должно искать не увеличения своей ответственности, а расширения своих прав по привлечению к ответственности выборных для заведывания местным хозяйством». Он писал, что новое Земское положение 12 июня 1890 г. «ввело некоторые улучшения, но обратило более внимания на сословный состав, и в этом отношении не составляет шага вперед, потому что вводит в земские дела сословные интересы и сословную рознь, которых прежде не было»[11].

Бунге критически отозвался и о законе 12 июля 1889 г. о земских начальниках. Он в принципе не имел ничего против основной идеи проекта МВД, так как считал крайне важным установление должного контроля над крестьянским самоуправлением. Однако Бунге подчеркивал, что закон страдает такими недостатками, которые во многом лишают его значения. Речь шла прежде всего о сословной ограниченности нового института (распространение власти земского начальника лишь на крестьянское население) и его ведомственной обособленности, в системе местной администрации в связи с подчинением только МВД[12].

При обсуждении проекта Толстого в Общем собрании Государственного совета 16 января 1889 г. большинство участников заседания (и в их числе Бунге) заявили, что «нет никакой надобности в учреждении специального крестьянского органа, способного действовать успешно только в узких рамках сословного интереса», а «нужна власть, которая примиряла и объединяла бы пользы и нужды всех классов населения». Они предложили «должностям участковых начальников присвоить значение органа общеадминистративного, со введением его в общий строй местных правительственных установлений». Но Александр III утвердил мнение меньшинства[13]. В «Загробных заметках» Бунге назвал глубоко ошибочным превращение этой должности в дворянскую привилегию. «Меншиков, Безбородко, Разумовский, Сперанский, — с иронией писал он, — по мнению графа Толстого, не заслуживали бы даже чести быть участковыми земскими начальниками»[14]. Его скептицизм по поводу этой меры вполне оправдался. Земские начальники так и не стали «отцами» для крестьян и связующим звеном между двумя сословиями[15].

Бунге настаивал на реорганизации крестьянского общественного самоуправления. По его словам, социальная разнородность сельского населения, широкое проникновение в деревню «новых промышленных элементов» требовали переустройства сел и волостей, создания условий для перехода к единой всесословной волости. Он указывал на абсурдность ситуации, когда ремесленник или торговец в селе «находится под охраной имперских законов», а «над крестьянином-земледельцем тяготеет обычное право, состоящее часто в произволе односельчан».

Бунге отметил также неудовлетворительное ведение хозяйства сельских обществ, отсутствие порядка в раскладке налогов и составлении приходо-расходных смет. «Очевидно, — писал он, — что во всем крестьянском хозяйстве, волостном, сельском и мирском, никакого ладу и складу не было и нет, ничто

заранее не предусматривается, не рассматривается в целом и на весь год не соображается. Легко догадаться, сколько произвола, неправды при этом бывает, как мало толку представляет учет старост и старшин». Бунге рекомендовал унифицировать составление мирских и волостных бюджетов по определенной форме, поставить под надзор податной инспекции взимание с сельского населения как государственных налогов, так и общественных сборов[16].

Проект административных реформ, изложенный Бунге в «Загробных заметках», выглядит гораздо скромнее предложенных им преобразований, касающихся экономического и правового положения крестьянства и рабочего класса, что подтверждает вывод о приоритете социальной реформы в программах либеральных бюрократов. Автор записки понимал, что самодержавие гораздо охотнее идет на нововведения в области народного хозяйства, чем «допускает покушения» на свои права. В 1881 г. Бунге стал очевидцем печальной судьбы «конституции» Лорис-Меликова, а год спустя — замысла Игнатьева о созыве земского собора. Это окончательно укрепило его уверенность в бесперспективности даже самых «невинных» посягательств на принцип самодержавия. Он считал, что обе попытки введения «представительства» лишь напрасно взбудоражили общество, облегчили победу консервативного направления и поставили под удар запланированные в 1880—1881 гг. либеральной группировкой социально-экономические преобразования.

«Загробные заметки» являются, пожалуй, наиболее ярким образцом либерально-бюрократической мысли конца XIX столетия. Они свидетельствуют о том, что после 1881 г. в «верхах» надолго смолкли разговоры о каких-либо «конституционных экспериментах». Реформаторские инициативы правительства ограничивались только сферой экономики. Это контрастировало с политическими настроениями либеральной общественности, которая с середины 90-х годов все больше выступала с требованиями учреждения народного представительства[17]. Сформировавшийся к концу столетия «новый либерализм» в теоретическом отношении уже представлял собой попытку синтеза идей классического либерализма и демократического социализма[18].

3. О национальном вопросе

Обширный раздел «Загробных заметок» посвящен национальному вопросу. В этой сфере внутренней политики Бунге исходил из отличий Российской империи от колониальных империй Запада. Особенности различных этносов не помешали их вовлечению в новую общность, универсальную импер-

скую структуру, сложившуюся в результате добровольных, вынужденных и насильственных присоединений. В России отсутствовало понятие «метрополия», не было юридически господствующей нации, угнетения в пользу самого многочисленного русского народа, ни один этнос не исчез с лица земли за все время существования империи. Население центральных русских губерний несло основное бремя государственного строительства, и при этом народы окраин пользовались своеобразными льготами — в Сибири и на русском Севере не было крепостного права, сохранялись традиционные религии, иноверцы освобождались от всеобщей воинской повинности и т.п. Правовые ограничения по национальной принадлежности, формально отсутствующие в законодательстве (исключения — евреи и с 1864 г. поляки-католики), действовали с учетом конфессионального признака и степени владения русским языком.

При Александре III победила идея утверждения национально-религиозной монолитности страны. Если ранее правительство сочетало централизаторскую политику с предоставлением окраинам элементов самостоятельности, то с 80-х годов местная автономия стала рассматриваться как потенциальная база для антиимперских движений[1]. Бунге в целом разделял выдвинутый в «верхах» лозунг «Россия для русских». Он соглашался с тем, что «в русском государстве должны господствовать: русская государственность, т.е. русская государственная власть и русские учреждения (конечно, примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), русская народность, т.е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, русский язык, как общий государственный, и, наконец, уважение к вере, исповедуемой русским народом и его государем»[2].

Это дало повод И.Ф.Гиндину и П.А.Зайончковскому характеризовать Бунге как «махрового реакционера» и «консерватора»[3]. Можно ли считать такие убеждения критерием «реакционности»? Действительно, либеральные бюрократы стремились к общегосударственной унификации в области административной системы, языка, религии, права и школы. Но, как замечает Дж.Э.Сноу, подобная позиция «гармонично вписывалась в либеральные идеалы, несмотря на ее сходство с консервативной политикой»[4]. Разногласия в правительстве касались не общей для «верхов» цели национальной политики, а методов ее достижения. Либеральные бюрократы видели в национальной унификации некий идеал, к осуществлению которого следовало двигаться осторожно и постепенно, консерваторы настаивали на применении жестких административных мер.

Бунге осуждал крайние взгляды Победоносцева и его единомышленников. По словам Картавцова, «он был русский патриот, но не квасного пошиба»[5]. Витте писал в мемуарах, что «русифицированные тенденции Бунге (...) резко разошлись бы со взглядами наших современных правительственных русификаторов»[6]. Николай Христианович возражал против каких-либо насильственных действий при решении национальных проблем: «То, что достигается силой, не всегда прочно и если порождает озлобление и вражду, то ведет к внутреннему и внешнему ослаблению государства». Он предлагал гибкие, либеральные методы сближения окраин с «коренной» Россией, призывал к тщательному и добросовестному изучению общественных отношений, быта и нравов народов, населяющих империю. «Не следует забывать, — подчеркивал Бунге, — что русская государственная власть не должна господствовать на окраинах как власть завоевателя, а как власть, которую все население считает дарованным ему благом; что русская государственность должна опираться на признание превосходства русских государственных учреждений; что иноплеменное население должно сознавать не только необходимость, но и пользу от употребления русского языка; что уважение к господствующей церкви должно иметь своим источником дух христианской кротости и любви, как пасущих, так и пасомых, к каждому человеку. Только при соблюдении этих условий можно рассчитывать на тесную связь окраин со всем государством»[7].

* * *

Особый интерес представляет подход Бунге к решению еврейского вопроса, обострившегося в начале царствования Александра III. В апреле 1881 г. на юге страны вспыхнули погромы, охватившие десятки населенных пунктов в шести губерниях. По масштабам и разгулу страстей эти события значительно превосходили аккерманское побоище 1862 г. и одесский погром 1871 г. Власти восприняли антиеврейское движение как следствие революционной пропаганды и заняли жесткую позицию: вызванные войска принялись наводить порядок. Но правительство явно тяготила роль защитника иудеев. Очень скоро в «верхах» возобладало другое мнение. Погромы стали рассматривать как взрыв справедливого народного негодования против экономического угнетения христиан еврейскими ростовщиками и кабатчиками.

По поручению императора Н.П.Игнатьев приступил к пересмотру еврейского законодательства. 19 октября 1881 г. был образован Комитет о евреях под председательством товарища ми-

нистра внутренних дел Д.В.Готовцева. Участники заседаний, состоявшихся в январе—феврале 1882 г., пришли к выводу об ошибочности традиционной политики по отношению к лицам иудейского вероисповедания. Задача полного слияния евреев с остальными российскими подданными, поставленная правительством еще в начале XIX в., была признана нереальной[8]. Комитет предложил принять несколько временных мер по ограничению прав евреев. Предполагалось запретить им проживание, владение и аренду недвижимого имущества, приобретение и строительство домов, питейную торговлю вне городов и местечек. На практике это означало массовое выселение евреев из сельской местности. 4 марта 1882 г. Игнатьев внес проект в Комитет министров с двумя дополнениями: 1) за пределами черты оседлости евреям-ремесленникам разрешалось проживание только в городах; 2) торговые заведения евреев должны были закрываться как в еврейские, так и в христианские праздники[9].

В Комитете министров предложения МВД встретили возражения почти всех руководителей ведомств. Особенно резко высказался Бунге. Он отметил в своем отзыве от 19 марта, что стеснительные меры против евреев предпринимались с давних пор и не дали никаких положительных результатов. Изгнание иудеев из селений задержит развитие торговых оборотов и нанесет огромные убытки христианам, имеющим деловые отношения с евреями-коммерсантами, поставит еврейское население в зависимость от крестьянских обществ и тем самым даст простор всякого рода притеснениям со стороны мирских властей. «При таком положении, — писал Бунге, — неблагонамеренные лица могут еще с большим удобством воспользоваться подобным распоряжением и вызвать еще сильнейшие беспорядки. Необходимо прибавить, что возвращение в города евреев, проживающих в селениях, может поставить в затруднительное положение не только переселенцев, но и жителей городов и самое местное начальство, так как оно должно будет озаботиться приютом их. В заключение настоящая весьма крутая мера несомненно причинит еще большие затруднения для правительства и усложнит в политическом отношении положение государства, создавая массу недовольных лиц не только между евреями, но и между прочим населением, имевшим торговые сношения с ними». Бунге рекомендовал перенести обсуждение вопроса в Государственный совет, выработать единую программу пересмотра законов о евреях и принимать все административные меры в строго законодательном порядке[10].

В Комитете министров «Временные правила» рассматривались 20 и 27 апреля 1882 года[11]. Как вспоминал государственный секретарь Е.А.Перетц, министр финансов выступил в качестве «главного противника» проекта Игнатьева. Его «пространная и весьма замечательная речь» произвела сильное впечатление на присутствовавших. Бунге заявил, что «Временные правила» будут иметь гибельные последствия для финансов. Осложнение отношений с еврейскими банкирами на Западе приведет к падению курса русских ценных бумаг и подорвет международный кредит страны. «Нет сомнения, — продолжал он, — что евреи дозволяют себе разные злоупотребления, особенно чувствительные в тех частях империи, где еврейское население скученно; но ведь и в действующих законах есть многие ограничительные для них правила, которые, однако, часто не исполняются. Нужно начать с того, чтобы действующий закон был исполняем. Затем, если он окажется недостаточным, то следует его развить и дополнить, но не какими-нибудь временными правилами, а новым положительным законом, тщательно обдуманным и зрело обсужденным в Государственном совете»[12]. Бунге поддержали Рейтерн, Сольский и другие члены Комитета.

Игнатьев был вынужден пойти на значительные уступки. «Временные правила», утвержденные императором 3 мая 1882 г., представляли собой компромисс. Евреи лишались права селиться вне городов и местечек, приостанавливалось засвидетельствование купчих крепостей, залогов, арендных договоров и доверенностей на управление недвижимостью, им запрещалась питейная торговля в воскресные дни и христианские праздники[13]. Предложение Игнатьева о выселении уже проживающих в деревнях евреев не получило осуществления. «Временные правила» должны были действовать до издания постоянного закона. Бунге и в дальнейшем не отступил от своего мнения. В представлении в Комитет финансов от 27 октября 1883 г. о выпуске золотой ренты он писал, что внешнему кредиту страны вредит «неопределенное положение еврейского вопроса, которое поддерживает нерасположение к России в самой крупной и влиятельной группе заграничных капиталистов»[14].

В 1883—1888 гг. разработкой фундаментального закона о евреях занималась Высшая комиссия во главе с членом Государственного совета гр. К.И.Паленом. Большинство участников выступило за отказ от исключительных и репрессивных мер, постепенное снятие всех ограничений и уравнение евреев в правах с остальным населением. Но эти предложения были отвергнуты в «верхах». К 1890 г. Особое совещание под председательством товарища министра внутренних дел В.К.Плеве подготовило контрпроект, намечавший ужесточение «Времен-

ных правил», сокращение льгот для некоторых категорий евреев, ограничение их торговой деятельности, создание в ряде крупных городов еврейских кварталов (гетто) и др. Однако правительство не отважилось на столь крайние шаги. Проект так и не поступил в Государственный совет. Наступление на права евреев происходило поэтапно. В 1886 г. была введена процентная норма для их поступления в средние и высшие учебные заведения. Высочайшее повеление 8 ноября 1889 г. о допущении евреев в число присяжных поверенных только с разрешения министра юстиции вплоть до издания манифеста 17 октября 1905 г. преградило им доступ в адвокатуру. Земская и городская контрреформы фактически отстранили их от участия в местных выборных учреждениях. По закону 28 марта 1891 г. о запрещении евреям-ремесленникам проживать в Москве и Московской губернии из древней столицы были выселены тысячи людей[15].

В «Загробных заметках» Бунге особенно подробно остановился на еврейском вопросе. По его мнению, сущность «зла», причиняемого евреями, заключается в их стремлении к господству над другими народами. Еврейство представляет собой «космополитический общественный союз», проникнутый верой в богоизбранность «сынов Израиля» и живущий по канонам талмуда — «гражданского кодекса, исполненного дикого фанатизма и бессмысленных предрассудков». Главным средством порабощения «гоев» являются деньги, причем евреям свойственно гипертрофированное поклонение «золотому тельцу». Бунге подчеркивал, что все попытки как в Европе, так и в России предоставить евреям равноправие приводили отнюдь не к слиянию их с остальным населением, а только к усилению их влияния, что закономерно порождало всплески антисемитизма. Он отметил начавшееся при Александре II засилье евреев среди лиц свободных профессий, в торговле, правлениях банков и железнодорожных компаний. Продажа спиртных напитков и ростовщичество в губерниях постоянной оседлости поставили массу населения в полную зависимость от евреев. «Таким образом, — писал Бунге, — возник фактический гнет, который вызвал еврейские погромы в начале 1881 г., возмутительные по своему проявлению, но обнаружившие ненормальность установившихся отношений между евреями и остальным населением». По его замечанию, погромы нельзя считать чисто российским явлением, поскольку в 80-е годы они не раз происходили также в Австро-Венгрии, Германии и Румынии.

Бунге был против упразднения черты оседлости в обозримом будущем. «Ограничение прав евреев, — указывал он, — не говоря о притеснениях и преследованиях, вызывалось и вызывается не столько религиозным мотивом, завистью к богатству евреев, трудностью соперничать с ними в делах торговых, враждой племенной, сколько необходимостью самозащиты, охранения своих единоплеменников и единоверцев от еврейского гнета и, наконец, ограждением государства от господства в нем племени, которое неизменно стремится интересы каждой страны подчинить интересам еврейства». Однако Бунге считал, что эти ограничения должны простираться до определенных пределов. Излишне жесткие меры лишь усиливают борьбу евреев за существование, разжигают их фанатизм, еще более обособляют от других народов. Он назвал «химерой» популярную в «верхах» мысль о полном выселении евреев из России. Бунге отрицательно отнесся и к идее МВД об удалении евреев из сельской местности, так как это могло привести не только к параличу деревенской торговли, но и к опасной скученности в городах и местечках нищего еврейского пролетариата. «Из массы, доведенной до крайней бедности и отчаяния, — предупреждал он, — будут выходить люди озлобленные или самой нуждой, или ее зрелищем, люди, которые пойдут в ряды посягающих на законы, общественную безопасность и порядок».

Признавая целесообразность запрещения евреям приобретать земельную собственность, поскольку они, как правило, не занимаются земледельческим трудом, Бунге, в то же время, предлагал поощрять покупку ими домов с огородами и садами, чтобы способствовать их более прочной оседлости. По его мнению, следовало подчинить евреев органам местного самоуправления, от участия в которых они отстранены. Так как лица иудейского вероисповедания не имеют избирательных прав, то было бы разумно назначить в волостные суды и волостные правления уполномоченных от правительства для разбора их дел. Нужно отменить также процентную норму евреев в учебных заведениях и создать стимул, побуждающий их поступать в гимназии и университеты ради получения образования, а не каких-либо иных замыслов. Бунге указывал на необходимость смягчения и других ограничений. «Надо, чтобы они достигали цели и не имели характера ни общественного, ни религиозного гнета, — писал он, — между тем как в настоящее время они отличаются именно этими свойствами и походят на гонение, впрочем, совершенно бесцельное».

В «Загробных заметках» говорилось и о более сложной задаче — преобразовании «социального строя» еврейства, в котором заключается вся его сила: упразднении еврейских обществ с их самоуправлением, особым бюджетом, учреждениями, школами, казенными раввинами, превращении заведования еврейскими благотворительными заведениями (богадельнями, боль-

ницами и т.п.) в частное дело. Бунге рекомендовал сделать доступными для евреев начальные и средние школы и ввести там преподавание еврейского закона божия по утвержденной программе на русском языке учителями, выдержавшими предварительные испытания, при сохранении за местными властями функции надзора. «Правительство не может, да и не призвано к тому, чтобы сочинять для евреев новое, менее фанатическое и более разумное вероучение, — отмечал он, — но оно обязано заботиться о том, чтобы из общих учебных заведений выходили евреи, более просветившиеся и возможно менее связанные с фанатическим еврейством»[16].

* * *

Бунге не обошел вниманием и ситуацию на западных окраинах, где действовала особая система административно-территориального управления с местными органами власти. В 80-е годы консервативные круги начали кампанию за отмену автономного статуса Великого княжества Финляндского и его более полную инкорпорацию в состав империи. Существование в Финляндии администрации, не подотчетной министерствам, законодательства, сформировавшегося под влиянием шведской правовой практики XVII—XVIII вв. и не имевшего ничего общего с законами России, регулярно созываемого сейма, обладавшего правом законодательной инициативы, национальных вооруженных сил, не подчинявшихся Главному штабу, собственной валюты и таможенной охраны рассматривалось в правительстве Александра III как серьезное препятствие на пути укрепления основ самодержавия в масштабах всего государства.

В 1890 г. финляндская почта была подчинена МВД, в 1891 г. упразднен Комитет финляндских дел, министру статс-секретарю вменялось в обязанность согласовывать представляемые на подпись императору законопроекты с соответствующими центральными ведомствами, последовал ряд циркуляров, предусматривавших насаждение русского языка в местных учреждениях, генерал-губернатор получил право приостанавливать издание и закрывать газеты, публиковавшие нежелательные для правительства материалы, был введен обязательный прием кредитных рублей по курсу. Одновременно работали комиссии, которым надлежало подготовить слияние таможни и финансов Финляндии и России. 28 февраля 1891 г. Александр III в рескрипте на имя финляндского генерал-губернатора в ответ на обращение к нему ландмаршала сейма и тальманов сословий, сообщавших ему о тревоге общественности по поводу предпринятых мер, заявил, что Финляндия состоит «в собственности и державном обладании империи Российской».

Однако для ликвидации автономии Княжества требовалась юридическая основа, которая придала бы этой акции законный характер. Камнем преткновения при осуществлении объединительных планов были огромные расхождения в финляндском и имперском законодательстве. Поэтому правительство сосредоточило усилия на кодификации законов Княжества, попытки изменения которых предпринимались с 30-х годов XIX в. В 1891 г. генерал-губернатор гр. Ф.Л.Гейден во всеподданнейшей записке сформулировал принципы нового управления Финляндией. Она рассматривалась как некая совокупность губерний, составляющая нераздельную часть государства; на ее территорию распространялись основные законы империи; все вопросы, касающиеся Княжества, должны были согласовываться в соответствующих министерствах; генерал-губернатор получал право непосредственного сношения с Комитетом министров; отклоненные сеймом законопроекты могли приобретать силу закона по воле императора; и т.д.[17]

Предложения Гейдена фактически стали программой деятельности Особого совещания под председательством Бунге, созванного по распоряжению Александра III 1 декабря 1891 г. Назначение Николая Христиановича состоялось с учетом того, что в бытность министром финансов ему приходилось непосредственно заниматься разработкой проекта, направленного на защиту интересов русских промышленников от конкуренции Финляндии (1885 г.)[18]. В состав Совещания вошли военный министр П.С.Ванновский, министр внутренних дел И.Н.Дурново, министр юстиции Н.А.Манасеин, главноуправляющий кодификационным отделом Государственного совета Э.В.Фриш, Ф.Л.Гейден, с финляндской стороны — министр статс-секретарь В.Ден, его помощник В.Б.Прокопе, прокурор сената Г.Х.Калониус и сенатор Г.Альфтан.

11 апреля 1892 г. Бунге представил императору доклад о задачах Совещания. Он выразил сомнение в правильности расчетов генерал-губернатора: «Мне кажется, — писал он, — что кодификация основных законов Финляндии не остановит, как, по-видимому, надеется граф Гейден, стремления патриотов к возможному обособлению Княжества. Напротив, одни из них будут видеть в ней нарушение данных обещаний, а другие будут делать произвольные выводы в пользу своих взглядов». С его точки зрения, по отношению к Финляндии следует исходить не из различных толкований исторических фактов и правовых норм, вокруг которых шли споры юристов обеих сторон, а из реальных потребностей государства. Бунге считал, что

главные усилия правительства должны быть направлены на распространение русского языка в Финляндии, упразднение русско-финляндской таможенной черты и национальных вооруженных сил. «Для принятия этих мер, — продолжал он, — нет необходимости в кодификации основных законов, достаточно, чтобы каждая мера была обсуждена надлежащими учреждениями, какие для сего будут указаны, при участии представителей власти в Финляндии и вызванных оттуда экспертов». По его словам, при составлении законов крайне важно принимать во внимание особенности государственного строя, традиций и уклада жизни страны, чтобы «разумная часть» населения сочувствовала преобразованиям и видела в них «не ограничение прав, а залог для преуспеяния своей родины»[19]. Вместе с тем Бунге не собирался идти на поводу у оппозиционного общественного мнения Княжества. «Известная часть финляндской интеллигенции не прочь выставить Россию и русских в глазах народа притеснителями финляндцев, — писал он Плеве 25 февраля 1893 г. — По моему мнению, желательно этому противодействовать»[20].

Отказавшись от кодификации как слишком глобальной задачи, Особое совещание занялось проблемой распространения на Княжество имперского законодательства. Заседания состоялись 25 октября 1892 г., 24 января и 21 февраля 1893 г. Совещание признало необходимым установить новый порядок рассмотрения, утверждения и обнародования законов, общих для Финляндии и России. Представители имперского правительства (большинство) выдвинули свой проект. Он предусматривал следующее: если генерал-губернатор или министр статс-секретарь полагают, что закон имеет общегосударственное значение, то его нужно согласовать с соответствующим министром и затем внести в Государственный совет, а в случае расхождения мнений окончательное решение предоставить самодержцу. Тем самым нарушалась конституция Финляндии, по которой монарх управлял вместе с сеймом, создавалась правовая основа для постоянного вмешательства во внутренние дела Княжества. Возражения финских сановников (меньшинства), предложивших другой вариант проекта, не сыграли сколько-нибудь серьезной роли[21].

Бунге представил проект императору, но высочайшего соизволения на его внесение в Государственный совет так и не последовало. После смерти Александра III все материалы Особого совещания были отправлены в архив. В первой половине 90-х годов правительство не пошло на коренной пересмотр автономного статуса Княжества, столкнувшись с чрезвычайными трудностями прежде всего экономического характера при

попытках выработать программу объединения таможенной охраны и финансовых систем обеих стран[22].

В «Загробных заметках» Бунге вновь указал на основные задачи, без решения которых невозможна инкорпорация Финляндии в состав империи, — кодификацию законов Княжества, упразднение национальных воинских частей, ликвидацию таможенной черты. Возвращаясь к проекту Особого совещания, он подчеркивал, что кодификации должно предшествовать установление нового порядка законодательной деятельности: 1) законы, относящиеся только к внутренним делам Финляндии, следует после обсуждения в сейме и сенате Княжества согласовывать с имперскими министрами и повергать на высочайшее усмотрение; 2) законы, затрагивающие интересы империи, надлежит проводить через Государственный совет или Комитет министров при участии членов сейма и сената княжества и представлять на утверждение самодержца.

Бунге выступал против насильственного «обрусения» Финляндии, слепого перенесения на ее почву административной системы и законов, действующих в центральных губерниях России. Он осудил резкие нападки консервативной печати на автономию Княжества. «Тот, кто хотя немного знаком с Финляндией, — писал Бунге, — не может не признать, что это — страна благоустроенная, с населением грамотным, твердым в религиозных убеждениях, и что нет повода ломать существующие в ней порядки для того, чтобы подвести их под общий уровень порядков, существующих в остальной России. Последние требуют еще немало улучшений и усовершенствований и во многом отстают от тех начал, которые обусловливают гражданственность и внутреннее благоустройство Финляндии». По его словам, «страстные выходки» «Московских ведомостей» и других изданий только дают повод финнам объяснять все нововведения правительства в Княжестве «притязанием русского шовинизма». Между тем, население Финляндии должно понять неизбежность перемен, вызванных самой жизнью. «Если при этих изменениях, — продолжал Бунге, — будет выслушан голос общественного мнения, взвешены интересы местные и интересы сословий, то, кажется, не будет и повода к неудовольствию среди народа, который доселе был небесполезной составною частью в числе 100 племен, населяющих Русское Царство»[23].

Наступление на автономию Финляндии возобновилось на рубеже столетий. Материалы Особого совещания Бунге были извлечены из архива и послужили основой для манифеста 3 февраля 1899 г. Отныне имперские законы, распространявшиеся и на Финляндию, а также местные финляндские законы,

которые касались интересов всего государства, издавались в одностороннем порядке. Сейм терял право препятствовать правительству в его унификаторских устремлениях, когда речь шла об «общегосударственных потребностях». Манифест обозначил новый этап политики самодержавия в Финляндии, связанный с деятельностью генерал-губернатора Н.И.Бобрикова[24].

* * *

При Александре III еще более строго соблюдались ограничения, введенные в Царстве Польском после подавления восстания 1863—1864 гг. Полякам запрещалась покупка и аренда имений в девяти западных губерниях и разрешалось только приобретение земельной недвижимости по наследству. В этом регионе не были введены земские учреждения. Фактически прекратился прием поляков на государственную службу. Преподавание в частных и казенных школах должно было вестись на русском языке. В 1883 г. последовало распоряжение попечителя Варшавского учебного округа А.Л.Апухтина о преподавании на русском языке в Варшавском университете даже курса польской словесности. По приказу генерал-губернатора И.В.Гурко русский язык вводился в частных учреждениях, на железных дорогах, на афишах, различных этикетках и т.д. В 1885 г. был закрыт Польский банк, преобразованный в Варшавское отделение Государственного банка[25].

В «Загробных заметках» Бунге писал, что подобная политика не только не решает польский вопрос, но и обещает большие трудности в будущем. Со временем утратила прежнее политическое значение крестьянская реформа 1864 г., проведенная в Царстве Польском и западных губерниях на более льготных, чем в центральной России, условиях с целью «привязать» сельское население к правительству. С одной стороны, лишенное доступа к государственной службе польское дворянство сосредоточилось исключительно на хозяйственных делах, добилось больших успехов и преумножило свое достояние. С другой — возрастание населения в деревне привело к увеличению количества безземельных крестьян, снижению заработной платы и росту зависимости обездоленных от работодателя-помещика. Эмиграция поляков не смягчает остроту проблемы, поскольку многие из уехавших возвращаются на родину, усвоив западный образ жизни и заразившись раликальными идеями. Переселение во внутренние губернии нежелательно из-за опасности усиления польско-католического элемента среди «русской стихии». «Таким образом, — отмечал Бунге, — нище-

та гонит обедневшее население в лоно социализма, а богатое дворянство видит в Австрии условия возрождения Польши».

Бунге признал объяснимым, но «ненормальным» отстранение поляков от государственной службы. Он отрицательно отозвался и о насильственной русификации Привисленского края. «В этом заключается один из главных поводов ненависти поляков к России, — писал он, — а между тем самое обрусение представляется весьма маловероятным, потому что польский язык не есть простой народный говор, а язык выработанный, литературный, искоренение которого есть пустая и вредная мечта. (...) Можно только стремиться к тому, чтобы русский язык, как государственный, занял такое же место в Польше, как и другие языки и наречия, на которых говорят народы разных окраин России».

В качестве первоочередных мер по польскому вопросу Бунге рекомендовал: 1) умножить число школ с преподаванием на русском языке, но не исключая польского, предоставить выпускникам льготы при поступлении на государственную службу; 2) допустить использование русского языка католиками в молитвах, проповедях и при изучении закона божьего (особенно в местностях с преобладанием украинского и белорусского населения); 3) ввести земские учреждения в западных губерниях и Царстве Польском, предоставить избирательные права лицам, имеющим имущественный и образовательный ценз, а также свидетельство о знании русского языка, обязательного в делопроизводстве выборных учреждений; 4) привлекать на государственную службу хорошо зарекомендовавших себя земских деятелей, по крайней мере там, где польское население не составляет большинства. «Признавая, что удовлетворительное решение иноплеменных и инородческих вопросов путем борьбы и истребления не только не желательно, но и невозможно, — резюмировал он, — надо, очевидно, приискать такой склад жизни, при котором поляки могли бы примириться с русскими и прийти к убеждению, что равноправность их с коренным русским населением зависит от их образа действий»[26].

* * *

Русификация проводилась и в Остзейском крае. Однако здесь она носила несколько иной характер, чем в Финляндии и Польше. Речь шла не о вытеснении латышского и эстонского языков, а о борьбе с немецким влиянием. С 1885 г. на русском языке должно было вестись делопроизводство местных государственных учреждений, с 1887 г. — преподавание всех дис-

циплин в казенных и частных учебных заведениях, ликвидировался особый статус Дерптского университета. Реформы 1888—1889 гг. изъяли полицию и суд из компетенции остзейского дворянства и подчинили их общеимперским законам. Тем самым была ослаблена зависимость коренного населения от прежних «поработителей». В то же время местные власти всячески стимулировали обращение в православие исповедующих лютеранство латышей и эстонцев, прибегая в ряде случаев к обману и административному принуждению. При «отпадении» их от православной веры возбуждались уголовные дела против пасторов[27].

В «Загробных заметках» Бунге отметил отчужденность Прибалтийских губерний от основной территории империи. Он сетовал на ошибочность политики первой половины XIX в., направленной на охрану прав и привилегий остзейского дворянства, «не всегда согласных с благом остального населения и в особенности с государственными интересами России». С его точки зрения, неверного курса придерживалось и правительство Александра II, которое пыталось противопоставить коренное население немецким баронам и покровительствовало национальному движению латышей и эстонцев, поощряло издание газет и журналов на их языках, образование обществ, кружков и т.п. В итоге у прибалтийских народов возникло стремление не только освободиться от гнета остзейского дворянства, но и добиться большей самостоятельности в рамках империи[28]. «Дай бог, — писал Бунге Д.Ф.Самарину 11 июня 1890 г., — чтобы нам не пришлось пожалеть об упущенном времени и о том, что до 80-х годов мы более заботились о пробуждении народности и общественности среди эстов и латышей, чем об упрочении русской государственности»[29].

Бунге одобрил преобразования правительства Александра III в Прибалтийских губерниях, но добавил, что остзейский вопрос еще окончательно не решен. «Необходимо, — утверждал он, — чтобы раз принятые меры и введенные законоположения исполнялись на местах с разумной энергией. Недостаточно предписать употребление русского языка, — надо, чтобы это предписание точно исполнялось, но без мелочной придирчивости; недостаточно установить новые учреждения: полицию и суд — надо, чтобы превосходство их было признано и поддерживалось умелыми деятелями; недостаточно, чтобы губернаторы выказывали постоянно воинственное настроение в сношениях с иноплеменными элементами, — надо, чтобы они спокойно и твердо делали свое дело, при уважении и сочувствии местного населения». Бунге осудил религиозные гонения и преследования пасторов. По его мнению, вместо этого следовало заняться «разнемечением» лютеранства (по аналогии с «располячением» католицизма в Польше) и ввести русский язык в богослужение. В противном случае «германизм» будет сохраняться не только среди остзейского дворянства, но и среди коренного населения[30].

* * *

Относительно Бессарабии Бунге писал, что на этой «окраине» более всего сделано для сближения с Россией — действуют имперские учреждения и учебные заведения с преподаванием на русском языке. Но эти успехи касаются только «образованного класса», так как простой народ до сих пор не понимает русского языка. Бунге положительно оценил изданные при Александре III постановления об унификации административно-судебных систем империи и восточных регионов — Кавказа, Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, которые до 80-х годов представляли собой автономные области с собственным центральным управлением и бюджетом. Среднеазиатские владения вообще напоминали «персидские сатрапии», где полновластно распоряжались генерал-губернаторы. «Такое сближение восточных окраин с внутренними коренными областями империи, — указывал Бунге, — составляет, однако, лишь средство для более прочных связей, образование которых предполагает господство государственного языка и преобладание русских гражданских учреждений над иноплеменными, имеющими религиозный характер»[31].

На Востоке власти проводили более гибкую политику: управляли с помощью местной знати, не стремились к подрыву сложившихся форм жизни, избегали грубого давления на традиционную религию (ислам), пропагандировали русские школы и совместное обучение туземцев и русских[32]. Бунге отметил особую сложность организации русских школ среди мусульманского населения. Поскольку у «магометан» все образование основывается на коране, то правительство не может взять на себя пропаганду ислама ни на арабском, ни на русском языках. Оно может лишь потребовать преподавания в мектебах и медресе русской грамматики наряду с кораном. «Но все внимание должно быть обращено на то, — подчеркивал Бунге, — чтобы мусульмане признали превосходство русской школы и чтобы они убедились, что дело идет не об обращении магометан в христианство, а о том, чтобы сделать их полноправными гражданами государства, к которому они принадлежат. Можно надеяться, что такой прием скорее всего послужит к одолению мусульманского фанатизма»[33].

Уроженец и житель разноплеменного Киева, Бунге рано осознал сложность задачи урегулирования межнациональных отношений. В «Загробных заметках» он выступил не с комплексом конкретных предложений, а, скорее, с общими пожеланиями, причем в довольно осторожной форме. Это объяснялось как отсутствием у правительства Александра III четко разработанной программы национальной унификации, так, по-видимому, и опасением лютеранина Бунге вторгаться в сферу национальной политики, которая строилась на конфессиональной основе и предусматривала широкое распространение православия на окраины. Но он настойчиво предостерегал от крайностей русификации и административного давления, указывая на возможные отрицательные последствия для целостности государства.

Однако в «верхах» очень немногие разделяли взгляды Бунге. Использование силовых методов оставалось важным компонентом правительственной политики на окраинах. Насильственная русификация дала обратные результаты, активизировала центробежные силы в империи, усилила стремление народов Польши и Финляндии к созданию независимых государств. Преследования евреев вызвали у обитателей черты оседлости взрыв возмущения против властей и массовый уход молодежи «в революцию».

4. В начале царствования Николая II

Бунге тяжело пережил внезапную кончину Александра III в октябре 1894 г. Он был очень привязан к императору, которого помнил совсем юным. После вступления на престол Николая II председатель Комитета министров вошел в ближайшее окружение нового самодержца. По выражению генерал-адъютанта А.А.Киреева, «праведный», «безусловно честный», «неподкупный и ученый» Бунге стал «опорой для молодого царя»[1]. Его роль в «верхах» сразу же возросла. При дворе рассказывали, что покойный Александр III рекомендовал сыну советоваться с Бунге. Опека наставника над учеником сохранялась. Вопреки бюрократической традиции, председатель Комитета министров даже на некоторое время получил право регулярного утреннего доклада. Николай II обсуждал со своим ментором важнейшие вопросы. Доклады министров императору проходили теперь в присутствии Бунге. Сильное впечатление в правительственных кругах произвела скандальная отставка министра путей сообщения А.К.Кривошеина, уличенного в злоупотреблении казенными деньгами. Ни для кого не было секретом, что Николай II удалил его по настоянию Бунге[2]. 1 января 1895 г. в «Правительственном вестнике» был опубликован высочайший рескрипт на имя председателя Комитета министров, в котором извещалось о награждении его орденом св. Владимира первой степени. Все обратили внимание на адресованные Бунге «крайне лестные выражения»[3].

Искушенные бюрократы, уловив расположение императора к Николаю Христиановичу, постоянно обращались к нему за консультациями. Бунге неизменно возражал против тех или иных инициатив, если они не отвечали государственным интересам. Он заявлял своим коллегам, что «нельзя такую меру принимать в начале царствования молодого государя». И его точка зрения обычно брала верх. «В России, в особенности в земской России, с трепетом и надеждой следили за Николаем Христиановичем, — вспоминал Картавцов. — Там помнили, что он был деятелем освобождения крестьян, что при нем сняты подушные; там помнили это и надеялись, что и в третий раз он выдвинется в том же направлении и той же области»[4]. По словам другого современника, председатель Комитета министров «был одним из тех людей, в совесть которых глубоко верило общество, зная, что он всегда стоит грудью за все доброе и хорошее. "Бунге стоит за это", "Бунге не допустит этого", говорилось часто в обществе, и в этих фразах звучала искренняя вера в то, что чуткий и восприимчивый, высокообразованный ветеран общественной деятельности всегда стоит настороже по всем вопросам государственной жизни»[5].

Скорбя о смерти Александра III, Бунге говорил своим подчиненным, что «падать духом не следует, что надо, напротив, надеяться на новое царствование, открывающее и новую эру государственной жизни»[6]. Он советовал императору продолжить дело «царя-освободителя». Николай II прислушивался к словам наставника. Как вспоминал Куломзин, «идеям Н.Х.Бунге до известной степени соответствовали резолюции и указания, которые Николай II клал в первые месяцы своего царствования на прочитываемых им губернаторских и генерал-губернаторских отчетах». В мае 1895 г. Канцелярия Комитета министров подготовила обстоятельный обзор 251 высочайшей резолюции за первые семь месяцев правления нового самодержца. Бунге сам отредактировал предисловие к этому труду[7].

В предисловии была изложена политическая программа предстоящего царствования, причем особое внимание обращалось на необходимость более широкого просвещения народа. Возглавляя финансовое ведомство и Комитет министров, Бунге продолжал интересоваться вопросами образования. Политический кризис 1879—1881 гг. заставил «верхи» отказаться от обсуждения проекта университетского устава Д.А.Толстого—

И.Д.Делянова, внесенного в Государственный совет в феврале 1880 г. В обстановке общественного подъема и роста студенческих волнений либеральные бюрократы выступили за смягчение системы надзора за учащимися.

В ранге товарища министра финансов Бунге принял участие в работе Особого совещания об устройстве быта студентов русских университетов. В него вошли также военный министр Д.А.Милютин, министры: внутренних дел М.Т.Лорис-Меликов, народного просвещения А.А.Сабуров, финансов А.А.Абаза, государственных имуществ кн. А.А.Ливен и путей сообщения К.Н.Посьет, обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев, статс-секретарь И.Д.Делянов, начальник Главного управления военно-учебных заведений Н.В.Исаков. На заседаниях 5, 10 января и 16 февраля состоялось обсуждение уже одобренного Александром II всеподданнейшего доклада Сабурова и Милютина, в котором предлагалось подчинить инспекцию в университетах ректору и правлению, разрешить студентам устройство читален, столовых, касс взаимопомощи и «тому подобных учреждений» под личную ответственность университетского начальства. Этот проект был поддержан Абазой, Лорис-Меликовым и Бунге. Остальные высказались против пересмотра действующих правил. Особенно резко возражали Победоносцев и Делянов. Ознакомившись с журналом заседаний, император принял эти разногласия к сведению[8].

Изменение политического курса сорвало реализацию планов либеральных бюрократов. Правительство возложило ответственность за террор народовольцев на общество и его образовательно-воспитательные институты. Власти всячески старались сдерживать активность интеллигенции в деле просвещения народа. Это отразилось в политике «верхов» на всех уровнях системы образования. Проекту университетского устава вновь был дан ход. На предварительных совещаниях 10—11 октября 1883 г., заседаниях Соединенных департаментов и Общего собрания Государственного совета (конец октября 1883 — конец мая 1884 г.) Бунге в числе большинства голосовал против основных положений проекта: права министра народного просвещения своей властью назначать ректора, деканов и профессоров без предварительного избрания кандидатов университетскими коллегиями, приема выпускных государственных экзаменов правительственными чиновниками вне стен университета, разрешения профессорам читать лекции не только по своему, но и по другому предмету и др. Однако 23 августа 1884 г. Александр III утвердил мнение меньшинства[9].

Политика нового министра народного просвещения И.Д.Делянова проводилась в русле усиления надзора за студен-

тами и ужесточения административной опеки над университетами сохранения в незыблемости классической системы образования и укрепления дисциплины в средних учебных заведениях. Синод во главе с Победоносцевым насаждал церковно-приходские школы, стремясь к полной клерикализации начального образования. Между тем, несмотря на достигнутые в пореформенный период успехи, Россия значительно отставала от передовых стран Европы и США по численности кадров научных работников, учителей, инженеров, техников, врачей, агрономов. В особенно тяжелом положении находилась начальная школа. Это создавало дополнительные трудности развитию капитализма и общей модернизации страны. Неграмотность как массовый феномен стояла на пути экономического и социального прогресса[10].

В «Загробных заметках» Бунге подчеркнул, что «положение народного образования представляется весьма неудовлетворительным». Он указал на его главные недостатки: отсутствие всеобщей доступности начального образования и «вероисповедный характер» церковно-приходских школ, не рассчитанных на раскольников, иноверцев и инородцев, засилье преподавания древних языков и крайняя односторонность образования в гимназиях, бюрократизация управления университетами в соответствии с новым уставом и упадок университетской науки. Бунге считал наиболее целесообразной пятиступенчатую систему образования: народные школы — низшие училища — средние учебные заведения — лицеи — высшие учебные заведения, причем обучение на каждом этапе должно служить основанием для перехода в учебное заведение более высокого разряда[11].

Николай Христианович не надеялся на какие-либо конструктивные меры ведомства Делянова. Весной 1895 г. у него родилась мысль привлечь к делу народного просвещения широкую общественность и с этой целью учредить особое Общество на базе комитетов грамотности, существовавших при Московском обществе сельского хозяйства (с 1863 г.) и Вольном экономическом обществе в Петербурге (с 1861 г.) и состоявших в подчинении Министерства государственных имуществ. Они представляли собой ведущие общественные центры внешкольного образования, занимались изданием и рассылкой книг для народа, устройством библиотек, читален, книжных складов, воскресных школ, подготовкой учителей и т.п. В начале 90-х годов их деятельность заметно активизировалась в связи с подъемом общественно-педагогического движения и ростом интереса к вопросам внешкольного образования[12].

В марте 1895 г. в Комитете министров должен был рассматриваться вопрос о передаче комитетов в ведение Министерства

народного просвещения. Бунге воспользовался удобным случаем и во всеподданнейшем докладе от 6 марта указал на несовершенство правил, регулирующих деятельность этих учреждений, и предложил исправить этот недостаток до заседания Комитета министров[13]. Получив одобрение императора, он заручился также поддержкой президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича, которого считал «человеком просвещенным, умным, с твердым характером и добрым душой»[14].

Во всеподданнейшем докладе от 20 марта Бунге отметил стремление разных общественных слоев к участию в распространении грамотности в народе. По его мнению, чтобы избежать нежелательной радикализации этого движения, правительство должно взять дело просвещения в свои руки, не отказываясь, вместе с тем, от содействия частных лиц в установленных законом пределах. Он подчеркнул важность руководства Обществом особой императорской фамилии, имея в виду вел. кн. Константина Константиновича. «При этом условии, — писал Бунге, — к Обществу сему могли бы быть привлечены, временно от него отстранившиеся, лучшие педагогические силы, которые дали бы должное направление бескорыстной деятельности тружеников, готовых отдать лучшие свои силы светлому делу народного образования, и было бы создано центральное общественное учреждение, которое могло бы через образованные при его посредстве местные комитеты получить влияние на разрозненную ныне общественную деятельность в провинции». Николай II повелел обсудить вопрос в Комитете министров в присутствии вел. кн. Константина Константиновича[15].

В короткий срок комиссия Куломзина по указаниям Бунге подготовила проект устава Российского общества ревнителей просвещения народа. Его целью было «распространение грамотности и народного образования на религиозно-нравственных основах». Председателем предполагалось назначить вел. кн. Константина Константиновича при подчинении Общества Министерству народного просвещения. Оно должно было управляться центральным комитетом в Петербурге, на местах учреждались губернские и местные комитеты в городах и уездах. В проекте определялись функции Общества: 1) содействие в создании народных школ, устройстве библиотек, читален, школьных музеев, воскресных и вечерних курсов; 2) помощь школам книгами и учебными пособиями, финансовая поддержка в случае неурожаев, эпидемий, пожаров и других стихийных бедствий; 3) содействие учащимся в продолжении образования, улучшение их материального положения; 4) издание учебников и книг для народа, рассылка их в школы, училища, библиотеки, читальни, тюрьмы, больницы и т.д.[16]

Для обсуждения проекта в начале апреля было созвано Совещание в составе представителей Синода, министерств народного просвещения, внутренних дел и земледелия. На первом заседании председательствовал Куломзин, на втором — вел. кн. Константин Константинович. Устав был принят единогласно[17]. 25 апреля Николай II одобрил доклад великого князя о решении Совещания[18]. Но тут ситуация резко изменилась.

Победоносцев и Дурново всегда возражали против общественного почина в области народного образования и участия в просветительской работе «неблагонадежных элементов». Передача комитетов грамотности в ведение Министерства народного просвещения была задумана ими с целью усиления административного контроля за деятельностью учреждений, занимавшихся внешкольным обучением. Поэтому они встретили инициативу Бунге в штыки. 26 апреля Николай Христианович проинформировал членов Комитета министров о позиции императора и вручил участникам заседания печатные экземпляры проекта. Он писал академику Я.К.Гроту в тот же день, что его «скромное желание выставлено было как нечто солидарное с революционным начинающимся движением». Покидая заседание, Победоносцев недовольно сказал, что «Николай Христианович сегодня белены объелся»[19]. Вечером «встревоженный и испуганный» обер-прокурор явился к Константину Константиновичу с экземпляром устава в руках и настойчиво убеждал его «не поддаваться» «революционным или, по крайней мере, ненадежным элементам» в комитетах грамотности[20]. 28 апреля Победоносцев поехал в Царское Село со всеподданнейшим докладом и сумел переубедить императора. Николай II немедленно отправил Бунге письмо с пожеланием перенести обсуждение устава на осень. При этом он ссылался на свою неопытность в государственных делах и необходимость осторожности в столь важном вопросе[21].

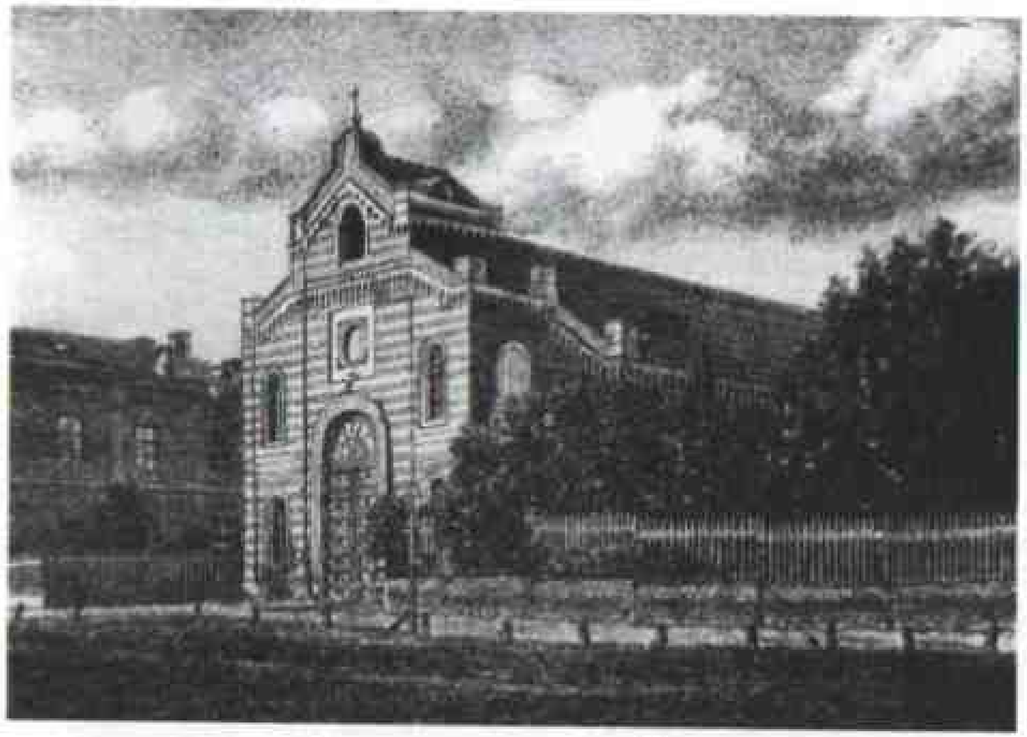
Бунге был потрясен поступком своего питомца. 3 мая во всеподданнейшей записке он предложил императору поручить попечителям Петербургского и Московского учебных округов собрать сведения о деятельности комитетов грамотности с целью развеять сомнения в их «благонадежности» и осенью представить подробный отчет Комитету министров[22]. Но было уже ясно, что отсрочка является формальным поводом. «С горьким чувством увидел Н.Х.Бунге, что был лишен доверия в самом важном, по его глубокому убеждению, деле, на которое им было положено столько мысли и забот», — вспоминал По-

кровский. — Печально, что это впечатление унес он и в могилу»[23]. Уже после смерти Бунге, 17 ноября 1895 г., Николай II одобрил постановление Комитета министров о передаче комитетов грамотности в ведение Министерства народного просвещения. 12 марта 1896 г. Делянов утвердил устав новых Петербургского и Московского обществ грамотности. Эти учреждения носили казенный характер и находились под строгим бюрократическим контролем. Решение правительства привело к массовому выходу интеллигенции из комитетов грамотности. Их лучшие традиции были продолжены Петербургским педагогическим обществом взаимопомощи и Педагогическим обществом при Московском университете[24].

По свидетельству Куломзина, Николая Христиановича очень беспокоила «явная наклонность ученика к течениям реакционного лагеря» и он торопился закончить переработку «Загробных заметок», чтобы «при жизни еще раз попробовать направить нашу внутреннюю политику на правильный путь»[25]. Как завещание можно рассматривать и его последний труд «Очерки политико-экономической литературы». Бунге предупреждал, что «невнимание к действительным интересам более или менее многочисленной части населения, совершенно необходимой для удовлетворения потребностям частным и государственным, а тем более попытка остановить духовный и материальный рост народа была бы совершенным безумием». Подобное стремление «поворотить историю назад», продолжал он, «лишило бы государство могущества и заставило бы его отречься от своего назначения»[26].

Весной 1895 г. здоровье Бунге резко ухудшилось. Годы жизни в Петербурге не пошли ему на пользу. Он часто страдал от простуд и легочных заболеваний[27]. Летом Николай Христианович покидал свою меблированную квартиру на Екатерининском канале, которую снимал с 1887 г., и жил на казенной даче в Царском Селе. Он регулярно ездил для лечения на заграничные курорты. Но в 1894 г. Бунге уже физически не смог отправиться в дальний путь. Между тем с началом нового царствования его загруженность работой возросла. В письме к И.И.Янжулу от 25 мая 1895 г. Бунге жаловался на сильное переутомление, поскольку Витте, старавшийся найти в авторитетном председателе Комитета министров опору своим начинаниям, «притянул» его в разные комиссии и совещания[28]. 3 июня Николай Христианович скоропостижно скончался, почувствовав острое недомогание во время прогулки в царскосельском парке. Он едва успел отдать срочно прибывшему Куломзину последние распоряжения[29].

Николай I



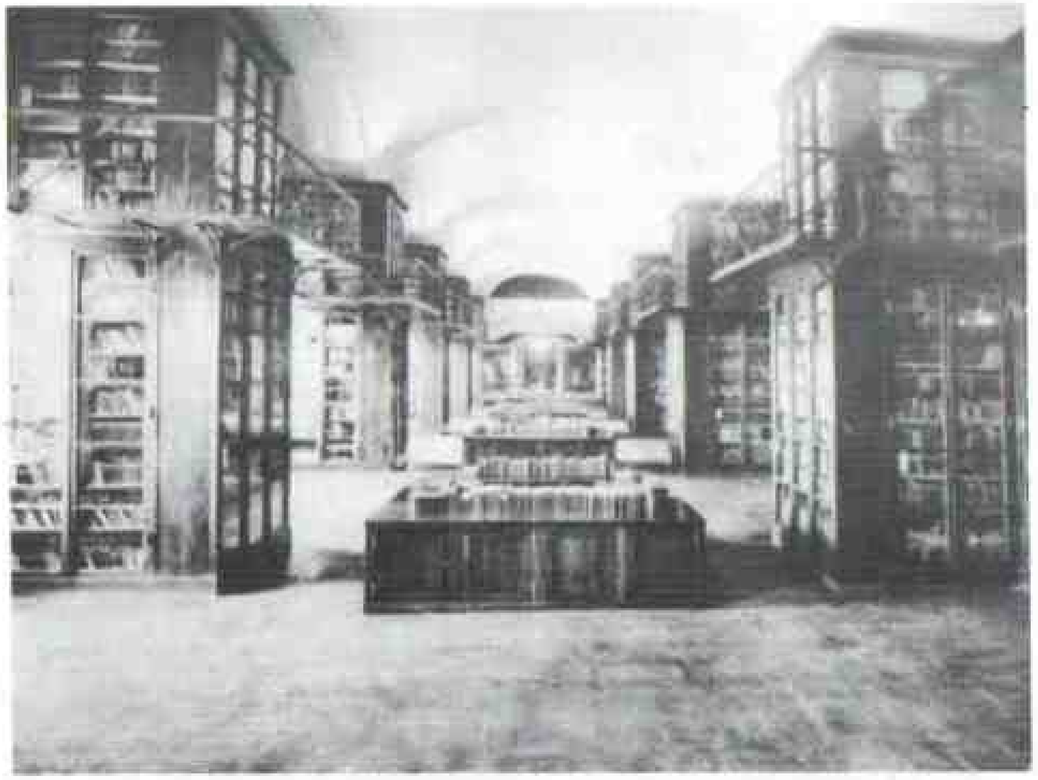
Лютеранская кирха в Киеве

Лицей кн. Безбородко в Нежине

Киевская первая гимназия

Университет св. Владимира

Торжественный зал ун-та св. Владимира



Главный зал библиотеки ун-та св. Владимира

Киевский Институт благородных девиц

Киевская контора Государственного банка

Н.Х.Бунге — ректор ун-та св. Владимира

А.М.Княжевич

М.Х.Рейтерн

И.А.Мишотин

Ю.Ф.Самарин

Кн. В.А.Черкасский

Е.И.Ламанский

Я.И.Ростовцев

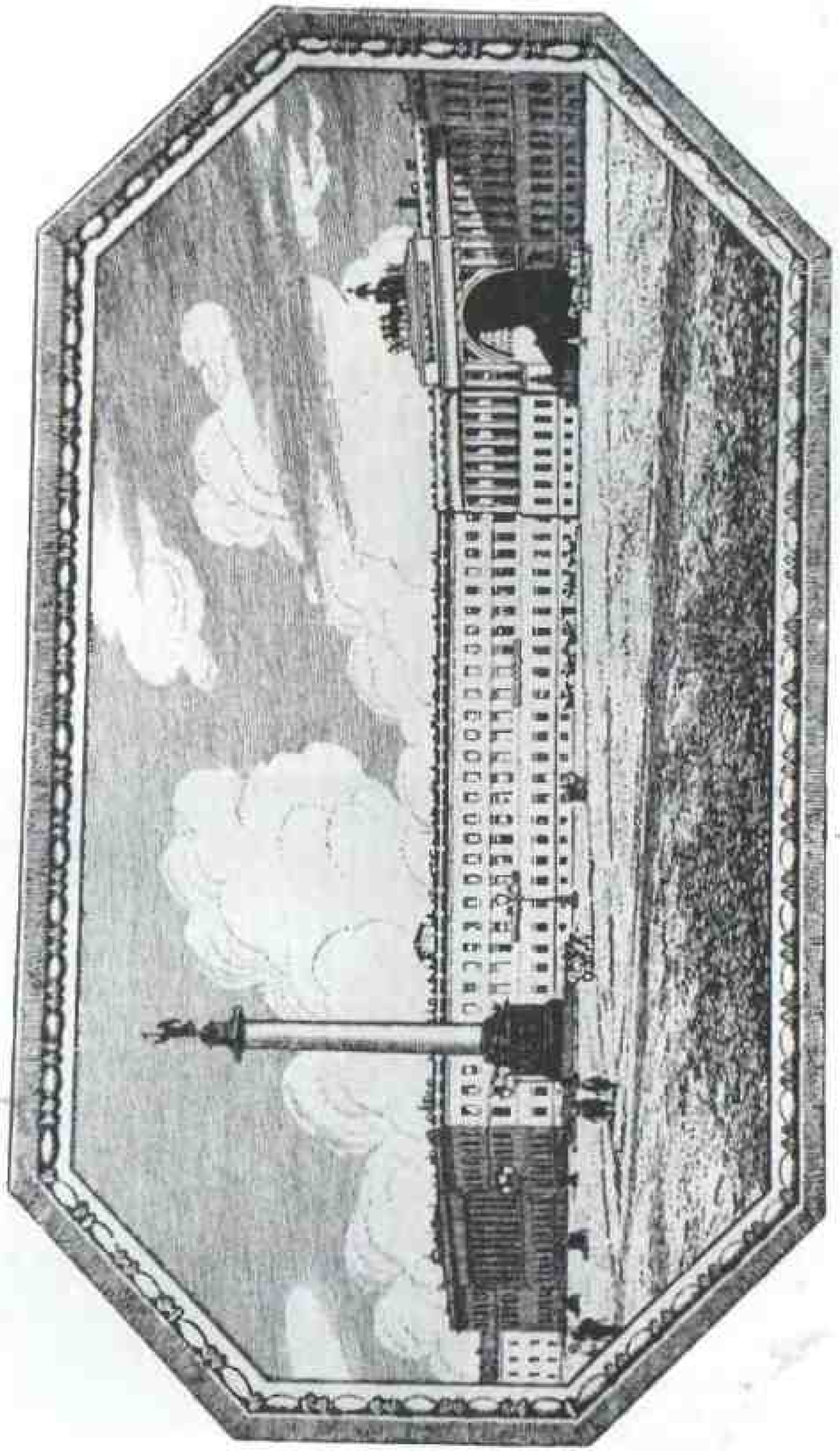
П.П.Семенов
(впоследствии
Семенов-Тян-Шанский)

А.П.Заблоцкий-Десятовский

К.Д.Кавелин

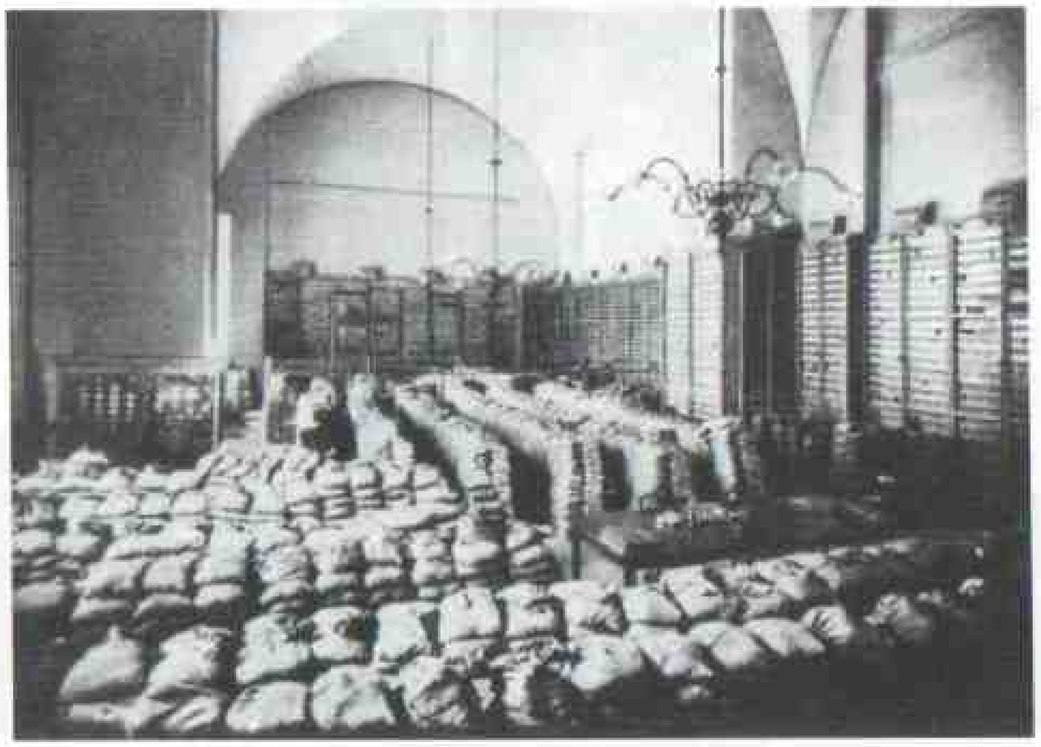
Наследник престола вел. кн. Николай Александрович

Наследник престола вел. кн. Александр Александрович



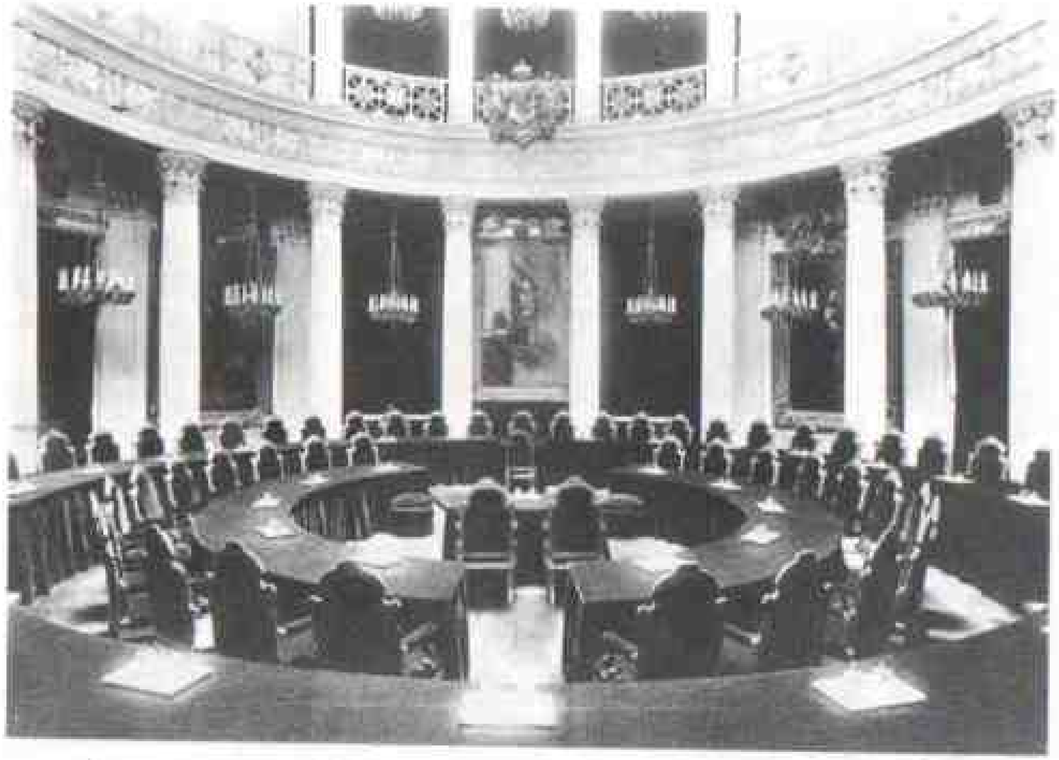
Здание Министерства финансов на Дворцовой площади

Здание Государственного банка на Садовой улице



Золотая кладовая Государственного Банка

Мариинский дворец — место заседаний Государственного совета



Зал заседаний Общего собрания Государственного совета

Зал заседаний Соединенных департаментов Государственного совета

Александр III

С.А.Грейг

А.А.Абаза

Д.М.Сольский

Гр. М.Т.Лорис-Меликов

Д.А.Милютин

Гр. Н.П.Игнатьев

В.Д.Набоков

Е.А.Перетц

А.А.Половцов

В.И.Ковалевский

А.С.Ермолов

А.В.Цимсен

А.А.Рихтер

В.П.Безобразов

Ю.Г.Жуковский

Д.И.Пихно

С.А.Ольхин

И.И.Янжул

Ф.Г.Тернер

М.Н.Катков

Кн. В.П.Мещерский

Гр. Д.А.Толстой

К.П.Победоносцев

В.К.Плеве

М.Н.Островский

И.А.Вышнеградский

С.Ю.Витте

И.Д.Делянов

Николай II

Байково кладбище, на котором похоронен Н.Х.Бунге

Николай II с горечью воспринял скорбную весть. «Еще одним верным и опытным советником стало у меня меньше, — записал он в дневнике вечером того же дня. — Кончина его ставит меня в очень трудное положение!»[30] Утром 4 июня император принял Куломзина, который передал ему текст предисловия к своду высочайших резолюций с правкой Бунге. По свидетельству вел. кн. Константина Константиновича, Николай II, «очень расстроенный смертью Н.Х.Бунге», целых полчаса продержал у себя управляющего делами Комитета министров[31].

Кончина Бунге вызвала всеобщее сожаление. «Его смерть является серьезной потерей для России», — телеграфировал в Берлин германский посол кн. Г.Радолин[32]. Газеты и журналы публиковали некрологи, проникнутые чувством невосполнимой утраты. «Исторический вестник» именовал покойного «философом-праведником», «мужем разума и совета», «настоящим примером честности и добросовестности», деятельность которого «была освещена удивительно светлым ореолом»[33]. По словам «Вестника Европы», будущему биографу Бунге предстоит «завидная и благодарная работа — воссоздать образ человека, никогда не изменявшего своим идеалам, как бы ни изменялось все окружавшее его»[34]. Не менее лестно высказалась «Всемирная иллюстрация»: «Если оценка ученой и государственной деятельности незабвенного Н.Х.Бунге допускает возможность оттенков во мнениях, то его репутация честного и чистого человека не допускает не только мнений, но и разных оттенков одного мнения, и это давало ему громадный нравственный авторитет во всех положениях, в которые ставила его судьба»[35]. Академик К.С.Веселовский на заседании Общего собрания Академии наук 19 августа 1895 г. заявил, что «Бунге олицетворял собой счастливое сочетание высокого ума и редких качеств сердца, наложившее свою особую печать на всю его деятельность и как ученого, и как практического финансиста»[36]. Лишь «Московские ведомости» в очередной раз отметили, что бывший министр финансов «избегал крупных реформ, предпочитая частичные меры», проявлял «крайнюю осторожность, подчас переходившую в нерешительность», и в его политике «теория часто одерживала верх над практикой»[37].

5 июня тело Бунге было отправлено на Александровскую станцию Варшавской железной дороги к поезду киевского направления, где состоялось официальное прощание с усопшим. Николай II вошел в вагон и поклонился покойному учителю. 9 июня после траурных церемоний и многочисленных речей киевляне проводили своего знаменитого земляка в последний

путь. Согласно завещанию, он был похоронен в семейном склепе возле своей матери на Байковом кладбище[38].

Наследниками Николая Христиановича стали его племянники Н.А.Бунге и Н.К.Флиге. Им досталась огромная библиотека покойного. Правда, ранее Н.Х.Бунге просил их передать в дар университету св. Владимира те книги, которые они не захотят оставить себе. Племянники выполнили это желание. Они обратились к совету университета с просьбой принять книги Н.Х.Бунге и образовать из них в университетской библиотеке отдел, который бы носил его имя. 4 января 1896 г. попечитель Киевского учебного округа уведомил совет о разрешении министра народного просвещения И.Д.Делянова. Среди переданных книг находились 46 папок с материалами Государственного совета, которые являются ценным источником для изучения деятельности Н.Х.Бунге[39]. Дом в Киеве унаследовал Н.А.Бунге.

Николай Христианович завещал также университету шесть тысяч рублей. 29 мая 1896 г. Делянов удовлетворил ходатайство университетского совета об учреждении на проценты с этого капитала ежегодной премии имени Н.Х.Бунге за лучшую студенческую работу по экономической тематике и двух ежегодных пособий нуждающимся студентам с отличной успеваемостью. 26 ноября 1910 г. министр народного просвещения Л.А.Кассо утвердил положение об учреждении в честь 25-летия института податной инспекции ежегодной стипендии имени Н.Х.Бунге для одного нуждающегося студента университета св. Владимира из сыновей податных инспекторов и их помощников[40].

Четыре тысячи рублей Бунге оставил Обществу вспомоществования бывшим студентам Киевского университета. 9 ноября 1896 г. Общество постановило зачислить эту сумму в неприкосновенный запасной капитал и ходатайствовать перед министром внутренних дел И.Л.Горемыкиным о разрешении начать сбор средств для строительства в Киеве образцовой начальной школы имени Н.Х.Бунге. 16 января 1897 г. по всеподданнейшему докладу министра последовало высочайшее соизволение. Это начинание горячо поддержал Витте. О подписке было объявлено 21 декабря в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» и «Торгово-промышленной газете». Сбор денег продолжался несколько лет. Официальное открытие и освящение городского училища, построенного в Липках недалеко от дома Бунге и рассчитанного на двести учеников, состоялось 6 декабря 1904 г. В рекреационном зале были установлены портрет Николая Христиановича работы известного украинского художника-передвижника Н.К.Пимоненко и мраморная доска с датой учреждения школы имени Н.Х.Бунге[41].

Разбором бумаг Николая Христиановича занимались А.Н.Куломзин и Н.К.Флиге. Все материалы «по делам более или менее секретным» (в том числе обнаруженные «Загробные заметки») поступили на хранение в Канцелярию Комитета министров, остальные — в семейный архив[42]. Николай II внимательно ознакомился с обоими основными вариантами политического завещания Бунге. Второй вариант, обращенный к Александру III, начинался словами: «Не оставляя после себя ни дневника, ни записок, я считаю, однако, своим долгом перед Вашим Величеством, Августейшим слушателем моим, высказать откровенно мысли, вызванные во мне событиями, которых я был свидетель, начиная с 1880 г. Мне бы хотелось и по смерти служить Вашему Величеству»[43].

В память об учителе император приказал размножить окончательный вариант записки и ознакомить с ним некоторых государственных деятелей. В 1896—1900 гг. по высочайшему повелению печатные экземпляры получили великие князья Владимир Александрович (командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа), Константин Константинович (президент Академии наук), Михаил Николаевич (председатель Государственного совета) и Сергей Александрович (московский генерал-губернатор), министр народного просвещения Н.П.Боголепов, министр финансов С.Ю.Витте, министры внутренних дел И.Л.Горемыкин и Д.С.Сипягин, новый председатель Комитета министров И.Н.Дурново, министр земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолов, военный министр А.Н.Куропаткин, государственный контролер П.Л.Лобко, министр юстиции Н.В.Муравьев обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев, государственный секретарь В.К.Плеве, председатель Департамента государственной экономии Госсовета Д.М.Сольский, члены Государственного совета К.И.Пален и Э.В.Фриш[44].

Консерваторам взгляды Бунге по-прежнему казались опасными. Его имя оставалось для них синонимом «радикализма». Когда Куломзин вручил экземпляр «Загробных заметок» Дурново, то сановник «раскричался», что Куломзин и Бунге «взбунтуют» Россию[45]. Но с годами интерес к завещанию Бунге возрастал. Его идеи оказали известное влияние на политику правительства конца XIX — начала XX века.

Прежде всего это относится к деятельности Витте. Период его разногласий с Бунге закончился быстро. Николай Христианович прочил новому министру финансов большое будущее. По его словам, он «не встречал человека, который бы столько думал, сколько думает Витте»[46]. Сергей Юльевич не скрывал, что основные принципы его преобразований были сформулированы Бунге, и публично заявлял о своем «глубочайшем ува-

жении» к выдающемуся предшественнику и даже о «преклонении» перед ним[47]. В мемуарах он называл Николая Христиановича «очень просвещенным», «в высокой степени образованным и почтенным» человеком[48]. Витте часто цитировал «Загробные заметки» в своих записках и всеподданнейших докладах. Он во многом разделял взгляды основанной Бунге школы экономистов и поддерживал тесные связи с киевскими учеными. Не случайно в 1893—1896 гг. его товарищем был один из бывших студентов Николая Христиановича, профессор университета св. Владимира А.Я.Антонович.

По собственному признанию, в начале своей бюрократической карьеры Витте слабо разбирался в укладе деревенской жизни и испытывал славянофильские симпатии к общине. «Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Бунге, почтеннейший ученый и деятельный по крестьянской реформе 60-х годов, — вспоминал Сергей Юльевич. — Он обратил мое внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это средневековая община, не допускающая совершенствования»[49]. Витте учел пороки системы Вышнеградского и попытался возобновить курс Бунге в области аграрного законодательства: был смягчен паспортный режим (1894 г.), принят новый устав Крестьянского банка (1895 г.), упразднена круговая порука (1903 г). В период премьерства Витте (1905—1906 гг.) были отменены выкупные платежи и разработан проект перехода крестьян от общинной к индивидуальной земельной собственности, на который впоследствии опирался П.А.Столыпин.

Витте продолжил линию Бунге и в рабочем вопросе. По его инициативе были утверждены законы о нормировании рабочего дня (1897 г.) и компенсации рабочим за увечья (1903 г.). Введение золотого монометаллизма также было реализацией давних замыслов Бунге. «Идея восстановления золотой валюты, — писал Куломзин, — была внушена Витте Николаем Христиановичем, доказавшим ему всю ее настоятельность, необходимость дать полезное для финансов назначение накопленному в Банке золоту и своевременность самой меры»[50]. На начальном этапе денежной реформы, завершенной в 1897 г., Витте пользовался активным содействием председателя Комитета министров[51].

Старые противники Бунге с полным основанием видели в политике министра финансов воплощение планов когда-то свергнутого «профессора». Называя Бунге «старой кукушкой», Мещерский заклинал Витте почувствовать себя «орлом, имеющим право свободного и гордого полета», а не идти на поводу у «состарившегося на заплесневенных книгах доктринера, который на практике сделал одно: довел Россию до банкрота и на весь мир поведал истощение всех ее ресурсов». В другом письме, отправленном министру финансов накануне денежной реформы, редактор «Гражданина» предостерегал: «В смертный час перед лицом бога я скажу то же, что теперь: это направление Вашего ума на золото, на осуществление Бунговского дела, это масонский замысел. Бунге был весь в руках масонов, — назовите их социал-демократами, все равно, дело не в имени, — и, приняв от него это проклятое наследство, Вы примете все его последствия и погибнете от злых чар»[52].

В феврале 1900 г. министр внутренних дел Д.С.Сипягин получил высочайшее разрешение на просьбу предоставить ему экземпляр «Загробных заметок»[53]. Взгляды Бунге на сотрудничество рабочих и хозяев в трансформированном виде были использованы руководством МВД при проведении политики «полицейского социализма» и создании зубатовских «союзов»[54].

В ноябре 1904 г. Куломзин ознакомил с запиской Бунге министра внутренних дел кн. П.Д.Святополк-Мирского[55]. Некоторые положения «Загробных заметок» отразились в его всеподданнейшем докладе, послужившем основой для указа 12 декабря 1904 г., в котором декларировались обещания правительства пересмотреть крестьянское законодательство, расширить права земских и городских учреждений, ввести государственное страхование рабочих, устранить ряд стеснений печати, следовать началам религиозной терпимости и т.п. В 1906 г. доклад Мирского с многочисленными пометами Николая II был передан П.А.Столыпину и стал для него одним из программных источников при подготовке реформ[56].

Час для реализации идей Бунге по-настоящему пробил после 1905 г. Это проявилось в отказе от общины как формы землепользования и насаждении частной крестьянской земельной собственности, поддержке и стимулировании переселенческого движения, расширении операций Крестьянского банка. «До понимания взглядов Бунге, — пишет И.Ф.Гиндин, — царское правительство и зубры-помещики доросли лишь в результате революции 1905—1907 годов»[57]. А.П.Погребинский и Дж.Э.Сноу считают его непосредственным предшественником Столыпина[58]. Однако, хотя оба государственных деятеля преследовали одну и ту же цель, подобное утверждение нуждается в существенной оговорке. Бунге никогда не считал возможным насильственное разрушение общины, а Столыпин, несмотря на неоднократные заявления о недопустимости принудительных методов, на деле не возражал против жестких действий местных властей по отношению к общине.

Николай II во многом не оправдал надежд наставника. Он остался человеком консервативного склада. Поучения Победоносцева пришлись ему больше по сердцу. И все же нельзя сказать, что искра, которую Бунге заронил в его душу, мгновенно погасла. Сама жизнь заставляла Николая II быть «реформатором поневоле». Без «благословения» императора какие-либо преобразования в России не имели шансов на успех. А их было немало за десятилетия царствования Николая II. И кто знает, может быть, когда самодержец ставил свою подпись на тот или иной реформаторский проект и превращал его в законодательный акт, он вспоминал о заветах старого профессора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории либерального реформаторства второй половины XIX в. Николаю Христиановичу Бунге принадлежит особое место. Он обладал поистине государственным мышлением и незаурядной способностью остро ощущать потребности времени, умел выделять главное и отсекать второстепенное, соблюдать меру и необходимую осторожность, был сторонником продуманной, концептуальной и научно обоснованной политики. Профессор из Киева оказался более дальновидным и проницательным, чем многие петербургские профессионалы-бюрократы.

Политическая судьба Бунге уникальна. «Человек 40-х годов», деятель эпохи Великих реформ, участник реформаторской «коалиции» М.Т.Лорис-Меликова, он получил доступ к рычагам власти в тот момент, когда большинство сторонников преобразований в «верхах» уже сошло со сцены. В этом заключалась трагедия Бунге-политика. В царствование Александра III он стал одним из наиболее ярких представителей либеральных бюрократов, сохранивших в основном лишь позиции в высшем законосовещательном учреждении империи — Государственном совете.

Взгляды и программа Бунге в целом были общепринятыми для этой правительственной группировки. Назначение видного ученого и общественного деятеля главой финансового ведомства и его дальнейшая служебная карьера не привели к нередкой в таких случаях «смене менталитета». Убеждения Бунге, всегда отличавшиеся умеренностью, были изначально близки воззрениям либеральных бюрократов, с которыми он тесно сотрудничал в годы Великих реформ. Изучение его программы и государственной деятельности позволяет более полно раскрыть установки либеральных бюрократов, глубже проникнуть в сущность их реформаторских проектов.

Как политический мыслитель Бунге ориентировался на западные ценности, заключавшиеся в гарантиях свободы личности, права частной собственности и частной инициативы. Но при этом он старался учитывать российскую самобытность. Для понимания его взглядов следует принимать во внимание главную особенность отечественного либерализма — приверженность государственному началу и институту монархии, обусловленную своеобразием исторического пути страны. Отнюдь

не отвергая саму идею конституционализма, Бунге предполагал переход к народному представительству лишь в будущем по мере политического созревания российского общества. Однако подобная верность принципу самодержавия не может рассматриваться как признак «реакционности», поскольку либеральные бюрократы видели в монархии орудие для модернизации страны. Консерваторы также связывали с самодержавием надежды на проведение некоторых преобразований, но они исходили из другой мотивации. Их реформизм был направлен на предупреждение распада старой системы и максимально полное сохранение существующего строя.

С точки зрения Бунге, недостатки самодержавия как формы правления должны были компенсироваться соблюдением правопорядка, определенной степенью гласности и привлечением общественных элементов к сотрудничеству с администрацией в рамках нетрадиционных для абсолютной монархии учреждений — земских и городских выборных органов, комиссий экспертов и др. Он оспаривал основные идейные постулаты консерватизма — представление о несовершенстве природы человека и необходимости всестороннего контроля за ним со стороны государства, требования сохранить в незыблемости самодержавие, сословную структуру общества и политический приоритет поместного дворянства. Само слово «консерватизм» в устах Бунге означало не преданность старому, а лишь лояльность к «верховной власти».

Вместе с тем позиция Бунге и других либеральных бюрократов все более расходилась в царствование Александра III с устремлениями либеральной общественности. Отношения между ними всегда основывались на взаимосвязи: передовая общественная среда питала реформаторов в «верхах»; преобразования, инициированные либеральными бюрократами, стимулировали либеральную общественную мысль. Изначальные несовпадения во мнениях объяснялись жесткой интегрированностью либеральных бюрократов в системе государственного управления, четко обозначенными пределами их возможностей. После шока 1 марта 1881 г. либеральные бюрократы пересмотрели некоторые прежние оценки и пришли к выводу об опасности слишком поспешной «демократизации» гражданской жизни для осуществления социально-экономических реформ. Это получило яркое отражение в «Загробных заметках» Бунге, в его отношении к «конституционному» проекту М.Т.Лорис-Меликова и идее о созыве земского собора Н.П.Игнатьева. Напротив, либеральная общественность сравнительно быстро оправилась от последствий убийства «царя-освободителя» и к концу XIX в., утратив веру в реформаторские возможности

самодержавия, не только вновь подняла на щит лозунг конституционализма, но и ощутимо радикализировалась вплоть до известного сближения с социалистами. Тем самым в российском политическом спектре либеральные бюрократы заняли промежуточное положение между консерваторами и либералами-конституционалистами.

С учетом российских особенностей составлялась и экономическая программа Бунге. Как ученый он в молодости пережил увлечение идеями экономического либерализма и позднее также отмечал эпохальное значение для науки трудов А.Смита и его последователей с их апологетикой универсальных законов, частной собственности и свободы предпринимательства, но в гораздо большей степени (хотя и с рядом оговорок) шел за теоретиками немецкой исторической школы, делавшими особый акцент на изучение конкретных явлений народного хозяйства и признававшими важную роль государственного начала в экономической жизни. Программа Бунге сочетала в себе, с одной стороны, нацеленность на развитие рыночной экономики, становление частного крестьянского землевладения, обеспечение правовой самостоятельности низших сословий, с другой — ограниченное до известных пределов вмешательство государства в экономику и отношения между классами, меры по социальной защите неимущих слоев населения. Эта программа была достаточно реалистична и соответствовала потребностям страны в корректировке либерального законодательства 60-х годов и дальнейшем развертывании преобразований, так как к концу царствования Александра II, в обстановке финансового расстройства, экономического кризиса и политической нестабильности, стало ясно, что освобождение крестьян и другие Великие реформы не дали ожидаемых результатов.

Идеи Бунге были поддержаны как либеральными бюрократами, так и либеральной общественностью, которая, как это нередко было и ранее, требовала более форсированного проведения реформ. В советской литературе традиционно недооценивалась возможность альтернативы в развитии страны в 80-е годы. Между тем Россия стояла на пороге нового витка преобразований, которые могли бы обеспечить империи мирную эволюцию. Реализации намеченной Бунге программы благоприятствовали относительная политическая стабилизация в обществе после разгрома «Народной воли» и длительная мирная передышка. Это были те самые «двадцать лет покоя», о которых впоследствии тщетно мечтал Столыпин. Особую актуальность имело решение крестьянского вопроса. Отмена круговой поруки, преобразование паспортного устава, предоставление крестьянам дешевого кредита, организация переселений, облег-

чение выхода из общины создали бы более благоприятные возможности для становления частного крестьянского землевладения, что позволило бы избежать столь мощного нарастания аграрной революции в начале XX в.

Подобная альтернатива была возможна даже после отставки М.Т.Лорис-Меликова, А.А.Абазы и Д.А.Милютина (разумеется, уже без «конституционных экспериментов»), поскольку «эстафету» от них приняли Бунге и его группировка в Министерстве финансов, опиравшиеся на либеральных бюрократов в Государственном совете. Однако самодержавие сделало ставку на возрождение былого могущества поместного дворянства, консервацию сословно-патриархальных институтов в деревне, подавление не только радикального, но и либерального общественных движений. Выполнение программы Бунге в полном объеме оказалось невозможным. После устранения министра-либерала и его группировки произошло окончательное свертывание реформаторского курса. Это похоронило последние надежды либеральной общественности на здравый смысл «верховной власти». Если в годы Великих реформ и «диктатуры сердца» Лорис-Меликова чиновники-реформаторы и передовая интеллигенция сотрудничали в деле подготовки преобразований, то на рубеже веков расхождение между властью и обществом приобрело необратимый характер.

Социальные мероприятия Бунге должны были стать прологом будущих более масштабных преобразований, но в той ситуации выглядели паллиативами, остаточным явлением либеральной «весны». Между тем их значение достаточно велико с точки зрения исторической перспективы. Отмена соляного акциза и подушной подати, понижение выкупных платежей, открытие Крестьянского банка, принятие первых фабричных законов, а позднее — борьба Бунге против искусственной поддержки общины, его призывы к укреплению индивидуальной крестьянской собственности на землю и переселению страдающего от малоземелья сельского населения на окраины страны создали необходимую «реформаторскую базу» для деятельности преобразователей следующего поколения — С.Ю.Витте и П.А.Столыпина.

Уже к концу столетия отчетливо обнаружились недальновидность консерваторов, утопичность теории «народного самодержавия», бесперспективность «твердого» курса. Правящей элите не удалось совершить «прорыв в прошлое». Монархия не могла ограничить свою внутреннюю политику только мероприятиями в русле консервативного реформизма и чисто охранительными функциями. Правительство должно было учитывать нужды народного хозяйства и стимулировать рост отечественной индустрии. Политика Бунге и его преемников (таможенный протекционизм, привлечение иностранных капиталов, упорядочение государственного долга и денежного обращения) способствовала завершению промышленной революции в России, утверждению крупного машинного производства, по основным показателям которого был достигнут среднемировой уровень развития капитализма. Это опровергает традиционное представление о царствовании Александра III как «эпохе контрреформ» и «периоде регресса». Но, как и предсказывал Бунге, курс на индустриализацию, не сопровождавшийся преобразованиями в деревне и не предполагавший каких-либо изменений в системе общинного землевладения и патриархальном укладе крестьянской жизни, порождал глобальные диспропорции, неизбежно ведущие в будущем к социально-политическому кризису.

Прогнозы Бунге и других проницательных сановников полностью оправдались. Социальная буря разразилась в начале XX в. Только в годы первой русской революции произошла либерализация правительственного курса, поднялась новая волна реформаторства. Но попытки Столыпина бюрократическими методами «сломать» общину и создать устойчивый слой крестьян-собственников не имели успеха. Ему не хватило времени, «оперативного простора» для введения нового землеустройства. Последнему реформатору императорской России пришлось действовать в условиях резкого обострения социальной конфронтации и открытого противостояния между самодержавием и обществом. Исследование программы и политики Бунге подтверждает вывод, что исторический выбор, сделанный «верхами» в 80-е годы XIX в., стал фатальным просчетом, который привел тысячелетнюю монархию к гибели.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ II	— Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе
ПСЗ III	— Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы РАН
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал архива РАН

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1 Иконников В.С. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира (1834—1884). Киев, 1884. С. 74—84; Бунге (Николай Христианович) // Энциклопедический словарь. Т. 8. СПб., 1894. С. 927—929; Загорский С. Бунге Николай Христианович // Новый энциклопедический словарь. Т. 8. СПб., 1911. С. 567—574; Бунге Николай Христианович // Большая энциклопедия. Т. 4. СПб., б.д. С. 79—80; Свирщевский А.Р. Бунге Николай Христианович // Энциклопедический словарь т—ва «Бр. А. и И.Гранат и К°». Т. 7. Б. м., б. д. С. 146—149.

2 Биржевые ведомости. 1895. 5 июня; Вестник Европы. 1895. № 7. С. 422—426; Всемирная иллюстрация. 1895. № 25. С. 449—450; Гражданин. 1895. 5 июня; Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. М., 1896. С. 759—768; Живописное обозрение. 1895. № 24. С. 464; Исторический вестник. 1895. Т. 61. № 8. С. 509—512; Киевское слово. 1895. 5 июня; Мир божий. 1895. № 7. Отд. 2. С. 238—240; Московские ведомости. 1895. 6 июня; Наблюдатель. 1895. № 7. Отд. 2. С. 25—30; Нива. 1895. № 24. С. 577—578; Новое время. 1895. 4 июня; Правительственный вестник. 1895. 4 июня; Русская мысль. 1895. № 6. Отд. 2. С. 190; Русские ведомости. 1895. 5 июня; Русское богатство. 1895. № 6. Отд. 2. С. 166—168; Северный вестник. 1895. № 7. Отд. 2. С. 57; Сын отечества. 1895. 5 июня; и др.

3 Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 4. СПб., 1902; Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 2. СПб., 1902; Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 2. СПб., 1902; Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881—1894). СПб., 1902; Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 годы. СПб., 1910; Департамент окладных сборов. 1863—1913. СПб., 1913; Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50—летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913; и др.

4 Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 560, 564—565.

5 Старый профессор. Замечательная эпоха в истории русских финансов. СПб., 1895. С. 52, 105.

6 Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769—1899). Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков, 1899. С. 475, 606.

7 Кованько П.Л. Главнейшие реформы, проведенные Н.Х.Бунге в финансовой системе России. Опыт критической оценки деятельности Н.Х.Бунге как министра финансов (1881—1887). Киев, 1901. С. 448.

8 Зак А.Н. Крестьянский поземельный банк. 1883—1910. М., 1911; Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911.

9 Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. СПб., 1900; Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904; Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882—1906. Киев, 1906; Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие Его в России. СПб., 1909.

10 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 1.

11 Вербицкий А.П. Основные формы подоходного обложения в их историческом развитии и система законодательства о подоходном налоге в России. Иркутск, 1916. С. 18.

12 Хрулев С.С. Финансы России в связи с экономическим положением Ее населения. СПб., 1908. С. 10.

13 Билимович А.Д. Министерство финансов. Исторический очерк. Киев, 1903. С. 64.

14 Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. С. 122.

15 Локоть Т. В. Бюджетная и податная политика России. М., 1908. С. 127, 168.

16 Шульце-Геверниц Г. фон Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901. С. 384; Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 124—127, 132, 212—213; Zweig E. Die russische Handelspolitik seit 1877. Unter besonderer Berücksichtigung des Handels über die europäische Grenze. Leipzig, 1906. S.23—24; Mavor J. An economic history of Russia. New-York, 1914. B.2. P. 410—412.

17 Петрункевич И.И. К аграрному вопросу // Аграрный вопрос. Т. 1. М., 1905. С. XIX.

18 Кизеветтер А.А. История России XIX века. Ч. 1. М., 1909. С. 94.

19 Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 402, 411.

20 Глинский Б.Б. Период твердой власти. (Исторические очерки) // Исторический вестник. 1912. Т. 129. № 7. С. 301, 303; № 8. С. 667.

21 Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1952. С. 180, 181.

22 Погребинский А.П. Финансовая политика царизма в 70—80-х годах XIX в. // Исторический архив. 1960. № 2. С. 130.

23 Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. (1861—1892 годы). М., 1960. С. 56, 57, 73.

24 Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 27, 88, 91.

25 Симонова М.С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX века // История СССР. 1963. № 1. С. 73; Ее же. Отмена круговой поруки // Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 160.

26 Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 183—212; Ее же. Податные реформы в первой половине 80-х годов XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1978; Ее же. К истории податных реформ 1880-х годов. (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 159—173.

27 Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России. С. 183, 201; Ее же. Податные реформы в первой половине 80-х годов XIX века. С. 172.

28 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 136.

29 Шепелев Л.Е. Копартнершип и русская буржуазия // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. М., 1966. С. 288.

30 [Ананьич Б.В.] Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 381—386, 423—426.

31 Шелымагин И.И. Фабрично-заводское законодательство в России второй половины XIX в. М., 1947; Власенко В.Е. Денежная реформа в России. 1895—1898 гг. Киев, 1949; Вдовин В.А. Крестьянский поземельный банк (1883—1895 гг.). М., 1959; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973; Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.,

1975; Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984; Проскурякова Н.А. Земельный кредит и мобилизация земельной собственности в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1992; Куприянова Л.В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40—80-е годы XIX века). М., 1994.

32 Брусникин Е.М. Подготовка закона 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских надельных земель // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1964. Т. 1. Вып. 72. С. 345—375; Его же. Переселенческая политика царизма в конце XIX века // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 28—38; Его же. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80—90-е годы XIX века) // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 34—47.

33 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985.

34 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984.

35 Laue T. von Sergius Witte and the Industrialization of Russia. New-York, 1963. P. 5, 19.

36 Pesda Jo.L. N.K.Bunge and Russian Economic Development. 1881—1886. Ph. D. Kent State University, 1971. P. 165, 166.

37 Plaggenborg St. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland. 1881—1903. Die Bilanz der Steuerpolitik für Fiskus, Bevölkerung und Wirtschaft // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte. Bd. 44. Berlin, 1990. S. 171.

38 Snow G.E. The Years 1881—1894 in Russia: A Memorandum Found in the Papers of N.Kh.Bunge. A Translation and Commentary. Philadelphia, 1981. P. 6, 7, 8, 16, 17.

39 Plaggenborg St. Op. cit. S. 170—202.

40 Ibid. S. 172, 195.

41 Puttkamer Jo. von Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905. Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung. Köln—Weimar—Wien, 1996. S. 41.

42 См.: Захарова Л.Г. (Рецензия) П.А.Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970 // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 170, 171—172; Ананьич Б.В. История России второй половины XIX века в трудах П.А.Зайончковского. (К 80-летию со дня рождения) // История СССР. 1984. № 5. С. 85.

43 Бунге Н.Х. Теория кредита. Киев, 1852; Его же. Гармония хозяйственных отношений. Первая политико-экономическая система Кери. СПб., 1860; Его же. Джон Стюарт Милль как экономист. Киев, 1868; Его же. Основания политической экономии. Киев, 1870; Его же. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895.

44 Бунге Н.Х. Полицейское право. Курс, читанный в университете св. Владимира. Вып. 1—3; Киев, 1869; Его же. Полицейское право. Курс, читанный в университете св. Владимира. Т. 1—2. Киев, 1873—1877.

45 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235—239.

46 Ананьич Н.И. Материалы лекционных курсов Н.Х.Бунге 60—80-х годов XIX в. // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 304, 306.

47 Бунге Н.Х. О современном направлении русских университетов и о потребностях высшего образования // Русский вестник. 1858. Т. 14. № 7. Отд. 1. С. 311—332; Его же. Об устройстве учебной части в наших университетах // Русский вестник. 1858. Т. 17. № 19. Отд. 1. С. 441—488; Его же. Письма к читателю о народном образовании // Отечественные записки. 1859. Т. 124. № 5. Отд. 1. С. 75—110.

48 Бунге Н.Х. О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования и об отношении Ее к практической деятельности. // Экономический указатель. 1857. № 27. С. 637—640; № 29. С. 685—688; № 32. С. 752—756; № 34. С. 789—793; № 37. С. 872—875; № 38. С. 897—899; Его же. Письма об изучении политической экономии // Русский вестник. 1857. Т. 11. № 17. Отд. 1. С. 5—64.

49 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ и условия их распространения. Ч. 1—3. СПб., 1857—1858; Его же. Промышленность и Ее ограничение во внешней торговле // Отечественные записки. 1857. Т. 110. № 2. Отд. 1. С. 709—734; Т. 112. № 6. Отд. 1. С. 473—508; Т. 115. № 11. Отд. 1. С. 1—28; № 12. Отд. 1. С. 589—620; Его же. Банковые законы и банковая политика // Сборник государственных знаний. Т. 1. СПб., 1874. С. 67—96; Его же. Монополия железнодорожного царства и Ее ограничение // Вестник Европы. 1876. № 3. С. 314—352.

50 Бунге Н.Х. О восстановлении металлического обращения в России. Киев, 1877; Его же. О восстановлении постоянной денежной единицы в России. Киев, 1878; Его же. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению. СПб., 1880.

51 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений в России вследствие предстоящего преобразования крепостного права // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 8. Отд. 4. С. 55—69; Его же. Кредит и крепостное право // Русский вестник. 1859. Т. 19. № 2. Отд. 2. С. 125—136; Т. 20. № 8. Отд. 2. С. 350—373.

52 Бунге Н.Х. О подушной подати // Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. СПб., 1889. С. 820—822.

53 Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. XI. СПб., 1860; Второе издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1859. С. 142—171.

54 Бунге Н.Х. О финансовом положении России / Публикация А.П.Погребинского // Исторический архив. 1960. № 2. С. 132—143.

55 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIII. СПб., 1883. С. 119—132, 146—162; Вып. XIV. СПб., 1889. С. 59—75; Вып. XV. СПб., 1889. С. 53—68; Вып. XVI. СПб., 1889. С. 57—70; Вып. XVII. СПб., 1888. С. 51—64.

56 Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг. / Под редакцией А.И.Буковецкого. Вып. 1. Пг., 1922. С. 49—77.

57 Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского состояния. Вып. 1. СПб., 1898. С. 23—29; Вып. 3. СПб., 1900. С. 44—51, 280—292, 293—295.

58 Всеподданнейший доклад Н.Х.Бунге [11 апреля 1892 г.] // Русский архив. 1913. Кн. 2. № 12. С. 779—780.

59 Шепелев Л.Е. «Загробные заметки» Н.Х.Бунге // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 245—246.

60 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 617.

61 Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.—М., 1916. С. 313.

62 Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 4. С. I—II, 23—24, 107, 166—167, 182—184, 202, 222—224, 273, 310—311.

63 Глинский Б.Б. Указ. соч. № 7. С. 271—304.

64 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 54936.

65 Snow G.E. Op. cit. P. 10, 11.

66 Бунге Н.Х. Загробные заметки / Публикация В.Л.Степанова // Река времен. Кн. I. М., 1995. С. 198—254.

67 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 237. Л. 38 об.—39.

68 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. М.—Пг., 1923.

69 Картавцов Е.Э. Николай Христианович Бунге. Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 5—39.

70 Авсеенко В.Г. Школьные годы. Отрывки из воспоминаний. 1852—1863 // Исторический вестник. 1881. Т. 4. № 4. С. 707—734; Модестов В.И. В Казани и Киеве. (1867—1877). (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1885. Т. 22. № 11. С. 321—343; № 12. С. 588—617; Романович-Славатинский А.В. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832—1884 гг. Воспоминания и заметки // Вестник Европы. 1903. № 1. С. 138—197; № 2. С. 606—650; № 3. С. 168—214; № 4. С. 527—566; № 5. С. 181—205; № 6. С. 499—508; Ромер Ф.Э. Былое. (Из университетских воспоминаний) // Ромер Ф.Э. Сочинения. Т. 3. СПб., 1905. С. 347—364; Воспоминания В.Д.Шидловского // Сборник к 40-летию С.-Петербургского общества вспомоществования бывшим студентам Киевского университета. Вып. 1. СПб., 1911. С. 92—96; Чеважевский В.С. Из прошлого Киевского университета и студенческой жизни. (1870—1875 гг.) // Русская старина. 1912. Т. 150. № 6. С. 555—585.

71 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 1—3. СПб., 1889—1892.

72 Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 3—4. Пг., 1915—1916.

73 Дневник академика В.П.Безобразова // Русская старина. 1908. Т. 133. № 1. С. 146—160; Т. 136. № 10. С. 27—32; № 11. С. 304—310; № 12. С. 547—552; 1909. Т. 140. № 12. С. 519—527; 1910. Т. 141. № 2. С. 307—313; 1911. Т. 148. № 10. С. 63—70; 1912. Т. 149. № 1. С. 62—67; Т. 152. № 11. С. 296—302; № 12. С. 530—535; 1913. Т. 154. № 4. С. 53—60; № 5. С. 271—277; 1914. Т. 157. № 2. С. 343—351; Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х томах. М., 1994; Воропонов Ф.Ф. Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1905. № 12. С. 507—559; Его же. Семь лет в Крестьянском банке. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. 1906. № 9. С. 127—155; Воспоминания В.И.Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 5—96; Мещерский В.П. Мои воспоминания. Т. 3. (1881—1894 гг.). СПб., 1912; Дневник Д.А.Милютина. Т. 4. М., 1950; Дневник Е.А.Перетца (1880—1883). М.—Л., 1927; Дневник государственного секретаря А.А.Половцова: В 2-х томах. М., 1966; Воспоминания жизни Ф.Г.Тернера. Т. 1—2. СПб., 1910—1911.

74 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. М.—Пг., 1923; Полутом 2; Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1925—1926.

Глава I

1.

1 Ф.В. Киев в 1787 г. и дед покойного Н.Х.Бунге // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 9. С. 65; Бунге Н.А. Исторические сведения о семье Бунге в России. Киев, 1901.

2 Реформатский С.Н. Николай Андреевич Бунге. Биографический очерк // Журнал Русского физико-химического общества. 1916. Т. 48. Часть химическая. Вып. 3. С. 373—411; [Мушкало Л.К.] Н.А.Бунге // Очерки по истории органической химии в Киевском университете. Киев, 1954. С. 48—63.

3 Плансон А.А. Былое и настоящее. Воспоминания о некоторых выдающихся людях и событиях 40-х и последующих гг. Выводы, параллели, мысли. СПб., 1905. С. 27.

4 Столетие Киевской первой гимназии (1809—1811—1911 гг.). Т. 1. Киев, 1911. С. 313.

5 Все данные о служебной деятельности Н.Х.Бунге приводятся по Его формулярному делу: РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 59.

6 См.: Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. СПб., 1881.

7 Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. № 1. С. 180.

8 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 20.

9 Иконников В.С. Указ. соч. С. 76.

10 Бунге Н.Х. Исследование начал торгового законодательства Петра Великого // Отечественные записки. 1850. Т. 68. № 1. Отд. 2. С. 1—30.

11 Бунге Н.Х. Речь о кредите // Акт Лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии, состоявшийся 1849 года июня 22 дня. Киев, 1849. С. 5—166.

12 Отечественные записки. 1850. Т. 70. № 6. Отд. 6. С. 91.

13 Современник. 1850. № 5. Отд. 5. С. 52.

14 Эймонтова Р.Г. Из переписки Т.Н.Грановского с П.В.Павловым // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С. 290.

15 Эта работа вызвала критические отзывы в печати. Автора упрекали в тяжеловесности изложения, излишнем увлечении специальной терминологией и противоречиях. См. рецензии: Современник. 1852. № 7. Отд. 4. С. 16—20; Библиотека для чтения. 1852. Т. 115. Отд. 5. С. 23—56. Н.Х.Бунге дал аргументированные ответы своим оппонентам в тех же периодических изданиях. См.: Современник. 1852. № 11. Отд. 6. С. 155—168; Библиотека для чтения. 1853. Т. 118. Отд. 5. С. 1—10.

16 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 61, 63, 64, 65, 66, 194, 195; Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии. Москва—Брянск, 1997. С. 18, 19.

17 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 66.

18 Чеважевский В.С. Указ. соч. С. 577—578.

19 Ромер Ф.Э. Указ. соч. С. 360.

20 Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX — начале XX в. Вып. 2. Воронеж, 1996. С. 15.

21 Чеважевский В.С. Указ. соч. С. 578, 579. О семинарах Бунге см. также: Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916. С. 47; Воспоминания В.Д.Шидловского. С. 93.

22 Чеважевский В.С. Указ. соч. С. 578.

23 Киевлянин. 1895. 10 июня.

24 Тулуб М. Воспоминание воспитанницы // Захарченко М.М. История Киевского института благородных девиц. 1838—1888 г. Киев, 1889. С. 43—44.

25 Реформатский С. Н. Указ. соч. С. 379—380.

2.

1 Розенталь В.Н. Петербургский кружок К.Д.Кавелина в конце 40-х и в начале 50-х годов XIX века // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. 1957. Т. 16. С. 188—224.

2 Из дневника академика В.П.Безобразова // Былое. 1907. № 9. С. 25.

3 Розенталь В.Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х годов XIX в. (По материалам «Русского вестника» за 1856—1857 гг.) // Исторические записки. 1961. Т. 70. С. 197—222; Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х годов XIX века. М., 1972; Твардовская В.А. Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850-х — 1860-х годов // Освободительное движение в России. Вып. 4. Саратов, 1975. С. 62—78.

4 РО ИРЛИ. Ф. 23. Д. 65. Л. 5.

5 СПбФ АРАН. Р.5. Оп. 1-Б. Д. 44. Л. 8 об.

6 РО ИРЛИ. Ф. 23. Д. 65. Л. 6.

7 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 33.

8 Там же. С. 11, 12.

9 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 48.

10 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 16.

11 Твардовская В.А. Политическая программа «Русского вестника»... С. 76.

12 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 237. Л. 397.

13 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 14.

14 Там же. С. 13.

15 Бунге Н.Х. Политико-экономический журнал Пикфорда и ученые конгрессы // Русский вестник. 1858. Т. 18. № 21. Отд. 2. С. 14.

16 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 207.

17 Китаев В.А. Указ. соч. С. 86—99; Твардовская В.А. Политическая программа «Русского вестника»... С. 63—68.

18 Бунге Н.Х. Гармония хозяйственных отношений. С. 11, 13.

19 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 13.

20 Китаев В.А. Указ. соч. С. 137—144; Твардовская В.А. Политическая программа «Русского вестника»... С. 68.

21 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений... С. 68.

22 Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л., 1962. С. 108—109.

23 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 100.

24 Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. № 2. С. 620.

25 Иконников В.С. Указ. соч. С. 572.

26 Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. № 3. С. 188.

27 Там же. С. 170, 185—187.

28 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 4—6, 49—54, 85—86.

29 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 75—144.

30 См. примечание 47 к введению.

31 Бунге Н.Х. О современном направлении русских университетов... С. 312.

32 Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. № 3. С. 188.

33 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 547. Л. 71, 74, 80.

34 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 137—148.

35 Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 3. Пг., 1915. С. 170.

36 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1890. С. 703.

37 Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 3. С. 187.

38 Протоколы по крестьянскому делу. Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1905. Протокол № 13. С. 20.

39 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1891. С. 904, 1009.

40 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 21.

41 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 820—822. Записка о земских банках не обнаружена.

42 Там же. С. 354.

43 Семенов-Тян-Шанский П.П. История полувековой деятельности имп. Русского географического общества. 1845—1895. Ч. 1. СПб., 1896. С.171—172; Чернуха В.Г. Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г. — 26 ноября 1862 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 89—102; Ее же. Деятельность политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 г. — 26 ноября 1862 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л., 1990. С. 74—88.

44 Scheibert P. Die russische Agrarreform von 1861. Ihre Probleme und der Stand ihrer Erforschung. Koln—Wien, 1973. S. 78.

45 Модестов В.И. Указ. соч. № 11. С. 337—340.

46 РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 385. Л. 2.

47 Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. № 3. С. 188.

48 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 197—198, 264.

49 ОР РНБ. Ф. 391. Д. 211. Л. 19.

50 Историко-статистические записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях императорского университета св. Владимира (1834—1884). Киев, 1884. С. 367—374.

51 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. С. 148.

52 РГИА. Ф. 733. Оп. 88. Д. 186. Л. 22—25.

53 Замечания на проект общего устава императорских российских университетов: В 2-х частях. СПб., 1862. Ч. 1. С. 1—32; Ч. 2. С. 131—139.

54 Киевлянин. 1880. 15 июля.

55 Энциклопедический словарь. Т. 8. С. 928.

56 Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1869—1894 гг. Киев, 1895. С. I—III, VIII, IX, XII; Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 23, 24.

57 Скальковский К.А. Указ. соч. С. 557.

58 Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Т. 2. М., 1905. С. 116.

59 Градовский Г.К. Итоги (1862—1907). Киев, 1908. С. 52.

60 Бунге Н.Х. От переводчика // Гок К. фон. Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. (Перевод с немецкого Н.Х.Бунге). Киев, 1865. С. IV.

61 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 547. Л. 43, 45.

62 Бунге Н.Х. От переводчика. С. IV.

63 Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. М.Х.Рейтерн. Биографический очерк. С приложениями из посмертных записок М.Х.Рейтерна. СПб., 1910. С. 170.

3.

1 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 23.

2 Там же. С. 24.

3 Модестов В.И. Указ. соч. № 12. С. 593.

4 Авсеенко В.Г. Указ. соч. С. 725.

5 Бунге Н.Х. О материальном положении студентов и средствах для улучшения их быта. Киев, 1872. С. 13.

6 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 27.

7 Там же. С. 27—29; Чеважевский В.С. Указ. соч. С. 572—573.

8 Свод мнений по пересмотру университетского устава 1863 г. с замечаниями. СПб., 1880. С. 10, 138, 156.

9 Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. № 6. С. 500, 501.

10 Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929. С. 89—111, 123—135; Марахов Г.И. Киевский университет в революционно-демократическом движении. Киев, 1984. С. 93.

11 Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 229—230.

12 Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. № 6. С. 505.

13 Бунге Н.Х. Государство и законы о народном образовании // Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб., 1877. С. 56—94.

14 РО ИРЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 308. Л. 225 об.

15 Киевлянин. 1880. 5 июля.

16 Там же. 1880. 11 июля.

17 Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 94—99.

18 Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Ч. I. М., 1995. С. 21—42, 308—310; Либерализм в России. М., 1996. С. 217—220, 347—360; Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996. С. 146,147.

19 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 50; Ее же. (Рецензия) Е.А.Дудзинская. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983 // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 133.

Глава II

1.

1 Бунге Н.Х. О месте, занимаемом политической экономией... № 27. С. 637.

2 Иванюков И.И. Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений. СПб., 1885. С. 69.

3 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 24—25.

4 Бунге Н.Х. Очерки политико—экономической литературы. С. I.

5 Киевлянин. 1895. 9 июня.

6 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 12, 31, 32.

7 Бунге Н.Х. Гармония хозяйственных отношений. С. 4; Его же. О месте, занимаемом политической экономией... № 29. С. 687.

8 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 32.

9 Бунге Н.Х. О месте, занимаемом политической экономией... № 32. С. 752.

10 Всемирная история экономической мысли. Т. 2. М., 1988. С. 127—132.

11 Иванюков И.И. Указ. соч. С. 69.

12 Китаев В.А. Указ. соч. С. 56—58.

13 Бунге Н.Х. О месте, занимаемом политической экономией... № 32. С. 752.

14 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 41.

15 Бунге Н.Х. О месте, занимаемом политической экономией... № 29. С. 686.

16 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 46.

17 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 7.

18 [Бунге Н.Х.] Замечания министра финансов на записку тайного советника Смирнова, озаглавленную «Современное состояние наших финансов, причина упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». СПб., 1886. С. 13.

19 Бунге Н.Х. О месте, занимаемом политической экономией... № 37. С. 875.

20 Бунге Н.Х. Исследование начал торгового законодательства Петра Великого. С. 4.

21 Бунге Н.Х. Очерки политико-экономической литературы. С. 40—41.

22 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 12.

23 Милль Дж.С. Основы политической экономии. Т. 3. М., 1981. С. 143—388.

24 Бунге Н.Х. Джон Стюарт Милль как экономист. С. 2.
25 Бунге Н.Х. Основания политической экономии. С. 12.
26 Всемирная история экономической мысли. Т. 2. С. 120—124.
27 Бунге Н.Х. Гармония хозяйственных отношений. С. 2, 6.
28 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 228.
29 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 54.
30 Бунге Н.Х. Очерки политико-экономической литературы. С. 153—154, 156.
31 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 229.
32 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 76—77.
33 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 231.
34 Рошер В. Начала народного хозяйства. Т. 1. М., 1860. С. 51, 52.
35 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 231.
36 Бернацкий М.В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911. С. 223—302; Mussiggang A. Die soziale Frage in der historischen Schule der deutschen Nationalökonomie. Tübingen, 1968. S.118—222.
37 Шмоллер Г. Борьба классов и классовое господство. М., 1906. С. 19, 28.
38 Бернацкий М.В. Указ. соч. С. 201.
39 Бунге Н.Х. Очерки политико-экономической литературы. С. 173.
40 СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 35. Л. 5.
41 Труды Комиссии, высочайше учрежденной при императорском университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Т. 1—4. Киев, 1851—1861; Горленко В.Ф. Комиссия для описания губерний Киевского учебного округа // Труды Института этнографии АН СССР. 1965. Т. 91. С. 18—38.
42 Дружинин Н.К. Хрестоматия по истории русской статистики. (История теоретических взглядов). М., 1963. С. 248; Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972. С. 71.
43 Бунге Н.Х. Курс статистики, составленный в 1864—65 учебном году для студентов императорского университета св. Владимира. Киев, 1865. С. 1, 22—38.
44 Гозулов А.И. Указ. соч. С. 71.
45 Struve P. Bunge Nikolay Christianovich // Encyclopaedia of the Social Sciences. Vol. 3. New-York, 1930. P. 68.
46 Туган-Барановский М.И. Витте и Бунге как министры финансов // Северные записки. 1915. № 3. С. 146, 147.

47 [Пашков А.И.] Введение // История русской экономической мысли. Т.1. Ч. 1. М., 1955. С. 19.
48 Каратаев Н.К. Русская экономическая мысль в период кризиса феодального хозяйства (40—60-е годы XIX века). М., 1957. С. 141.
49 [Теплицький В.П.] Буржуазно-ліберальна економічна думка на Україні в 60-і роки XIX ст. // З історії економічної думки на Україні. Київ, 1961. С. 50, 51.
50 Koropecky I.S. Academic Economics in the Nineteenth Century Ukraine // Selected Contributions of Ukrainian Scholars to Economics. Cambridge Mass., 1984. P. 197—203.
51 Seraphim H.-Ju. Neuere russische Wert- und Kapitalzinstheorien. Berlin—Leipzig, 1925. S. 39, 40.
52 Билимович А.Д. Памяти Д.И.Пихно. СПб., 1913. С. 11, 14; Seraphim H.-Ju. Op. cit. S. 39.
53 Клейнборт Л.М. Николай Иванович Зибер. Пг., 1923. С. 12.

2.

1 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 230.
2 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 16.
3 Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 3. С. 188.
4 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 142.
5 Бунге Н.Х. Акционерные земледельческие предприятия // Журнал для акционеров. 1858. № 102. С. 1053.
6 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 170, 230.
7 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 178, 233.
8 СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 35. Л. 7.
9 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 36.
10 Бунге Н.Х. Гармония хозяйственных отношений. С. 39—40.
11 Бунге Н.Х. О месте, занимаемом политической экономией... № 29. С. 687—688.
12 Бунге Н.Х. Гармония хозяйственных отношений. С. 40, 41.
13 Бунге Н.Х. Кредит и крепостное право. № 2. С. 125—127; № 8. С. 350.
14 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 49.
15 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений ... С. 67—68; Кредит и крепостное право. № 2. С. 128—136; № 8. С. 366—368.

16 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 175.

17 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений... С. 57—58.

18 Бунге Н.Х. Кредит и крепостное право. № 2. С. 135.

19 Там же. № 8. С. 352, 364.

20 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 180, 233.

21 Бунге Н.Х. Кредит и крепостное право. № 8. С. 352, 364.

22 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 230.

23 Бунге Н.Х. Кредит и крепостное право. № 8. С. 364, 369.

24 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ... Ч. 2. С. 24, 25.

25 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 16.

26 Бунге Н.Х. Кредит и крепостное право. № 8. С. 370—371.

27 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 158—159, 234.

28 Бунге Н.Х. Кредит и крепостное право. № 8. С. 356.

29 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений... С. 57—58.

30 Там же. С. 59, 63—64.

31 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 234.

32 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений... С. 59.

33 Цаголов Н.А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956. С. 128.

34 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений... С. 59—61, 68—69.

35 Там же. С. 64—65.

36 Об этих статьях Н.Х.Бунге см. также: Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года и Ее последствия с финансовой точки зрения. (Выкупная операция: 1861 г. — 1907 г.). Киев, 1914. С. 56—63.

37 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 162.

38 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 3, 5, 20, 479.

39 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 168—169.

40 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 2. С. 567, 568—569, 573, 574.

41 Там же. Т. 3. Ч. 2. СПб., 1892. С. 489.

42 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 211.

43 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 226—229, 287—292, 295—296, 298—299.

44 ПСЗ II. Т. 36. Отд. 1. № 36659.

45 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 473—477.

46 Долбилов М.Д. Подготовка отмены крепостного права в Редакционных комиссиях 1859—1860 гг. Проблема субъекта реформы: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996. С. 18.

47 Семенов Н.П. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 477.

48 Первое издание материалов Редакционных комиссий... Ч. XI. Приложение. С. 103—104, 122—126, 133, 148—149, 242—243.

49 Второе издание материалов Редакционных комиссий... Т. 1. Кн. 1. С. 155—156.

50 Там же. С. 151.

51 Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года... С. 62—63.

52 Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978. С. 103—104.

53 РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 18. Л. 45 об.— 52.

54 Там же. Д. 14. Л. 40 об.— 43 об.

55 Долбилов М.Д. Крестьянская поземельная собственность в политических замыслах реформаторов 1861 года // Россия и реформы: Сборник статей. Вып. 3. М., 1995. С. 45, 46.

56 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 155, 158 об.

57 Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года... С. 62.

58 Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857—1861 // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 91, 98, 99.

59 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 221—229.

60 Иванюков И.И. Указ. соч. С. 71—73; Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России. (60—70 годы XIX в.). Л., 1972. С. 5, 17, 18.

61 Лященко П.И. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Ч. 2. Томск, 1917. С. 93—94.

62 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 196.

63 Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос... С. 18—19.

64 Лященко П.И. Крестьянское дело... С. 94.

65 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 223.

66 Бунге Н.Х. Акционерные земледельческие предприятия. С. 1050, 1051.

67 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 149.
68 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 168 об., 169, 170 об.
69 Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы... С. 38.
70 Ананьич Б.В. Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983. С. 34.
71 Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос... С. 123—204.
72 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 142, 144—145.
73 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 227.
74 Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос... С. 5.

3.

1 Кауфман И.И. Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 575.
2 Министерство финансов. Ч. 1. С. 626—627, 628—629, 632—633, 636—637.
3 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 454.
4 Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М., 1954. С. 58—63.
5 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 449.
6 Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 136—198.
7 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 449—451.
8 Там же. Л. 460—463.
9 Там же. Л. 452—453 об., 463—464 об.
10 Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы... С. 40.
11 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 464 об.— 465.
12 Бунге Н.Х. Об изменении юридических отношений... С. 64—65.
13 Всемирная история экономической мысли. Т. 2. С. 145, 146.
14 Болдырев Г.И. Подоходный налог на Западе и в России. Л., 1924. С. 11.
15 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 61.
16 Гок К. фон. Указ. соч. С. 3.
17 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 268 об., 269 об., 270.
18 Чернуха В.Г. Внутренняя политика... С. 199—243.
19 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 60.
20 Департамент окладных сборов. С. 5—7.

21 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 221, 223—223 об., 226—226 об., 227 об., 228 об.
22 Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы... С. 36—37.
23 Бунге Н.Х. О подушной подати. С. 821, 822.
24 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 229 об., 466—466 об.
25 Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос... С. 70—122.
26 Департамент окладных сборов. С. 30—32, 38—41.
27 Краткий очерк... С. 10—30.
28 Крисчн Д. Забытая реформа: отмена винных откупов в России // Великие реформы в России. С. 135—138.
29 Краткий очерк... С. 40; Приложение XII.
30 Крисчн Д. Указ. соч. С. 127, 135—136.
31 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 354—354 об., 456 об.— 457.
32 Краткий очерк... С. 26—29, 41; Фридман М.И. Винная монополия в России. Т. 2. Пг., 1916. С. 84, 87.
33 Краткий очерк... С. 194—197; Приложение XII.
34 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 336, 457 об., 460 об., 469 об.— 470.
35 Краткий очерк... С. 210.
36 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 457 об.
37 Краткий очерк... С. 210; Приложение XII.
38 Бунге Н.Х. О податях с потребления соли // Журнал Министерства государственных имуществ. 1859. Ч. 70. № 4. Отд. 2. С. 305—332.
39 Министерство финансов. Ч. 1. С. 123, 124.
40 Введенский Р.М. Экономическая политика самодержавия в конце XVIII — первой половине XIX вв. (По материалам соляного дела). М., 1983. С. 54—95.
41 Бунге Н.Х. О податях с потребления соли. С. 305, 308, 332.
42 Краткий очерк... С. 241—243.
43 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 457 об.
44 Бунге Н.Х. Исследования по вопросу о восстановлении налога на соль. СПб., 1893. С. 1—3, 17—27, 35, 36—40, 51—54.
45 Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы... С. 37.
46 Соболев М.Н. Указ. соч. С. 360—401.
47 Бунге Н.Х. Промышленность и Ее ограничение... № 2. С. 710, 726; № 6. С. 482; № 11. С. 2, 3.
48 Там же. № 12. С. 618.

49 Там же. № 6. С. 477, 478, 479, 507, 508.

50 Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 257; Соболев М.Н. Указ. соч. С. 360.

51 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 67, 113—115.

52 Бунге Н.Х. Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии // Русский вестник. 1867. Т. 71. № 10. С. 431, 432.

53 Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы... С. 39.

54 Бунге Н.Х. Общий оборот внешней торговли... № 11. С. 44.

55 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 41, 256.

56 Бунге Н.Х. Общий оборот внешней торговли... № 11. С. 45.

57 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 470—470 об.

58 Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. Т. 2. СПб., 1882. С. 239.

4.

1 Боровой С.Я. Кредит и банки в России. (Середина XVIII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 156—244; Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 80—83.

2 Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. С. 61—66.

3 Гильдебрандт Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860. С. 230, 231.

4 Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 12—21.

5 Левин И.И. Указ. соч. С. 76—101.

6 Бунге Н.Х. Речь о кредите. С. 142—149.

7 Бунге Н.Х. Теория кредита. С. 134—180. И.Г.Блюмин и С.Я.Боровой утверждают, что эта работа была написана под непосредственным влиянием книги французского экономиста Ш.Коклена «Кредит и банки», опубликованной в 1848 г. (см.: Блюмин И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М., 1940. С. 80; Боровой С.Я. Указ. соч. С. 245). Действительно, Бунге в своей монографии высоко оценил труд Коклена, но при этом высказал ряд серьезных критических замечаний (см.: Бунге Н.Х. Теория кредита. С. 240—245).

8 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ... Ч. 3. С. 10.

9 Бунге Н.Х. Главное банковое и торговое общество в С.-Петербурге. СПб., 1859. С. 3.

10 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ... Ч. 1. С. 16, 17, 24; Ч. 2. С. 39, 40; Ч. 3. С. 40—41.

11 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 204—211; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. С. 69—78.

12 Бунге Н.Х. Непрерывно-доходные четырехпроцентные билеты // Журнал для акционеров. 1859. № 120. С. 1124; Его же. Лучше ли для государства иметь процентный долг в 500 мил. руб. или же на 500 мил. бумажных денег? // Там же. 1859. № 121. С. 1129—1130.

13 РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—35 об., 48—55 об.

14 Там же. Л. 59—69; Ламанский Е.И. Воспоминания. 1840—1890 г.г. Пенза, 1995. С. 52.

15 Кроме Н.Х.Бунге, Ю.А.Гагемейстера, Е.И.Ламанского, Н.А.Милютина и М.Х.Рейтерна в Комиссию для устройства земских банков входили В.А.Арцимович, В.П.Безобразов, И.В.Вернадский, К.К.Грот, А.П.Заблоцкий-Десятовский, Ф.Ф.Кобеко, А.И.Кошелев, А.Д.Кригер, М.П.Позен, М.К.Цеймерн, В.А.Черкасский.

16 Труды Комиссии, высочайше учрежденной 10 июля 1859 г. для устройства земских банков. Т. 1. СПб., 1860. С. I—LXXIV, 1—226.

17 Там же. Т. 4. СПб., 1862. С. 32—34.

18 Бунге Н.Х. Преобразование наших кредитных установлений и ликвидация вкладов // Журнал для акционеров. 1860. № 164. С. 1326.

19 Труды Комиссии, высочайше учрежденной 10 июля 1859 г. ... Т. 4. С. 9—51.

20 Райский Ю.Л. Акционерные ипотечные банки и помещичье землевладение в России во 2—й половине XIX века. Курск, 1980. С. 50, 51.

21 Бунге Н.Х. Преобразование русских банков // Журнал для акционеров. 1859. № 141. С. 1213—1216.

22 Бунге Н.Х. Преобразование наших кредитных установлений... С. 1327.

23 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 3, 84, 121, 122.

24 Долбилов М.Д. Подготовка отмены крепостного права... С. 20.

25 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 415, 416 об., 417, 459 об.; Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 35.

26 Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. С. 46—58, 80.

27 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ... Ч. 1. С. 19—21.

28 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 298, 299.

29 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 472 об.— 473.

30 Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. С. 84—86.

31 Бунге Н.Х. Банковые законы и банковая политика. С. 67—96. См. также: Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 57—60.

32 Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. С. 90—92, 115—116.

33 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 235. Л. 459—459 об.

34 Райский Ю.Л. Указ. соч. С. 55—127, 182, 193, 194.

35 Табурно И.П. Приложение к эскизному обзору финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882—1901 гг.). Графики и статистические таблицы. СПб., 1903. Таблица 15.

36 Сведения о городских общественных банках. СПб., 1898. С. 56, 57; Табурно И.П. Указ. соч. Таблица 15.

37 Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 52, 53.

38 Очерк развития и деятельности государственных сберегательных касс. СПб., 1912. С. 3—12.

39 Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 220—227.

40 Министерство финансов. Ч. 1. С. 442.

41 Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 56, 222.

5.

1 Кашкаров М. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 72, 180—183; Приложения. С. 37—38, 45—46, 51—55.

2 Соболев М.Н. Указ. соч. С. 401—414; Друян А.Д. Очерки по истории денежного обращения России в XIX веке. М., 1941. С. 70, 72, 73; Власенко В.Е. Указ. соч. С. 15—16.

3 Бунге Н.Х. Восстановление металлического обращения // Указатель политико-экономический. 1859. № 51 (155). С. 1157.

4 РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 14. Л. 41 об.

5 Бунге Н.Х. Заметки о современном экономическом кризисе в России // Журнал для акционеров. 1860. № 195. С. 1467—1470.

6 Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 39.

7 Кашкаров М. Указ. соч. Т. 1. С. 184—188.

8 Министерство финансов. Ч. 1. С. 634—635, 638—639.

9 Кашкаров М. Указ. соч. Т. 1. С. 72—73, 177.

10 Кауфман И.И. Кредитные билеты, их упадок и восстановление. СПб., 1888. С. 145—191, 240—247; Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 441.

11 Бунге Н.Х. Недостатки настоящей денежной и банковой системы в России и средства, могущие способствовать их устранению // Русский инвалид. 1867. 13 и 14 сентября; Его же. Упрочение курса бумажных денег // Русский инвалид. 1868. 17, 26 и 27 января.

12 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 442.

13 См. примечание № 50 к введению.

14 Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. Указ. соч. С. 146—152.

15 Вагнер А. Русские бумажные деньги. Исследование народно-экономическое и финансовое с приложением проекта восстановления металлического обращения. (Перевод с немецкого, предисловие, примечания и дополнения Н.Х.Бунге). Киев, 1871. С. 382.

16 Бунге Н.Х. О восстановлении постоянной денежной единицы... С. 46.

17 Головин К.Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887—1898. СПб., 1899. С. 4.

18 Бунге Н.Х. О восстановлении постоянной денежной единицы... С. 39—41.

19 Материалы по денежной реформе... С. 41—49.

20 Бунге Н.Х. О восстановлении металлического обращения... С. 17—18, его же. О восстановлении постоянной денежной единицы... С. 49—62.

21 Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы... С. 30—42.

6.

1 Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 61—63.

2 Бунге Н.Х. Политико-экономическое обозрение 1855—1857 годов. I. Железные дороги земного шара // Отечественные записки. 1858. Т. 117. № 4. Отд. 1. С. 372.

3 Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 121—124.

4 Бунге Н.Х. Политико-экономическое обозрение... С. 403, 408.

5 Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 63—112.

6 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 581; Кислинский Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 308, 309, 310.

7 Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 112—118.

8 Бунге Н.Х. Монополия железнодорожного царства... С. 320, 345.

9 Бунге Н.Х. Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 136.

7.

1 Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е гг. XIX в.). М., 1968. С. 376, 394—400, 429—430, 431.

2 Heller K. Die Anfänge fabrikgesetzlicher Regelungen im kaiserlichen Russland // Vierteljahrschrift für Sozial— und Wirtschaftsgeschichte. 1980. Bd. 67. H. 2. S. 177.

3 Сельчук В.В. Рабочий вопрос в России в публицистике 60-х годов XIX века // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 232, 236, 237.

4 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 117—120.

5 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 82.

6 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ... Ч. 1. С. 5.

7 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 43.

8 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ... Ч. 1. С. 6.

9 Бунге Н.Х. Очерки политико—экономической литературы. С. 120, 122—123.

10 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 43—44.

11 Бернацкий М.В. Указ. соч. С. 201—203.

12 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 276.

13 Милль Дж.С. Указ. соч. Т. 3. С. 84—142, 328—336.

14 Бунге Н.Х. Джон Стоарт Милль как экономист. С. 81.

15 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 276.

16 Там же. С. 260, 261.

17 Там же. С. 262, 263.

18 Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде. СПб., 1860. С. 84—85.

19 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 259—260, 264—265, 277.

20 Бунге Н.Х. Значение промышленных товариществ... Ч. 1. С. 5.

21 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 38.

22 Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 43.

23 Бунге Н.Х. Полицейское право. Киев, 1869. С. 277.

24 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 25.

25 Там же. С. 73.

Глава III

1.

1 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 465, 466, 478, 479.

2 Министерство финансов. Ч. 1. С. 634—635, 638—639.

3 Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883—1904 гг. СПб., 1906. С. 2; Егиазарова Н.А. Аграрный кризис

конца XIX века в России. М., 1959; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе; [Чернуха В.Г.] Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // Власть и реформы в России. С. 350, 351.

4 Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 127—140; Егиазарова Н.А. Указ. соч. С. 92, 162.

5 [Чернуха В.Г.] Великие реформы. С. 351—357.

6 Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... М., 1964. С. 210—211.

7 ОР РГБ. Ф. 178. Карт. 9803. Д. 5. Л. 16—16 об.

8 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 29—30.

9 РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 48. Л. 24.

10 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 172—173.

11 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. Л. 17—17 об.

12 ГА РФ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 15. Л. 181; Schweinitz H.L.von Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Berlin, 1927. S.119—120.

13 ГА РФ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 15. Л. 181—182.

14 Новое время. 1880. 5 июля.

15 Русская мысль. 1880. № 7. Отд. 2. С. 52.

16 Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 308.

17 Переписка Александра III с гр. М.Т.Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.) // Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 112—113.

18 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. С. 1040.

19 ОР РГБ. Ф. 230. Карт. 4409. Д. 2. Л. 43.

20 Московские ведомости. 1880. 9 и 14 июля.

21 Переписка Александра III с гр. М.Т.Лорис-Меликовым. С. 115.

22 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 132—143.

23 Orlovsky D.T. The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia. 1802—1881. Cambridge—London, 1981. P. 188.

24 Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... С. 251.

25 ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 675. Л. 1.

26 Валуев П.А. Дневник. 1877—1884. Пг., 1919. С. 120.

27 Дневник Е.А.Перетца. С. 7.

28 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 48.

29 Дневник Е.А.Перетца. С. 17—18.

30 Сборник государственных знаний. Т. 8. СПб., 1880. С. 86—127.

31 Воспоминания А.А.Бобринского (1880—1881 годы) // Каторга и ссылка. 1931. № 3 (76). С. 85.

32 А.К. Заметки по экономическим вопросам дня // Русская речь. 1881. № 3. Отд. 2. С. 88.

33 Московские ведомости. 1880. 29 декабря.

34 [Чернуха В.Г.] Великие реформы. С. 351.

35 Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... С. 352—357.

36 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 30.

37 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. С. 63.

38 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177а. Л. 2636.

39 Русские ведомости. 1881. 8 мая.

40 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 9.

41 Дневник Д.А.Милютина. Т. 4. С. 66.

42 Дневник Е.А.Перетца. С. 73.

43 Ковалевский П.М. Власти предержащие. (Из посмертных бумаг П.М.Ковалевского) // Русская старина. 1909. Т. 138. № 5. С. 245.

44 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 861. Л. 720 об.

45 ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

46 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 6. Л. 8 об.

47 Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 28.

48 Тридцать пятая годовщина дня освобождения крестьян // Русская старина. 1896. Т. 86. № 4. С. 214.

49 Сын отечества. 1895. 5 июня; Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 9.

50 Шекун Н.А. Исторический очерк 40-летия С.-Петербургского общества вспомоществования бывшим студентам Киевского университета. 1871—1911 гг. // Сборник к 40-летию... С. 30—31; Воспоминания В.Д.Шидловского. С. 95.

51 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 237. Л. 15.

52 См.: Каталог отдела имени Н.Х.Бунге в библиотеке императорского университета св. Владимира. Киев, 1908.

53 Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 309—310.

54 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 7.

55 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 28.

56 Скальковский К.А. Указ. соч. С. 567.

57 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 8.

58 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 79.

59 Чичерин Б.Н. Земство и Московская Дума. М., 1934. С. 140.

60 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 474—475.

61 Там же. Т. 2. С. 187.

62 Дневник Д.А.Милютина. Т. 4. С. 132.

63 Валуев П.А. Дневник. 1877—1884. С. 198.

64 Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.—Л., 1924. С. 62.

65 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 31.

66 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 143; [Ананьич Б.В.] Новый курс. С. 380, 381.

67 Ярошевская Е.М. Состав Государственного совета в период политической реакции 80-х — начала 90-х годов XIX в. (Характеристика государственных деятелей) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 5. С. 46—56.

68 Кочаков Б.М. Государственный совет и Его архивные материалы // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. Вып. 8. С. 86—87, 91—92.

69 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 34.

70 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 26.

71 Ковалевский П.М. Указ. соч. С. 245.

72 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 28.

73 Воропонов Ф.Ф. Семь лет в Крестьянском банке. С. 146.

74 Воллан Г.А. де. Очерки прошлого // Голос минувшего. 1914. № 6. С. 132.

75 Скальковский К.А. Указ. соч. С. 569, 570.

76 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 151, 422.

77 Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 342.

78 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 30.

79 Воспоминания жизни Ф.Г.Тернера. Т. 2. С. 170.

80 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 5—10, 30. См. также: Шепелев Л.Е., Егоров В.С. Заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Иванович Ковалевский // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. 54. Вып. 1. Л., 1975. С. 268—274.

81 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 108.

82 Там же. Д. 189. Л. 22 об.

83 Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 2. СПб., 1910. С. 133.

84 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 342.

85 Pesda Jo.L. Op. cit. P. 166.

86 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 136.

87 [Ананьич Б.В.] Россия перед революцией. 1895—1904 годы // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 32; [Его же]. Новый курс. С. 383.

88 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 28.

89 Столетие Киевской первой гимназии. С. 313.

2.

1 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 28.

2 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 137—140.

3 Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года... С. 215—224. Приложения. С. 59.

4 РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 28а. Л. 1—6 об., 69—104.

5 Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года... С. 214.

6 РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 28а. Л. 225.

7 Там же. Д. 104а. Ч. 1. Л. 42—50.

8 Там же. Л. 255 об., 257.

9 Там же. Ч. 1. Л. 411—424 об.; Ч. 2. Л. 245—298.

10 ПСЗ III. Т. 1. № 575, 576, 577.

11 ПСЗ III. Т. 3. № 1583.

12 Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года... С. 143, 238, 395, 478.

13 ПСЗ III. Т. 5. № 2668.

14 Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года... С. 239, 240, 389, 390, 396—414.

15 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIII. С. 132.

16 Там же. Вып. XIV. С. 71.

17 РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 173. Л. 11 об.—12, 13—14, 24 об.

18 Там же. Л. 6, 14.

19 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIV. С. 72.

20 РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 173. Л. 14 об.

21 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 139—140.

22 РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 173. Л. 14 об., 19.

23 Там же. Л. 26—28 об.

24 Там же. Л. 33—35 об.

25 Там же. Л. 37—48 об., 49; Дневник Е.А.Перетца. С. 133; ПСЗ III. Т. 2. № 887, 889.

26 ПСЗ III. Т. 3. № 1582.

27 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 164. Л. 10 об.—11.

28 Там же. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 265. Л. 3 об.

29 Там же. Л. 32—40 об., 41; ПСЗ III. Т. 5. № 2988.

30 Симонова М.С. Отмена круговой поруки. С. 159—195.

31 РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 70. Л. 61—88.

32 Там же. Л. 89—118.

33 Ананьич Б.В. Из истории законодательства о крестьянах... С. 37—45.

34 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... Таблица 2.

35 Департамент окладных сборов. С. 261.

36 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XV. С. 62.

37 Департамент окладных сборов. С. 87—88.

38 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1883 г. Д. 544. Л. 2—8, 11, 13 об.

39 Там же. Л. 15—16 об., 17; ПСЗ III. Т. 4. № 1962.

40 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... Таблица 4. Чертеж 1.

41 Департамент окладных сборов. С. 91.

42 Там же. С. 91—93.

43 ПСЗ III. Т. 3. № 1578.

44 Департамент окладных сборов. С. 93—94.

45 Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов. С. 159—161.

46 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 244.

47 РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3445. Л. 112—130 об., 131—132, 133—142.

48 Правительственный вестник. 1883. 5, 6, 7, 8, 9 и 10 июля.

49 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1884 г. Д. 177. Л. 101—189 об.

50 Там же. Л. 2—70, 71—77 об., 190—194 об.

51 Там же. Л. 194 об.

52 ПСЗ III. Т. 4. № 2282.

53 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1884 г. Д. 594. Л. 2—17 об.

54 Там же. Л. 19—22, 28—37.

55 ПСЗ III. Т. 5. № 2664.

56 Министерство финансов. Ч. 2. С. 640.

57 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 175.

58 Министерство финансов. Ч. 2. С. 144—145, 455—463, 640, 646.

59 ПСЗ III. Т. 5. № 2961.

60 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... Таблица 4. Чертеж 4; Министерство финансов. Ч. 2. С. 152.

61 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... Таблица 3; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. С. 105—113.

62 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 265. Л. 6.

63 Там же. Л. 30 об.—31, 40 об.; ПСЗ III. Т. 5. № 2988.

64 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1886 г. Д. 235. Л. 2—35, 53—55, 57; ПСЗ III. Т. 6. № 3807.

65 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... Таблица 3.

66 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 504.

67 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 70, 71, 75, 448.

68 Ходский Л.В. Земля и земледелец. Т. 2. СПб., 1891. С. 229; Страховский И.М. Крестьянский вопрос в законодательстве и в законосовещательных комиссиях после 1861 г. // Крестьянский строй. Т. 1. СПб., 1905. С. 419.

69 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 2. М., 1958. С. 570.

70 Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России. С. 201.

71 Анфимов А.М. Преобразование оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 27—43; его же. Экономическое положение и классовая борьба... С. 63—69.

72 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 324—326.

73 РГИА. Ф. 1149. Оп. 9. 1882 г. Д. 64. Л. 2—57, 185—193, 205—224 об.; ПСЗ III. Т. 2. № 972.

74 ПСЗ III. Т. 4. № 2187; Т. 8. № 5119.

75 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 391; Таблица 5. Чертеж 3.

76 Там же. С. 383—390.

77 ПСЗ III. Т. 8. № 5205.

78 Министерство финансов. Ч. 2. С. 479—480.

79 РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3394. Л. 5—106 об.

80 Там же. Ф. 1149. Оп. 10. 1885 г. Д. 22. Л. 2—9 об.

81 Там же. Л. 11—23.

82 Там же. Л. 25—30.

83 Там же. Л. 33—40.

84 Там же. Л. 41—74.

85 ПСЗ III. Т. 5. № 2907.

86 Податная инспекция в России (1885—1910 гг.). СПб., 1910.

87 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 416.

88 Русские ведомости. 1881. 5 мая.

89 Вестник Европы. 1881. № 4. С. 777; 1884. № 1. С. 395.

90 Русская мысль. 1882. № 2. Отд. 2. С. 48.

91 Вестник Европы. 1882. № 5. С. 358; № 6. С. 324—325; № 8. С. 721; 1883. № 2. С. 821; № 11. С. 347; 1886. № 2. С. 872; Русская мысль. 1880. № 12. Отд. 2. С. 11—12; 1883. № 4. Отд. 2. С. 79; 1884. № 1. Отд. 2. С. 61; № 2. Отд. 2. С. 102—103; 1885. № 2. Отд. 2. С. 60—64; № 4. Отд. 2. С. 79—88; № 6. Отд. 2. С. 53—58.

92 Московские ведомости. 1880. 5 сентября; 1881. 14 января и 25 июля.

93 Гражданин. 1886. 5 января.

94 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 222—223, 240—246, 247—248, ОР РНБ. Ф. 550. Д. 238. Л. 585—586, 590, 592 об., 594—594 об.

95 Историческая справка по вопросу о введении подоходного налога в России. СПб., б. д. С. 23—42.

96 Боханов А.Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX — начало XX в.) // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 276—302.

97 Яснопольский Н.П. О географическом распределении государственных доходов и расходов России. Ч. 1. Киев, 1890. С. 29; Ходский Л.В. Указ. соч. С. 63, 212, 313; Старый профессор. Указ. соч. С. 23—26; Головин К.Ф. Наша финансовая политика... С. 9; Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 505; Ковалевский М.М. Экономический строй России. СПб., 1900. С. 213; Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 13—15; Его же. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 2—10; Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. СПб., 1902. С. 79; Билимович А.Д. Министерство финансов. С. 67; Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. Т. 1. СПб., 1902. С. 6—9, 186; Бутми Г.В. Итоги финансового хозяйства с 1892—1903. СПб., 1904. С.V; Озеров И.Х. Экономическая Россия и Ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С. 27, 255; Страховский И.М. Указ. соч. С. 417; Воронцов В.П. Государственное хозяйство России. СПб., 1906. С. 58, 63; Его же. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб., 1907. С. 95; Самофалов В. Прямые и косвенные налоги. СПб., 1906. С. 44; Локоть Т.В. Указ. соч. С. 124; Хрулев С.С. Финансы России в связи с экономическим положением Ее населения. СПб., 1908. С. 10—11; Витчевский В. Указ. соч. С. 124; Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908 гг.). СПб., 1911. С. 51; Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С. 186,187; Вербицкий А.П. Указ. соч. С. 18; и др.

98 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 444.

99 Ходский Л.В. Указ. соч. С. 212; Бехтеев С. С. Указ. соч. С. 7; Бутми Г.В. Указ. соч. С. V.

100 Локоть Т.В. Указ. соч. С. 169—170.

101 Шванебах П.Х. Денежное преобразование... С. 13—14; Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 505.

102 Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 217, 246; Его же. Курс истории России... С. 402.

103 Петрункевич И.И. Указ. соч. С. XX.

104 Южаков С.Н. Министерство земледелия. (Заметка по поводу слухов о Его организации) // Русское богатство. 1893. № 10. Отд. 2. С. 37—38.

105 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1971. С. 267—268.

106 Погребинский А.П. Финансовая политика царизма... С. 130. См. также: Его же. Очерки истории финансов... С. 106.

107 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 59.

108 Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба... С. 55, 57.

109 Ананьич Н.И. Податные реформы в первой половине 80-х годов XIX века. С. 3; Ее же. К истории отмены подушной подати в России. С. 202, 203, 205, 206; Ее же. К истории податных реформ 1880-х годов. С. 159, 173.

110 Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. С. 264.

111 Plaggenborg St. Op. cit. S. 320.

112 Laue T. von Op. cit. P. 23.

113 Лосицкий А. Выкупная операция. СПб., 1906. С. 7.

3.

1 Московские ведомости. 1882. 7 июня; Русский вестник. 1882. Т. 161. № 9. С. 137—141.

2 ПСЗ II. Т. 54. № 61578.

3 Русские ведомости. 1880. 28 декабря.

4 Московские ведомости. 1880. 25 ноября.

5 Там же. 1881. 25 июля.

6 Гражданин. 1886. 5 января.

7 Бунге Н.Х. Исследования по вопросу... С. 11—14.

8 ПСЗ III. Т. 1. № 177; Т. 5. № 2953.

9 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 217. Л. 54 об.—79 об.

10 Там же. Оп. 9. 1882 г. Д. 186. Л. 2—2 об.

11 ПСЗ III. Т. 2. № 948.

12 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 217. Л. 3—22 об., 87—104 об.

13 ПСЗ III. Т. 5. № 2946.

14 Краткий очерк... С. 41—42; Приложение XII.

15 Фридман М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 85; Краткий очерк... Приложение XII.

16 Московские ведомости. 1885. 22 июня, 18 октября. 20, 22, 26, 28 и 30 ноября; Гражданин. 1886. 27 апреля, 1 и 4 мая.

17 «Дело идет об уважении к правительству». Записка министра финансов Н.Х.Бунге императору Александру III. 1886 г. / Публикация В.Л.Степанова // Исторический архив. 1995. № 5—6. С. 206.

18 Московские ведомости. 1881. 29 июля, 17 августа.

19 Гражданин. 1884. 8 января.

20 Московские ведомости. 1881. 16 и 24 октября; 1882. 11 июня.

21 Фридман М.И. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1914. С. 1—30, 142—157, 289—301, 473—548; Т. 2. С. 125.

22 Русский вестник. 1882. Т. 160. № 8. С. 473—533; Т. 161. № 9. С. 137—198. 1883. Т. 168. № 11. С. 220—247, 422—447; 1885. Т. 177. № 6. С. 874—889; 1886. Т. 182. № 4. С. 805—832; Т. 183. № 6. С. 848—881; Т. 185. № 9. С. 303—323.

23 Вестник Европы. 1886. № 4. С. 824—830; Русская мысль. 1885. № 7. Отд. 2. С. 30—37; № 12. Отд. 2. С. 132—139; 1886. № 11. Отд. 2. С. 156—161.

24 Вестник Европы. 1881. № 9. С. 350—353.

25 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XVII. С. 59.

26 Краткий очерк... С. 40, 111—112, 114—162.

27 Там же. С. 197; Приложение XII.

28 РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 172. Л. 31 об.—42.

29 Там же. Л. 78 об.—83.

30 Там же. Л. 118—170 об.

31 ПСЗ III. Т. 2. № 895.

32 Там же. Т. 3. № 1609.

33 Краткий очерк... Приложение XII; Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 222—223.

34 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XVII. С. 59—60.

35 Краткий очерк... С. 200—205.

36 Там же. С. 211, 221.

37 ПСЗ II. Т. 55. Отд. 1. № 61830; ПСЗ III. Т. 1. № 152; Т. 4. № 2193.

38 Краткий очерк... С. 217, 221; Приложение XII.

39 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4458. Л. 81—89 об.; ПСЗ III. Т. 5. № 3123.

40 Там же. Д. 4470. Л. 21—34 об.; ПСЗ III. Т. 5. № 3266.

41 Краткий очерк... С. 223.

42 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4519. Л. 319—361 об.; ПСЗ III. Т. 6. № 3598.

43 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 35.

44 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4535. Л. 125—183; Д. 4537. Л. 194—290.

45 Московские ведомости. 1886. 18, 21 и 26 марта, 6, 12 и 13 сентября, 15, 16, 17, 18, 24, 25 и 28 октября, 6, 18 и 22 ноября; Гражданин. 1886. 20, 23 и 27 марта, 3 апреля; 5, 23 и 26 октября, 6 ноября; Вестник Европы. 1886. № 11. С. 452—453; Русская мысль. 1886. № 3. Отд. 2. С. 148—150; № 4. Отд. 2. С. 155—156; № 10. Отд. 2. С. 102—103; Русские ведомости. 1886. 29 марта, 20 и 21 сентября.

46 Московские ведомости. 1886. 18 марта.

47 Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 118.

48 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1015. Л. 8, 9.

49 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4537. Л. 194; ПСЗ III. Т. 6. № 3988.

50 Краткий очерк... С. 215—217.

51 ПСЗ II. Т. 51. Отд. 2. № 56573.

52 Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. Таблицы. С. 117, 141.

53 ПСЗ II. Т. 55. Отд. 1. № 61666.

54 Министерство финансов. Ч. 1. С. 634; Ч. 2. С. 640.

55 РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 178. Л. 4.

56 Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 163; Яковлев А.Ф. Указ. соч. С. 127—160, 397—398, 400—401; Нифонтов А.С. Хозяйственная конъюнктура в России во второй половине XIX века // История СССР. 1972. № 3. С. 44—45, 58—60; Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 208, 209.

57 Московская биржа. 1839—1889. М., 1889. С. 74.

58 РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 177. Л. 18—20.

59 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 136.

60 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 164. Л. 20—21 об., 25—30.

61 Там же. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 178. Л. 5 об.

62 ПСЗ III. Т. 2. № 930.

63 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIII. С. 162.

64 ПСЗ III. Т. 4. № 2323; Т. 5. № 2663, 2822, 2958.

65 Там же. Т. 5. № 3014.

66 Соболев М.Н. Указ. соч. С. 535—541, 615—620, 635—638, 660—665, 668—671, 675—676.

67 ПСЗ III. Т. 3. № 1581.

68 Там же. Т. 5. № 2987.

69 Соболев М.Н. Указ. соч. С. 822.

70 Китанина Т.М. Указ. соч. С. 107.

71 Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 318.

72 Покровский В.И. Указ. соч. Таблицы. С. 105.

73 Китанина Т.М. Указ. соч. С. 69—74, 107—120.

74 Министерство финансов. Ч. 2. С. 238.

75 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 166. Л. 1—35.

76 Там же. Д. 164. Л. 22 об.— 24 об.

77 Там же. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 72. Л. 2—22 об., 35—53, 54—58, 60—81 об., 84—128.

78 ПСЗ III. Т. 8. № 5099.

79 Дневник академика В.П.Безобразова. 1909. № 12. С. 519.

80 Труды высочайше разрешенного Торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле в Москве в июле 1882 г. Т. 1. СПб., 1883. С. 119.

81 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 17.

82 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XVII. С. 62.

83 Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. (М.Н.Катков и его издания). М., 1978. С. 85, 86.

84 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 33.

85 Московские ведомости. 1881. 1 августа; 1882. 12 марта, 11, 15 и 17 июня; 1884. 27 января, 8 февраля, 12 мая; 1885. 10 января, 28 мая.

86 Гражданин. 1883. 11 сентября, 27 ноября; 1885. 14 июля, 17 ноября; 1886. 29 июня, 7 августа.

87 Вестник Европы. 1881. № 2. С. 808—809; 1882. № 8. С. 711—717; 1883. № 2. С. 820; 1884. № 2. С. 789; 1885. № 2. С. 822, 825—826; Русская мысль. 1884. № 1. Отд. 2. С. 61—65; № 2. Отд. 2. С. 81—83, 103—104; № 10. Отд. 2. С. 137—142; 1885. № 1. Отд. 2. С. 142—144; № 2. Отд. 2. С. 53—58; № 3. Отд. 2.

С. 103—107; № 6. Отд. 2. С. 79—81; № 7. Отд. 2. С. 16—26; 1886. № 6. Отд. 2. С. 154—157; № 7. Отд. 2. С. 152—155; Русские ведомости. 1885. 23 апреля; 1886. 1 и 17 января, 4 и 12 февраля, 6 и 20 июля, 8 августа.

88 Вестник Европы. 1885. № 5. С. 378.

89 Русские ведомости. 1886. 4 февраля.

90 Министерство финансов. Ч. 2. С. 640.

91 Покровский В.И. Указ. соч. С. 8; Таблицы. С. 105, 117, 141; Соболев М.Н. Указ. соч. С. 491—796; Лазуткин А.А. Стабилизация финансовой системы Российской империи в министерство И.А.Вышнеградского (1887—1892): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1934. С. 96—119.

92 Табурно И.П. Указ. соч. Таблица 6.

93 Соловьева А.М. Промышленная революция в России... С. 208, 269.

94 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 261—316; Соболев М.Н. Указ. соч. С. 696; Россия в революционной ситуации 1870—1880-х годов. М., 1983. С. 60; Куприянова Л.В. Указ. соч. С. 260—261.

95 Министерство финансов. Ч. 1. С. 501—503; Краткий очерк... Приложение XII.

96 ПСЗ III. Т. 2. № 611.

97 Там же. № 913.

98 Министерство финансов. Ч. 2. С. 147, 471—478; Департамент окладных сборов. С. 272.

99 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 247; ОР РНБ. Ф. 550. Д. 238. Л. 592, 595 об.

100 РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 177. Л. 30 об.

101 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 445—448.

4.

1 К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. С. 542.

2 Мещерский В.П. Указ. соч. С. 81.

3 Министерство финансов. Ч. 1. С. 612.

4 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 140.

5 Министерство финансов. Ч. 1. С. 639.

6 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 141.

7 Министерство финансов. Ч. 2. С. 296.

8 РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 141. Л. 2—3 об.

9 Там же. Л. 5 об.—12.

10 Там же. Л. 13—20, 21.

11 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIII. С. 130, 132, 157, 162; Вып. XIV. С. 69; Вып. XV. С. 64, 68; Вып. XVI. С. 70; Вып. XVII. С. 58.

12 ПСЗ III. Т. 3. № 1933.

13 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XV. С. 64.

14 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177г. Л. 82 об.

15 Министерство финансов. Ч. 2. С. 302.

16 Там же. С. 302—303.

17 РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 177. Л. 25 об.—26.

18 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIII. С. 130.

19 Записка Н.Х.Бунге Александру III о состоянии бюджета России / Публикация А.П.Погребинского // Исторический архив. 1960. № 2. С. 143.

20 1881—1894 гг. Записка, найденная в бумагах Н.Х.Бунге. Б. м., б. д. С. 15, 16.

21 Дневник Е.А.Перетца. С. 127.

22 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 306.

23 Обзор деятельности Министерства финансов... С. 115.

24 Министерство финансов. Ч. 2. С. 642.

25 ПСЗ III. Т. 5. № 3096.

26 Министерство финансов. Ч. 2. С. 305, 642.

27 Там же. С. 43, 44, 45; Вестник финансов, промышленности и торговли. XXV. 1885—1910. СПб., 1910. С. 1—3; Периодические издания Министерства финансов. 1865—1915. Пг., 1915. С. 24—38.

28 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 252; ПСЗ III. Т. 5. № 2668; Т. 6. № 4108.

29 Министерство финансов. Ч. 2. С. 305—320, 621—638; Обзор деятельности Министерства финансов... С. 115, 116.

30 Министерство финансов. Ч. 2. С. 640—643.

31 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 253. Л. 4 об., 5, 5 об.

32 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 593, 594; Т. 3. Вып. 5. Харьков, 1907. С. 1134.

33 ГА РФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 6. Л. 104.

34 Московские ведомости. 1884. 20 мая.

35 Русские ведомости. 1886. 22 января.

36 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 593, 594, 598—601.

37 РГИА. Ф. 560. Оп. 2. Д. 261.

38 Московские ведомости. 1886. 8 мая.

39 РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 177. Л. 27.

40 Министерство финансов. Ч. 2. С. 640—643.

41 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. Харьков, 1900. С. 86—257, 552, 556; Т. 3. Вып. 5. С. 1141; Сидоров А.Л. Конверсия внешних займов России в 1888—1890 гг. // Исторический архив. 1958. № 3. С. 99—102; Лазуткин А.А. Стабилизация финансовой системы Российской империи... С. 47—74.

5.

1 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 53—54, 90.

2 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 164. Л. 39 об.—40 об.

3 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 88, 92, 93, 95, 154—157.

4 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 137.

5 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 147.

6 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 164. Л. 40—40 об.

7 Министерство финансов. Ч. 2. С. 47—53.

8 Зак А.Н. Указ. соч. С. 1—64.

9 РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. 1881 г. Д. 28а. Л. 232.

10 Там же. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 164. Л. 2—16.

11 Там же. Л. 86—90 об.

12 Там же. Л. 113—134 об.

13 Письма К.П.Победоносцева к гр. Н.П.Игнатьеву // Былое. 1924. № 27/28. С. 71.

14 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 60.

15 Там же. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 164. Л. 144—186 об.

16 ПСЗ III. Т. 2. № 894.

17 Вестник Европы. 1882. № 6. С. 312—316; 1884. № 11. С. 383—385; 1885. № 3. С. 393—395; № 7. С. 811; Русская мысль. 1883. № 4. Отд. 2. С. 64—66; 1884. № 1. Отд. 2. С. 60—61; № 5. Отд. 1. С. 115—117; № 11. Отд. 2. С. 88—90; 1886. № 11. Отд. 2. С. 167—171; Русские ведомости. 1884. 1 января; 1886. 1 января.

18 Варзар В.Е. Воспоминания старого статистика // Донской статистический вестник. 1924. Кн. 3. № 7. С. 11.

19 Московские ведомости. 1882. 3 и 4 июня.

20 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 112. Л. 7; Гражданин. 1885. 6 октября.

21 РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 1. Л. 7—8; ПСЗ III. Т. 3. № 1610.

22 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 233.

23 Воропонов Ф.Ф. Крестьянский банк и Его начало. С. 536.

24 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 566. Л. 2—2 об.

25 Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка... С. 106; Таблицы. С. 50.

26 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 164. Л. 44—44 об.

27 Воропонов Ф. Ф. Семь лет в Крестьянском банке. С. 138.

28 Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка... С. 106; Таблицы. С. 50, 51, 80, 81; Зак А.Н. Указ. соч. С. 90, 92, 93; Вдовин В.А. Указ. соч. С. 78, 84, 85; Проскурякова Н.А. Указ. соч. С. 163—203.

29 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 524; Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1908. С. 131—156; Зак А.М. Указ. соч. С. 329—337; Красик А.В. Крестьянский банк и Его деятельность с 1883 по 1905 г. Юрьев, 1910. С. 109—111; Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 16, 52, 53, 79—82.

30 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 16. М., 1973. С. 301.

31 Батуринский Д.А. Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк. М., 1925. С. 135; Вдовин В.А. Указ. соч. С. 93, 94; Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 317, 318; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980. С. 56; Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 192, 210.

32 Проскурякова Н.А. Указ. соч. С. 163—203.

33 Государственный дворянский земельный банк. 1885—1910. СПб., 1910. С. 7—8.

34 Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 171—173.

35 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 281. Л. 2 об.

36 ГА РФ. Ф. 617. Оп. 1. Д. 111. Л. 7—8 об.

37 Мещерский В.П. Указ. соч. С. 223.

38 [Бунге Н.Х.] Замечания министра финансов... С. 11.

39 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 281. Л. 64—71 об.

40 Там же. Л. 73—76.

41 Там же. Л. 50 об.

42 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 111. Л. 8.

43 Московские ведомости. 1885. 1 апреля.

44 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 281. Л. 160—166 об., 167—175 об., 187—197.

45 Там же. Л. 209—214.

46 Там же. Л. 200—208.

47 Там же. Л. 216—217 об.

48 ПСЗ III. Т. 5. № 3016.

49 Проскурякова Н.А. Указ. соч. С. 65—66.

50 Московские ведомости. 1885. 25 апреля, 8 мая, 5 июля; Гражданин. 1885. 7 июля, 11 августа, 19 сентября, 28 ноября, 19 декабря; 1886. 9 и 16 февраля, 20 апреля, 31 июля.

51 Московские ведомости. 1885. 5 июля.

52 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 109. Л. 15, 16.

53 Вестник Европы. 1885. № 6. С. 825, 826; № 7. С. 822; Русская мысль. 1885. № 6. Отд. 2. С. 60—64; Русские ведомости. 1885. 1, 7 и 16 февраля, 17 марта; 1886. 1 и 12 января, 29 ноября.

54 Государственный дворянский земельный банк. С. 52; Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 92, 106.

55 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 164. Л. 41 об.

56 Обзор деятельности Министерства финансов... С. 23.

57 Государственный дворянский земельный банк. С. 13; Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 106—107.

58 РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 64. Л. 2 об.—3, 6 об.—7, 7 об.

59 Государственный дворянский земельный банк. С. 14.

60 Проскурякова Н.А. Указ. соч. С. 138—140, 142—145, 162.

61 Там же. С. 206, 207.

62 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 134.

63 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIII. С. 159.

64 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 251. Л. 9 об., 10.

65 Там же. Ф. 1152. Оп. 10. 1883 г. Д. 99. Л. 16, 16 об., 21 об.

66 Там же. Л. 24—27 об., 50—59.

67 ПСЗ III. Т. 3. № 1484.

68 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1883 г. Д. 99. Л. 27 об.

69 Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4515. Л. 328.

70 Табурно И.П. Указ. соч. Таблица 15; Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 87, 367.

71 ПСЗ III. Т. 4. № 2025.

72 Там же. Т. 5. № 2771.

73 Там же. Т. 2. № 1124.

74 Там же. Т. 6. № 3668.

75 Райский Ю.Л. Указ. соч. С. 200.

76 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1883 г. Д. 121. Л. 13.

77 ПСЗ III. Т. 3. № 1526.

78 Сведения о городских общественных банках. С. 56—57, 124—139. Табурно И.П. Указ. соч. Таблица 15.

79 ПСЗ III. Т. 4. № 2249.

80 Очерк развития и деятельности государственных сберегательных касс. С. 12.

81 ПСЗ III. Т. 1. № 179.

82 Там же. Т. 4. № 2047.

83 Очерк развития и деятельности государственных сберегательных касс. С. 14, 15, 16, 24.

84 ПСЗ III. Т. 2. № 843.

85 Там же. Т. 3. № 1336.

86 Министерство финансов. Ч. 2. С. 77.

87 Старый профессор. Указ. соч. С. 52.

88 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 602.

89 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 367, 381, 386, 387, 391.

6.

1 Кашкаров М. Указ. соч. Т. 1. С. 73, 83, 90, 91, 177.

2 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 142.

3 ПСЗ II. Т. 55. Отд. 1. № 61730.

4 Московские ведомости. 1881. 9 января.

5 Московские ведомости. 1884. 28 апреля, 6 сентября; Гражданин. 1882. 31 января; 1883. 27 ноября; 1886. 15 июня.

6 Гражданин. 1882. 19 декабря; 1886. 19 января.

7 [Степанов В.Л.] От крушения системы Канкрина к новой реформе // Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 90.

8 Вестник Европы. 1881. № 2. С. 824—825; 1883. № 2. С. 820; Русская мысль. 1883. № 3. Отд. 2. С. 43—53; Русские ведомости. 1885. 6 и 12 января, 8 февраля, 28 апреля.

9 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 251. Л. 1—14.

10 Ежегодник Министерства финансов. Вып. XIII. С. 157.

11 ПСЗ III. Т. 1. № 291.

12 Материалы по денежной реформе... С. 49—77.

13 Там же. С. 78—83.

14 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1883 г. Д. 218. Л. 25—26, 27—27 об.

15 Московские ведомости. 1886. 8 ноября; Гражданин. 1883. 11 сентября, 27 ноября; 1886. 8 ноября.

16 Московские ведомости. 1883. 25 и 28 ноября, 1 и 3 декабря.

17 Русские ведомости. 1885. 1 января; 1886. 4 и 18 января, 15 февраля.

18 Шарапов С.Ф. Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие. 1881—1895. СПб., 1897. С. 52.
19 ПСЗ III. Т. 4. № 2302.
20 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 96—98.
21 Кашкаров М. Указ. соч. Т. 1. С. 83, 177.
22 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 259. Л. 20—20 об.
23 Там же. Ф. 560. Оп. 22. Д. 164. Л. 51—52.
24 Там же. Л. 57—57 об.
25 Министерство финансов. Ч. 2. С. 104.
26 Виленкин Г.А. Обесценение серебра и Его последствия. СПб., 1894; Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от Его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910. С. 215, 217—219, 229—231; Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М., 1937. С. 5—8, 177; Власенко В.Е. Указ. соч. С. 43—48.
27 Кашкаров М. Указ. соч. Т. 1. С. 153; Материалы по денежной реформе... С. 28; Михалевский Ф.И. Указ. соч. С. 179.
28 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 259. Л. 19—30 об.
29 Там же. Л. 31—36.
30 Кашкаров М. Указ. соч. Т. 1. С. 73.
31 ПСЗ III. Т. 5. № 3380.
32 Шарапов С.Ф. Указ. соч. С. 52; Кашкаров М. Указ. соч. Т. 1. С. 73, 177; Материалы по денежной реформе... С. 28.

7.

1 Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 151—153.
2 Московские ведомости. 1881. 24 июня; 1882. 4 и 11 апреля; 1883. 10 февраля, 8 и 25 июля, 3 августа, 9 и 15 сентября; 1884. 12 мая, 17 ноября; Гражданин. 1886. 9 и 16 января, 2 марта.
3 Вестник Европы. 1881. № 10. С. 833; Русская мысль. 1880. № 6. Отд. 2. С. 3—4; 1883. № 4. Отд. 2. С. 79—85; 1885. № 3. Отд. 2. С. 78—94; № 8. Отд. 2. С. 94—102; 1886. № 5. Отд. 2. С. 148—151.
4 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177г. Л. 32 об.—33.
5 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 135, 137.
6 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 537.
7 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 247.
8 Там же. Д. 252.
9 ПСЗ III. Т. 5. № 3055.
10 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 587.

11 ПСЗ III. Т. 1. № 436.
12 Там же. Т. 3. № 1892.
13 Там же. Т. 4. № 2317.
14 Там же. Т. 6. № 3509.
15 Там же. № 3873.
16 Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 178, 179, 192.
17 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4380. Л. 141—143.
18 Там же. Л. 131—158 об.
19 Там же. Ф. 560. Оп. 21. Д. 177. Л. 23—24 об.
20 Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4112. Л. 291—312.
21 Там же. Д. 4163. Л. 13—26.
22 Там же. Д. 4236. Л. 208—253.
23 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 551, 562, 577, 578.
24 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 205.
25 Министерство финансов. Ч. 2. С. 643.
26 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4540. Л. 282—319.
27 Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 160—163, 164—167, 181—185, 293, 294; Лазуткин А.А. Роль железнодорожной политики в стабилизации финансовой системы Российской империи в министерство И.А.Вышнеградского (1887—1892 гг.) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 6. С. 24—34; Его же. Стабилизация финансовой системы Российской империи... С. 168—175.

8.

1 Горякина В.С. «Рабочий вопрос» в России в период революционной ситуации 1879—1881 годов // Вопросы истории. 1963. № 6. С. 35—46; Шелымагин И.И. Указ. соч. С. 62, 63.
2 Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 53.
3 РГИА. Ф. 1149. Оп. 9. 1880 г. Д. 31^2. Л. 525, 528.
4 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 136.
5 РГИА. Ф. 1149. Оп. 9. 1882 г. Д. 58. Л. 52 об., 53.
6 Там же. Л. 57 об.—59 об.
7 Там же. Л. 82—83 об.
8 Там же. Л. 84—85.
9 Там же. Л. 117—126 об.
10 Там же. Л. 137—146 об.
11 ПСЗ III. Т. 2. № 931.

12 РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. 1883 г. Д. 29. Л. 2—4 об.
13 Там же. Л. 8—8 об.
14 Там же. Л. 12—12 об., 13—13 об., 14; ПСЗ III. Т. 3. № 1509.
15 РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. 1884 г. Д. 57. Л. 27—28.
16 Там же. Л. 311—326 об., 330—334 об.
17 ПСЗ III. Т. 4. № 2316.
18 Быков А.Н. Указ. соч. С. 152.
19 Микулин А.А. Указ. соч. С. 33.
20 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 286. Л. 23—24.
21 Там же. Л. 25—26 об.
22 Там же. Л. 19—22.
23 Там же. Л. 15 об., 18 об.
24 Там же. Л. 33, 34.
25 ПСЗ III. Т. 5. № 3013.
26 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1886 г. Д. 211. Л. 2, 6 об.
27 Там же. Л. 98—111, 117—125 об.
28 ПСЗ III. Т. 6. № 3769.
29 РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1930. Л. 44 об.—45 об., 61—61 об.
30 Степанов В.Л. Социальное законодательство О. фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России // Отечественная история. 1997. № 2. С. 59, 60.
31 РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1930. Л. 119—120 об.
32 Погожев А.В. Фабричный быт Германии и России. М., 1882. С. 113—120.
33 Степанов В.Л. Социальное законодательство О. фон Бисмарка... С. 61, 62.
34 РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1930. Л. 162—178 об.
35 Записка Н.Х.Бунге Александру III о состоянии бюджета России. С. 143.
36 Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 12. СПб., 1881. Отд. 1. С. 112—113, 113—114.
37 Там же. С. 115.
38 Там же. Ч. 14. СПб., 1884. С. 5—8, 8—28.
39 Яроцкий В.Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. Т. 1. СПб., 1895. С. IX.
40 Вестник Европы. 1882. № 8. С. 722—726; 1883. № 9. С. 372—373; 1884. № 7. С. 447—448; № 11. С. 370—383; 1885. № 5. С. 374—375; 1886. № 10. С. 797—807; Русская мысль. 1882. № 5. Отд. 2. С. 68—97; 1884. № 4. Отд. 2. С. 96—99; 1885. № 7. Отд. 2. С. 45—46; № 10. Отд. 2. С. 96—98; 1886. № 8. Отд. 2. С. 201—207; Русские ведомости. 1885. 16 января, 3 марта, 9 апреля, 9 июля; 1886. 1 января, 26 июля, 30 октября.

41 Русское дело. 1887. 12 апреля; Современные известия. 1886. 4 ноября; Русский курьер. 1886. 5 ноября.
42 Русское дело. 1886. 1 и 23 ноября. 16 декабря; Современные известия. 1886. 4 ноября.
43 Московские ведомости. 1883. 15 февраля; 1884. 29 мая, 30 июня; 1885. 18 и 21 января, 12 и 22 февраля, 19 апреля, 25 июня, 18 июля; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. С. 197, 231.
44 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 234, 236.
45 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 187.
46 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 236. Л. 138 об.—139.
47 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 237. Л. 26.
48 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 187, 188.
49 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 237.
50 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 237. Л. 227 об.
51 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 237—238.
52 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 188.
53 Янжул И.И. Указ. соч. С. 2; Дневник академика В.П.Безобразова. 1913. № 5. С. 273.
54 ПСЗ III. Т. 10. Отд. 1. № 6742.
55 Янжул И.И. Указ. соч. С. 13, 14, 176; Дневник академика В.П.Безобразова. 1913. № 5. С. 273.
56 Шелымагин И.И. Указ. соч. С. 128, 129.
57 РГИА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 50а. Л. 101.
58 См. примечание 9 к введению.
59 Туган-Барановский М.И. Витте и Бунге как министры финансов. С. 147.
60 Быков А.Н. Указ. соч. С. 147.
61 Балицкий Г.В. Фабричное законодательство в России. М., 1906; Лунц М.Г. Сборник статей. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. М., 1909; Ленин В.И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1971. С. 15—60; Его же. Новый фабричный закон // Там же. С. 263—314; Его же. Проект нового закона о стачках // Там же. Т. 6. М., 1972. С. 399—408.
62 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 269—270; Т. 5. С. 75.

63 Балабанов М.С. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1—3. М., 1925; Гессен В.Ю. История законодательства о труде рабочей молодежи в России. Л., 1927; Татаров И. Классовая борьба вокруг законов о труде и образовании рабочей молодежи во второй половине XIX века. М.—Л., 1928.

64 Шелымагин И.И. Указ. соч. С. 178.

65 Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895—1904). Львов, 1964. С. 317.

66 Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 311.

67 Шелымагин И.И. Указ. соч. С. 180; Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 160; Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 99.

68 Шепелев Л.Е. Копартнершип и русская буржуазия. С. 285—303; Его же. Царизм и буржуазия...

69 Потолов С.И. Царизм, буржуазия и рабочий класс России в начале XX в. (политический аспект) // Реформы или революция? Россия, 1861—1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 81.

70 Laue T. von Op. cit. P. 21.

71 Rauch G. von Nikolai von Bunge und die russische Arbeiterschutzgesetzgebung // Baltische Hefte. 1961/1962. Jg. 8. H. 4. S. 195.

72 Giffin F.C. The Formative Years of the Russian Factory Inspectorate, 1882—1885 // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 4. P. 641—650; Ibidem. The Prohibiton of Night Work for Women and Young Persons: the Russian Factory Law of June 3, 1885 // Canadian Slavic Studies. 1968. Vol. 2. № 2. P. 208—218; Ibidem: I.I.Yanzhul, Russia's First District Factory Inspector // The Slavonic and East European Review. 1971. Vol. 49. № 114. P. 80—91; Ibidem: The «First Russian Labor Code»: The Law of June 3, 1886 // Russian History. 1975. Vol. 2. P. 83—100; Ibidem. Improving the Conditions of Child Labour in Russia: The Law of 12 June 1884 // European Studies Review. 1977. Vol. 7. № 4. P. 359—370.

73 Giffin F.C. Improving the Conditions of Child Labour... P. 361.

74 Heller K. Op. cit. S. 191, 194.

75 Puttkamer Jo. von Op. cit. S. 11—14, 437—443.

9.

1 Кизеветтер А.А. На рубеже 2-х столетий (воспоминания 1881—1914). Прага, 1929. С. 127—128.

2 Субботин А.П. Небывалая полемика по финансовым вопросам // Экономический журнал. 1886. № 8. С. 1—27.

3 Кованько П.Л. Главнейшие реформы... С. 1.

4 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 460.

5 Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 310.

6 Московские ведомости. 1886. 25 июня.

7 Гражданин. 1886. 16 октября.

8 Там же. 1882. 8 апреля.

9 Янжул И.И. Указ. соч. С. 30.

10 Гражданин. 1886. 5 января, 22 февраля; Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 31.

11 РО ИРЛИ. 9120. Л. 1.

12 Вестник Европы. 1885. № 1. С. 377; 1886. № 1. С. 390.

13 Русские ведомости. 1886. 11 и 22 января.

14 Московские ведомости. 1886. 22 января, 15 февраля.

15 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. С. 540.

16 Письма К.П.Победоносцева к гр. Н.П.Игнатьеву. С. 71.

17 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. С. 540.

18 ОР РГБ. Ф. 120. Карт. 55. Д. 1. Л. 2, 3.

19 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 377.

20 Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1926. С. 97, 98.

21 Смирнов Н.П. Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства. СПб., 1885. С. 5.

22 [Бунге Н.Х.] Замечания министра финансов... С. 3.

23 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. С. 551.

24 Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 96—97.

25 [Смирнов Н.П.] Объяснения тайного советника Смирнова на замечания господина министра финансов, сделанные по поводу записки «Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». СПб., 1886.

26 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177д. Л. 320—363.

27 Дневник академика В.П.Безобразова. 1909. № 12. С. 526.

28 РО ИРЛИ. 9120. Л. 1.

29 Дневник академика В.П.Безобразова. 1908. № 11. С. 309; № 12. С. 550.

30 РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

31 РО ИРЛИ. 9120. Л. 2, 4 об.

32 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 112. Л. 14; ОР РГБ. Ф. 120. Карт. 55. Д. 1. Л. 1.

33 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 372.

34 Гражданин. 1886. 22 февраля; Скальковский К.А. Указ. соч. С. 570; Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 377.

35 К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. С. 542—543.

36 Записка Н.Х.Бунге Александру III о состоянии бюджета России. С. 144.

37 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 265, 266, 464.

38 РО ИРЛИ. 9120. Л. 4.

39 ГА РФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 6. Л. 110.

40 РО ИРЛИ. 9120. Л. 2 об.

41 Там же. Л. 2.

42 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 112. Л. 6—6 об.

43 Гражданин. 1886. 5 января.

44 РО ИРЛИ. 9120. Л. 1—1 об., 2—2 об.

45 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1015. Л. 4, 4 об.

46 РО ИРЛИ. 9120. Л. 1, 1 об., 2.

47 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 378.

48 РО ИРЛИ. 9120. Л. 2 об., 3.

49 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 14.

50 Московские ведомости. 1886. 25 февраля.

51 Вестник Европы. 1886. № 4. С. 832—833.

52 РО ИРЛИ. 9120. Л. 7 об.

53 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 464.

54 Воспоминания жизни Ф.Г.Тернера. Ч. 1. С. 246.

55 РО ИРЛИ. 9120. Л. 7 об., 8.

56 Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. И.А.Вышнеградский и С.Ю.Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX веков. Л., 1972. С. 13—20; Степанов В.Л. Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. 1993. № 4. С. 99—115; Лазуткин А.А. Стабилизация финансовой системы Российской империи... С. 221—234.

57 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 108.

58 Гражданин. 1885. 24 и 28 ноября; 1886. 1 мая, 14 декабря; ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 111. Л. 3 об.; Д. 112. Л. 10—13; Д. 114. Л. 1, 4 об., 23—23 об., 32—39.

59 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 395, 413, 471.

60 «Дело идет об уважении к правительству». С. 208, 209.

61 РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 177. Л. 9—33.

62 Там же. Л. 9.

63 РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

64 Мещерский В.П. Указ. соч. С. 260.

65 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 460, 469, 476.

66 К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. С. 555.

67 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 476.

68 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 114. Л. 46 об.

69 К.П.Победоносцев и Его корреспонденты. Т. 1. Полутом 2. С. 610.

70 Вестник Европы. 1887. № 2. С. 822.

71 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 475.

72 Воспоминания жизни Ф.Г.Тернера. Ч. 2. С. 170—172; Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 494; Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 36—37.

73 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 171—172.

74 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 471, 475.

75 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 36—37.

76 Московские ведомости. 1887. 7 и 9 января, 18 июня; 1890. 13 декабря.

77 Вестник Европы. 1888. № 1. С. 408—409; 1892. № 10. С. 828.

78 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 2. С. 253.

79 Витчевский В. Указ. соч. С. 213.

80 Старый профессор. Указ. соч. С. 106; Головин К.Ф. Наша финансовая политика... С. 8, 22; Бехтеев С.С. Указ. соч. С. 20; Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. С. 96; Локоть Т.В. Указ. соч. С. 134; Глинский Б.Б. Указ. соч. № 8. С. 680; Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. С. 411; Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.—Л., 1925. Т. XI. С. 260.

81 Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 578; Т. 3. Вып. 1. Харьков, 1901. С. 3.

82 Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. С. 182.
83 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 73; Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 147; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 150.
84 Лазуткин А.А. Стабилизация финансовой системы Российской империи... С. 222, 243.
85 [Ананьич Б.В.] Новый курс. С. 389.
86 Лазуткин А.А. Стабилизация финансовой системы Российской империи... С. 200, 256.
87 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 144.
88 Скальковский К.А. Указ. соч. С. 560.
89 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4519. Л. 328 об., 329—329 об.
90 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 230.
91 [Бунге Н.Х.] Замечания министра финансов... С. 13.
92 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 238. Л. 597 об.—598.
93 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 230.
94 Туган-Барановский М.И. Витте и Бунге как министры финансов. С. 147, 151.

Глава IV

1.

1 РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 4.
2 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 9.
3 Вестник Европы. 1896. № 1. С. 375.
4 Московские ведомости. 1895. 6 июня.
5 РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 4.
6 Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. СПб., 1893. С. 18, 19.
7 Вестник финансов, промышленности и торговли. 1893. № 1. С. 32.
8 РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 67. Л. 9 об.
9 Бунге Н.Х. Исследования по вопросу... С. 11—14, 15.
10 Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов... С. 24, 25, 26.
11 День. 1895. 7 марта.
12 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177г. Л. 146.
13 Там же. Ф. 694. Оп. 2. Д. 67. Л. 11.

14 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 356, 357.
15 Горн Э. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. (Перевод с немецкого И.П.Шипова). СПб., 1895.
16 ОР РГБ. Ф. 126. Карт. 12. Л. 20; Ламздорф В.Н. Дневник. 1894—1896. М., 1991. С. 205.
17 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 34.
18 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 236. Л. 137 об.—138.
19 ГА РФ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.
20 Воспоминания В.И.Ковалевского. С. 34—35.
21 ОР РНБ. Ф. 124. Д. 700. Л. 10.
22 Шекун Н.А. Указ. соч. С. 31.
23 Святловский В.В. Указ. соч. С. 12—15; Бруцкус Б.Д. Указ. соч. С. 9—12.
24 Брусникин Е.М. Подготовка закона 14 декабря 1893 г... С. 346—350; Бруцкус Б.Д. Указ. соч. С. 18.
25 Брусникин Е.М. Крестьянский вопрос в России... С. 44—47.
26 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. С. 234.
27 РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. 1882 г. Д. 11. Л. 134—137 об.
28 Законодательные материалы... Вып. 1. С. 5—21.
29 Там же. С. 23—29.
30 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 258.
31 Законодательные материалы... Вып. 1. С. 43—48.
32 Там же. С. 59—99, 100—129.
33 ПСЗ III. Т. 6. № 3578.
34 РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. 1893 г. Д. 77. Л. 153.
35 Законодательные материалы... Вып. 3. С. 44—51.
36 РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. 1893 г. Д. 77. Л. 153—153 об.
37 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 17.
38 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 232, 233.
39 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 238. Л. 583—583 об., 586—586 об.
40 ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 183. Д. 21. Л. 21 об.
41 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 238. Л. 584—584 об.
42 ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2496. Л. 6 об.—7.
43 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 235, 236.
44 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 237. Л. 26 об.
45 Законодательные материалы... Вып. 2. СПб., 1899. С. 5—62.
46 РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. 1893 г. Д. 47. Л. 67, 68, 70, 71, 71 об.

47 Законодательные материалы... Вып. 2. С. 142—168.
48 ПСЗ III. Т. 13. № 9754.
49 Долбилов М.Д. Подготовка отмены крепостного права... С. 18.
50 Законодательные материалы... Вып. 2. С. 142—168.
51 Там же. Вып. 3. С. 227—265.
52 Там же. С. 280—292.
53 Протоколы по крестьянскому делу. Протокол № 13. С. 18.
54 РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. 1893 г. Д. 77. Л. 154 об.
55 Законодательные материалы... Вып. 3. С. 293—295.
56 РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. 1893 г. Д. 77. Л. 260 об.—261.
57 Законодательные материалы... Вып. 3. С. 295—353.
58 РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. 1893 г. Д. 77. Л. 677—681, 682, 683 об., 685 об.—686, 686 об., 687—689.
59 Законодательные материалы... Вып. 3. С. 353—402.
60 ПСЗ III. Т. 13. № 10151.
61 Из дневника А.А.Половцова // Красный архив. 1934. Т. 6 (67). С. 185.
62 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 204.
63 Вестник Европы. 1881. № 1. С. 397; № 10. С. 812, 832; Русская мысль. 1881. № 11. Отд. 2. С. 78—81; 1884. № 5. Отд. 2. С. 117—118; 1886. № 8. Отд. 2. С. 229—231; Русские ведомости. 1883. 6 января; 1885. 22 марта; 1886. 1 января, 20 и 26 июня.
64 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 188.
65 Бунге Н.Х. О финансовом положении России. С. 136.
66 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4173. Л. 832—866.
67 1881—1894 гг. Записка... С. 77.
68 РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 164. Л. 8.
69 Там же. Ф. 592. Оп. 44. Д. 1. Л. 25, 25 об., 26, 27 об., 31 об.—32.
70 Там же. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.
71 Там же. Д. 1. Л. 28.
72 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 489—490.
73 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 192, 193.
74 Московские ведомости. 1881. 8 июля.
75 Гражданин. 1882. 11 апреля.
76 Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма... С. 28—33.
77 РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 10. Л. 151 об.—152.

78 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 232, 236.
79 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 490.
80 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 238. Л. 582 об.—583.
81 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 199. Л. 43.
82 Там же. Д. 191. Л. 7.
83 Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894. С. XXXVI—XXXIX.
84 ОР РГБ. Ф. 178. Карт. 9803. Д. 7. Л. 9.
85 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 199. Л. 41.
86 Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 40. Л. 55 об., 56, 57 об., 59.
87 Протоколы по крестьянскому делу. Протокол № 27. С. 33.
88 Мигулин П.П. Аграрный вопрос. Харьков, 1906. С. 16; Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма... С. 34—35; Симонова М.С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX — начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 432—433; [Ананьич Б.В.] Россия перед революцией. С. 47—49.

2.

1 1881—1894 гг. Записка... С. 1—13.
2 ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2.
3 ОР РНБ. Ф. 550. Д. 238. Л. 580 об.
4 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 16.
5 Глинский Б.Б. Указ. соч. № 7. С. 296.
6 1881—1894 гг. Записка... С. 75, 78, 79; Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 207, 208.
7 ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2 об.
8 1881—1894 гг. Записка... С. 76, 79, 80.
9 РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 37. Л. 70 об.—71.
10 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 219.
11 [Бунге Н.Х.] Замечания министра финансов... С. 40, 41.
12 1881—1894 гг. Записка... С. 83—93; Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 221.
13 РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. 1889 г. Д. 44а. Л. 849 об., 851 об., 853.
14 1881—1894 гг. Записка... С. 93.
15 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 433, 434.
16 1881—1894 гг. Записка... С. 93—96.

17 Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 158—172; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985. С. 109, 113, 175, 191, 268, 290.

18 Либерализм в России. С. 293.

3.

1 Полунов А.Ю. Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III // Россия и реформы: Сборник статей. Вып. 2. М., 1993. С. 55, 56, 63; Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 174—177.

2 1881—1894 гг. Записка... С. 17.

3 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 57; Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 91.

4 Snow G.E. Op. cit. P. 12.

5 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 13.

6 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 245.

7 1881—1894 гг. Записка... С. 72.

8 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4235. Л. 547—573 об.

9 Там же. Л. 533—542 об.

10 Там же. Л. 579—594.

11 Там же. Д. 4234. Л. 464—533.

12 Дневник Е.А.Перетца. Указ. соч. С. 130—131.

13 ПСЗ III. Т. 2. № 834.

14 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 253. Л. 4 об.

15 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 132—138; Национальная политика России... С. 151.

16 1881—1894 гг. Записка... С. 22—41.

17 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 121; Тейстре У.В. Особое совещание Н.Бунге (1891—1893) и вопрос об автономии Финляндии // Скандинавский сборник. Вып. XXI. Таллин, 1976. С. 114—115; Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80—90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 11—13, 31—32, 39—40, 43—44; Национальная политика России... С. 72—74.

18 РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1885 г. Д. 266. Л. 2—32 об.

19 Всеподданнейший доклад Н.Х.Бунге (11 апреля 1892 г.). С. 779—780.

20 ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 532. Л. 5.

21 РГИА. Научно-справочная библиотека. Коллекция печатных записок. № 318[2]. С. 1—100; № 318[3]. С. 1—58.

22 Тейстре У.В. Указ. соч. С. 121; Суни Л.В. Указ. соч. С. 44—46.

23 1881—1894 гг. Записка... С. 59—65.

24 Тейстре У.В. Указ. соч. С. 122; Суни Л.В. Указ. соч. С. 53.

25 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 118—120; Национальная политика России... С. 67.

26 1881—1894 гг. Записка... С. 48—56.

27 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 122—128; Его же. Судебные и административные преобразования в Прибалтике // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX веков. Сб. статей. Л., 1972. С. 34—47; Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 57—63; Национальная политика России... С. 53—55.

28 1881—1894 гг. Записка... С. 41—43.

29 ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 183. Д. 21. Л. 20.

30 1881—1894 гг. Записка... С. 43—44.

31 Там же. С. 65—67.

32 Национальная политика России... С. 120, 121, 175.

33 1881—1894 гг. Записка... С. 68—69.

4.

1 ОР РГБ. Ф. 126. Д. 12. Л. 20.

2 РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 5, 5 об.; РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177а. Л. 223; Из дневника А.А.Половцова. С. 184.

3 ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 68. Л. 218.

4 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 37—38.

5 Живописное обозрение. 1895. № 24. С. 464.

6 РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

7 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 4 об., 12.

8 Там же. Ф. 733. Оп. 149. Д. 422. Л. 485—514; Дневник Д.А.Милютина. Т. 4. С. 12—15.

9 РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. 1884 г. Д. 53а; Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 1. С. 128, 130.

10 Зайончковский П.А. Российское самодержавие... С. 331—365; Тебиев Б.К. На рубеже веков. Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX — начала XX века. М., 1996. С. 17—41.

11 1881—1894 гг. Записка... С. 97—105.

12 Обзор деятельности Комитета грамотности, состоящего при императорском Московском обществе сельского хозяйства. М., 1894. С. 9—34; Протопопов Д.Д. История С.-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при императорском Вольном экономическом обществе (1861—1895 гг.). СПб., 1898. С. 34—53; Диксон К., Кетриц Б. С.-Петербургский комитет грамотности (1861—1911). Исторический очерк и воспоминания К.Диксона и Б.Кетрица. СПб., 1911. С. 22—33; Тебиев Б.К. Указ. соч. С. 53, 54, 63—68.

13 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177б. Л. 252—253.

14 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 42; СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 9. Д. 28. Л. 2.

15 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177б. Л. 254—255 об.

16 ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 259. Л. 3—13 об.

17 Там же. Л. 22—23 об.

18 Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 59 об.

19 СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 9. Д. 28. Л. 1 об., 2.

20 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 60; ОР РГБ. Ф. 126. Карт. 12. Л. 15 об.

21 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177б. Л. 256—257 об.

22 ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 259. Л. 24—24 об.

23 РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 6 об.—7.

24 Протопопов Д.Д. Указ. соч. Приложения. С. XXXI—XLI; Диксон К., Кетриц Б. Указ. соч. С. 39—48; Тебиев Б.К. Указ. соч. С. 68.

25 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 184. Л. 1; Д. 198. Л. 12.

26 Бунге Н.Х. Очерки политико—экономической литературы. С. 159, 160.

27 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177а. Л. 150, 212.

28 СПбФ АРАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 145. Л. 40 об.

29 Картавцов Е.Э. Указ. соч. С. 38.

30 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 83.

31 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 75 об.

32 Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 205.

33 Исторический вестник. 1895. Т. 61. № 8. С. 509, 512.

34 Вестник Европы. 1895. № 7. С. 423.

35 Всемирная иллюстрация. 1895. № 25. С. 450.

36 ОР РНБ. Ф. 124. Д. 700. Л. 9.

37 Московские ведомости. 1895. 6 июня.

38 Киевлянин. 1895. 5, 9 и 10 июня.

39 Каталог отдела имени Н.Х.Бунге... С. III.

40 Университетские известия. 1896. № 8. С. I, II; 1911. № 3. С. 1, 2.

41 Киевлянин. 1904. 7 декабря; Шекун Н.А. Указ. соч. С. 31—41.

42 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5177а. Л. 262, 270.

43 Бунге Н.Х. Загробные заметки. С. 206.

44 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5493в. Л. 162—173.

45 Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 4.

46 День. 1895. 7 марта.

47 РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 3 об.; Протоколы по крестьянскому делу. Протокол № 13. С. 17; Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—1910 годы. Сессия пятая. СПб., 1910. С. 2641.

48 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 172; Т. 2. С. 490.

49 Там же. Т. 2. С. 477.

50 ОР РГБ. Ф. 178. Карт. 9803. Д. 7. Л. 56.

51 Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 357.

52 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 448. Л. 1 об.; Д. 450. Л. 6—6 об.

53 Там же. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5493в. Л. 167, 168.

54 [Ананьич Б.В.] Новый курс. С. 435, 436.

55 РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 4.

56 Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1938. С. 27.

57 Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 73.

58 Погребинский А.П. Финансовая политика царизма... С. 131; Snow G.E. Op. cit. P. 16.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО РОССИИ И ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III

Страны	1881 г.				1894 г.			
	Национальное богатство		Годовой прирост		Национальное богатство		Годовой прирост	
	Всего (в млн. руб.)	На душу населения (в руб.)	Всего (в млн. руб.)	На душу населения (в руб.)	Всего (в млн. руб.)	На душу населения (в руб.)	Всего (в млн. руб.)	На душу населения (в руб.)
Россия	41 085	413	6 190	62,3	60 781	491	9 498	76,3
Великобритания	82 491	2 363	11 797	338,0	111 685	2 861	13 462	344,3
Германия	59 816	1 380	8 041	177,1	76 172	1 542	12 147	245,9
Франция	76 248	2 022	9 129	241,9	91 667	2 393	11 343	296,2
Австро-Венгрия	34 179	902	5 695	150,3	42 684	981	6 688	153,5
Италия	22 240	780	2 762	96,9	29 894	967	4 125	133,5
США	89 823	1 751	13 433	261,9	154 671	2 264	29 477	431,6
Мировое хозяйство	480 095	—	66 807	—	660 015	—	100 607	—

* Гулишамбаров С.О. Сравнительная статистика России в мировом хозяйстве и в ряду великих держав в царствование императора Александра III. 1881—1894 гг. СПб., 1905. С. 85.

Таблица 2

ОБЩАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ в 1882—1895 гг. (в тыс. руб.)

Годы	Сельское хозяйство	Обрабатывающая промышленность	Горнозаводская промышленность	Пути сообщения	Итого
1882	3 000 000	1 096 677	116 575	255 804	4 469 056
1883	2 980 906	1 058 926	118 958	272 297	4 431 087
1884	3 200 980	1 060 909	122 048	270 993	4 654 930
1885	2 487 458	1 099 484	121 440	277 408	3 985 790
1886	2 758 117	1 148 397	125 730	266 939	4 299 183
1887	2 945 721	1 334 375	135 363	331 629	4 747 088
1888	2 945 721	1 334 375	135 363	331 629	4 747 088
1889	2 493 461	1 347 749	152 933	335 515	4 329 658
1890	2 824 317	1 390 360	168 189	335 484	4 718 350
1891	2 567 052	1 483 991	176 582	347 402	4 575 027
1892	2 907 637	1 542 916	188 402	353 780	4 992 735
1893	3 396 922	1 632 748	204 109	387 844	5 621 623
1894	2 947 613	1 700 000	218 407	438 044	5 304 064
1895	2 850 569	1 823 800	241 807	462 845	5 379 021

* Табурно И.П. Приложения к эскизному обзору финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882—1901 гг.). Графики и статистические таблицы. СПб., 1903. Таблица 12.

Таблица 3

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1880—1895 гг.

Годы	Продукция бумагопрядильной и ткацкой промышленности (в млн. руб.)	Потребление хлопка (в млн. пуд.)	Продукция суконной и камвольной промышленности (в млн. руб.)	Добыча угля (в млн. пуд.)	Выплавка чугуна (в млн. пуд.)	Производство стали и железа (в млн. пуд.)	Продукция машиностроения (в млн. руб.)	Добыча золота (в тоннах чистого металла)
1880	154,4	5,7	84,2	200,8	27,4	36,6	55,1	43,3
1881	189,0	9,1	80,5	213,3	28,7	35,7	53,8	36,8
1882	206,6	7,8	77,3	230,2	29,2	33,3	53,7	36,2
1883	182,3	8,9	68,9	242,8	29,4	33,3	49,3	34,9
1884	168,5	7,4	67,1	239,9	31,3	34,7	41,6	35,7
1885	165,7	7,6	64,2	260,6	32,2	33,9	37,5	33,0
1886	164,5	8,4	60,1	279,4	32,4	36,9	43,7	33,4
1887	188,5	11,3	64,0	276,8	37,4	36,3	44,2	34,9
1888	226,4	8,4	67,2	316,6	40,7	35,8	48,3	35,2
1889	215,1	10,4	60,2	379,4	45,2	41,9	50,8	37,2
1890	208,6	8,3	54,6	367,2	56,6	49,5	47,4	39,4
1891	202,0	9,3	55,5	380,5	61,3	53,8	46,1	39,1
1892	215,5	9,9	57,9	424,1	65,4	61,9	45,0	43,0
1893	251,3	11,4	62,8	464,8	70,1	73,2	67,0	44,9
1894	329,3	11,6	—	534,9	81,3	78,3	—	42,9
1895	350,7	12,3	—	555,5	88,7	81,6	—	41,1

* Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М., 1937. С. 179; Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 397, 398, 400, 401.

Таблица 4

ПРИРОСТ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ в 1880-1895 гг. (в км)

Годы	Длина железнодорожной сети на конец года	Открыто железнодорожных линий за год
1880	22 865	185
1881	23 091	226
1882	23 429	338
1883	24 145	716
1884	25 007	862
1885	26 024	1 017
1886	27 345	1 321
1887	28 240	895
1188	29 428	1 188
1889	29 933	505
1890	30 596	663
1891	30 723	127
1892	31 202	479
1893	32 870	1 668
1894	35 206	2 336
1895	37 058	1 852

* Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917. М., 1950. С.462.

Таблица 5

ИНОСТРАННЫЕ КАПИТАЛЫ, ВЛОЖЕННЫЕ В ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ в 1882—1895 гг. (в тыс. руб.)

Годы	Капиталы иностранных компаний	Иностранные капиталы, вложенные в российские компании	Итого
1882	46 526	98 000	144 526
1883	47 026	101 000	148 026
1884	71 250	104 000	175 250
1885	72 050	107 000	179 050
1886	78 200	110 000	188 200
1887	79 500	112 000	191 500
1888	95 038	115 000	210 038
1889	98 362	124 000	222 362
1890	103 957	136 000	239 957
1891	110 490	146 000	256 490
1892	134 179	156 000	290 179
1893	144 535	161 000	305 535
1894	150 333	176 000	326 333
1895	162 366	186 000	348 366

* Табурно И.П. Приложение к эскизному обзору финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882—1901 гг.). Графики и статистические таблицы. СПб., 1903. Таблица 6.

Таблица 6

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ СВОДНОГО БАЛАНСА АКЦИОНЕРНЫХ БАНКОВ КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТА в 1880—1894 гг. (в млн. руб.)

Годы, на 1 января	Число банков	Баланс	Пассив				Касса	Учетная операция	Актив		
			Собственный капитал	Вклады и текущие счета	Корреспондентские счета	Акцептованные тратты			Ссуды под процентные бумаги, товары и драгоценные металлы	Корреспонденты	Ценные бумаги, принадлежащие банкам
1880	33	431,4	95,2	197,0	64,4	2,2	10,9	138,0	106,5	73,0	31,1
1881	33	439,6	97,1	206,9	62,3	2,8	10,9	146,3	109,2	77,8	21,0
1882	34	491,1	112,1	227,0	75,7	1,6	9,0	151,5	127,9	86,4	36,2
1883	34	487,5	115,3	210,5	78,0	1,3	10,2	156,3	121,2	85,8	32,4
1884	34	484,0	117,7	213,6	72,1	1,3	10,7	162,0	123,5	94,2	23,8
1885	34	504,4	120,1	219,2	91,1	1,4	11,4	157,2	130,7	96,0	23,9
1886	34	549,0	122,5	264,2	96,4	1,0	11,5	153,1	137,2	97,2	38,9
1887	34	568,5	122,7	255,1	109,7	0,8	15,4	147,1	158,9	103,9	46,5
1888	34	557,3	126,1	235,0	113,4	0,6	13,5	139,7	166,8	108,0	41,5
1889	34	583,8	129,8	211,6	147,9	0,9	13,7	139,6	161,6	137,2	37,9
1890	34	575,3	133,3	230,1	119,2	0,7	14,6	143,0	163,7	122,9	37,0
1891	34	656,6	143,5	287,7	150,0	0,7	18,0	176,5	164,3	127,2	57,2
1892	34	698,9	145,7	319,5	133,9	1,0	22,6	155,3	169,4	157,8	60,2
1893	34	728,7	148,4	285,4	184,1	0,7	23,6	184,5	192,2	150,0	55,2
1894	35	714,3	147,4	267,8	163,6	3,6	27,9	175,3	189,0	151,6	53,6
1895	35	864,7	174,1	307,7	223,4	1,6	28,5	204,7	231,0	191,7	52,0

* Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917. М., 1950. С. 532, 533, 534, 535, 536, 537.

Таблица 7

ПРИРОСТ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА РАЗРЕШЕННЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ И ПАЕВЫХ ТОВАРИЩЕСТВ в 1880—1895 гг.

Годы	Тыс. руб.	Годы	Тыс.руб	Годы	Тыс.руб	Годы	Тыс. руб.
1880	51 165	1884	46 175	1888	46 165	1892	25 202
1881	50 225	1885	38 460	1889	45 955	1893	61 113
1882	42 310	1886	20 610	1890	63 415	1894	59 550
1883	41 700	1887	24 170	1891	27 495	1895	129 363

* Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917. М., 1950. С. 463.

Таблица 8

ЭКСПОРТ ХЛЕБА в 1880—1895 гг.

Годы	Вывоз (в млн. пуд.)	Стоимость (в млн. руб.)	Годы	Вывоз (в млн. пуд.)	Стоимость (в млн. руб.)
1880	201,0	231,8	1888	547,9	422,2
1881	207,9	247,9	1889	466,4	376,0
1882	301,6	329,4	1890	417,9	339,1
1883	343,5	357,1	1891	391,2	354,1
1884	320,4	321,4	1892	196,4	164,1
1885	343,9	292,2	1893	403,9	295,8
1886	278,4	233,1	1894	639,5	381,4
1887	392,9	322,5	1895	574,7	335,9

* Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. Таблицы. С. 105.

Таблица 9

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС ЗА 1880—1895 гг. (в млн. руб.)

Годы	Импорт	Экспорт	Сальдо
1880	622,8	498,7	—124,1
1881	517,7	506,4	— 11,3
1882	566,8	617,8	+ 51,0
1883	562,2	640,3	+ 78,1
1884	536,9	589,9	+ 53,0
1885	435,4	537,9	+102,5
1886	426,5	484,1	+ 57,6
1887	399,6	617,3	+217,7
1888	386,1	784,0	+397,9
1889	432,0	750,9	+318,9
1890	406,7	692,2	+285,5
1891	371,6	707,4	+335,8
1892	399,5	475,6	+ 76,1
1893	449,6	599,2	+149,6
1894	553,7	668,8	+115,1
1895	526,2	689,1	+162,9

* Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. Таблицы. С. 117, 141.

Таблица 10

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ЗА 1880—1895 гг. (в млн. руб.)

Годы	Обыкновенный бюджет		Чрезвычайный бюджет	
	Доходы	Расходы	Доходы	Расходы
1880	651,0	694,5	89,6	98,9
1881	651,8	732,4	155,2	107,9
1882	703,7	709,1	28,0	79,3
1883	699,0	732,7	70,9	80,4
1884	704,5	727,9	223,6	87,9
1885	762,3	806,6	71,6	106,5
1886	780,7	832,4	177,5	112,6
1887	829,7	835,9	144,5	95,1
1888	898,5	840,4	55,4	86,8
1889	927,0	857,9	62,9	105,0
1890	943,7	877,8	103,7	178,7
1891	891,6	875,3	37,2	240,3
1892	970,2	910,7	198,7	214,8
1893	1 045,7	947,0	174,4	113,6
1894	1 153,8	991,2	78,9	163,9
1895	1 255,8	1 137,8	162,3	383,0

* Министерство финансов. Ч. 1—2. СПб., 1902. Ч. 1. С. 634, 635, 638, 639; Ч. 2. С. 640, 641, 643, 646, 647, 649.

Таблица 11

СВЕРХСМЕТНЫЕ БЮДЖЕТНЫЕ АССИГНОВАНИЯ в 1880—1894 гг. (в млн. руб.)

Годы	По обыкновенному бюджету	По чрезвычайному бюджету	Годы	По обыкновенному бюджету	По чрезвычайному бюджету	Годы	По обыкновенному бюджету	По чрезвычайному бюджету
1880	56,2	57,2	1885	31,7	30,0	1890	6,2	—
1881	45,6	30,4	1886	28,7	10,3	1891	1,9	169,4
1882	44,2	4,5	1887	12,7	0,9	1892	8,7	155,0
1883	29,4	16,7	1888	2,9	—	1893	10,5	15,4
1884	15,1	12,8	1889	12,8	—	1894	38,4	52,9

* Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881-1894). СПб., 1902. С. 115, 116.

Таблица 12

ПОСТУПЛЕНИЕ ПРЯМЫХ НАЛОГОВ, НАЛОГА С НАСЛЕДСТВА И ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ в 1880—1895 гг. (в млн. руб.)

Годы	Подушная подать	Поземельный налог	Налог на городскую недвижимость	Торгово-промышленные сборы	Налог на денежные капиталы	Налог с наследств	Оброчная подать и выкупные платежи государственных крестьян	Выкупные платежи бывших помещичьих крестьян
1880	54,3	—	4,1	14,7	—	—	32,1	41,4
1881	56,9	7,7	4,2	22,5	—	—	33,5	42,6
1882	54,8	7,2	4,2	19,7	—	—	33,1	40,4
1883	49,2	7,8	4,1	20,1	—	1,3	32,2	41,9
1884	37,7	11,3	5,9	21,0	—	4,6	32,9	37,7
1885	35,7	11,3	6,1	25,7	3,6	3,6	30,4	37,4
1886	18,9	11,8	6,2	28,0	10,1	3,6	31,9	39,0
1887	1,3	12,4	6,3	28,9	11,7	3,8	41,2	43,8
1888	1,1	12,6	6,0	31,8	11,6	4,4	45,0	44,6
1889	—	13,2	6,9	32,9	12,0	4,2	45,3	42,0
1890	—	13,1	7,0	34,3	11,9	4,9	43,2	40,5
1891	—	12,0	6,9	34,1	12,2	4,7	30,0	34,2
1892	—	15,6	6,9	35,4	12,4	6,9	35,6	35,4
1893	—	17,3	7,9	40,5	13,2	5,4	48,7	42,6
1894	—	16,0	7,7	42,4	12,1	5,3	49,6	40,1
1895	—	16,8	7,7	42,8	13,9	6,3	55,8	41,6

* Кованько П.Л. Главнейшие реформы, проведенные Н.Х.Бунге в финансовой системе России. Опыт критической оценки деятельности Н.Х.Бунге как министра финансов (1881-1887). Киев, 1901. Приложения. Таблицы 2—5; Его же. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения. (Выкупная операция: 1861 г. — 1907 г.). Киев, 1914. Приложение 7. Таблица 1.

Таблица 13

ПОСТУПЛЕНИЕ АКЦИЗОВ, ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН И ГЕРБОВЫХ СБОРОВ в 1880—1895 гг. (в млн. руб.)

Годы	Питейный акциз	Соляной акциз	Табачный акциз	Сахарный акциз	Нефтяной акциз	Акциз на спички	Гербовые сборы	Таможенные пошлины
1880	222,3	13,6	13,0	4,3	—	—	14,4	96,4
1881	224,3	1,2	12,3	3,7	—	—	15,0	85,8
1882	251,9	—	14,3	8,1	—	—	15,5	94,5
1883	252,7	—	18,9	8,9	—	—	15,7	96,9
1884	244,0	—	20,2	12,4	—	—	16,6	96,9
1885	231,2	—	19,7	13,9	—	—	16,3	95,0
1886	236,9	—	20,2	15,9	—	—	16,2	112,4
1887	257,6	—	24,1	25,4	—	—	18,2	107,4
1888	265,1	—	28,1	19,4	2,7	6,6	20,1	141,3
1889	274,9	—	28,2	19,3	4,5	9,3	20,6	138,1
1890	268,3	—	27,8	21,6	4,7	10,6	21,2	141,9
1891	247,4	—	28,6	20,9	4,7	10,2	21,6	128,4
1892	268,9	—	29,5	27,7	5,2	12,9	25,7	130,6
1893	260,7	—	31,8	30,3	6,6	16,4	26,9	166,0
1894	297,4	—	32,6	41,2	7,5	18,9	27,8	183,8
1895	309,7	—	34,5	47,7	7,5	19,8	28,4	178,6

* Министерство финансов. Ч. 1. С. 634; Ч. 2. С. 640, 646; Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. Приложение XII.

Таблица 14

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ В 1881—1886 гг.

Годы	Название займов	Нарицательная сумма займа (в млн. руб.)	Курс реализации (в %)	Действительный процент интереса	Сумма выручки (в млн. руб.)
1881	5-й выпуск 5%-ных билетов Государственного банка	100,0	90,904	5,829	90,9
1883	6%-ная золотая рента	75,0	95,0	6,316	76,4
1883	4%-ные билеты Государственного казначейства	24,0	100,0	4,320	24,0
1884	5%-ная золотая рента	30,0	88,350	5,660	26,5
1884	5%-ный консолидированный 7-й железнодорожный заем	141,9	86,875	5,808	124,9
1884—1886	4%-ные вечные вклады	1,8	100,0	4,0	1,8
1886	5%-ная железнодорожная рента	100,0	98,698	4,812	98,4

* Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769—1906). Т. 3. Вып. 5. Харьков, 1907. С. 1134.

Таблица 15

ДВИЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА в 1880—1892 гг.
(с учетом беспроцентного долга по выпуску кредитных билетов)

Годы	Сумма долга (в тыс. руб.)	Отношение расходов по системе государственного кредита к государственным доходам (в %)
1880	6 036 231	34,32
1881	6 183 985	38,31
1882	6 147 859	34,78
1883	6 277 125	34,77
1884	6 462 655	36,49
1885	6 386 542	38,55
1886	6 508 573	38,14
1887	6 512 296	34,54
1888	6 495 521	31,93
1889	6 636 940	29,92
1890	6 822 475	29,52
1891	6 689 054	29,47
1892	7 070 406	28,26

* Мигулин П.П. Русский государственный кредит. (1769—1899). Т. 1. Харьков, 1899. С. 598, 599; Т. 2. Харьков, 1900. С. 552.

Таблица 16

РАСЧЕТНЫЙ БАЛАНС за 1881—1895 гг. (в тыс. руб.)

Годы	Сумма ежегодных платежей по заграничным расходам и % с погашения по внешним займам	Сумма платежей, получаемых из-за границы	Сальдо заграничных расходов	Сальдо торгового баланса	Сальдо расчетного баланса
1881	156 904	2 063	—154 841	— 22 463	—177 304
1882	159 611	8 806	—150 805	+ 31 450	—119 355
1883	162 223	6 147	—156 076	+ 48 458	—107 618
1884	170 890	3 854	—167 036	+ 32 799	—134 237
1885	173 022	4 945	—168 077	+ 65 740	—102 337
1886	183 538	3 458	—180 080	+ 27 954	—152 127
1887	189 661	4 306	—185 355	+ 125 405	—59 950
1888	192 496	4 468	—188 028	+ 227 868	+ 39 840
1889	183 670	5 852	+ 177 818	+ 207 030	+ 29 212
1890	179 058	6 644	—172 818	+ 200 392	+ 27 978
1891	185 787	7 931	—177 856	+ 220 500	+ 42 644
1892	185 381	6 461	—178 920	+ 45 209	—133 711
1893	205 905	9 616	—196 289	+ 89 667	—106 623
1894	213 005	8 500	—204 505	+ 73 300	—131 205
1895	207 045	9 145	—197 900	+ 109 288	— 88 612

* Шарапов С.Ф. Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881—1895. СПб., 1897. С. 52.

Таблица 17

ОПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА в 1880—1894 гг. (в млн. руб.)

Годы на 1 января	Кредитование хозяйства	Кредит под ценные и собственные ценные бумаги	Затраты за счет казны	Кредиты государственным ипотечным банкам	Собственные капиталы и прибыль в обороте	Вклады и текущие счета	Средства Казначейства	Счет сберкасс
1880	166,4	128,3	68,9	—	36,6	224,7	42,1	0,8
1881	175,0	86,2	67,0	—	44,3	223,4	88,9	0,8
1882	179,7	62,0	89,1	—	43,9	229,0	69,8	0,4
1883	197,7	72,8	72,9	—	50,5	259,7	58,4	0,2
1884	203,7	109,3	68,1	0,8	49,8	264,7	78,8	0,5
1885	188,9	57,0	79,2	4,2	55,0	290,7	65,9	0,8
1886	160,4	151,8	4,9	2,9	43,8	319,6	71,8	0,5
1887	159,6	144,4	2,3	57,7	48,4	288,0	177,9	1,4
1888	207,0	127,7	2,5	79,7	40,2	263,6	167,1	1,5
1889	233,3	142,9	2,0	79,6	44,7	249,5	185,0	1,5
1890	208,5	84,5	1,8	40,5	42,8	224,6	162,0	2,7
1891	151,5	78,6	1,6	7,0	38,8	233,9	199,6	3,7
1892	166,2	93,1	2,9	30,5	44,1	231,8	147,1	17,9
1893	134,4	86,4	2,6	9,4	35,0	226,5	147,7	52,4
1894	251,2	101,3	0,03	11,6	38,5	205,3	171,9	74,3

* Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960. С. 92, 93.

Таблица 18

ОПЕРАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА в 1883—1895 гг.

Годы	Количество ссуд	Сумма ссуд (в тыс. руб.)	Количество купленной земли (в десятинах)	Недоимки в % к годовому окладу
1883	69	861,2	18 237	—
1884	692	9 529,4	210 047	4,4
1885	1 180	13 762,0	318 002	22,5
1886	1 209	11 148,9	294 688	38,7
1887	1 035	7 495,2	219 480	33,9
1888	1 057	5 133,5	190 463	37,0
1889	922	3 692,1	156 347	38,0
1890	1 203	4 519,2	172 138	43,5
1891	1 186	4 476,7	162 940	32,5
1892	1 343	4 554,6	148 013	49,2
1893	1 488	5 175,8	157 298	48,5
1894	1 680	5 743,9	180 965	51,9
1895	1 860	6 300,2	183 102	45,6

* Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883—1904 гг. СПб., 1906. С. 106; Таблицы. С. 50, 51, 80, 81.

Таблица 19

ОПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА в 1886—1894 гг.

Годы	Число ссуд	Сумма ссуд (в млн. руб.)	Количество заложенной земли (в десятинах)	Недоимки в % к сумме капитального долга
1886	2 172	68,8	164 0210	0,8
1887	2 552	71,0	2 275 652	1,6
1888	1 546	33,7	1 125 221	2,9
1889	1 444	36,7	1 041 452	5,2
1890	2 143	61,7	1 971 032	1,7
1891	1 931	56,2	1 787 954	2,3
1892	1 365	32,3	1 198 376	3,3
1893	1 242	42,1	1 644 621	3,5
1894	1 090	39,2	1 160 060	2,5

* Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881—1894). СПб., 1902. Приложения. С. 23.

Таблица 20

СРЕДНЕГОДОВОЙ КУРС РУБЛЯ В 1880—1895 гг.

Годы	Валютный курс рубля				Курс рубля на золото (в коп.)
	На Лондон (в пенсах)	На Париж (в сантимах)	На Гамбург (в пфеннигах)	На Берлин (в пфеннигах)	
1880	25 5/64	264 27/64	213 3/4	—	64,8
1881	25 3/16	266 3/16	215 13/64	—	65,8
1882	24 3/16	253 3/4	205 31/32	—	63,2
1883	23 23/32	249 25/64	202 17/64	—	61,9
1884	24 3/8	256 5/32	—	207 27/32	63,4
1885	24 3/16	254 31/64	—	205,91	63,3
1886	23 23/64	245 25/32	—	198,53	58,9
1887	21 25/64	226 1/32	—	181,63	55,7
1888	22 11/32	235,18	—	188,61	59,5
1889	25 3/8	266,95	—	215,89	65,9
1890	27 31/32	294,11	—	237,13	72,6
1891	26 5/16	277,39	—	224,01	66,8
1892	24 1/8	254,0	—	205,88	62,0
1893	25 7/32	264,69	—	214,59	65,3
1894	25 13/16	271,10	—	219,63	67,0
1895	25 13/16	271,73	—	220,31	67,5

* Кашкаров М. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 177; Т. 2. СПб., 1898. Приложения. С. 40, 41, 48, 49, 51, 52, 53, 54.

Таблица 21

РАЗМЕННЫЙ ФОНД В 1880—1895 гг.

Годы, на 1 января	Состав разменного фонда (в млн. руб.)				Количество кредитных билетов (в млн. руб.)	Отношение разменного фонда к количеству кредитных билетов (в %)
	Золото	Серебро	Публичные фонды и обязательства Государственного Казначейства	Всего		
1880	151,0	2,5	19,6	173,1	1 162,5	13,2
1881	170,3	1,1	—	171,4	1 133,5	15,1
1882	170,3	1,1	—	171,4	1 133,5	15,1
1883	170,3	1,1	—	171,4	1 133,5	15,1
1884	170,3	1,1	—	171,4	1 103,5	15,5
1885	170,3	1,1	—	171,4	1 073,5	16,0
1886	170,3	1,1	—	171,4	1 046,4	16,4
1887	170,3	1,1	—	171,4	1 046,4	16,4
1888	210,3	1,1	—	211,4	1 046,3	20,2
1889	210,3	1,1	—	211,4	1 046,3	20,2
1890	210,3	1,1	—	211,4	1 046,3	20,2
1891	210,4	1,1	—	211,5	1 046,3	20,2
1892	285,4	1,1		286,5	1 121,3	25,6
1893	360,4	1,1	—	361,5	1 196,3	30,2
1894	360,4	1,1	—	361,5	1 196,3	30,2
1895	350,8	1,1	—	351,9	1 121,3	31,4

* Кашкаров М. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 73

Таблица 22

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС в 1881—1895 гг.
(в млн руб.)

Годы, на 1 января	Золотой запас	Годы, на 1 января	Золотой запас	Годы, на 1 января	Золотой запас
1881	291,1	1886	311,1	1891	483,8
1882	235,6	1887	281,5	1892	495,2
1883	216,7	1888	273,8	1893	581,6
1884	224,3	1889	297,1	1894	598,6
1885	273,2	1890	372,4	1895	645,7

* Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг. (Под редакцией А.И.Буковецкого). Вып. 1. Пг.—М., 1922. С. 28.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н.Х.БУНГЕ

1849

Речь о кредите, написанная профессором Лицея князя Безбородко магистром Н.Х.Бунге // Акт Лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии, состоявшийся 1849 года июня 22 дня. Киев. С. 5—166.

1850

Исследование начал торгового законодательства Петра Великого // Отечественные записки. Т. 68. № 1. Отд. 2. С. 1—30.

1852

Ответ рецензенту по поводу разбора «Теории кредита», помещенного в июньской книжке «Современника» // Современник. № 11. Отд. 6. С. 155—168.

Теория кредита. Киев.

1853

Ответ г.Михайлову на разбор «Теории кредита», помещенный в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения» на 1852 год // Библиотека для чтения. Т. 118. Отд. 5. С. 1—10.

Отчет об учреждении и о действиях комиссии по 1-е мая 1853 года, составленный ученым секретарем Н.Бунге // Труды Комиссии, высочайше учрежденной при императорском университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Т. 2. Киев. Отд. 1. С. 1—64.

Рецензия: Джон Ло, или финансовый кризис во Франции в первые годы регентства. Сочинение Ивана Бабста. Москва. 1852 // Отечественные записки. Т. 88. № 6. Отд. 4. С. 23—46; Т. 89. № 7. Отд. 4. С. 1—30.

1854

Рецензия: Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением императорского Русского географического общества. Книжка II, изданная под редакцией Е.И.Ламанского, действительного члена императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург. 1854 // Отечественные записки. Т. 97. № 12. Отд. 3. С. 35—72.

1855

Исследования о железной промышленности в губерниях Киевского учебного округа // Труды Комиссии, высочайше учрежденной при императорском университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Т. 3. Киев. Отд. 5. С. 1—93.

1856

Д.П.Журавский. Некролог // Санкт-Петербургские ведомости. 12 декабря.

Исследования о железной промышленности в губерниях Киевского учебного округа. Киев.

1857

Значение промышленных товариществ и условия их распространения // Журнал для акционеров. № 25/26. С. 137—146; № 44. С. 263—265; № 45. С. 267—269; № 48. С. 291—294; № 52. С. 317—318.

Изменения сословного состава населения России в промежутках времени между 7 и 8, 8 и 9 ревизиями // Экономический указатель. № 44. С. 1021—1030.

Мысли о рациональном устройстве западноевропейских торговых банков // Журнал для акционеров. № 43. С. 253—255.

О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования, и об отношении ее к практической деятельности // Экономический указатель. № 27. С. 637—640; № 29. С. 685—688; № 32. С. 752—756; № 34. С. 789—793; № 37. С. 872—875; № 38. С. 897—899.

Ответ П.А.Кулиша // Русский вестник. Т. 12. № 24. Отд. 2. С. 234—237.

Письма об изучении политической экономии // Русский вестник. Т. 11. № 17. Отд. 1. С. 5—64.

Промышленность и ее ограничение во внешней торговле // Отечественные записки. Т. 110. № 2. Отд. 1. С. 709—734; Т. 112. № 6. Отд. 1. С. 473—508; Т. 115. № 11. Отд. 1. С. 1—28; № 12. Отд. 1. С. 589—620.

Цены старого и нового времени в Киеве // Экономический указатель. № 40. С. 925—930.

1858

Акционерные земледельческие предприятия // Журнал для акционеров. № 102. С. 1050—1053.

Акционерные литературные предприятия // Журнал для акционеров. № 76. С. 462—463.

Виноваты ли частные банки и дарованная им свобода в современном кризисе? // Журнал для акционеров. № 58. С. 552—554.

Значение промышленных товариществ и условия их распространения // Журнал для акционеров. № 53. С. 321—324; № 61. С. 370—372; № 65. С. 397—400; № 66. С. 405—406; № 67. С. 413—415; № 68. С. 421—423; № 70. С. 433—435. (Отдельное издание. Ч.1—3. СПб.)

Новости политико—экономической литературы // Экономический указатель. № 4 (56). С. 92—94.

Новый последователь школы г. гр. Бланка // Русский вестник. Т. 16. № 16. Отд. 2. С. 385—386.

Об изменении юридических отношений в России вследствие предстоящего преобразования крепостного права // Отечественные записки. Т. 119. № 8. Отд. 4. С. 55—69.

Об устройстве учебной части в наших университетах // Русский вестник. Т. 17. № 19. Отд. 1. С. 441—488.

О современном направлении русских университетов и о потребностях высшего образования // Русский вестник. Т. 14. № 7. Отд. 1. С. 311—332.

Письмо к редактору // Русский вестник. Т. 13. № 4. Отд. 2. С. 366.

Письмо к редактору // Русский вестник. Т. 18. № 21. Отд. 2. С. 124—125.

Политико-экономический журнал Пикфорда и ученые конгрессы // Русский вестник. Т. 18. № 21. Отд. 2. С. 12—23.

Политико-экономическое обозрение 1855—1857 годов. I. Железные дороги земного шара // Отечественные записки. Т. 117. № 4. Отд. 1. С. 371—408.

1859

Восстановление металлического обращения // Указатель политико-экономический. № 51 (155). С. 1153—1157.

Гармония хозяйственных отношений. Первая политико-экономическая система Кери, изложенная Н.Бунге // Отечественные записки. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 1—42; № 12. Отд. 1. С. 435—464.

Главное банковое и торговое общество в С.-Петербурге // Журнал для акционеров. № 135. С. 1189—1192. (Отдельное издание. СПб.).

Кредит и крепостное право // Русский вестник. Т. 19. № 2. Отд. 2. С. 125—136.; Т. 20. № 8. Отд. 2. С. 350—373.

Лучше ли для государства иметь процентный долг в 500 мил. руб. или же на 500 мил. бумажных денег? // Журнал для акционеров. № 121. С. 1129—1130.

Непрерывно-доходные четырехпроцентные билеты // Журнал для акционеров. № 120. С. 1124.

О податях с потребления соли // Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. 70. № 4. Отд. 2. С. 305—332.

О подушной подати. Записка, составленная для рассмотрения в Общем присутствии Редакционных комиссий // Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. СПб., 1889. С. 820—822.

Отсутствующие // Указатель политико-экономический. № 36 (140). С. 811—813.

Письма к читателю о народном образовании // Отечественные записки. Т. 124. № 5. Отд. 1. С. 75—110.

Преобразование русских банков // Журнал для акционеров. № 141. С. 1213—1216.

Разбор сочинения И.С.Аксакова под заглавием «Исследование о торговле на украинских ярмарках». Киев.

Экономический кризис 1857 года // Отечественные записки. Т. 122. № 2. Отд. 1. С. 385—406; Т. 123. № 3. Отд. 1. С. 87—112; Т. 125. № 8. Отд. 1. С. 421—472; Т. 126. № 9. Отд. 1. С. 159—176.

1860

Гармония хозяйственных отношений. Первая политико—экономическая система Кери, изложенная Н.Бунге. СПб.

Заметки о современном экономическом кризисе в России // Журнал для акционеров. № 194. С. 1462—1464; № 195. С. 1467—1470.

Преобразование наших кредитных установлений и ликвидация вкладов // Журнал для акционеров. № 164. С. 1326—1328.

1861

Заметки об акционерных компаниях в истекшем году. (С 1 октября 1859 по 1 октября 1860 года) // Век. № 8. С. 266—271.

Статистические заметки по поводу именной ведомости о студентах императорского университета св. Владимира на 1861—62 учебный год // Университетские известия. № 3. Отд. 2. С. 21—27.

1862

Замечания на замечания Н.И.Пирогова ординарного профессора университета св. Владимира Бунге // Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 2. СПб. С. 131—139.

Статистические заметки по поводу именной ведомости о студентах императорского университета св. Владимира на 1861—62 учебный год // Университетские известия. № 2. Отд. 2. С. 16—24.

Экономические доктрины «Дня» // Санкт-Петербургские ведомости. 21 февраля.

1864

Баланс Киевской конторы Государственного банка // Киевлянин. 9 июля.

Возможны ли частные оборотные банки в России? СПб.

Заметка по поводу записки о торгово—таможенном договоре между Россией и Германским таможенным союзом // Еженедельное прибавление к «Русскому инвалиду». № 33. С. 2—10.

Значение железных дорог для Юго-Западного края // Киевлянин. 12 сентября.

Исчисление по данным г. К. валового крестьянского дохода // Киевлянин. 3 ноября.

Мысли гр. Канкрина о бумажных деньгах // Русский вестник. Т. 54. № 11. С. 361—386.

Экономическое положение г.Киева // Киевлянин. 7 июля.

1865

Гок К. фон. Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. (Перевод с немецкого и предисловие Н.Х.Бунге). Киев.

Еще несколько слов о валовом доходе крестьян в имении г. К. (ответ г.Еремееву) // Киевлянин. 28 января.

Киевская крещенская ярмарка (контракты) в 1865 г. // Киевлянин. 11 марта.

Курс статистики, составленный в 1864—65 учебном году для студентов императорского университета св. Владимира профессором Н.Х.Бунге. Выпуск 1. Киев.

О потреблении хлебного вина и о питейном сборе в Киевской и Волынской губерниях в 1862—64 годах // Киевлянин. 22 мая.

1866

О свеклосахарной промышленности Юго-Западного края в 1865 году // Киевлянин. 12 марта.

1867

Бумажные деньги и банковая система Северо-Американских Соединенных Штатов // Русский вестник. Т. 70. № 8. С. 311—377. (Отдельное издание. Б.м.).

В ожидании железных дорог // Киевлянин. 21, 26 и 31 января, 7 и 9 февраля. (Отдельное издание. Киев).

Недостатки настоящей денежной и банковой систем в России и средства, могущие способствовать их устранению // Русский инвалид. 13 и 14 сентября.

Общество взаимного кредита // Киевлянин. 30 марта. (Отдельное издание. Киев).

Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии // Русский вестник. Т. 71. № 10. С. 431—462; Т. 72. № 11. С. 5—47.

О процентном сборе с польских имений // Киевлянин. 5 и 7 сентября.

О современном положении денежной и банковой системы в России // Русский инвалид. 12 сентября.

1868

Джон Стюарт Милль как экономист // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 140. № 10. С. 1—100. (Отдельное издание. Киев).

Исторический очерк экономических учений. Выпуск 1—й курса, читанного студентам университета св. Владимира профессором Н.Х.Бунге. Киев.

Киевские частные банки // Киевлянин. 7 декабря.

Об операциях Киевской конторы за истекшие три года, считая год с 1-го декабря // Киевлянин. 3 февраля.

О свеклосахарной промышленности Юго-Западного края в 1866/7 и 1867/8 годах // Киевлянин. 21 марта. (Отдельное издание. Киев.).

Упрочение курса бумажных денег // Русский инвалид. 17, 26 и 27 января.

1869

О внутренней таможне и о товарных складах в Киеве // Киевлянин. 28 июня.

О товарных складах // Биржевые ведомости. 30 октября. (Перепечатка: Киевлянин. 8 ноября).

Полицейское право. Курс, читанный в университете св. Владимира профессором Н.Бунге. Вып.1—3. Киев.

Рецензия: Железные дороги и государство. Опыт исследования о важнейших предметах экономии и политики железных дорог. Часть первая. История развития железнодорожной политики в связи с распространением железных дорог в важнейших государствах Западной Европы. Сочинение Григория Цехановецкого. Киев. 1869 // Университетские известия. № 9. Отд. 2. С. 3—4.

Рецензия: Рекрутская повинность. Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Часть первая. Значение рекрутской повинности в ряду систем формирования и комплектования войск. Сочинение магистра политической экономии и статистики Георгия Сидоренко. Киев. 1869 // Университетские известия. № 9. Отд. 2. С. 1—2.

1870

Операции Киевской конторы Государственного банка. Т. 1. Киев.

Операции Киевской конторы Государственного банка в 1869 году // Киевлянин. 3 и 6 января.

Основания политической экономии. Киев.

Ответ рецензентам «Дела» и «Отечественных записок» по поводу рецензий на «Курс полицейского права, читанный профессором Н.Бунге» // Биржевые ведомости. 23 января. Вечернее издание. (Перепечатка: Киевлянин. 14 и 17 февраля).

1871

Операции Киевской конторы Государственного банка. Т. 2. Киев.

Операции Киевской конторы Государственного банка, Киевского частного коммерческого банка и Киевского городского общества взаимного кредита за 1870 год // Киевлянин. 3 апреля. (Отдельное издание. Киев)

По поводу предполагаемых в Киеве новых кредитных учреждений // Киевлянин. 25 мая.

Вагнер А. Русские бумажные деньги. Исследование народно—экономическое и финансовое с приложением проекта восстановления металлического обращения. (Перевод с немецкого, предисловие, примечания и дополнения Н.Х.Бунге). Киев.

Товарные склады и варранты. Киев.

1872

Деятельность Киевского промышленного банка. Киев.

Заметка о сокиренском сельском ссудосберегательном товариществе Павла Галагана // Киевлянин. 27 апреля.

Об операциях Киевской конторы Государственного банка в 1871 г. // Киевлянин. 20 января.

Об открытии в Киеве новых банков // Киевлянин. 30 марта.

О материальном положении студентов и о средствах для улучшения их быта // Киевлянин. 21 и 24 октября. (Отдельное издание. Киев).

Операции Киевской конторы Государственного банка. Т. 3. Киев.

1873

Мнение орд. профессора Бунге о соч. г.Сокольского «О нарушениях уставов монетных» // Университетские известия. № 11. Отд. 1. С. 1—4.

Полицейское право. Введение и государственное благоустройство. Т. 1. Курс, читанный в университете св. Владимира профессором Н.Бунге. Киев.

О городском займе // Киевлянин. 18 августа.

1874

Банковые законы и банковая политика // Сборник государственных знаний. Т. 1. СПб. С. 67—96.

De la circulation fiduciaire et des banques en Russie // Journal des economistes. Serie 3. Tome 36. Novembre. № 107. P. 157—183.

Отчет Киевского городского общества взаимного кредита за 1873 г. // Киевлянин. 21 февраля.

По вопросу о народных кредитных учреждениях // Киевлянин. 16 февраля.

По поводу предстоящих выборов в Обществе взаимного кредита // Киевлянин. 12 февраля.

Преобразование попечительства о недостаточных студентах // Киевлянин. 7 февраля.

1875

Г.Сливчанскому // Киевлянин. 11 февраля.

Операции Киевской конторы Государственного банка в 1874 году // Киевлянин. 23 января.

По поводу статьи «Мостовое дело в Киеве 1871—1872» // Киевлянин. 1 февраля.

Рецензия: Личное задержание как полицейская мера безопасности. Соч. И.Тарасова. Киев. 1875 г. // Университетские известия. № 10. Ч. 2. Отд. 1. С. 1—8.

1876

Государство и народное образование начальное и профессиональное, т.е. ученое, реальное и художественное в Германии, Англии и Франции. Очерк исследований Лоренца Штейна // Университетские известия. № 9. Ч. 2. Отд. 2. С. 1—100.

Курс статистики, составленный в первой половине 1876 года для студентов императорского университета св. Владимира профессором Н.Х.Бунге. Киев.

Монополия железнодорожного царства и ее ограничение // Вестник Европы. № 3. С. 314—352.

Об ответственности киевских обществ водоснабжения и газоосвещения // Киевлянин. 6 января.

Разбор сочинения г.Пихно «Коммерческие операции Государственного банка» // Университетские известия. № 12. Ч.1. С. 78—82.

1877

Государство и законы о народном образовании (По поводу сочинения Лоренца Штейна: Внутреннее управление. Первоначальное и профессиональное образование в Германии, Англии и других государствах) // Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб. Отд. 2. С. 56—94.

Государство и народное образование начальное и профессиональное, т.е. ученое, реальное и художественное в Германии, Англии и Франции. Очерк исследований Лоренца Штейна. Киев.

Заметка о снабжении Вены водой // Киевлянин. 16 июля.

О восстановлении металлического обращения в России. Киев.

Операции Киевской конторы Государственного банка за 1876 (отчетный) год, по 1-е декабря // Киевлянин. 8 января.

Полицейское право. Государственное благоустройство. Т. 2. Курс, читанный в университете св. Владимира профессором Н.Бунге. Киев.

Разбор сочинения И.И.Кауфмана: «Неразменные бумажные деньги в Англии». СПб., 1877 г. // Университетские известия. № 5. Отд. 1. С. 53—62.

1878

Неразменные банковые билеты во Франции с 1870 по 1878 год // Сборник государственных знаний. Т. 6. СПб. С. 242—256. (Отдельное издание. СПб.).

О восстановлении постоянной денежной единицы в России. Киев.

Операции Киевской конторы Государственного банка за 1877 (отчетный) год, по 1 декабря, и важнейшие операции частных банков, действовавших в Киеве в том же году // Киевлянин. 7 января.

Точность и в рецензии никогда не излишня. Ответ на разбор, помещенный в «Русском вестнике» // Университетские известия. № 3. Ч.2. Критико—библиографический отдел. С. 31—57.

1879

Замечания на ответ Н.Р., опубликованный в № 264 «Московских ведомостей» // Киевлянин. 25 октября.

Об операциях Киевской конторы Государственного банка и частных банков в Киеве в 1878 году // Киевлянин. 6 февраля.

Письма к автору брошюры: «От чего произошло падение курса нашего бумажного рубля и что можно сделать для его возвышения?» —

Н.Р. Киев. 1879 г. Письма I—III // Киевлянин. 2, 4 и 11 августа. (Отдельное издание. Киев).

Письма к Н.Р., автору исследования: «От чего произошло падение курса нашего бумажного рубля и что можно сделать для его возвышения?» Письмо IV // Киевлянин. 13 ноября.

1880

Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению // Сборник государственных знаний. Т. 8. СПб. С. 86—127. (Отдельное издание. СПб.)

Обозрение операций кредитных учреждений в Киеве в 1879 году // Киевлянин. 2 февраля.

Общие собрания Киевского промышленного и Киевского частного коммерческого банков в 1880 году // Киевлянин. 8 марта.

О материальном положении студентов университета св. Владимира в 1880 году // Киевлянин. 10 февраля.

Перемена, происшедшая в материальном положении студентов университета св. Владимира вследствие изменений в личном составе учащихся с 1859 по 1879 год // Киевлянин. 26 февраля.

Письма к Н.Р., автору исследования: «От чего произошло падение курса нашего бумажного рубля и что можно сделать для его возвышения?» Письмо V // Киевлянин. 13 января. (Отдельное издание. Киев.)

Способы к устранению нужды между студентами университета св. Владимира // Киевлянин. 16 марта.

1886

Замечания министра финансов на записку тайного советника Смирнова, озаглавленную «Современное состояние наших финансов, причина упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». СПб.

1890

Государственное счетоводство и финансовая отчетность в Англии, СПб.

1893

Исследования по вопросу о восстановлении налога на соль. СПб.

1895

Очерки политико—экономической литературы. СПб.

Предисловие // Горн Э. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. (Перевод с французского И.П.Шипова). СПб.

Esquisses de Littérature politico-économique. Paris.

1898

Esquisses de Littérature politico-économique. Genève.

1900

Esquisses de Littérature politico-économique. Genève.

1913

Всеподданнейший доклад Н.Х.Бунге [11 апреля 1892 г.] // Русский архив. Кн. 2. № 12. С. 779—780.

1960

Записка Н.Х.Бунге Александру II о финансовом положении России / Публикация А.П.Погребинского // Исторический архив. № 2. С. 132—143.

Записка Н.Х.Бунге Александру III о состоянии бюджета России / Публикация А.П.Погребинского // Исторический архив. № 2. С. 143—144.

1995

«Дело идет об уважении к правительству». Записка министра финансов Н.Х.Бунге императору Александру III. 1886 г. / Публикация В.Л.Степанова // Исторический архив. № 5—6. С. 205—210.

Загробные заметки / Публикация В.Л.Степанова // Река времен. Кн. I. М. С. 198—254.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А.К. 326
Абаза А.А. 82, 111, 116-118, 121-123, 127, 152, 158, 160, 162, 170, 171, 190, 208, 229-232, 234, 284, 298
Аблов Н. 96
Авсеенко В.Г. 16, 39, 306, 312
Аксаков И.С. 382
Александр II 4, 5, 10, 13, 37, 38, 61, 65, 70, 82, 91, 109, 111-114, 116, 117, 262, 263, 272, 280, 283, 284, 296, 297, 305, 382, 389
Александр III 4, 6-9, 11, 14, 17, 38, 112-114, 117-119, 121, 122, 127, 128, 130, 131, 133, 136, 139-143, 146, 152-154, 157, 159-161, 163, 166, 170, 172-174, 177, 183-185, 187-191, 193, 198, 202, 206, 211, 213, 216, 217, 220, 229-237, 242, 244, 246, 253-257, 259, 263, 266, 268, 269, 271, 274-276, 278, 280-284, 291, 295, 296, 299, 301, 303, 307, 325, 333, 334, 337, 344, 347, 348, 350, 360, 368, 376, 389
Александр Александрович, вел. кн. См.: Александр III
Альфтан Г. 275
Ананьич Б.В. 8, 15, 126, 240, 303, 304, 318, 327-329, 348, 350, 357
Ананьич Н.И. 8, 12, 15, 142, 150, 303, 305, 329, 330, 332
Андреев Е.Н. 215
Антонович А.Я. 53, 198, 292
Антонович П.А. 39
Анфимов А.М. 9, 143, 150, 187, 304, 330, 332, 339
Апухтин А.Л. 278
Арапетов И.П. 26, 63, 64
Арсеньев К.И. 52
Арцимович В.А. 321
Афанасьев А.С. 21
Бабст И.К. 27, 44, 82, 83, 380
Байрон Дж. 22
Балабанов М.С. 225, 346
Балицкий Г.В. 224, 345
Баранов Э.Т. 102, 132, 171-173, 206
Бастиа Ф. 46-49
Батуринский Д.А. 187, 339
Безбородко А.А. 266
Безобразов В.П. 17, 26, 27, 30, 44, 83, 105, 126, 166, 307, 309, 321, 335, 345, 347
Белинский В.Г. 22
Бернацкий М.В. 314, 324
Бектеев С.С. 331, 332, 349
Билимович А.Д. 53, 302, 315, 331
Бисмарк О. фон. 155, 218-222, 246, 314, 344
Блан Л. 49, 104
Бланк Г.Б. 381
Блиох И.С. 320
Блюмин И.Г. 320
Бобриков Н.И. 278
Бобринский А.А. 325
Бовыкин В.И. 18, 320
Богданович А.В. 121, 327
Боголепов М.И. 302
Боголепов Н.П. 291
Болдырев Г.И. 318
Боровой С.Я. 320
Боханов А.Н. 331
Брадке Е.Ф. фон 36
Брайт Дж. 46
Брусникин Е.М. 9, 304, 351, 352, 353
Брущкус Б.Д. 187, 339, 351
Буковецкий А.И. 13, 306, 379
Бунге 19, 307
Бунге А.А. 20
Бунге А.Г. 19, 20
Бунге А.Х. 20, 21
Бунге Г.-Ф. 19, 307

Бунге Е.Н. 20, 21, 290
Бунге Е.Х. 20
Бунге М.Х. См.: Флиге М.Х.
Бунге Н.А. 21, 25, 290, 308
Бунге Ф.А. 20
Бунге Ф.-И.Г. 19
Бунге Христиан Г. 20, 21, 25
Бунге Христофор Г. 20
Бутми Г.В. 331, 332
Бутовский А.И. 44, 79
Быков А.Н. 6, 224, 302, 344, 345

Вагнер А. 50, 79, 90, 96, 97, 323, 385
Валуев П.А. 68, 79, 103, 107, 121, 124, 179, 182, 211, 263, 325, 327
Ванновский П.С. 375
Варзар В.Е. 184, 338
Васильчиков А.В. 180
Введенский Р.М. 319
Вдовин В.А. 8, 187, 303, 339
Вербицкий А.П. 302, 331
Вернадский И.В. 15, 21, 23, 27, 44, 51, 79, 83, 105, 321
Веселовский К.С. 15, 289
Веселовский М.Б. 118
Вессель Н.Х. 198
Виленкин Г.А. 342
Витте С.Ю. 15, 17, 94, 112, 125, 135, 149, 156, 224, 241, 243, 245, 246, 254, 256, 261, 264, 269, 288, 290-292, 298, 307, 314, 325, 327, 345, 348-350, 352, 354, 357
Витчевский В. 6, 239, 302, 331, 349
Владимир Александрович, вел. кн. 291
Власенко В.Е. 8, 303, 322, 342
Вовчик А.Ф. 225, 346
Вогау М.М. 37
Воллан Г.А. де 327
Вольтер 118
Вольф М.О. 119
Воронцов В.П. 331, 349
Воропонов Ф.Ф. 17, 123, 307, 327, 338, 339
Вышнеградский И.А. 134, 144, 149, 156-158, 166, 167, 169, 175, 177, 185, 204, 210, 223, 224, 234-241, 243, 245, 292, 336, 343, 348

Гагемейстер Ю.А. 34, 83, 85, 321
Галаган П. 385
Ганелин Р.Ш. 348
Гебнер Е.Н. См.: Бунге Е.Н.
Гейден Ф.Л. 274, 275
Гейтер Е. 19
Георгиевский П.И. 49
Гербель Н.В. 21
Герман К.Ф. 52
Герцен А.И. 35
Гессен В.Ю. 225, 346
Гете И.-В. 22
Гильдебрандт Б. 45, 83, 320
Гиляров-Платонов Н.П. 221
Гиндин И.Ф. 7, 15, 150, 239, 268, 293, 303, 320, 321, 332, 338, 340, 341, 342, 343, 350, 354, 357, 374
Гирс А.К. 112
Гиффин Ф. (Giffin F.) 226, 346
Гладстон У. 132
Глинский Б.Б. 6, 14, 15, 263, 303, 306, 349, 353
Гнейст Р. 29, 30
Гоголь Н.В. 21
Гозулов А.И. 314
Гок К. фон 73, 311, 318, 383
Головачев А.А. 96
Головин К.Ф. 125, 323, 327, 331, 349
Головнин А.В. 112, 122, 183
Гольдман В. 96
Горемыкин И.Л. 290, 291
Горленко В.Ф. 314
Горлов И.Я. 44, 105
Горн Э. 246, 351, 388
Горякина В.С. 343
Готовцев Д.В. 270
Готье Ю.В. 331
Градовский Г.К. 311
Грановский Т.Н. 22, 23, 42, 307
Гребенка Е.П. 21

Грейг С.А. 68, 112-114, 116, 124, 131, 133, 170, 182, 208
Грот К.К. 26, 112, 122, 183, 321
Грот Я.К. 287
Гулишамбаров С.О. 360
Гурко И.В. 278
Гурьев Д.А. 143

Данилевский Н.Я. 198
Данилович Г.Г. 246
Делянов И.Д. 15, 40, 121, 283-285, 288, 290
Ден В. 275
Джаншиев Г.А. 301
Дизраэли Б. 218
Диксон К. 356
Долбилов М.Д. 317, 316, 321, 352
Домонтович К.И. 63, 64, 128
Дондуков-Корсаков А.М. 39
Дружинин Н.К. 314
Дружинин Н.М. 142, 143, 151, 317, 325, 330, 332
Друян А.Д. 322
Дубровский С.М. 187, 339
Дудзинская Е.А. 312
Дурново И.Н. 216, 244, 252-255, 261, 275, 287, 291

Егиазарова Н.А. 324, 325
Егоров В.С. 327
Елена Павловна, вел. кн. 26
Еремеев 384
Ермаков Н.А. 126, 218, 219, 235
Ермолов А.С. 125, 261, 291

Жуковский С.М. 63, 64
Жуковский Ю.Г. 49, 126, 187, 190
Журавский Д.П. 51, 52, 381

Заблоцкий-Десятовский А.П. 15, 26, 34, 51, 64, 82, 321
Загорский С. 301
Зайончковский П.А. 7, 8, 15, 115, 239, 268, 303, 304, 325, 326, 350, 352-355
Зак А.Н. 6, 187, 302, 338, 339
Захарова Л.Г. 9, 18, 304, 310, 312, 315-317, 351
Захарченко М.М. 309
Зибер Н.И. 53, 315

Иванов И.К. 41
Иванюков И.И. 313, 317
Игнатьев Н.П. 15, 123, 128, 132, 180, 182, 212, 248, 251, 257, 263, 264, 267, 269-271, 296, 338, 347
Игнатьев П.Н. 103, 107, 126, 211
Изюмова Е.Н. См.: Бунге Е.Н.
Иконников В.С. 22, 301, 308, 310
Исаков Н.В. 190, 284

К. 383, 384
Кавелин К.Д. 15, 26, 27, 29, 30, 55, 61, 180, 309
Казин П.Я. 36
Калониус Г.Х. 275
Канкрин Е.Ф. 94, 137, 155, 341, 383
Карамзин Н.М. 94
Каратаев Н.К. 53, 315
Картавцов Е.Э. 16, 22, 34, 38, 40, 59, 117, 120, 125, 167, 184, 187, 189, 190, 232, 233, 238, 250, 258, 269, 283, 306, 308, 310-313, 315, 316, 325-327, 335, 348, 349, 351, 353-356
Кассо Л.А. 290
Катков М.Н. 15, 17, 26, 27, 29, 30, 113, 114, 116, 121, 148, 152, 154, 155, 160, 167, 175, 176, 184, 188, 190, 198, 200, 221, 227-229, 231-235, 237, 238, 241-243, 258, 335
Кауфман А.А. 52, 187, 336
Кауфман И.И. 96, 318, 322, 342, 387
Каханов М.С. 112, 122
Качеиовский Д.И. 42
Кашкаров М. 322, 341, 342, 377, 378
Кеппен П.И. 15, 51
Кетле А. 52
Кетриц Б. 356
Кизеветтер А.А. 6, 227, 302, 346
Киняпина Н.С. 323

Киреев А.А. 282
Киселев П.Д. 142, 330
Кислинский Н.А. 301, 323
Китаев В.А. 309, 310, 313
Китанина Т.М. 9, 304, 335
Клейнборт Л.М. 315
Книс К. 45
Княжевич А.М. 34, 85, 86
Кобден Р. 46
Кобеко Ф.Ф. 321
Ковалевский В.И. 17, 120, 123-127, 160, 232, 233, 237, 307, 326-328, 334, 347, 349, 351
Ковалевский Е.П. 33
Ковалевский М.М. 331
Ковалевский П.М. 118, 326, 327
Кованько П.Л. 5, 7, 66, 118, 142, 143, 147, 149, 170, 227, 302, 316, 317, 326, 329-331, 336, 346, 369
Коклен Ш. 320
Кони А.Ф. 15, 119, 222, 252
Константин Константинович, вел. кн. 286, 287, 289, 291
Константин Николаевич, вел. кн. 26, 68, 117, 263
Коперницкий В.С. 22
Корелин А.П. 18
Корнилов А.А. 6, 150, 302, 332, 349
Коропецкий И.С. (Koropecky I.S.) 53, 315
Кочаков Б.М. 327
Кошелев А.И. 321
Краевский А.А. 15, 35
Красик А.В. 187, 339
Кривошеин А.К. 282
Кригер А.Д. 321
Крисчн Д. 317
Крыжановский С.Е. 357
Кудрявцев П.М. 27
Кукольник Н.В. 21
Кулиш П.А. 381
Куломзин А.Н. 14, 15, 17, 112, 116, 125, 260, 261, 283, 286-289, 291-293, 312, 323
Куприянова Л.В. 9, 304, 336
Куропаткин А.Н. 291
Кэри (Кери) Г.Ч. 29, 46, 48, 49, 55, 103, 304, 382, 383

Лаверычев В.Я. 8, 225, 303, 324, 343, 346
Лавров В.М. 17
Лазуткин А.А. 239, 240, 336, 338, 343, 348, 350
Ламанский Е.И. 34, 36, 83, 105, 124, 231, 321, 380
Ламздорф В.Н. 351, 356
Ланин Н.П. 221
Лассаль Ф. 49, 104
Лауэ Т. фон (Laue T. von) 9, 151, 225, 304, 332, 346
Левин И.И. 320
Ленин В.И. 150, 187, 224, 332, 339, 345
Леруа-Болье П. 79
Либрович С.Ф. 14, 113, 306, 325, 326, 347
Ливен А.А. 284
Лист Ф. 46, 81
Литвинов-Фалинский В.П. 6, 224, 302
Ло Дж. 246, 351, 380, 388
Лобко П.Л. 291
Лодыженский К. 319
Локоть Т.В. 302, 331, 332, 349
Лорис-Меликов М.Т. 15, 111-117, 122, 123, 127, 152, 180, 229, 256, 263, 264, 267, 284, 295, 296, 298, 325
Лосицкий А. 332
Лунц М.Г. 234, 345
Любимов Н.А. 175, 231
Любич-Романович В.И. 21
Любощинский М.Н. 63
Лященко П.И. 7, 239, 303, 317, 350

Манасеин Н.А. 275
Мансуров Б.П. 181, 182
Марахов Г.И. 312
Маркс К. 49, 50, 104
Матвеев А.П. 38, 40
Мейвор Дж. (Mavor Jo.) 6, 302
Мейер Д.И. 42

Менделеев Д.И. 21
Меншиков А.Д. 266
Мец Н.Ф. 198
Мещерский В.П. 17, 121, 148, 170, 184, 187, 188, 190, 198, 227, 228, 230, 232-235, 238, 292, 293, 307, 336, 339, 349
Мигулин П.П. 5, 142, 187, 197, 239, 304, 318, 321-324, 330-332, 337-339, 341-343, 349, 353, 370, 371
Микулин А.А. 6, 224, 302, 344
Милль Дж.С. 48, 54, 104, 106, 305, 313, 314, 324, 384
Милютин Д.А. 15, 17, 26, 27, 55, 61, 111, 121, 122, 284, 298, 307, 326, 327, 355
Милютин Н.А. 26, 27, 33, 34, 51, 55, 61-64, 67, 85, 248, 321
Михаил Николаевич, вел.кн. 291
Михайлов 380
Михалевский Ф.И. 342, 362
Михальченко С.И. 308
Модестов В.И. 16, 38, 307, 311, 312
Мокрицкий А.П. 22
Муравьев Н.В. 252, 254, 291
Мушкало Л.К. 308

Н.Р. 387, 388
Набоков Д.Н. 122, 143, 188, 212
Найденов Н.А. 311
Наполеон III 29, 30, 218
Небольсин А.Г. 126, 220
Небольсин Г.П. 26, 82
Нейкирх И.Я. 24
Нечаев С.Г. 125
Николаев П.Н. 124, 134, 166, 230, 238
Николаи А.П. 35, 122, 212
Николай I 22, 29, 47, 262, 263
Николай II 12, 14, 232, 242, 246, 247, 251, 259, 261, 263, 282, 283, 286-289, 291, 293, 294, 303, 356
Николай Александрович, вел. кн. См.: Николай II
Николай Александрович, вел. кн. 12, 37, 38, 73
Нифонтов А.С. 334
Новицкий В.Д. 312
Новосельский Н.А. 198

Оболенский Д.А. 82
Обручев Н.Н. 96
Озеров И.Х. 331
Олейников Д.И. 312
Ольхин С.А. 126
Орженцкий Р.М. 52
Орловский Д.Т. (Orlovsky D.T.) 115, 325
Островский М.Н. 121, 128, 132, 180, 188, 229, 231, 257
Оуэн Р. 49

Павлов П.В. 23, 31, 35, 42, 51, 307
Пален К.И. 271, 291
Панин В.Н. 61, 62
Пашков А.И. 53, 315
Первушин С.А. 334
Перетц Е.А. 17, 116, 118, 122, 271, 307, 325, 328, 337, 354
Песда Дж.Л. (Pesda Jo.L.) 9, 126, 304, 327
Песков П.А. 215
Петр I (Великий) 23, 74, 302, 308, 313, 380
Петров Ю.А. 320
Петрункевич И.И. 6, 150, 302, 332
Пикфорд 310, 382
Пиль Р. 132
Пимоненко Н.К. 290
Пирогов Н.И. 31-33, 35, 41, 383
Пирумова Н.М. 354
Питт У. 132
Пихно Д.И. 25, 44, 53, 125, 238, 315, 387
Плаггенборг Ш. (Plaggenborg St.) 9, 10, 151, 304, 332
Плансон А.А. 21, 308
Плеве В.К. 215, 216, 224, 271, 276, 291

Победоносцев К.П. 15-17, 112, 113, 117, 121, 123, 132, 146, 160, 161, 170, 182, 229-231, 236, 237, 242, 243, 246, 263, 269, 284, 285, 287, 291, 294, 306, 307, 325, 326, 334, 336, 338, 347-349
Погожев А.В. 344
Погребинский А.П. 7, 13, 150, 293, 303, 306, 318, 332, 337, 357, 386
Позен М.П. 321
Покровский В.И. 334, 335, 336 366, 367
Покровский Н.Н. 17, 244, 287, 288
Покровский С.А. 335
Половцов А.А. 17, 112, 113, 120, 123, 124, 146, 229-231, 237, 239, 246, 307, 326, 327, 337, 346-349, 351, 352, 355
Полунов А.Ю. 354, 355
Попов М.Р. 312
Порошин В.С. 42, 52
Посьет К.Н. 284
Потолов С.И. 225, 346
Приленский В.И. 312
Прокопе В.Б. 275
Проскурякова Н.А. 8, 187, 304, 339, 340
Протопопов Д.Д. 356
Прудон Ж. 49
Путткамер Й. фон (Puttkamer Jo. von) 10, 226, 227, 304, 346

Радолин Г. 289
Раевский Г.М. 124, 134, 135
Разумовский А.Г. 266
Райский Ю.Л. 321, 340
Рау К. 79
Раух Г. фон. (Rauch G. von) 226, 346
Ребиндер Н.Р. 31
Редкин П.Г. 22, 26
Рейтерн М.Х. 34, 68, 70, 82, 85, 93, 95-98, 112, 119, 122, 127, 132, 183, 199, 236, 237, 271, 312, 321
Рейтерн-Нолькен В.Г. 312, 323
Реформатский С.Н. 308, 309
Рикардо Д. 46, 53, 55
Рихтер А.А. 124, 125, 232, 233, 237
Рожков Н.А. 331, 349
Розенталь В.Н. 309
Романович-Славатинский А.В. 16, 22, 31, 35, 40, 41, 307, 308, 310-312
Ромер Ф.Э. 16, 24, 307, 309
Ростовцев Я.И. 17, 33, 34, 61
Ротшильды 95
Рошер В. 45, 50, 79, 314

Саблин М.А. 211
Сабуров А.А. 284
Самарин Д.Ф. 16, 251, 280
Самарин Ю.Ф. 33, 51, 59, 62
Самофалов В. 331
Свирщевский А.Р. 301
Святловский В.В. 331, 351
Святополк-Мирский П.Д. 293
Селин А.И. 24
Сельчук В.В. 324
Семенов Н.П. 13, 16, 17, 306, 307, 310, 311, 316, 317, 382
Семенов-Тян-Шанский П.П. 17, 33, 34, 54, 307, 310, 311
Сениор Н.У. 46
Сен-Симон К. 49, 83
Серафим Х.-Ю. (Seraphim H.Ju.) 53, 315
Сергей Александрович, вел. кн. 291
Серно-Соловьевич А.А. 124
Сидельников С.М. 187, 339
Сидоренко Г.Д. 53, 385
Сидоров А.Л. 338
Симонов М.Т. 22
Симонова М.С. 7, 303, 329, 353
Сипягин Д.С. 291, 293
Сисмонди Ж. 54, 106
Скальковский К.А. 5, 120, 241, 301, 311, 326, 327, 348, 350
Скобелев М.Д. 174
Сладкевич Н.Г. 310
Сливчанский 386
Слонимский Л.З. 49

Смирнов Н.П. 229, 230, 265, 313, 347, 388
Смит А. 45-48, 53, 65, 73, 297
Сноу Дж.Э. (Snow G.E.) 10, 15, 268, 293, 304, 306, 354, 357
Соболев М.Н. 6, 302, 319, 322, 335, 336
Соболевский В.М. 17
Сокольский 386
Соловьев Ю.Б. 339
Соловьев Я.А. 63, 64
Соловьева А.М. 9, 303, 323, 334, 336, 342, 343
Сольский Д.М. 15, 123, 132, 170, 172, 173, 229, 231, 245, 246, 271, 291
Сперанский М.М. 20, 94, 266
Старицкий Е.П. 122
Стасюлевич М.М. 17
Степанов В.Л. 306, 333, 341, 344, 348, 389
Стивенс Е. 20
Столыпин П.А. 186, 292, 293, 297-299
Стоюновский Н.И. 119, 122, 183
Страховский И.М. 142, 330, 331
Строганов С.Г. 37
Струве П.Б. (Struve P.) 52, 314
Субботин А.П. 227, 346
Судейкин В.Т. (псевд. Старый профессор) 196, 301, 331, 341, 349
Суни Л.В. 354

Табурно И.П. 322, 336, 340, 361, 364
Тарасов И. 386
Татаринов А.Н. 62
Татаринов В.А. 70, 171, 175
Татаров И. 225, 346
Твардовская В.А. 309, 310, 336, 345
Тебиев Б.К. 355, 356
Тейстре У.В. 354
Тенгоборский Л.В. 79
Теплицкий В.П. (Теплицький В.П.) 53, 315
Тернер Ф.Г. 17, 124, 234, 307, 327, 348, 349
Тимашев А.Е. 68, 237
Токвиль А. 29, 30
Толстой Д.А. 40, 41, 121, 123, 145, 146, 161, 182, 188, 224, 229, 230, 232, 233, 235, 237, 243, 248-250, 258, 266, 283
Траутфеттер Р.Э. 32, 51
Трубецкой С.П. 31
Туган-Барановский М.И. 6, 52, 53, 224, 242, 302, 314, 345, 350
Тулов М.А. 22, 37
Тулуб М. 309
Тютчева Е.Ф. 113
Тютюкин С.В. 18

Ф.В. 307
Федоров В.А. 18
Феоктистов Е.М. 17, 228, 230, 232, 234
Ферран М.А. 20
Флиге М.Х. 20
Флиге Н.К. 20, 290, 291
Фридман М.И. 319, 333
Фриш Э.В. 122, 275, 291
Фурье Ш. 49

Хеллер К. (Heller K.) 226, 323, 346
Хижняков В.М. 309
Ходский Л.В. 142, 330, 331, 332
Хок С. 317
Хромов П.А. 363, 365, 366
Хрулев С.С. 302, 331
Хуннингер А. 19

Цаголов Н.А. 316
Цвейг Э. (Zweig E.) 6, 302
Цеймерн М.К. 321
Цехановецкий Г.М. 53, 385
Цимсен А.В. 112, 124

Чеважевский В.С. 16, 24, 307, 309, 312
Черкасский В.А. 15, 33, 59, 62, 321

Чернуха В.Г. 310, 317-319, 325, 326
Чернышевский Н.Г. 124
Чертков М.И. 41
Чесноков В.И. 309
Чичерин Б.Н. 15, 27, 29, 49, 120, 326
Чупров А.А. 52
Чупров А.И. 52, 53, 101

Шайберт П. (Scheibert P.) 34, 311
Шарапов С.Ф. 221, 342, 373
Шацилло К.Ф. 354
Шванебах П.Х. 331, 332
Швейниц Г.Л. фон (Schweinitz H.L. von) 112, 325
Шекун Н.А. 326, 351, 357
Шелымагин И.И. 8, 225, 303, 343, 345, 346
Шенберг Г. 50
Шепелев Л.Е. 8, 9, 14, 15, 109, 126, 225, 239, 241, 303, 306, 320-322, 324, 327, 329, 345, 350
Шестаков И.А. 17, 236
Шеффле А. 50, 79
Шидловский В.Д. 16, 307, 309, 326
Шиллер Ф. 22
Шильдер Н.К. 15
Шипов А.П. 96
Шипов И.П. 246, 351, 388
Шмоллер Г. 50, 51, 314
Штакельберг А.Ф. 103, 105, 107
Штейн Л. 45, 79, 386, 387
Шувалов П.А. 68, 181, 182
Шульгин В.Я. 23, 31, 33, 35, 37, 42, 51
Шульце-Геверниц Г. фон 6, 302
Шульце-Делич Г. 104

Эймонтова Р.Г. 9, 42, 304, 308, 310, 311
Эйстер И. 19
Энгельс Ф. 104

Южаков С.Н. 150, 332
Юнг А. 54

Яковлев А.Ф. 325, 334, 362
Янжул И.И. 15, 119, 215, 221, 288, 326, 345, 346, 347
Янсон Ю.Э. 52, 180
Яроцкий В.Г. 220, 344
Ярошевская Е.М. 327
Ясинопольский Н.П. 331

Müssiggang A. 314

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава I.
ПРОФЕССОР-ПРОСВЕТИТЕЛЬ 19
1. Начало пути 19
2. В годы «оттепели» 26
3. «Забытый в Киеве» 38

Глава II.
ПРОГРАММА РЕФОРМ 44
1. Экономист-теоретик 44
2. Крестьянский вопрос 54
3. Бюджет и налоги 69
4. Кредит 82
5. Денежное обращение 94
6. Железнодорожное строительство 98
7. Рабочий вопрос 102

Глава III.
МИНИСТР-ЛИБЕРАЛ 110
1. Среди высшей бюрократии 110
2. Прямые подати 127
3. Косвенные налоги и гербовые сборы 152
4. Бюджет и государственный долг 170
5. Государство и банки 177
6. Русский рубль: к золотому монометаллизму 197
7. Преобразование железнодорожного хозяйства 204
8. Фабричное законодательство 210
9. Отставка 227

Глава IV.
ЗАВЕЩАНИЕ 244
1. Во главе Комитета министров 244
2. Проект административных реформ 262
3. О национальном вопросе 267
4. В начале царствования Николая II 282

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 295

ПРИМЕЧАНИЯ 301

ПРИЛОЖЕНИЯ 359
Таблицы 360
Библиография трудов Н.Х.Бунге 380
Указатель имен 390

Валерий Леонидович Степанов, родился в 1957 году, окончил исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, кандидат исторических наук, сотрудник Института российской истории Российской Академии наук, специалист в области финансово-экономической политики России второй половины XIX — начала XX в. Работает в жанре исторического портрета, автор биографических очерков о видных государственных деятелях пореформенного периода — И.А.Вышнеградском, М.Х.Рейтерне, Д.А.Толстом.